Валентин МАКСИМЕНКО

Арнольд Азрикан и его семья

К столетию со дня рождения выдающегося певца

А. Азрикан – Хозе ("Кармен")

Голос этого тенора знаком очень многим, хотя далеко не все знают, кому он принадлежит: в до сих пор популярном кинофильме "Воздушный извозчик", снятом в далеком 1943-м году, Арнольд Григорьевич озвучил вокальную партию героя, в роли которого снялся артист Григорий Шпигель. Это ариозо Канио, фрагмент арии Вакулы и романс "Ноченька".

Правда, в 1937 году А.Г. Азрикан записал на пластинку два украинских романса "Ой, у полі нивка" и "Ой, за гаєм" (ее № 5230). Хранившийся в семье певца диск, к сожалению, был похищен; преданная памяти отца дочь Дина десятилетиями упорно ищет запись, ставшую раритетной. (Может быть, кто-то из наших читателей случайно сумеет помочь ей...)

Мы познакомились с Диной по переписке. После выхода моей книги о двухвековой истории Одесского театра оперы и балета я неожиданно получил письмо из Чикаго с очень теплым отзывом об этой работе и благодарностью за память об ее отце, представленном в книге. Завязалась переписка. Дина напомнила о приближающемся юбилее отца, чье искусство мне как театралу и меломану было хорошо знакомо. Рассказывала о семье, о судьбах родных, о том, что они с братом работают над книгой об отце и надеются издать ее в юбилейном году.

Она предложила написать воспоминания об Арнольде Григорьевиче. Я это сделал. Дина трогательно поблагодарила и включила их в готовящуюся к публикации работу. В ее искренних письмах многое показалось мне интересным, достойным внимания читателей. Конечно, юбилей лишь повод вспомнить о действительно выдающемся певце и артисте, о судьбах членов его семьи: в них отразилась наша общая история, история народа.

Арнольд родился в Одессе в 1906 году в бедной семье. Он был седь-

мым и последним ребенком. Двое умерли в раннем детстве. Старший брат погибнет в Одессе во время гражданской войны. Старшую сестру Софью в 1913 году отправят в Америку, в надежде, что вскоре к ней сумеют присоединиться другие. Этого не случится. (Забегая вперед, скажу, что во время второй мировой войны будут расстреляны фашистами две другие сестры вместе со своими большими семьями...)

Отец Арнольда тяжело болел и вскоре умер. Реализовать идею родителей отца смогут Дина и ее брат Дмитрий, но уже в начале девяностых. Они и сегодня с чувством глубокого удовлетворения вспоминают, например, двери, изготовленные дедом, которые еще в пятидесятые годы можно было видеть в Одессе...

Детство Арнольда было трудным, голодным. Он очень рано начал работать, в частности, в порту по ночам. Среди его друзей, между прочим, был его ровесник, будущий поэт Семен Кирсанов.

Голос у Арнольда заметили очень рано. Он начал петь в хоре мальчиков. Обычно после мутации такие дети теряют голоса (А. Рекемчук описал этот феномен в повести, посвященной юным хористам знаменитого коллектива А.В. Свешникова). Азрикану повезло — он из редких счастливцев, сохранивших вокальные данные. Семья жила в Театральном переулке. Это способствовало тому, что Арнольд рано примкнул к театральной молодежи.

В 17 лет его зачислили в хор Одесского театра оперы и балета. В жизни молодого человека случился, как говорит Дина, "первый и скоротечный ранний брак — его жена была против увлечения мужа пением, после года совместной жизни они разошлись". (От этого брака остался сын Аркадий, который умер в 1997 году.)

В 1926 году Арнольд поступает в Одесскую консерваторию, в класс Меннер-Каневской. Обучение он завершит у заведующей кафедрой сольного пения, основательницы одесской вокальной школы Ю.А. Рейдер. В дальнейшем, уже в годы работы в Харькове, Азрикан совершенствовался у итальянского педагога Карло Баррера (недавно мне подарили фотографию этого певца в роли Радамеса в 1903 году, когда он пел в Одессе; на ней автограф с посвящением певице Н. Милановой, жене маэстро И.В. Прибика).

Между прочим, солистка Одесской оперы М.Н. Лозинская рассказывала мне, что этот итальянский педагог консультировал и одесских певцов, в частности, знаменитого Кипоренко-Доманского, коллегу и соперника Азрикана. Между этими большими вокалистами были добрые отношения, ибо оба отличались благородством.

Но вернемся к началу карьеры Азрикана. Впервые на него обратили внимание как на солиста в скромной партии Натанаэля, друга главного героя в единственной опере Жака Оффенбаха "Сказки Гофмана". За нею сразу последовала одна из ответственнейших партий тенорового репертуара — партия Калафа в последней, неоконченной опере Джакомо Пуччини "Турандот", которая в то время была... современной — одесскую премьеру от смерти композитора отделяли всего несколько лет.

Позднее в репертуар Азрикана войдут практически все основные (кроме вагнеровских) теноровые партии мировой оперы, как лирические, так и драматические. Дело в том, что у певца был голос обширного диапазона со свободным верхом, насыщенным нижним регистром, красивым тембром. Такие голоса называют баритональными тенорами. К ним относятся голоса Никандра Ханаева, Юрия Кипоренко-Доманского, Сергея Данченко, Марио дель Монако, Владимира Атлантова, Грайра Ханеданьяна, Анатолия Капустина, например (хотя, конечно, ставить этих вокалистов в один ряд можно лишь условно).

Из русской оперной классики Азрикан поет Собинина, Германа, Садко, Самозванца, Владимира Игоревича, Владимира Дубровского, Андрея ("Мазепа"), а рядом два Андрея в украинской классике — "Тарасе Бульбе" и "Запорожце за Дунаем", Петр в "Наталке-Полтавке".

Он не отказывается от участия в современных операх отечественных авторов (на это не все вокалисты шли охотно) — "Перекоп" (Павел), "Орлиный бунт" (Хлопуша), "Тихий Дон" (Григорий), "Поднятая целина" (Давыдов), "В бурю" (Ленька).

Зарубежная классика в его репертуаре представлена партиями Ионтека, Рауля, Фауста, де Грие, Радамеса, Манрико, Арриго, Пинкертона, Каварадосси, Канио, Туридду, наконец, Отелло, но о последнем персонаже подробнее чуть позже.

После нескольких лет работы на одесской сцене Азрикан принимает приглашение в харьковский, тогда столичный оперный театр, а затем, в 1934 году, — в киевский, который в том году становится столичным. В Киеве певец проработает до начала Великой Отечественной. Работал Азрикан интенсивно, на высоком творческом уровне, что было отмечено присвоением ему тогда редкого звания заслуженного артиста республики. Но звания дают, в конце концов, чиновники. Об артисте много более говорят его коллеги и творческие привязанности.

Только большой художник может быть отмечен признанием таких замечательных дирижеров, как Арий Пазовский, Самуил Столерман, Арнольд

Маргулян. В числе любимых партнеров Азрикана выдающиеся мастера — Мария Литвиненко-Вольгемут, Оксана Петрусенко, Зоя Гайдай, Фатьма Мухтарова, Александра Ропская, Михаил Гришко, Михаил Донец, артисты Большого театра Вера Давыдова, Мария Максакова, Наталья Шпиллер, Павел Лисициан. Павел Герасимович очень любил петь с Арнольдом Григорьевичем, всегда просил, чтобы того назначали в его гастрольные спектакли. Дина говорит, что особенно ярким был их "дуэт" в "Аиде".

Я уже упоминал, что Азрикану приходилось делить репертуар с Кипоренко-Доманским. Жена Юрия Степановича Полина Александровна Доманская не любила слушать других теноров, кроме мужа, но для Азрикана делала исключение: не однажды приходила за кулисы благодарить, поздравлять... В Киеве Азрикан впервые спел Отелло, в дальнейшем пел эту партию в очередь с Юрием Степановичем (замечу, что Кипоренко из уважения к супруге, ради него покинувшей сцену, присоединил к своей фамилию жены; кстати, сам он писал *Доманский* — я видел его автографы, но в литературе почему-то закрепилось написание *Даманский*).

Конечно, наиболее значительные творческие силы сосредоточивались тогда в Большом театре, о котором мечтали почти все мастера оперной сцены. Арнольд Григорьевич приезжает в Москву, успешно дебютирует в "Тоске", но приглашения в труппу не получает: "У нас уже есть один премьер — еврей, но он хотя бы член партии. Большой театр не может себе позволить двух премьеров — евреев. Возвращайтесь в Киев, поступайте в партию, а потом приезжайте в Москву, будете работать в Музыкальном театре Станиславского и Немировича-Данченко".

До начала войны остается около недели. Приехав в Киев, Азрикан, естественно, в Москву вернуться не мог. Он эвакуируется в Сибирь вместе с Киевской оперой. В годы войны Арнольд Григорьевич не только поет в операх, но участвует во фронтовых бригадах: он принял участие более чем в двухстах (!) концертах в госпиталях перед ранеными воинами.

После окончания войны Азрикан работает в Свердловске, Баку, Кишиневе, Одессе, много гастролирует. Дочь даже называет его "гастрольным певцом с длительными периодами работы в театрах".

В начале 1946 года певец принимает участие в постановке "Отелло" в Свердловской опере. Спектаклю суждено стать событием в музыкальной жизни страны. Известный музыковед Игорь Бэлза писал в "Известиях": "Дирижер народный артист РСФСР и УССР А. Маргулян раскрыл богатство и шекспировскую мощь партитуры Верди... Заслуженный артист республики Азрикан в роли Отелло создал впечатляющий образ. Голос

певца — драматический тенор — как нельзя более подходит к этой партии... Мастерство Азрикана проявилось и в исполнении вокальной партии, и в сценическом раскрытии образа Отелло, благородного, цельного в своих чувствах. Постановка "Отелло" — настоящая творческая победа".

Совершенно закономерным стало присвоение этой постановке Сталинской премии, которую позднее станут стыдливо именовать Государственной. Один из лауреатов — Азрикан.

Арнольд Григорьевич был не только исполнителем, в нем жило режиссерское начало. Вспомним здесь, например, Н.П. Савченко, С.Я. Лемешева, Д.А. Донатова, Е.В. Образцову. Эти замечательные артисты ставили оперные спектакли. Азрикан поставил "Отелло" в Саратове (1951), Баку (1952), Куйбышеве (1959), Кишиневе (1964), "Иоланту" в Баку (1953), "Манон Леско" в Баку же (1956).

С середины и до конца пятидесятых годов Арнольд Азрикан поет в одесском оперном. Был успех у слушателей, у коллег и гастролеров, в частности, в спектаклях с участием блистательной румынки Елены Черней, тогда солистки знаменитого театра Метрополитен-опера (Нью-Йорк). Но далеко не все в судьбе певца складывалось так, как должно было бы для художника такого масштаба, как Азрикан.

Далее хочу предоставить слово непосредственному свидетелю — Дине Азрикан. Это будет своеобразный монолог, который сложился из фрагментов ее разных писем.

"Злая судьба. Отец попадает в мясорубку зависти, ненависти, травли... Ему не дают квартиру, объясняя это тем, что он строит дачу... Ему предлагают вступить в партию, чтобы покрыть пятую графу. Он отказывается от этого предложения, бросая в лицо партийному боссу, что он, Азрикан, не пьет, в карты не играет, и ему нет нужды прикрываться партбилетом (прикрываться нужно было самому боссу. — **В. М.**). Этого отцу не простили. Дрязги, склоки, бойкоты... Все это завершилось тем, что — по иронии судьбы — после большого успеха в спектаклях с Черней отца выводят на пенсию и отправляют в Измаил... руководить Домом культуры. И это при полной силе голоса и в здравии... Это повергло в клиническую депрессию маму (артистка балета Роза Копп, они с Азриканом познакомились в одесском оперном, она оставила сцену после рождения сына Дмитрия. — **В. М.**), из которой она уже не вышла до конца жизни, а меня, подростка, выбросило из жизни — я не хотела ходить в школу, я не понимала, почему папа не распевается по утрам, не поет вечером в спектаклях на сцене, а по ночам стоит у окна... Такое не забывается...

Папа был уязвим: нас разыскала его сестра, которая жила в Америке, он переписывался с нею... Всегда говорил то, что думал, говорил правду, а этого не прощают... Отец был далек от политики, был предельно честен и независим. Будучи беспартийным евреем, он никогда, простите, не лизал ничьи зады. Всегда высоко ценил чувство собственного достоинства... Как и отец, я русская по культуре, языку, но я — безусловно, еврейка, когда спрашивают: кто ты? (У одного мудрого поляка есть высказывание о родстве по крови в жилах и родстве по крови из жил. — **В. М.**)

Мы родились и прожили там, где было суждено, жили честно, отдавали все, что могли... Мой отец никогда никого не предавал, многим помогал чем мог...

В 1990 году в Москве перед самой моей эмиграцией меня нашла сотрудница киевского музея. Я в порыве отчаяния (мне не разрешили, например, вывезти пианино отца, за вывоз его афиш я должна была платить Минкульту, который отцу и места на кладбище не дал, — мы были вынуждены кремировать отца вопреки его воле), подарила для музея бесценные фото партнеров отца — Литвиненко, Петрусенко, Ропской, Гайдай, Шпиллер, Пазовского, Смолича, Рахлина, Мухтаровой с их автографами, полными признания его таланта "Выдающемуся тенору", "Любимому партнеру", "Моему лучшему Хозе"...

Прах отца я привезла в Чикаго, похоронила на еврейском кладбище, к сожалению, еще раз не выполнив завет отца — он хотел, чтобы при погребении звучала Молитва из "Пиковой дамы"... Я задумала книгу об отце, чтобы хоть отчасти искупить вину перед Ним... Свою и других... Он пел для людей около полувека. У него была своя публика, которая его обожала. Он знал успех, овации, признание. Хотя мог бы петь больше, петь на больших сценах, шире гастролировать, сделать значительно больше записей, удостоиться широкого признания в прессе...

...А как его любили ученики! Как охотно они откликнулись, когда мы начали работать над книгой об отце, сколько добрых слов в их воспоминаниях... Он копейки не брал за свои уроки, ставил людям голоса, приводил домой бедных хористов, оркестрантов, подкармливал, обогревал теплом участия... С какой любовью писали ученики об отце, человеке и певце, восторгались его душой и голосом... Я плакала, читая их воспоминания.

...Совсем недавно случайно обнаружила на интернетовском сайте Муслима Магомаева добрые слова о голосе отца... Я плакала, читая слова признания...

...Вы так точно охарактеризовали его Отелло, написав о кризисе дове-

рия. Это ведь и к самому отцу относится — КРИЗИС ДОВЕРИЯ... Мы даже могли бы так назвать нашу книгу об отце... Мы с братом (Дмитрий — промышленный дизайнер, кандидат искусствоведения, профессор. — **В. М.**) издаем книгу за свой счет... Дети Азрикана, мы не имеем своего бизнеса, выживаем своим трудом (Дина — филолог-славист, училась и работала библиотекарем в Москве. — **В. М.**)... Счет наш скромный, денег нет даже на корректора, делаем многое сами, помогает и профессионализм моего мужа... Живем надеждой увидеть книгу изданной в нынешнем году... Не скрою, что боюсь не успеть. Ведь каждый день езжу на машине, например... В завещании дочери прошу ее в любом случае завершить работу над книгой... Мы разошлем ее по театрам, консерваториям. Пусть молодые узнают об отце... Готовим и английский перевод...

...Изучаю архив отца, знаю его врагов, но не хочу называть их поименно. Дело не в сведении счетов, а в увековечении памяти большого артиста и человека... Он родился "не там и не тогда", но это была его жизнь, которую он прожил достойно... Он искрился талантом, щедро дарил его другим, как истинный небожитель... Вечная Ему память".

Трудно не согласиться с дочерью, преданной памяти отца. И хочется от души пожелать ей и ее брату успеха в их благородном деле.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

АЛЬМАНАХ

ОДЕССКИЙ

25

ОДЕССА, 2006

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)''452.2''

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 25 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь. — Одесса: "ВМВ", 2006. — 320 с.

ISBN 966-8099-99-0

Д $\frac{\textbf{4702640204}}{\textbf{2004}} + \frac{\textbf{0503020902}}{\textbf{2004}}$

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь

Редакционный совет:
Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко.
Фото:
Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar

Editorial council:
Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Igor Pomerantsev (Prague), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkolenko.
Photos by:
Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 966-8099-99-0
© Авторство художественных текстов, 2006

От редакции

Чем дольше живешь в Одессе, тем чаще удивляешься совпадениям, которые могут показаться случайными, но – лишь на первый взгляд. Вот тому пример.

В разгар широкомасштабных работ по благоустройству дорог один из городских автобусов изменил привычный маршрут следования. Новый практически совпал с абрисом порто-франко – свободной экономической зоны, принесшей в 19 веке Южной Пальмире богатство, благоустройство и благоденствие. Напомним, что граница проходила в основном по Старопортофранковской (Комсомольской) и Лидерсовскому бульвару (ул. Белинского). В разных концах этой дуги, опоясывающей центр нынешней Одессы, расположены два дома с мемориальными досками. Между ними и бегала маршрутка в начале нынешнего лета...

В одном из зданий (на Старопортофранковской), где находится педагогический университет, когда-то учился Шмидт О.Ю. (1891-1956), академик, организатор судоходства по Северному морскому пути, руководитель легендарных экспедиций, одна из которых (на пароходе "Челюскин") чуть не закончилась трагически. Вся страна следила за дрейфом льдины, на которой нашли приют полярники, за героическими полетами экипажей, спасших их...

Жилой дом на Лидерсовском бульваре ничем внешне не примечателен, но именно здесь родился Шмидт П.П. (1867-1906), лейтенант флота Российской империи, поднявший во время революции 1905 года восстание черноморских военных моряков. Он поднял флаг на крейсере "Очаков", но вскоре был схвачен и арестован.

Судьбы у земляков и однофамильцев сложились по-разному.

Отто Юльевич был удостоен высоких званий и наград, а Петр Петрович лишен чина и казнен. При всем различии эти люди схожи: решительны, храбры, упорны в достижении цели. Оба были влюблены в море и связали с ним свои судьбы. Оба вошли в историю.

Но этим сходство вовсе не заканчивается и становится чисто одесским.

Оба героя встречаются на страницах романа "Золотой теленок" – детища наших блистательных земляков Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Вспомним, что Остап Бендер, Михаил Самуэльевич Паниковский и Шура Балаганов добывали хлеб неправедный, выдавая себя за сыновей лейтенанта Шмидта. И что в коммуналке – Вороньей слободке проживал летчик Севрюгов (сосед Васисуалия Лоханкина), участвовавший в спасении полярников, терпящих бедствие на льдине...

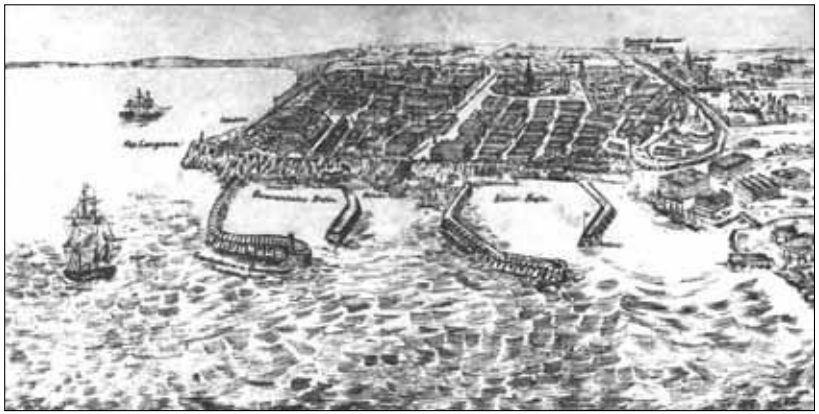
Еще в 30-е годы минувшего 20 века великий комбинатор сетовал: мы начинаем забывать своих героев... Редколлегия альманаха спустя 70 лет тоже встревожена этим обстоятельством... Надеемся, что материалы нынешнего, 25-го, юбилейного номера помогут нашим читателям вспомнить многих из тех, кто так или иначе внес свой вклад в собирательный образ Одессита, и никак не заслуживает забвения.

Александр ТРЕТЬЯК

Как Америка открывала Одессу

События, о которых пойдет речь, своеобразным образом иллюстрируют то международное признание, которое получила Одесса уже на заре своей истории. Дело в том, что данный общепризнанный факт традиционно обосновывается преимущественно возрастанием торгового обмена через одесский порт с рядом крупных европейских стран: Англией, Францией, Австрией, Грецией, итальянскими государствами и др. Все это так. Между тем ярким доказательством неуклонного возрастания конкуренции за выход на восточноевропейский рынок через порты Черного моря еще в первой половине XIX века могут служить и связи с ней столь удаленной от берегов Северного Причерноморья страны, какой являются Соединенные Штаты Америки.

В начале XIX в. молодое государство в Северной Америке было еще весьма далеко от того торгового, а тем более экономического могущества, которое оно продемонстрировало миру во второй половине следующего столетия. Но вот чего нельзя было отнять у юной страны, так это дерзновенности мысли и идей, масштабных проектов и непомерных амбиций, создавших, с одной стороны, образ бесцеремонного янки, а с другой, более реальной, — перспективно смотрящий народ, чья поразительная предприимчивость достойна уважения. Но эффективно конкурировать с такими мощными государствами Европы, как, например, Англия или Франция, на раннем этапе своей истории североамериканские штаты не могли.

План Одессы

Поэтому необходимость преодолеть сложившийся баланс в международном разделении труда стала одной из наиболее насущных задач для США.

Нет ничего удивительного в том, что уже с конца XVIII в. взоры американцев были обращены на самого крупного экспортера товаров в тогдашней Европе — Российскую империю. А в начале следующего столетия их внимание привлекла восточноевропейская торговля на Черном море и, прежде всего, Одесса. Так, например, Левет Гаррис, являвшийся консулом в С.-Петербурге с 1803 года, писал в одном из своих донесений в июне 1804 г. государственному секретарю США Дж. Мэдисону удивительно прозорливые и точные слова, вряд ли нуждающиеся в развернутом комментарии:

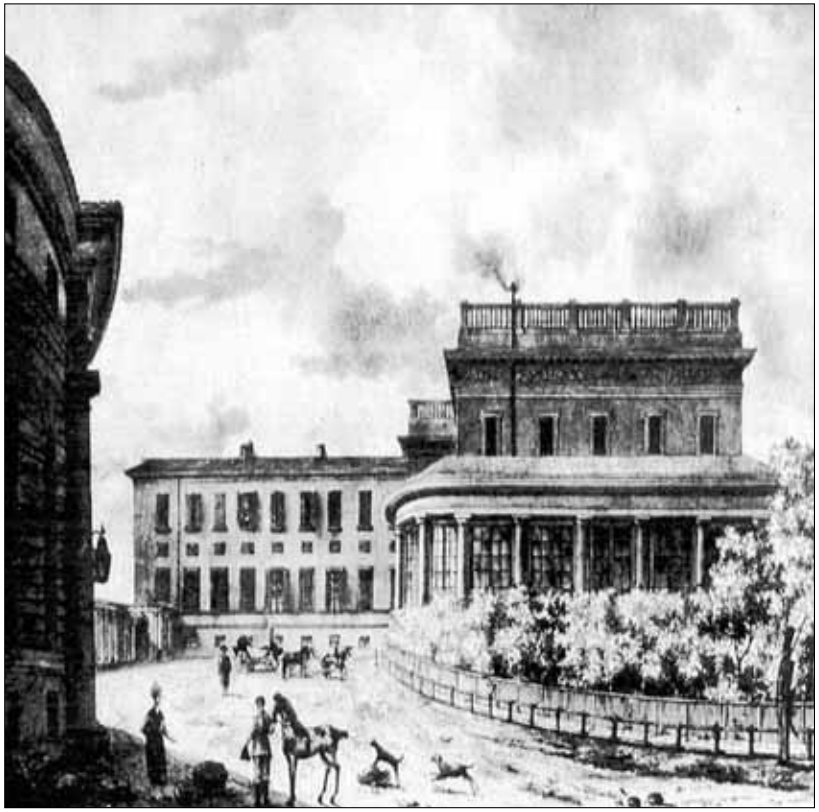
"После моего прибытия сюда порт Одесса на Черном море был объявлен открытым, и выгоды, которые, как я думаю, это сулит всем странам, ведущим торговлю через этот порт, никак нельзя считать незначительными, а здешнее правительство весьма настроено в пользу этого эксперимента. Поскольку Соединенные Штаты Америки, как никто другой, заинтересованы в выгодных и смелых проектах, я приложил много усилий, чтобы изучить возможность успеха для нас в этом деле, а также то, какую выгоду это нам сулит, и нахожу, что южные провинции России смогут вывозить через этот порт излишки своих продуктов; что открывается оживленная торговля с Крымом и австрийскими провинциями через Килию Новую, с Константинополем и Левантом; что железо Сибири, зерно, пенька, лен, бычьи шкуры и сало с Украины будут в большом количестве доставляться в Одессу и, следовательно, Франция, Испания и т. д. и т. п., смогут снабжать себя шкиперским имуществом и этими товарами намного легче и дешевле, чем через Балтийское море. Таким образом, став перевозчиками этих товаров, мы выиграли бы от этих пока еще далеких предприятий, а это, без сомнения, заслуживает нашего внимания.

...Замечу, что как только Россия либерализовала торговлю на Черном море, англичане не без воодушевления направили свою деятельность в эти края; спустя два месяца после своего прибытия сюда консул, присланный их правительством для несения службы в Одессе, был признан при здешнем дворе и без промедления приступил к своим обязанностям.

Губернатора Одессы герцога Ришелье, который провел эту зиму здесь, я неоднократно имел удовольствие встречать в обществе министра торговли и близко познакомился с ним; я часто беседовал с ним о торговле на Черном море, уже процветающей в настоящее время, о чем он отзывается с большим воодушевлением. Этот господин во всеуслышание заявляет

о своей большой симпатии к Соединенным Штатам и всем своим влиянием способствует развитию отношений между ними и вверенным ему краем; он уверял министра в том, что для России поощрение торговли со столь предприимчивой нацией выгодно в равной степени".[1]

С позиции современности в приведенных строках нет ничего необычного. Однако напомним, что они писались в 1804 г., т. е. тогда, когда становление Одессы в качестве крупнейшего черноморского порта едва намечалось. Естественно, западноевропейские страны вовсе не собирались уступать заокеанским конкурентам такую выгодную деятельность, как интенсивная морская торговля товарами, произведенными на Украине, ряд которых имел стратегическое значение для своего времени, например,

Дворец графа М.С. Воронцова. Вид со двора

лен, пенька, кожи и др.[2] Тем не менее, примечателен сам факт попытки удаленного государства участвовать в разделении выгод, которые сулил взаимообмен через одесский порт. Впрочем, в посреднических услугах уже в то время, а еще менее в более поздний период, черноморские порты не нуждались, предпочитая прямые торговые контакты, обеспечивавшие реальные условия для фритредерства.[3]

К большому сожалению для американцев, их попытки реализовать на практике свои широкомасштабные устремления окончились в то время полным провалом. Фактически, их торговым судам была объявлена война в Средиземноморье, причем со стороны самых полярных сил. Само собой разумеется, застрельщиком блокирования американской торговли в Восточной Европе была Великобритания, готовая в любой момент и в любой точке земного шара преследовать торговые суда юного государства, образовавшегося из ее бывших колоний в Северной Америке. Вместе с тем, и средиземноморские страны, включая Францию, Испанию и итальянские государства, вовсе не собирались отдавать свою часть ниши в черноморской и левантийской торговле заокеанским купцам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что попытки американцев послать свои торговые корабли в Средиземное и Черное море нередко оканчивались самым элементарным грабежом и сожжением их еще в Восточном Средиземноморье, что не позволяло достигнуть черноморских проливов. В свою очередь, войны и континентальная блокада, введенная Наполеоном, к системе которой Россия присоединилась по условиям Тильзитского мира 1807 г., и вовсе отодвинули перспективы американцев выйти на восточноевропейский рынок через черноморские порты.

Тем не менее, в 1810 г. историческое событие захода первого американского торгового судна в Одесский залив состоялось. Данный факт, по словам корреспондента "Петербургских коммерческих ведомостей", составил целую эпоху для южной торговли, так как это был первый корабль из Америки, который появился в водах Черного моря.[4] На борту судна из Балтимора находилось письмо от русского консула в Америке Дашкова к герцогу Ришелье, который, в свою очередь, оказал самое радушное гостеприимство первым заокеанским купцам. Впрочем, начавшаяся вскоре после этого англо-американская война остановила данное взаимовыгодное начинание, так как "владычица морей и океанов", как уже говорилось выше, перекрыла любую возможность прохода американских кораблей в Средиземное море.[5]

Более интенсивно контакты Одессы с Северной Америкой стали осу-

ществляться в начале 30-х гг. XIX столетия. Тогда в городе появился и первый американский консул. Причем личность во многих отношениях весьма примечательная — Иван Ралли, занимавший консульскую должность с 1832 по 1859 год. Любопытно, что этот грек по национальности, искренне и самозабвенно любивший Одессу, за все время своего консульства так и не пожелал поменять русское подданство на американское. О том, насколько состоятельным купцом был Иван Ралли, свидетельствует одно из его донесений, ныне хранящееся в Национальном архиве США: "Я был купцом на протяжении многих лет... У меня во владении не только коммерческий дом в Одессе и ответвленные дома в других районах России, но также в Англии, Франции, Турции, Персии и даже в Ист-Индии".[6] Кстати, в одном из документов позапрошлого века приводятся данные о том, что в 1860 г. фирма "Ралли Иван и комп." вывезла из Одессы товаров на сумму 2808 тыс. руб.[7] — гигантская цифра для того времени.

Но почему процветающий купец принял на себя столь мало отвечающую его роду занятий должность американского консула, остается только гадать. Думается, что одно из правильных объяснений дает нам американский путешественник, посетивший Одессу в 30-х гг.: "Мистер Ралли — богатый и респектабельный, будучи вице-президентом торговой биржи, очень горд честью быть американским консулом, так как это дает ему место среди сановников города, позволяя носить униформу и шпагу на общест-

Площадь Старого базара

венных собраниях, и приносит ему привилегии, которые, по крайней мере, приятны, если не существенно выгодны".[8]

Иллюстрируя некоторые моменты начала контактов США с причерноморскими городами Южной Украины, нельзя не коснуться одной из любопытных проблем относительно общности и различия генезиса городов в Америке и в Северном Причерноморье. Если в научной урбанистике эти вопросы стали поднимать относительно поздно, т. е. со второй половины прошлого столетия[9], то для современников, имевших возможность визуально сравнивать эти два только недавно вошедшие в цивилизованное пространство региона, такие сопоставления часто базировались на достаточно глубоком и точном анализе. Так, в 1838 г. в Нью-Йорке вышла двухтомная работа знаменитого американского путешественника Дж. С. Стефенса, где он, в частности, писал: "Ни в одной стране мира города не возникают так быстро и не развиваются так стремительно, как у нас, и, возможно, ничто не может быть в этом смысле сравнимо с Буффало, Рочестером, Цинциннати и т. д. Но Одесса выросла быстрее, чем каждый из них, и не имеет в своем облике ничего, что напоминало бы наши новые города".[10]

Действительно, по темпам своего развития в XIX столетии Одесса вряд ли уступала кому-либо в мировой урбанизации, источником чего являлся целый пласт благоприятных субъективных и объективных причин. Однако это вовсе не обозначает, что между ней, как и рядом других городов Южной Украины, не было сходства с генезисом американских городов. Напротив. Тождество здесь, если отбросить специфическое разнообразие и масштабы двух регионов, поразительно. Кратко эти общие черты можно обозначить следующими тезисами: развитие фритредерства; отсутствие вековых феодальных пут при вступлении в цивилизованное пространство; самостоятельное формирование благоприятной инфраструктуры экономически зависимых районов для развития урбанизации; возвышение благодаря именно экономическому лидерству, полученному в результате конкурентной борьбы, а не по воле центральных властей, дававших монополии и привилегии на тот или иной вид коммерческой и промышленной деятельности.

Естественно, эти и другие непременные условия для столь бурного развития юных городов на разных континентах возникали, нередко при прямо противоположных обстоятельствах. Так, Одесса, в отличие от американских городов, получила свою относительную экономическую свободу вопреки общеполитическому и социально-экономическому курсу им-

перии в целом, что объяснялось, с одной стороны, огромными доходами в правительственную казну от товарооборота черноморского порта, где положительное сальдо в импортно-экспортных операциях в определенные годы достигало 90 процентов. А с другой, приграничное местоположение южноукраинских территорий способствовало созданию здесь особых условий для основы основ всех цивилизованных процессов — личная свобода граждан и наемный, а не подневольный, рабский труд.

Впрочем, точку зрения Стефенса относительно несхожести облика Одессы и американских городов отнюдь не разделял другой заокеанский путешественник, к тому же и с более известным именем. Побывав в Одессе в 1867 г. после длительного путешествия по Европе, Марк Твен так описывал свои впечатления в книге "Простаки за границей, или Путь новых паломников": "Сойдя на берег, я ступил на мостовые Одессы, и впервые после долгого-долгого перерыва наконец почувствовал себя совсем как дома. По виду Одесса точь-в-точь американский город: красивые широкие улицы, да к тому же прямые; невысокие дома (в два-три этажа) — просторные, опрятные, без всяких причудливых украшений; вдоль тротуаров наша белая акация; деловая суета на улицах и в лавках; торопливые пешеходы; дома и все вокруг новенькое с иголочки, что так привычно нашему глазу; и даже густое облако пыли окутало нас, словно привет с милой нашему сердцу родины, — так что мы едва не пролили благодарную слезу, едва удержались от крепкого словца, как то освящено добрым американским обычаем.

Куда ни погляди, вправо, влево, — везде перед нами Америка! Ничто не напоминает нам, что мы в России".

Естественно, впечатления Марка Твена не более чем субъективное восприятие великого писателя. Тем более что и до, и после него десятки французов, итальянцев, греков и др. с не меньшим восторгом сообщали о том, что Одесса имеет в своем облике именно их национальные черты. Однако думается, что секрет сей удивительной притягательности Одессы в XIX веке для людей из разных уголков земли заключался прежде всего в ее индивидуальности и неповторимости. Это был город, где кипела полнокровная хозяйственная и культурная жизнь, где было удобно жить всем, невзирая на религиозную и национальную принадлежность.

Примечания

[1] Л. Гаррис — Дж. Мэдисону, 24 июня 1804 г. — Россия и США: становление отношений, 1765-1815. Документы и материалы. — М., 1980, с. 266-267.

[2] Еще в период Очаковского кризиса 1791 г. российский посланник в Лондоне С.Р. Воронцов писал в одной из своих брошюр, направленной против войны: "Говорено было, что многие из корабельных снарядов самими российскими купцами были куплены у поляков и привезены в Англию через россиян; сие не справедливо, ибо все продукты, в Петербург и Ригу привозимые, произрастают в российской Украйне, а не в Польше", — русский вариант рукописи "Рассуждение о споре с Россией", присланный Воронцовым Екатерине II. — Российский государственный архив древних актов, ф. 1261, оп. 1, д. 840, л. 4 об.

[3] См.: Третьяк А.И. Провал монопольного проекта // Конкуренция. Вестник Антимонопольного комитета Украины. — 2003, № 1 (4), с. 48-51.

[4] Санкт-петербургские коммерческие ведомости, 1810, № 11.

[5] См.: Williams J.B. British Commercial Policy and Trade Expansion, 1750-1850. — Oxford, 1972.

[6] Herlihy P. Greek Merchants in Odessa in the Nineteenth Century // Harvard Ukrainian Studies, 1979-1980, v. 3-4, p. 410.

[7] Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма, 1825-1860. — М., 1981, с. 198.

[8] Herlihy P. Op. cit., p. 409

[9] В частности, см. соответствующие ссылки: Дружинина Е.И. Возникновение городов на юге Украины и США: общее и особенное // Новая и новейшая история. — 1976, № 2, с. 69-76; Herlihy P. Odessa: A History, 1794-1914. — Cambridge, Massachusetts, 1986.

[10] Stephens J.L. Incidents of Travels in Greece, Turkey, Russia and Poland. — N. Y., 1838, v. 1, p. 259.

Олег ГУБАРЬ

Потемкинская лестница — разорительный долгострой?

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ними ретроспективным общественным бытом. Неизменный спонсор рубрики — агентство недвижимости "Капитал", давно и плодотворно работающее на отечественном рынке недвижимости. На этот раз речь пойдет о знаменитой лестнице.

Один из главных брендов и символов Одессы, Потемкинская лестница — классический образец долгостроя и одновременно блистательный пример того, как дорогая и в принципе лишенная практического смысла игрушка со временем обретает абсолютно новые свойства и качества, становится памятником архитектуры, предметом гордости местного значения, неотъемлемой частью одесского мифа.

Разумеется, мифа. Ведь даже само название — Потемкинская — применительно к "бульварной лестнице", "гигантской лестнице" или "лестнице Приморского (Николаевского) бульвара" не имеет ровно никакого исторического смысла. Новое название прижилось исключительно по поводу зна-

менитого фильма Сергея Эйзенштейна "Броненосец "Потемкин", точнее — душераздирающей сцены расстрела мирных граждан на ступенях означенной лестницы. На самом деле никакого расстрела тут не было, и быть не могло, ибо подходы к этой и другим лестницам, ведущим из города в порт, были блокированы полицией, и никакие детские коляски с нее отродясь не скатывались. Правда, все 200 ступеней и десять пролетов (собственно говоря, ступеней тогда было уже только 192) в начале прошлого века одолел на допотопном авто Сергей Уточкин, а в ходе первой "Юморины" тот же слалом заядлые одесситы повторили на стареньком горбатом "Запорожце".

Весьма рельефно обозначили ситуацию со строительством Бульварной лестницы супруги Адель и Ксавье Оммер де Гелль, посетившие Одессу в конце 1830-х. Это свидетельство тем более значимо, что Ксавье — выдающийся французский ученый, лауреат Географического общества, дипломированный горный инженер, изучавший природные ресурсы Украины и награжденный орденом святого Владимира за открытие железорудного месторождения на Днепре. "В течение двух или трех лет, — пишут Оммер де Гелль, — сооружается гигантская лестница, которая, открываясь на Бульвар, плавно спускается к берегу моря. Это сооружение — фантазия столь же разорительная, сколь и бесполезная, — уже поглотило огромные средства, и обойдется примерно в миллион. Ее хотят украсить вазами и статуями, однако сильные трещины уже сейчас вызывают опасение грядущего разрушения этой огромной лестницы, которая, между прочим, всегда будет служить лишь гуляющим на Бульваре". Опытный глаз естествоиспытателя тотчас же заметил, что сложнейшее инженерно-техническое сооружение возводится без надлежащих проработок, на русское авось.

Специалисты издавна называют Одессу "букетом инженерно-геологических неприятностей", поскольку здесь имеют место быть все без исключения негативные явления, связанные с инженерной геодинамикой, в том числе оползни, осовы, просадки, крип и проч. В свою очередь, эти явления обусловлены специфической стратиграфией, то есть, выражаясь непрофессионально, послойным строением почвы, и гидрогеологией, то есть наличием подземных вод на различных уровнях. Приморский обрыв, к каковому прилегает Потемкинская лестница, представляет собой как бы стандартный одесский стратиграфический разрез: наверху — тонкий почвенный слой, под ним — лессовидные суглинки, ниже — красно-бурые глины, которые подстилает мощный слой известняков (из них и построен весь старый город), а они, в свою очередь, лежат на голубоватых глинах, известных в просторечии как "кил" — заменитель мыла. Так вот, боль-

шинство неприятностей происходит по той простой причине, что при смачивании суглинки и глины основательно меняют свои физико-механические свойства, в частности, объем. Замачивание же неизбежно, коль скоро подземные воды заведомо не дренированы. Строительство же Бульварной лестницы вдвойне осложняло то обстоятельство, что подземные воды как раз и выходят на поверхность в приморских обрывах: как говорят гидрогеологи, эти воды тут "разгружаются" в море.

Все эти непростые обстоятельства авторы идеи, да и самого проекта, поначалу вовсе не учитывали. К середине 1830-х бульвар был полностью застроен чередой элитарных особняков местной знати. На правом его крыле помещалась дворцовая усадьба краевого генерал-губернатора графа М.С. Воронцова, на левом — биржа. Между ними величаво соседствовали особняки графа Потоцкого, графа Нарышкина, князя Лопухина, Столыпиной, ближайших к Воронцову чиновников Марини, Зонтага, Маюрова, крупных негоциантов Родоканаки, Сарато, Верани, Фуко и др. Несколько позднее некоторые из этих зданий перешли во владение не менее видных персонажей региональной истории — Строганова, Маразли, Ралли, Ефруси, Вассаля, Гари, Росси и др. В середине этой вереницы роскошных палаццо образовалась как бы небольшая площадь, ограниченная двумя так называемыми полуциркульными домами, установленным в их просвете монументом первому одесскому градоначальнику герцогу де Ришелье и двумя бульварными аллеями. В правом из этих зданий располагались так называемые присутственные места (городская дума, управа

и др.), а в левом — фешенебельная "Санкт-Петербургская" гостиница. И вот при всей этой красоте неописуемой по обрывам стыдливо прятались лишь ветхие деревянные лестнички, наподобие тех, по которым "с крутого берега сбегая", к морю отправлялся и сам коллежский секретарь Александр Пушкин. По мысли Воронцова, "лестница-монстр" должна была достойно увенчать бульварный ансамбль с морской стороны, дабы с судов, входящих в одесский порт, так сказать, представить товар лицом. Эта метафора не покажется пошлой, если принять во внимание тот факт, что юную Одессу надо было "пиарить", привлекая как материальные, так и гуманитарные ресурсы, катализирующие ее рост.

Сказано — сделано. Недолго думая, строительство лестницы отдали, как это водилось, с торгов в подряд. Подрядчиком же, что небезынтересно, выступил владелец левого полуциркульного здания, Г. Завацкий. О нем известно, что был он "чиновником 14-го класса", но поправил свои дела выгодной женитьбой "на дочери унтер-офицера, получившего часть знаменитой Воротынцевской лотереи". Больше нам этого Завацкого упрекнуть не в чем, хотя весь следующий сюжет строительства носит вполне анекдотический или, скорее, казусный характер. Видный одесский архитектор итальянского происхождения Ф.К. Боффо, участвовавший, между прочим, и в сооружении упомянутых полуциркульных зданий, в феврале 1836 года "представил составленные им кондиции на строение с бульвара к морю каменной лестницы". А Завацкий приступил к работам в январе следующего, 1837-го. В чем же казус? Ну, прежде всего, в определении категорически нереальных сроков строительства. Ни за что не догадаетесь, сколько времени отвели 170 лет назад на исполнении столь сложного и грандиозного проекта. Семь месяцев! Надо полагать, что если бы сегодня в распоряжение производителя работ предоставили бы самую современную технику, самых профессиональных и добросовестных специалистов, то и тогда едва ли кто рискнул бы взяться за исполнение. Совершенно непостижимо, как местный Строительный комитет, наученный к тому времени горьким опытом создания гидротехнических сооружений, первых мостов, маяков и т. д., отважился на такую аферу.

Судя по всему, подрядчик не имел ни малейшего понятия о тех инженерно-геологических сюрпризах, которые приготовил ему крутой приморский склон, да и узкая прибрежная полоса. И в заблуждение его, очевидно, ввел самонадеянный эскизный проект Боффо. Известный историк градостроительства Одессы В.А. Чарнецкий, серьезно занимавшийся наследием этого зодчего, когда-то справедливо заметил: "Прекрасный архитектор-ху-

дожник, Боффо в своих проектах почти не уделял внимания инженерному обеспечению объектов". Да, он строил много, и множество его творений по сию пору радуют глаз и душу. Однако можно, например, вспомнить, чем обернулись конструктивные недостатки проекта местного института благородных девиц: через двадцать лет после постройки здание пошло под снос. Та же история повторилась и в ходе сооружения Бульварной лестницы: полное игнорирование инженерной геологии привело к изнурительному долгострою. Забавно то, что Боффо, похоже, сознательно подкладывал свинью за свиньей некоторым своим коллегам и чиновникам, поскольку на самом деле был архитектором очень грамотным. Так, он лично обнаружил конструктивные недостатки и упущения проекта колокольни Спасо-Преображенского собора, устранил их и довел дело до положительного результата. Однако характер у него был крайне неуживчивый, и он то и дело вступал с местной администрацией в конфликты, заканчивавшиеся даже судебными разбирательствами. Очень возможно, ему вообще был не по нраву разорительный проект никому в принципе не нужной лестницы, по сути представлявший затеянную Воронцовым рекламную акцию.

Так или иначе, а строительство шло из рук вон скверно: бесконечные

обвалы, локальные оползни, потоки воды препятствовали проведению работ, а то и сводили их на нет. Разумеется, к 1 августа 1837 года и речи не могло идти об исполнении подряда. Завацкий попросил дать ему отсрочку до 15 ноября, но и к этому сроку, разумеется, мало что изменилось. Тогда заказчики сильно встревожились и сформировали специальную наблюдательную комиссию, в состав которой включили английского инженера Уптона, военного инженера Морозова и гидротехника Фан-дер-Флиса. Комиссия не только обревизовала строительство, но пересмотрела первоначальный проект и внесла в него существенные изменения. Завацкий, естественно, запротестовал, поскольку таким образом появился целый реестр не предусмотренных сметой видов работ. Впрочем, "соскочить" ему не удалось: нового подрядчика, понятно, найти было невозможно, а потому в приказном порядке обязали продолжить начатое старого.

Если прибегнуть к несколько гипертрофированной иллюстрации, характеризующей конструкцию Бульварной лестницы, можно говорить о том, что это по существу мост — наклонный пешеходный мост, связывающий высокое плато с морским берегом. И сооружалась она как мост — многоарочный, на разновысоких опорах-быках. Согласно уточненному проекту Уптона, этот массивный блок из местного известняка опирался на мощные деревянные сваи, "каменные столбы" и прорезался тремя продольными и девятью поперечными сводчатыми коридорами. Эти-то поперечные галереи образовывали на боковых гранях лестницы представительные каменные аркады. Разница в ширине нижнего и верхнего маршей (21,7 и 13,4 метра) создавала эффект перспективы, усиливала ощущение масштабности. Сперва лестница вела непосредственно к морю, но в дальнейшем, после устройства насыпной набережной, восемь нижних ступеней утонули в грунте. Таким образом, возникали проблемы не только "вверху", но и "внизу": узкий пляж был не самым лучшим основанием для такого сооружения, ибо не мог препятствовать абразии, то есть волновому воздействию на основание склона. Пришлось не только искусственно наращивать пляж, но и подпирать приморский обрыв отсыпками огромного количества грунта.

Теперь легко понять и по достоинству оценить замечание французского инженера, назвавшего Бульварную лестницу разорительной безделушкой. Судите сами: в середине 1830-х все годовые доходы города суммарно простирались лишь до 1,3 млн. руб. Расходы же всех предприятий Строительного комитета исчислялись примерно 175 тысячами, в том числе: на ремонт гидротехнических сооружений — 20 тысяч, на устроение и почин-

ку дорог, мостов, сточных канав — 23,5 тысячи. А тут — чуть не миллион! И для чего? Для того чтобы праздная публика не напрягалась, совершая моцион. Довольно сказать, что во всем городе тогда не насчитывалось и 60 тысяч жителей. Эти пионеры не имели ни водопровода, ни канализации, ни вообще надежных источников водоснабжения, ни топлива, ни строительных материалов (помимо известняка, который добывали, что называется, с кровью), ни общественного транспорта, ни оградительных гидротехнических сооружений. И все это в условиях засушливого климата, холерных и чумных эпидемий, постоянной военной угрозы и перманентном недоброжелательстве верхних эшелонов власти.

Но все пересилила волевая натура М.С. Воронцова, который уж если за что-то брался, то всегда доводил задуманное предприятие до конца. Несмотря на то, что первые 200 тысяч, выделенные на сооружение лестницы, быстро сгорели, сиятельный граф решительно распорядился "безостановочно отпускать деньги". Новый контракт с Завацким предусматривал окончание работ к началу июня 1838 года, но поскольку и эту дату взяли с потолка, то далее уже ни о каких сроках речи не шло. Осенью того же года последовали новые обвалы бровки плато, а потому уже в мае 1839-го комиссия надзора за постройкой признала, что "знать не может", повторятся ли оные неприятности, "доколе не выведутся до настоящей высоты первый к обрыву бык и арка, служащая связью этого быка с горою". Дальнейшие боевые действия велись с переменным успехом: то верх брали подземные

воды и обвалы, то их наступление останавливалось, скажем, устройством дренажной штольни меж лестницей и усадьбой Воронцова. Затем появился водовод и с противоположной стороны, и строителям пришла на ум следующая грандиозная идея: поскольку дебит подземных вод казался постоянным, почему бы не сделать внизу бассейны с фонтанами? Подобное стремление в лишенном воды городе вполне понятно. Последовали очередные расходы на крымский гранит и чугунные водопроводные трубы, однако в конечном итоге они оказались напрасными, ибо по целому ряду причин бассейны с фонтанами так никогда и не были сооружены.

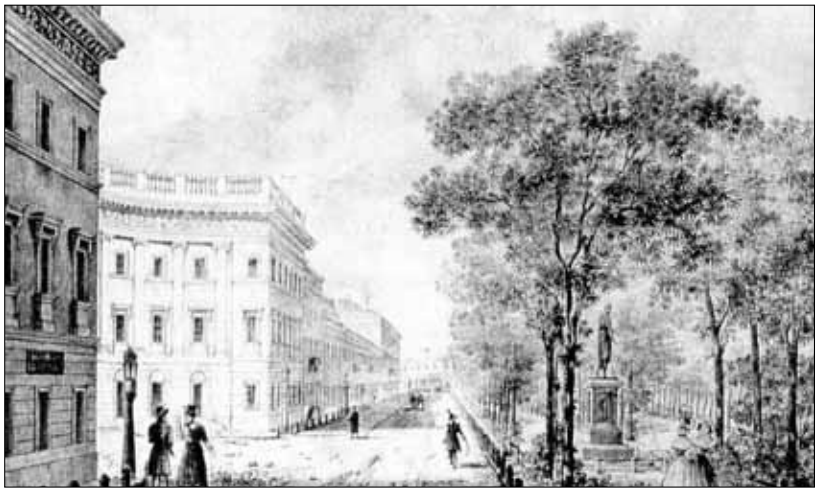
И снова курьез. С апреля по ноябрь 1841 года включительно строительство лестницы инспектировала солидная столичная комиссия, в конечном итоге пришедшая к заключению, что лестница как будто совершенно окончена. На самом деле фактическая ее сдача в эксплуатацию произошла лишь в 1842-м, а сама комиссия по наблюдению была расформирована в 1845-м, что тоже наводит на определенные размышления. И точно, согласно архивным документам, в 1843-м и даже гораздо позднее архитекторы Даллаква и Козлов все еще продолжали бороться с деструкцией подземных вод. Впоследствии склон по обе стороны лестницы был основательно укреплен "висячими садами", разбитыми на насыпном грунте. Занимательно, что недавние археологические шурфы в пределах этих отсыпок удостоверили их, так сказать, вещественный состав. Тут складировали преимущественно бытовой мусор, обильно вывозившийся из жилых домов, различных заведений, включая питейные, — уникальные фрагментированные штофы, рюмки на высоких поддонах, глиняные трубки, кальяны и даже пушечное ядро, вероятно, затесавшееся в ходе бомбардирования Одессы англо-французским флотом 10 апреля 1854 года.

Еще анекдот. Как установил по архивным материалам В.А. Чарнецкий, Бульварную лестницу принимал по описи... командир одесских арестантских рот майор Драгутин. Реестр принимаемого имущества презабавен: "Арок, сложенных из штучного камня — 32, сводов между арками — 24, столбов из штучного камня — 16, заделок между фундаментами столбов — 16". И далее в том же духе — 13 позиций, включающих 319 конструктивных деталей. Любопытно знать, как именно командир арестантских рот сверял "детали" с описью и ставил "птички".

Да только и это еще не последний казус. Главный-то наш фигурант, Завацкий, ведь здорово прогорел на этом деле, поскольку долго продолжал работы в принудительном порядке без дополнительных бюджетных инъекций. Так вот, добиваясь справедливости, он отважился обратиться

за помощью к самому самодержцу всероссийскому. И что бы вы думали? — монарх внял его челобитной: в 1847-м Сенат постановил, что "комитет и комиссия, наблюдавшая за построением в городе Одессе губернским секретарем Завацким по подряду каменной лестницы от бульвара к морю, признаны виновными в противозаконных в отношении подрядчика действиях". В результате ему было возвращено 77584 рубля, каковые, разумеется, тоже следует внести в общую "расходную копилку" строительства.

...Прошли годы, все означенные мелочи жизни давно позабыты. С тех пор Бульварной лестницей восхищались десятки знаменитостей, включая Марка Твена, Жюля Верна, Юзефа Крашевского, Олимпиаду Шишкину, А.Н. Островского, Якова Полонского, Ивана Нечуй-Левицкого и многих других. Потемкинская лестница сделалась одним из привычных и понятных одесских символов. Сегодня никому не придет в голову упрекать Воронцова в неоправданных тратах, хотя мы отлично видели, что тогда они и впрямь были разорительны для городского бюджета, и сильно обделяли горожан по всем статьям. Но это же все равно, что постфактум обвинять фараонов в безумных "пирамидальных" проектах или, скажем, Семирамиду в устройстве тех же "висячих садов". Смешно, конечно, устраивать ретроспективное судилище над историческими персонажами в духе школьных судов над Онегиным и Печориным. И это пройдет. История все списывает. В том числе и миллион или что-то около того, потраченный на Бульварную, то бишь Потемкинскую лестницу...

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

Еще не вечер...
Из книги "Возвращение де Рибаса"

С ним дружил академик Владимир Петрович Филатов. К нему хаживал Илья Ильф. Его портреты писали известные одесские художники Е. Буковецкий и П. Волокидин. С ним состоял в добром знакомстве Исаак Бабель. Юрий Олеша в своей "Книге прощания" вспоминал его с пиететом и душевным теплом: "Александр Михайлович Дерибас был уважаемым человеком в Одессе — знаток города, его истории, старожил и, кроме того, еще и директор Публичной библиотеки. Это был высокий старик, с белой длинной бородой... Однажды мы, молодые поэты, пригласили его выступить на вечере, который мы посвятили Бодлеру... Мы бурно приветствовали вышедшего на кафедру старца". Я привел эти цитаты исключительно ради того, чтобы читатели сквозь толщу лет смогли глазами современников узреть человека, который был живой легендой Одессы, связующей ее прозаичное настоящее с романтичным прошлым. Де Рибас был журналистом, председателем Литературно-артистического общества и Пушкинской комиссии Дома ученых, директором городской Публичной библиотеки и заведующим ее краеведческим отделом, где положил начало уникальному каталогу, который с его легкого пера получил и сохранил название "Одессика".

Помимо всех почетных должностей и достойных уважения деяний известность Александру Михайловичу добавляло и то, что он приходился внучатым племянником основателю города, каковая родственная связь прослеживалась легко и однозначно. Дедом его был младший брат адмирала Иосифа де Рибаса, премьер-майор русской армии Феликс де Рибас, который единственный из семейства остался жительствовать на новообретенных страной южных землях, в юном городе Одесса. А его сын, редактор выходившей на французском языке газеты "Journal d'Odessa" Михаил Феликсович де Рибас в 1856 году стал отцом Александра Михайловича. Принадлежность к знаковой для Одессы фамилии определила отношение де Рибасов к городу, который они во всех поколениях по праву считали не просто своим, но родным, пеклись о благоденствии его и сбережении истории. Александр же де Рибас несколько лет подряд печатал в "Одесском листке" и "Одесских новостях" очерки о прошлом нашего города. А в 1913 году, в преддверии мировой войны и последовавших за ней печальных событий в России, книжный магазин Г. Руссо в ныне не сохранив-

шемся доме мадам Пуриц на Ришельевской, 6, выпустил составленную из них книгу "Старая Одесса".

Среди историков и краеведов принято считать, что классическая старая Одесса "закончилась" с Крымской войной 1854 года. Но у де Рибаса, как у каждого одессита, была своя "старая Одесса", совпадающая с его детством, юностью, молодостью и с ними же отошедшая в область воспоминаний. Классическую и свою старую Одессу де Рибас аккуратненько, без видимого стыка, соединил, получив в свое "авторское распоряжение" почти все первое столетие ее существования. Автор определил содержание книги как "исторические очерки и воспоминания". Но это, строго говоря, не совсем так, поскольку в исторический очерк неожиданно врывается аромат апельсинов, переполнявших магазины колониальных товаров Греческой улицы, или щемящая сердце мелодия шарманки, с которой старый итальянец бродил по живописным одесским дворикам, а сквозь пеструю ткань воспоминаний проступают слова военных реляций, государева повеления или приватного письма. "Старая Одесса", если ее рассматривать не по главам, а целиком, скорее напоминает непринужденный, восторженный и, случается, грустный монолог влюбленного в свой город старожила, который виток за витком неторопливо разматывает долгую нить воспоминаний, нащупывая на ней тугие узелки семейных преданий и нанизывая на нее исторические факты. Можно считать ее и мастерски изложенным старинным одесским мифом, имея, конечно, в виду, что в основе произведений этого давнишнего жанра если не четкие реалии, то, по крайней мере, мировоззрение и нравственность, характерные для общества, в котором мифы зародились.

Тираж книги был незаслуженно мал — 1175 экземпляров, но успех заслуженно велик. И потянулись к нему люди, и полетели к нему письма, заинтересованные авторы которых сетовали на то, что, дескать, о чем-то он рассказал маловато, что-то вовсе не отразил, кого-то упомянул вскользь, о ком-то вообще не обмолвился. Но к разочарованию земляков нужно сказать, что никто не в состоянии с исчерпывающей полнотой написать о каком-либо населенном месте, будь то Древний Рим, молодая по меркам истории Одесса или "закоренелая станция Фастов", как назвал ее Исаак Бабель. Де Рибас не обольщался на этот счет и не собирался создать энциклопедию старой Одессы. К тому же он не без оснований считал ее навсегда ушедшей, а об ушедших говорят хорошо или ничего не говорят. Этому благопристойному принципу автор большей частью и следовал.

Конечно, он писал, в основном, о людях своего круга, которые представляли интеллектуальную, административную, торговую и финансовую элиту Одессы. Но она была плоть от плоти этого города, сформировалась в его специфичных условиях, да и сама в изрядной степени определяла их. Что же касается де Рибаса, то "хождения в народ" он, понятное дело, не совершал, однако был открыт и демократичен, умел общаться и сопереживать, видеть и слышать, оценивать и обобщать, в облаках не витал, но и романтики не чуждался. Потому и создал не черно-белую моментальную фотографию города, а живописный его портрет, в котором авторской волей подчеркнул любезные сердцу отдельные его черты и всеобщую неповторимость. А этим Одесса в немалой степени была обязана изначально и счастливо сложившейся многонациональности своего населения, о чем писали до и после де Рибаса, от герцога де Ришелье до Владимира Жаботинского, далее, как говорится, везде, вплоть до того момента, когда все повернулось и пошло-поехало в непотребную сторону.

Началось с того, что за участие якобы в каких-то контрреволюционных заговорах ставили к стенке поляков, позже в одночасье выселили немцев, спустя годы такая же участь постигла греков, а немногие остававшиеся итальянцы и французы исчезали поодиночке. Украинцев держали в страхе быть обвиненными в неизвестно кем выдуманном "буржуазном национализме", евреев зачислили в самые что ни на есть "безродные космополиты". Переименовали все улицы, названные когда-то по национальности большинства поселившихся там жителей — Большую и Малую Арнаутские, Болгарскую, Греческую, Польскую, Еврейскую. Исчезло веселое название немецкой колонии Люстдорф, и на плане города больше не числилась Молдаванка. Но когда де Рибас писал свою книгу, все это и в страшном сне не могло привидеться. Никого еще не расстреляли, не посадили, не выслали, не оболгали, не запретили упоминать, старая Одесса уходила в прошлое по мере течения времени, печаль автора была светла, и в книге остались достойные одесситы прежних времен, разных национальностей, всяких сословий и места под одесским солнцем...

За десятилетия книга стала библиографической редкостью, с которой счастливые обладатели не спешили расставаться, а о переиздании ее в советские времена не могло быть и речи. И только в 1990-м, когда система уже трещала по всем когда-то шитым суровыми нитками швам, Ассоциация культурного развития Одессы выпустила книгу Александра де Рибаса с достойным ее предисловием Бориса Владимирского и Евгения Голубовского. Правда, полиграфическое исполнение ее пятитысячного тиража

оставляло желать лучшего, но для тех, для кого книги являют собой не фетиш, но источник знаний и духовного наслаждения, это было нежданным подарком. Как говорится, лиха беда начало, и пять лет спустя, в 1995 году, московское издательство "Димофф и К°" выпустило "Старую Одессу". И теперь это было факсимильное издание, но отпечатанное в Германии на белоснежной бумаге, с отлично воспроизведенными старинными литографиями, в роскошном твердом переплете благородного вишневого цвета да еще с золотым тиснением. Для библиофилов взять такую книгу в руки — одно удовольствие, но дорогое. Тем не менее, невзирая на неважное качество предыдущего издания и дороговизну последующего, оба они разошлись на волне раскрепощенного читательского интереса к истории Одессы.

В истории литературы не так уж редки случаи, когда книга первым изданием выходила после смерти автора. Подобное произошло и с книгой де Рибаса, история которой не завершилась переизданиями "Старой Одессы". После выхода ее в 1913 году де Рибас продолжал печатать в газетах свои очерки и делал это даже в "окаянные дни", как назвал их Иван Бунин. Они приоткрывали тогда дверь в старую, во многом еще недавнюю Одессу, где читатель мог перевести дух и отдохнуть воспоминаниями от "текущего кошмара", в котором жил город. Менялись власти, деньги, лозунги и цена человеческой жизни. Пустели магазины, отключалось электричество, исчезала вода в трубах, уголь на складах, бумага в типографиях, надежда в сердцах... Только налетчики "гуляли" по квартирам и грабители "резвились" на улицах.

Майским вечером 1918 года, когда де Рибас шел по Елисаветинской улице, его остановили трое "мальчиков" и, наставив револьвер, отняли часы и деньги. Часы дома еще имелись. Но чтобы выставить на них точное время, требовалось "принести" его на карманных часах от здания Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) на Ланжероновской, 1. В заботах о том, чтобы в смутную пору одесситы не "выпали" из времени, Астрономический отдел гидрографического управления поставил там на крыше мачту. И каждый день на ней ровно в полдень по местному времени поднимался сигнальный шар и падал в 12 часов 3 минуты 2,04 секунды, что соответствовало 10-ти часам по Гринвичу. Правда, многие и не вникали в эти премудрости, подобно И. Ильфу, который, назначая свидание, уведомлял юную даму: "Буду ждать вас в шесть. Я исчисляю по солнцу". Потом пришли большевики и затеяли декретные игры с часовыми стрелками. "Утро наступало неестественно рано, и солнце по вечерам не

заходило, когда следовало, — вспоминала Вера Инбер. — В городе кто-то говорил: "Приходите в десять часов по-ихнему". Приходить "*по-ихнему*" кое-как привыкли бы, но жить "по-ихнему" рискнули не все. Уехали за границу писатели И. Бунин и С. Юшкевич, художники М. Линский и П. Нилус, певица Иза Кремер, скульптор Б. Эдуардс, поэт А. Биск... Список можно продолжить и даже включить в него солистку Городского театра Марию де Рибас — дочь Александра Михайловича, но сколько ни продолжай, де Рибаса в нем не будет.

Всякий волен распоряжаться своей жизнью, но, как писал он тогда, "истинный одессит есть верный сын своего города, берущий от него целиком его основные светлые особенности, благодарный ему за все хорошее и любящий его превыше себя. Такой одессит в дни опасности не станет думать прежде о спасении бегством себя, а начнет с попытки спасти Одессу, оставаясь в ней". Так сурово и категорично де Рибас, кажется, первый заговорил о сыновнем долге перед "Одессой-мамой", и это неплохо бы намотать на ус тем, кто деланно оплакивает ее издалече и, убеждая себя в том, будто-то ее уже в помине нет, палец о палец не ударяет для того, чтобы она все-таки была.

Де Рибас заведовал Публичной библиотекой, участвовал в создании музея "Старая Одесса", заседал в Пушкинской комиссии Дома ученых. Он делал все, что мог, и можно было, чтобы не прервалась связь времен и осталась хотя бы тоненькая ниточка, за которую когда-то можно будет явить на свет Божий достойное воспоминаний прошлое. Потому и был он на виду всей Одессы, а кое-где, наверное, и "на карандаше". Дело в том, что в библиотеке еще хранились его публикации 1918-19 годов. Вызывающее нервную дрожь описание ЧК на Екатерининской площади, 7: "Круглая комната в первом этаже дома Левашева. Пусто и грязно. Налево — запертая дверь, в дереве которой проделано круглое отверстие для наблюдения за происходящим. Направо — комната для арестованных заложников. Оттуда выглядывают бледные лица с трясущимися челюстями. Около них усталая от недосыпания стража. Через большие окна в сторону двора слышится лязг оружия, беспрестанное взведение курков и специфическая брань красноармейцев". Констатация того печального факта, что "вся наша современная жизнь — вишневый сад. Купленный — нет, не купленный, а захваченный, срубленный и заплеванный вишневый сад". Ставшая зловеще актуальной к 1937 году сентенция: "Страх заразителен. Он, как малярия, как болотная лихорадка, распространяется невидимыми путями на огромные расстояния, и его тлетворное влияние проникает в самые зака-

ленные души". При недобром желании любой из этих и подобных им строк было достаточно, чтобы попасть на Маразлиевскую, как с оглядкой говорили одесситы, имея в виду теперь уже не сохранившийся дом НКВД под тогдашним номером 40-б, который старались обходить десятой дорогой. Ему, вроде бы, ничего не припомнили, и он не попал на Маразлиевскую. Его "достали" другим путем. В 1937-м арестовали сына, сорокачетырехлетнего химика Данилу де Рибаса. А через некоторое время кто-то по доброте собственной души или чьему-то злому умыслу принес отцу окровавленное белье сына. За восемьдесят один год де Рибас пережил немало, но этого его сердце не выдержало...

Де Рибас, скорее всего, не думал оставлять свои новые очерки только на газетных полосах, а собирался дополнить ими "Старую Одессу" или выпустить отдельной книгой. Но к тому времени, когда их набралось достаточно, это стало невозможным, поскольку книга де Рибаса не пришлась бы ко двору, захламленному идеологическими новациями. Тогда уже всю историю старой Одессы сводили лишь к предыстории того, что стряслось тут после 1917 года. Сообразно этому, катакомбы потому лишь были знамениты, что при французах подпольщики печатали там газету "Одесский коммунист". Дворец Воронцова на бульваре становился дорог исключительно тем, что в 1917 году там заседал 1-й совет рабочих депутатов. И мимо главного корпуса университета, как оказалось, невозможно пройти без душевного трепета, поскольку именно там "работники связи стали на путь политической борьбы, приняв устав союза...".

Еще раньше, в апреле 1920-го, сообразно с декларированными намерениями "до основанья, а затем..." переименовали названную в честь Иосифа де Рибаса главную улицу основанной им Одессы, и можно представить, какую гамму тихих страданий вызвало это в душе внучатого племянника. До "возвращения Дерибасовской" он не дожил, так как это сделали лишь румыны и не из уважения к прошлому присвоенного ими города, а в порядке отмены советских названий улиц. После освобождения Одессы "обратно" переименовывать Дерибасовскую не стали, дабы не порождать у населения нелестных сравнений. Но нечистые "игры в историю" продолжались.

На основателя Одессы не только всех собак навесили, но испанскую его фамилию лишили аристократичной частицы "де" и если скрепя сердце писали, то на плебейский лад слитно — Дерибас. А летом 1947 года местное издательство выпустило на украинском языке справочник по Одессе, вступительную статью к которому заказали известному историку

С.Я. Боровому. Понимая, что ему не разрешат написать о первых десятилетиях Одессы так, как он считал нужным, умница Боровой придумал выигрышный ход, понятный умевшим читать между строк: "Нехай офіціальним фундатором вважався іспанець де-Рибас, будівельником порту — голландець де-Воллан, першим губернатором "Новоросії" (1803-1814) — француз герцог Рішельє, але не іноземці на російській службі були справжними фундаторами Одеси". К стыду и печали, это была единственная возможность назвать имена тех, кто качал колыбель Одессы.

Дальше, как говорится, больше. В 1948 году составили и напечатали книгу "Одесса. Очерк истории города-героя", а один из ее авторов, С.Я. Боровой и заместитель директора издательства успели даже "обмыть" это событие в старом "Гамбринусе" на Преображенской улице. Но потом какому-то партийному чиновнику республиканского ранга не понравилось то, что вслед за изображениями Ленина и Сталина в книге были помещены портреты де Рибаса и Ришелье. По таковой причине книгу пустили под нож. И лишь через девять лет ее напечатали снова, но в "исправленном" виде. Правда, там упомянуто было, что турецкую крепость Хаджибей, на месте которой потом была основана Одесса, 14 сентября 1789 года штурмом взял отряд де Рибаса, входивший в состав корпуса генерал-поручика И.В. Гудовича. Но далее следовал пассаж, который стоит привести целиком: "Великий русский полководец А.В. Суворов, *приветствуя войска, участвовавшие во взятии Хаджибея* (курсив мой. — **Р. А.**), писал: "С победой над Хаджибеем... имею честь поздравить. Усердно желаю, побеждая и далее неверных, заслужить лавры". Но чего бы это генерал-аншеф А.В. Суворов стал бы обращаться с поздравлением к солдатам малочисленного отряда, никогда им в глаза не виданного, никоим образом ему не подчиненного и действовавшего совершенно в другой местности?

Через восемь дней после падения Хаджибея А.В. Суворов, пребывая в румынском городке Текуч, вызвал писца и продиктовал ему, а потом подписал небольшое, но любезнейшее письмо де Рибасу: "Милостивый Государь мой Осип Михайлович! С победою Вашего Превосходительства над Гаджибеем имею честь поздравить. Усердно желаю, побеждая и далее неверных, заслужить лавры. Пребываю с истинным почтением и преданностью Милостивый Государь мой Вашего Превосходительства покорный слуга Александр Суворов". Но большинство читателей, не сведущих в делах, случившихся более ста пятидесяти лет назад, ни о чем не догадывались и на три точки, коими были заменены грубо вырванные слова, внимания не обратили.

Книга "Одесса. Очерк истории города-героя", стала своего рода местным аналогом приснопамятного "Краткого курса истории ВКП(б)". И отступать от ее положений, принципов и толкований дозволено не было, разрешалось лишь развивать да углублять их, излагая полуправду, подтасовывая факты, сочиняя басни, выдумывая небылицы. Грустным примером тому остался вышедший двумя выпусками в 1957 и 1960 годах очерк "По страницам истории Одессы и Одесщины" В.А. Загоруйко, который по иронии судьбы был директором научной библиотеки им. М. Горького, где на многих книгах еще сохранились пометки, сделанные мелким стремительным почерком А.М. де Рибаса. Поначалу новоиспеченный краевед назвал основателя города авантюристом, а его внучатых племянников Александра и Людвига — авторами "анекдотов и панегириков, посвященных местным чиновникам и тузам, и в первую очередь их "именитому" предку Иосифу Дерибасу". Заодно досталось Феликсу де Рибасу, который якобы не подарил, как о том давно известно, а продал городу свой сад, теперь называющийся Городским.

Иосиф Михайлович де Рибас, конечно, не был ангелом во плоти, в парадном мундире на плечах, с орденами на груди, в напудренном парике, с едва заметной лукавой улыбкой и задорным взглядом. Но он исполнил свою мечту о новом городе, совпадавшую с интересами страны, и 22 августа 1794 года первая лопата вошла в глинистую землю Хаджибея. И его не вычеркнуть из истории Одессы, как это многие пытались сделать. В 1970 году вышел из печати путеводитель по историко-краеведческому музею, несколько строк которого повествуют о штурме Хаджибея: "Во время этой войны (второй русско-турецкой. — **Р. А.**), 14 сентября 1789 г. отрядом русских войск из корпуса генерала И.В. Гудовича при активной поддержке черноморских казаков была взята турецкая крепость Ени-Дунья (Новый Свет), расположенная у татарского поселения Хаджибей..." Далее читатель мог узнать о том, что в 1794 году был основан город Одесса, и в музейной экспозиции имеется "текст рескрипта от 27 мая 1794 г. о строительстве при Хаджибее "военной гавани купно с купеческой пристанью"... Все, вроде, верно, но это та полуправда, которая коварней откровенной лжи, потому как подобно глупости, в отличие от лысины, не сразу бросается в глаза. И впрямь, не всем же, тем более приезжим, которые чаще одесситов посещают музеи, известно, что упомянутым отрядом командовал де Рибас, им же был основан город, а рескрипт о том был дан императрицей Екатериной II "нашему вице-адмиралу де Рибасу".

Авторы путеводителей по Одессе, рассказывая о Дерибасовской, волей-неволей должны были объяснять, в честь кого названа улица. Тогда придумали де Рибасу нейтральное место под черноморским солнцем и стали именовать его "участником штурма Хаджибея". Это тоже была полуправда, поскольку крепость брали солдаты и черноморские казаки, и все они были достойными участниками штурма. "Распорядил" же, то есть спланировал атаку и "повел войска на приступ" генерал-майор де Рибас, как доносил князь Потемкин. Но этот старинный документ вряд ли знали те, кому адресованы были путеводители, и даже бойкий автор одного из них, под названием "Одесса мой город родной", который в приступе верноподданнического краснобайства договорился до того, что Хаджибей брали "суворовские чудо-богатыри", неизвестно откуда там появившиеся. И это написано уже в те годы, когда забылась развязанная после войны глупейшая кампания борьбы с "низкопоклонством перед Западом", во время которой, как утверждали остряки, можно было совершенно серьезно провозглашать, что "Россия — родина слонов". Но власть предержащие все равно не любили испанца Хосе де Рибаса за то, что именно он, а не кто другой, основал этот город.

Только ничто не вечно под луною, тем более под властью, которая сама не вечна. В 1990 году переиздали книгу А.М. де Рибаса, к двухсотлетию города поставили памятник Иосифу де Рибасу, в 1996-м историко-краеведческий музей открыл выставку "Дерибасы и Одесса", а через год появилось учебное пособие по краеведению для школьников "Ми — одесити". Не стоит оценивать сейчас уровень этой книги, но она вышла на украинском языке, и точки над "і" там были расставлены в прямом и переносном смысле: "У вересні 1789 року загін російської армії, до складу якого входили колишні запорожці, очолювані Чепігою, під проводом Дерібаса штурмом оволоділи Гаджибеєм". И далее: "З 1794 року розпочинається будівництво нової гавані під керівництвом Дерібаса, а інженер Деволан складає план розбудови міста...". Правда, в том же году создатель музея одесского порта Н. Глеб-Кошанский тряхнул замшелой стариной. "Двести лет и три года в Одессе создается культ Де-Рибаса, — написал он. — Пользуясь плодовитостью своего рода (физической и эпистолярной), — Де Рибасы и их поклонники, создавая образ кумира Одессы номер один, обеспечили себе комфортное существование, как многочисленные дети лейтенанта Шмидта". Но это, выраженное не самым высоким стилем, приватное мнение не имело ни юридической силы, ни административных последствий. И состоялось "возвращение" де Рибаса, а по большо-

му счету, всего полнокровного, насильственно полузабытого прошлого Одессы, потому что никакую книгу нельзя читать с середины.

И новая "Старая Одесса" Александра де Рибаса дождалась своего часа. В 2004 году директор научной библиотеки им. М. Горького О.Ф. Ботушанская, старший библиограф О.Н. Вовчок, заведующая отделом искусств Т.В. Щурова, используя свои богатейшие газетные фонды, хранящийся в литературном музее архив А.М. де Рибаса, уникальные материалы личных коллекций М.Б. Пойзнера и С.З. Лущика, составили и при поддержке заместителя директора ОАО "Одеспищекомбинат" С.Г. Терзиева и генерального директора ООО "Судоходство Медиа-центр" В.Г. Денисова выпустили в киевском издательстве "Мистецтво" второй том "Старой Одессы" с послесловием Евгения Голубовского и Олега Губаря. Это была подвижническая работа, требующая знаний, времени, усердия и любви к Одессе, без которой не стоило и начинать такое дело, потому что именно ею проникнуто все, написанное де Рибасом.

Многое из того, о чем он писал, давно стало темой исторических, литературоведческих, искусствоведческих книг, но они не "заслоняют" самобытные очерки и воспоминания де Рибаса. Впрямь, кто, кроме него, поведал, что Григорий Маразли, впоследствии крупный негоциант, отец городского головы, по прибытии в Одессу в 1801 году вышел из портового карантина, имея при себе "одну шляпу, один колпак, два платка, одну рубаху, один жилет, одни шаровары и пару сапог". Где, как не у де Рибаса, отыщется повествование о том, как 16 сентября 1884 года, в день закладки нового Городского театра, в котловане, вырытом под его фундамент, был дан банкет и "поставлены длинные столы, а на них скатерти, бокалы, бутылки, серебро и фарфор"? У кого еще можно прочитать доныне поучительный рассказ о выборах в первый одесский магистрат, которые "были совершенно свободными и проводились выборщиками-купцами без различия национальностей русскими, греками и евреями. От выборщика требовалось только подписание присяги... В присяге указывалось, что выборщик, не исполнивший добросовестно своего дела, "кроме ответа перед Богом и страшным судом его", подвергается еще "в нынешней жизни всеобщему у своих собратий презрению". На чьих страницах до сих пор цветут привезенные греческими первопоселенцами олеандры, красовавшиеся "почти во всех домах старой Одессы задолго до водворения у нас акации"? Кем еще воспет вольный одесский ветер, "сочетавший в себе ароматы Востока с благоуханием Запада", и одесская пыль, в которой "все слои пережитых нашим городом эпох..."? И только автору "Старой Одессы" принадлежат

восторженные, как оказалось, излишне оптимистичные слова о том, что "пройдут века, сотни веков, а скумбрия, хорошо поджаренная на шкаре и слегка облитая лимонным соком, всегда будет услаждать нёбо самых изысканных гурманов".

...Так и шел де Рибас от к частному к общему, от штриха к детали, от детали к подробности, от подробности к эпизоду, от эпизода к событию, от события к эпохе... И слово за словом, строка за строкой, страница за страницей, во второй своей книге так же, как в первой, писал зримый образ "простой, ясной, типичной, живописной и жизнерадостной" старой Одессы, где царил "общий дух благожелательности и человекотерпимости" и "люди были самими собою, со всеми их национальными и бытовыми отличиями". Эти свободные люди на излете XVIII столетия основали город в благодатной причерноморской степи, обустраивали его, облагораживали, защищали, прославляли на весь белый свет и доверчиво передавали потомкам. А чем закончилась такая эстафета поколений, о том не будем говорить. Или она вовсе не закончилась, потому что, если выходят книги Александра де Рибаса, то, как писал Исаак Бабель, еще не вечер?

"Одесса-мама" Владимира Жаботинского

Предисловие Любы Юргенсон к французскому изданию романа "Пятеро"[1]

"Талант — единственная новость"

Вначале несколько дат. В 1936 году в Париже был издан роман Владимира Жаботинского, написанный им на русском языке. В 2000 году одесское издательство "Друк" познакомило наших земляков с этой книгой, которую можно причислить к классике "одесской литературы". В 2005 году роман вышел в переводе на английский язык. В 2006 — на французский. И это стало событием в мировом литературном процессе, так как книга не только не устарела, но и опередила свое время.

По просьбе Всемирного клуба одесситов переводчику на французский язык помогал наш земляк Михаил Обуховский.

Нет, речь не идет о мистификации: Владимир (Зеев) Жаботинский, лидер и теоретик сионизма, действительно автор романа "Пятеро", так же как и романа "Самсон Назорей", и многочисленных рассказов.

Как совместить эти два образа? С одной стороны, человек, который с 1903 года, после погрома в Кишиневе, выбрал своей судьбой сионизм и участвовал в организации отрядов самообороны в Одессе, потом, во время первой мировой войны, создал еврейский легион в составе британской армии в Палестине, ядро будущей Армии обороны Израиля. С другой стороны — блистательный фельетонист Altalena, своим остроумием и красноречием восхищавший читателей "Одесских новостей" в начале XX столетия. Основатель движения сионистов-ревизионистов и — эрудит, которого Корней Чуковский позволил себе сравнить с пушкинским Моцартом и даже "с самим" Пушкиным. "От всей личности Владимира Евгеньевича шла какая-то духовная радиация", — вспоминал Чуковский о своем гимназическом друге. Создатель еженедельника "Ha-Zohar"[2] и в то же время

[1] Vladimir Jabotinsky "Les Cinq", Edition des Syrtes, Paris, 2006. Перевод с русского Жак Эмбер (Jacques Imbert). Люба Юргенсон (Luba Jurgenson) — доцент кафедры русской литературы в Сорбонне, Paris IV (здесь и далее примечания переводчика французского "Предисловия").

[2] До 1924 года "Ha-Zohar" ("Восход") издавался в Берлине, затем в Париже, где стал впоследствии центральным органом сионистов-ревизионистов.

Жаботинский-денди, холодная, но лучезарная учтивость которого так восхищала прозаика Михаила Осоргина.

Совершенно не обязательно быть последователем идей Жаботинского, чтобы оценить этот роман. "Пятеро" — истинное произведение искусства. Некоторые его страницы относятся к самым замечательным в русской литературе — как, например, воссозданная рассказчиком исповедь умершей героини.

Тем не менее, существует некая точка, в которой Жаботинский — политический деятель встречается с писателем Жаботинским. Его еврейский национализм, который стоил ему даже обвинения в фашизме, так же как и его европеизм, имели одно и то же происхождение: романтическую культуру, полученную в наследство от немецких и польских мыслителей. Именно из философских течений, порожденных этой культурой, выросла его вера в "естественный национализм". Любая нация представляется как организм, наделенный коллективным сознанием, передающимся из поколения в поколение.

В 1935 году Жаботинский предпринимает воображаемое путешествие в Одессу, в город, где он появился на свет пятьдесят пять лет тому назад. Во времена, когда под пером Жаботинского рождались эти воспоминания, национал-социалистическая Германия приняла Нюрнбергский закон[3], а советская Россия шла к Великому террору. В те же времена сионизм переживал кризис, который и привел его к расколу. Жаботинский создает тогда новую сионистскую организацию, которая просуществовала до 1946 года.

Убежденный в том, что нацизм в Германии и "режим полковников" в Польше[4] угрожают самому существованию европейских евреев, Жаботинский-политик своей главной задачей видит перемещение еврейского населения из Европы в Палестину, сделав отныне "сионизм" синонимом слова "спасение".

Что касается Жаботинского-писателя, то он восхвалял мир европейского еврейства, тот мир, каким он существовал в южной России до погромов и революций начала XX века.

Сионист Жаботинский придавал исключительную важность возрождению иврита, — без него будущее Еврейское Государство было бы немыслимым. И тем не менее, для воссоздания ностальгической и щемящей кар-

[3] В сентябре 1935 в Нюрнберге, на съезде национал-социалистической партии было принято антиеврейское законодательство.

[4] В мае 1939 года в Польше к власти пришли военные во главе с маршалом Рудзь-Смигли (Rydz-Smigly) и полковником Бек (Beck).

тины последних лет исчезнувшего мира, вскорости поглощенного новым советским государством, полиглот Жаботинский избрал язык его детства, русский язык.

Речь идет о русском языке довольно специфическом, вовсе не о том, на котором говорят и пишут в Санкт-Петербурге и в Москве, но о языке Одессы, заимствовавшем нестандартные обороты из языков идиш, польского, греческого, украинского. Язык этот, неотрывный от солнечного и игрового начала с его сильным карнавальным элементом, делает из города на берегу Черного моря культурный анклав на территории империи и, что особенно важно, — миф.

Если о Киеве говорят, что он "мать городов русских", то за Одессой сохранилось ласковое имя "мама", но нет, не России конечно, а проходимцев и жуликов всех сортов. Она — главный герой бесчисленных анекдотов. Одесса — это южная изнеженность и беззаботность, рафинированный дендизм на фоне южной экзотической зелени, коктейль различных культур.

Основанный Екатериной Великой, город-порт принимал многочисленные группы населения, не допускавшиеся в другие города Российской Империи: беглые крепостные, иностранцы, евреи. Один из самых больших городов России, Одесса была также и наиболее терпимой, наиболее космополитичной, сохраняя память о своих правителях XIX века, иностранцев в своем большинстве (первый из них, герцог де Ришелье, французский эмигрант, почитаемый и сегодня как настоящий отец города).

Все это привело к тому, что "потешный" — по словам Жаботинского — город говорит на особом наречии, о красочности которого можно судить по рассказам Бабеля и романам Валентина Катаева, Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Эти же обстоятельства наделили город и своеобразным отношением к истории. Город, сочетающий восточную тягу к роскоши и русскую самоиронию с французским умением жить. Это город реализованного счастья. Ему нечего ждать ни от революционной утопии, ни от ностальгического воздыхания по ушедшей России. Одесса — это целостный мир со своими собственными законами. После революции она потребует подобающее ей место в новой культуре. Более того, она отметит эту культуру своей печатью. Одесские выражения хлынут в советскую литературу — ибо звучащие в них непохожесть и разнообразие окажутся наиболее точным выражением двойственного отношения писателей-попутчиков к революции. Одесса предлагала счастливую альтернативу постреволюционному кошмару 20-х годов, сталинскому ужасу 30-х.

Одесский язык, отмеченный вольностями в отношении нормы, нашпи-

гованный заимствованиями, был до революции местным наречием внутреннего употребления. Однако одесские интеллектуалы говорили на рафинированном русском языке. Нужно было дождаться поколения писателей, черпающих вдохновение в революционных событиях и в реалиях советской жизни, чтобы этот жаргон начал распространяться. Он был пересыпан советизмами, и его изощренный синтаксис обогащался штампами новояза.

Ничего этого, естественно, у Жаботинского нет, русский язык его удивительно чист, как и у большинства русских авторов в эмиграции. Написанный в эпоху, когда рассказы Бабеля были уже хорошо известны русскому читателю и восприняты часто как профанация литературного языка, роман "Пятеро" остается в своей лексике верным Одессе начала века. Одесский "диалект" в романе был избавлен от пропагандистских клише и фольклора нэпа. Это была Одесса уютная, задушевная, которая в романе раскрывалась во всей своей восторженной топографии памяти и забвения, где улицы, площади и кафе являются читателю на фоне берега или моря и где нет различия между природой и тем, что создал человек, — настолько пейзажу самому по себе нравится быть декорацией в этом спектакле.

Этот роман мог бы называться "Последние дни Одессы" или "Хроника одного исчезновения". Безусловно, Одесса вечна. Но революция сломала этот еврейский мир, патриархальный и интеллектуальный. Мир этот, воплощенный в романе семьей Мильгром, попавшей в круговорот событий, сползает постепенно к трагической развязке или полной ассимиляции.

Пять братьев и сестер: "шалопай" Сережа, недалекий Марко, революционерка Лика, интеллектуал Торик, и наконец — красавица, дерзкая неповторимая Маруся — каждый по-своему переживает смятение и упадок, которые царствуют в начале века. Их история переплетается с историей России и русского еврейства. Не происходит ли то же самое и в романе Булгакова "Белая гвардия", где разрушение русского патриархального мира показано в виде семейной хроники? Соединение элементов уходящего мира наиболее наглядно проступает на примере родовых связей. Их распад под действием социальных изменений является более болезненным, чем разрушение физическое. Решающий удар этому миру будет нанесен в романе "Пятеро" камнем символическим, а не реальным, — ребенком, на котором основывалась надежда родителей[5].

Тем не менее, так же, как и Булгаков, Жаботинский далек от декадентской поэтики, от эстетики "конца века". Вот что он сам говорит по этому поводу: "(...) эпохи распада иногда самые обаятельные эпохи. А кто знает:

[5] Речь идет о решившем креститься Торике.

может быть, и не только обаятельные, но и по-своему высокие? Конечно, я в том лагере, который взбунтовался против распада, не хочу соседей, хочу всех людей разместить по островам; но — кто знает? Одно ведь уж наверно доказанная историческая правда: надо пройти через распад, чтобы добраться до восстановления. Значит, распад — вроде тумана при рождении солнца..."[6].

За этим восхвалением упадка чувствуется человек действия. Его Одесса противопоставлена символистской культуре Санкт-Петербурга, которая видит в конце Империи Российской "remake" (повторение) падения империи Римской и, как следствие, разрушение культуры.

Литературное путешествие Жаботинского за пять лет до смерти в его родной город не имеет ничего общего с визитом в "потусторонний мир". Нерушимая Одесса остается живым организмом, несмотря на личные и исторические драмы, которые в ней разыгрываются и в которых всегда есть что-то от театральных трагедий.

Вовсе не случайно, что роман начинается сценой в театре. Одесса должна всегда находиться в "первом ряду", даже если спектакль этот — восстание, вспыхнувшее на борту броненосца "Потемкин", событие, всколыхнувшее всю Россию, которое герои романа наблюдают в "прямой трансляции" с высоты обрыва над морем. Конечно, от романа веет, если использовать выражение Анны Ахматовой, "пятым актом". И, тем не менее, декорации и маски этого представления отказываются принять участие в пляске смерти петербургских персонажей: в Одессе даже апокалипсис принимает облик карнавала. Это определено самой Одессой: "Может быть, вправду смешной был город; может быть, оттого смешной, что сам так охотно смеялся. Десять племен рядом, и все какие, на подбор, живописные племена, одно курьезнее другого: начали с того, что смеялись друг над другом, а потом научились смеяться и над собою, и надо всем на свете, даже над тем, что болит, и даже над тем, что любимо. Постепенно стерли друг о дружку свои обычаи, отучились принимать чересчур всерьез свои собственные алтари, постепенно вникли в одну важную тайну сего мира: что твоя святыня у соседа чепуха, а ведь сосед тоже не вор и не бродяга: может быть, он прав, а может быть, и нет, убиваться не стоит"[7].

Не Одесса ли — насмешница, позволила Жаботинскому как настоящему художнику самоотстраниться от своих собственных политических оценок? Двойственная позиция писателя и мыслителя, не прекращающе-

[6] Приводится по тексту: В. Жаботинский. "Пятеро", стр. 187. Изд. "Оптимум", Одесса, 2003.

[7] Там же.

го призывать евреев диаспоры отправиться в Палестину, напоминая одновременно об их роли в создании Европы, отражает отчасти сложную историю самого сионизма.

Еврейское Просвещение как наследник Хаскалы является отдаленным эхом потрясений, вызванных Французской революцией, сделавших постепенно евреев Западной Европы полноценными гражданами. Проект создания Еврейского Государства, узаконенный историей, является, тем не менее, одним из последствий эмансипации, обратная сторона которой означала полную ассимиляцию, отречение от еврейской идентичности и растворение внутри принявшей (евреев) культуры. Чтобы избежать этой опасности, сионизм Жаботинского, одна из граней европейского романтического национализма, предлагает решительный разрыв с космополитизмом, бывшим составной частью этой идентичности.

Однако Жаботинский никогда не отвергал европейскую культуру. Именно для того, чтобы остаться европейцами, евреям следовало, согласно с его теорией, покинуть Европу. Новая национальная культура, создаваемая на земле Израиля, могла быть только европейской культурой. "Пересадка" должна была совершиться ценой отказа от Европы географической, отказа от территорий рассеяния, где кажущиеся благополучие и спокойствие обернулись для евреев гибелью на протяжении XX столетия. Вырвать с корнем Европу из Европы, спасти европейское наследство, задушенное тоталитаризмом, — такова, возможно, была миссия вымечтанной Жаботинским Одессы, хранителем которой он оказался.

В некотором смысле роман "Пятеро" может быть прочтен как письмо умершей героини, чудесным образом воссоздающее Одессу в ином месте, еще не обретшем географической реальности, но уповающем на воплощение.

Париж

Михаил ПОЙЗНЕР

В честь норвежского исследователя?..

...В дождливые или морозные дни, когда меня не выпускали на улицу или когда мама уходила на базар и закрывала нас на ключ, я, еще не умея толком читать, подобрав под себя ноги, забирался на подоконник и листал красивые толстые книги — энциклопедии, собрания сочинений, журналы, альбомы...

Как-то раз мне попался альбом "Героические корабли Российского и Советского Военно-Морского Флота", который был, очевидно, подарен моим дядей — ветераном Северного флота, полковником ВВС ВМФ. Со страниц альбома смотрели красочные силуэты боевых кораблей, мелькали названия и бортовые номера, гюйсы и бескозырки, гордо развевающиеся флаги...

Так я наткнулся на ледокол "Сибиряков". На всю жизнь запомнился рисунок, изображающий неравный бой "Сибирякова" с фашистским кораблем. Поражали сами пропорции — огромный немецкий линкор и маленький "Сибиряков", оказавший ему сопротивление. Вздыбленные волны, жерла фашистских орудий, взрывы... а горящий "Сибиряков" и его отважные моряки ведут огонь по врагу.

Это не могло не волновать.

Потом я много раз возвращался к этому альбому. Снова и снова читал и вчитывался, пытаясь вникнуть в суть того, что совершил "Сибиряков". Ради чего пошел на самопожертвование, на верную гибель — практически без каких-либо шансов выжить.

С годами эта история обрастала новыми деталями и определенными тонкостями, которые я смог понять лишь с возрастом, читая уже другие, "взрослые" книги.

Потом была военно-морская кафедра одесского Водного института, где с переменным успехом подогревали наш патриотизм на достойных примерах доблести и героизма. Как раз "Сибиряков", как никто другой, подходил для этой цели. Поэтому рассказов о тех событиях 42-го года в Карском море было предостаточно.

Ничего, однако, принципиально нового по сравнению с первым детским прочтением, я так и не узнал. И когда кто-то вдруг заговаривал о "Сибирякове", мне становилось откровенно скучно. Все это я знал и повторял про себя и при других много-много раз. Даже мог выступать в чьем-то споре в качестве арбитра, так как помнил наизусть географию

тех мест, цифры, калибры стволов, фамилии и, как мне казалось, малейшие обстоятельства того боя.

Но так только казалось...

Я помню гордые слова легендарного норвежца Фритьофа Нансена: "Плавать по морю необходимо, жить не так уж необходимо...".

Но сейчас речь о другом "норвежце"...

1. Притча на устах у всех...

Плавал в арктических водах ледокольный пароход "А. Сибиряков"*. Плавал себе и плавал...

В годы Великой Отечественной войны "А. Сибиряков" был приписан к ледокольному отряду Беломорской военной флотилии. С 25 октября 1941 г. его командиром стал старший лейтенант А.А. Качарава**.

Согласно разработанному в 1942 г. немецким командованием плану "Вундерланд" ("Страна чудес"), на трассу Северного морского пути предполагалось вывести тяжелые крейсеры "Лютцов" и "Адмирал Шеер" при поддержке эсминцев, подводных лодок и авиации. Задача пиратского рейда заключалась в том, чтобы сорвать транспортные перевозки из Сибири. В середине августа 1942 г. операция "Вундерланд" вступила в решающую стадию — "Адмирал Шеер" с эскортом эсминцев и подводных лодок вышел на "караванную тропу" и затаился, поджидая добычу.

В это самое время в Диксоне готовили к отходу конвой из девяти транспортов и английского танкера с топливом, предназначенным для отряда военных судов, а от мыса Челюскин к западу следовал другой конвой, состоящий из тринадцати транспортов и двух ледоколов. Эти-то караваны и стали бы жертвами фашистского рейдера, если бы путь ему не преградил ледокол "Сибиряков".

* Судно построено в Великобритании (г. Глазго) в 1909 г. под названием "Беллавенчур". В 1916 г. приобретено Россией у Канады, переименовано в честь русского золотопромышленника и исследователя Сибири А.М. Сибирякова.

В 1932 г., впервые в истории за одну навигацию "А. Сибиряков" совершил 65-суточное сквозное плавание из Белого моря в Беринговo, доказав возможность практического использования Северного морского пути (начальник экспедиции О.Ю. Шмидт, капитан судна В.И. Воронин). Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

** Качарава Анатолий Алексеевич (1920-1982) — известный капитан дальнего плавания. После Великой Отечественной войны командовал ледокольными и транспортными судами Главсевморпути и Мурманского морского пароходства. С 1967 по 1979 гг. — начальник Грузинского морского пароходства. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции. Его именем назван танкер (1984 г.) и улица в Батуми — см. "Морской биографический словарь" (С.-Петербург, LOGOS, 1995).

"Сибиряков" в начале войны был усилен двумя 45-, двумя 76-миллиметровыми орудиями и двумя спаренными пулеметами. Вооружение это выглядело смехотворным по сравнению с вооружением "Шеера" — шесть 280 мм, восемь 150 мм и шесть 105 мм орудий (к тому же имеющем самые современные средства автоматического управления стрельбой). Да еще броня 76-102 мм (!) и скорость 26 уз. (!).

25 августа 1942 г. "Сибиряков", следовавший из Диксона на Северную Землю с грузом для полярной станции, был замечен фашистским крейсером. "Шеер" поднял американский военно-морской флаг*, развернулся к "Сибирякову" носом, чтобы трудно было его распознать. На "Сибирякове" задумались: откуда в этих широтах американцы? Тем не менее, капитан "Сибирякова" передал на Диксон донесение о встрече с иностранным судном.

Немцы затребовали сведения о ледовой обстановке в проливе Вилькицкого и местонахождении каравана советских судов. Не получив ответа, "Шеер" стал глушить радиоволну, на которой работал "Сибиряков". Потребовали прекратить работу судовой радиостанции.

На "Сибирякове" объявили боевую тревогу, Качарава попытался увести судно на мелководье, к острову Белуха. Немцы подняли фашистский флаг, дали предупредительный выстрел, затем последовали команды:

"*Стоп машина!*"

"*Спустите флаг, сдавайтесь!*"**

С "Сибирякова" тут же сообщили по рации на Диксон о фашистском крейсере, что, понятно, было чрезвычайно важно. Теперь нужно было как можно дольше задержать врага, отвлечь его от выполнения главной задачи и тем самым спасти конвой.

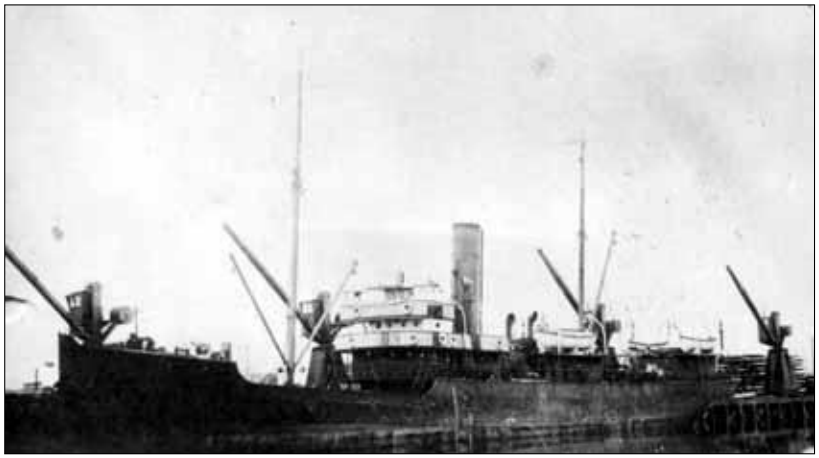
"Сибиряков" открыл огонь из всех орудий.

На рейдере поначалу даже растерялись: кто же мог ожидать, что практически безоружный ледокольный пароход отважится напасть на линкор (!). Сибиряковцы успели дать три залпа, но снаряды легких орудий не могли причинить сколько-нибудь серьезного ущерба "плавучей крепости". Развернувшись правым бортом, "Шеер" ударил из 11-дюймовых орудий, с расстояния 56 кабельтовых***. Четыре тяжелых снаряда попали в ледокол, вскоре превратившийся в пылающий факел. Появились пробоины. Судно не тонуло лишь потому, что в трюмах находилось порядка

* По другим сведениям, на "Шеере" подняли японский флаг, назвавшись чем-то похожим на "Сисияма".

** В других источниках приводятся различные формулировки этих команд, однако смысл идентичен.

*** 1 кабельтов равен 185,2 метра

Ледокольный пароход "А. Сибиряков"

600 тонн леса. Одновременно "Шеер" перерезал пути отхода "Сибирякова" к острову Белуха...

В сложившейся обстановке капитан приказал старшему механику Н.Г. Бочурко в случае опасности открыть кингстоны и затопить судно. Оставшиеся неповрежденными орудия вели огонь по врагу. Но силы были неравными.

Это была расправа, настоящая расправа...

Очередными залпами разворотило полубак, была уничтожена кормовая батарея, из строя вышел котел. "Сибиряков" резко сбавил ход. Качарава приказал спустить шлюпки, но был тяжело ранен и потерял сознание. Старший механик Н.Г. Бочурко открыл кингстоны. "Сибиряков", накренясь на левый борт, стал тонуть.

Многие члены экипажа и пассажиры погибли уже в первые минуты боя.

Удалось спустить несколько шлюпок, заполненных ранеными и частью экипажа*. Оставшиеся в живых 18 человек попали в фашистский плен.

Так героически погиб ледокол "Сибиряков".

Вот, пожалуй, и все.

Радиостанция Диксона беспрестанно передавала:

"*Всем! Всем! Всем!*

Для сведения командиров кораблей, находящихся в Карском море. В районе побережья Харитона Лаптева появился крейсер противника!"

* На борту "Сибирякова" находилось 104 человека.

Теперь уже вся Арктика знала, что в Карском море немцы.

Теперь их уже везде ждали. Как-никак, рядом были советские подводные лодки, на восточных аэродромах сосредоточивалась авиация...

"Шеер", однако, успел наделать делов — открыл огонь по порту Диксон и находящимся там судам, но, получив неожиданный отпор (несколько прямых попаданий со сторожевика "Дежнев" и береговой батареи, огонь с парохода "Революционер"), вынужден был покинуть Карское море*.

А начиналось все с "Сибирякова"...

То, о чем я рассказал выше, так или иначе общеизвестно. Об этом писали даже в отрывных календарях... На подвиге "Сибирякова", метко прозванного "Арктическим "Варягом", воспитывались целые поколения.

Тем не менее, это не вся правда...

Все-таки одному человеку с "Сибирякова" удалось спастись. Кочегар П.И. Вавилов** сумел продержаться сначала на бревне, а затем на полузатопленной шлюпке добрался до острова Белуха, где прожил в полном одиночестве 34*** (!) дня. Он был замечен с парохода "Сакко" и снят (с огромными трудностями) известным полярным летчиком Героем Советского Союза И.И. Черевичным. Вавилов поначалу и рассказал в деталях о бое "Сибирякова" и о том, что происходило на самом судне. Правду...

Кто погиб, кто оказался в плену.

Свидетельствовал Вавилов.

Когда ранило капитана, и он потерял сознание, все команды отдавал комиссар судна З.А. Элимелах.

Это он приказал старшему механику Н.Г. Бочурко в случае опасности пленения открыть кингстоны и затопить судно****.

Это он возглавил аварийную группу, от которой зависела каждая лишняя минута жизни "Сибирякова".

Это он приказал уничтожить судовые документы.

Это по его приказу радист А.Г. Шаршавин***** послал в эфир последнюю радиограмму: "*Помполит приказал покинуть судно. Горим, прощайте. 14 ч. 05 мин.*".******

* Ряд исследователей отрицают факт попадания снарядов в "Шеер".

** В 1960 г. П. И. Вавилову было присвоено звание Героя социалистического труда. Умер в г. Архангельске 18 января 1966 г.

*** По другим данным, 36 дней.

**** Басов А.В. Советский флот на защите социализма. М., Просвещение, 1985.

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. М., Воениздат, 1974.

***** В некоторых источниках указана фамилия А.Г. Шершавин.

****** Аммон Г.А. Морские памятные даты. М., Воениздат, 1987; Вайнер Б.А. Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне. М. Воениздат, 1989.

С "Шеера" спустили катер, чтобы захватить шлюпку с уцелевшей частью экипажа*. Люди мало кого интересовали — нужны были прежде всего сведения о ледовой обстановке в Карском море, шифры, коды...

Сошли все, даже вынесли капитана. Кочегар Н.И. Матвеев, который не хотел сдаваться, был тут же расстрелян.

Не сошел лишь комиссар.

Он утонул вместе с судном в ледяной воде, на виду у всех, у флага...

А теперь все по порядку.

В хронологической (может, не всегда логической) последовательности.

Газеты, журналы, книги, письма, архивные справки. Воспоминания очевидцев. Мнения специалистов. Взгляды так называемой общественности.

Только факты.

Откровенная ложь и чистая правда. Пробелы в памяти. Игра в молчанку с определенной целью. И путаница безо всяких целей...

За всем этим годы жизни.

2. С координатами 73°31' с. ш., 80°27' в. д...

Помню, как в Водном институте один из офицеров военно-морской кафедры рассказывал о бое "Сибирякова". Рассказывал довольно скучно, показывая всем своим видом, что и сам слабо верит в эту "историю". Такое бывает только в кино...

И я много раз представлял себе картину того боя.

Много раз тонул вместе с "Сибиряковым"...

И каждый раз, когда пересказывал это другим, по коже пробегали мурашки, когда подходил к финальному моменту: судно уходит под воду, на корме у флага комиссар. Человек, презревший смерть...

Конечно, хотелось знать об З.А. Элимелахе как можно больше.

Я пересмотрел массу специальной литературы. Увы, в основном, это лжепатриотические штампы — тексты, аккуратно переписанные из одних книг в другие. Тексты, в которых "авторы" могли заменить разве что какие-то отдельные слова.

В некоторых книгах иногда встречалась фамилия комиссара, но не более того.

Не знаю, писал бы вообще я сегодня эти строки, если бы совершенно

* Из захваченных 18 человек 13, в том числе капитан А.А. Качарава, выжили и вернулись из плена (Северная Норвегия, г. Нарвик).

Зелик Абрамович Элимелах

случайно мне не попался краткий справочник Б.Г. Масленникова по морской топонимике "Морская карта рассказывает", выпущенный Воениздатом в 1986 г.

Каким же было мое удивление, когда я здесь внезапно наткнулся на комиссара "Сибирякова"! Со стр. 241 на меня смотрела тусклая довоенная фотография с подписью: "З.А. Элимелах".

Текст гласил:

"*Элимелаха, остров, Карское море, у острова Диксон. Назван по фамилии комиссара л/п "А. Сибиряков" Элимелаха Зелика Абрамовича*".

Так я впервые узнал имя и отчество комиссара, поняв наконец-то, что кроется за таинственными инициалами З. А. Во всех книгах, которые я смотрел раньше, если и встречалась фамилия Элимелах, инициалы не расшифровывались...

Не в этом ли основная причина всеобщего забвения?!

Встречая в текстах фамилию Элимелаха, я особо не задумывался о его национальности. Скажу больше, у меня не было никаких сомнений. Служили же на Советском Военно-Морском Флоте обрусевшие (в каком-то поколении) немцы — все эти фон Трибуцы, Галлеры, Ралли. К тому же занимавшие солидные командные высоты. Со временем этот "фон", конечно, пропал. Чисто автоматически и Элимелаха можно было причислить туда же. Но теперь все, кажется, становилось на свои места.

Согласитесь, не каждый день в честь простых смертных, да еще в XX веке, называют острова! Тем более в честь еврея, тем более в СССР... Не скажу ничего нового — чтобы во время войны еврею получить, например, Звезду Героя Советского Союза, нужно было совершить не геройский подвиг, а подвиг беспрецедентный...

Так уж сложилось.

Я обратился непосредственно к Б.Г. Масленникову* и вскоре получил ответ:

* Выражаю свою искреннюю благодарность Борису Георгиевичу Масленникову за помощь в розыске материалов, так или иначе имеющих отношение к "Сибирякову".

"*...Специально "Сибиряковым" я не занимался. Меня интересовали только основные технические характеристики судна... Поэтому в полной мере я не смогу быть Вам полезен. О "Сибирякове" и его экипаже писалось очень много... Еще раз благодарю Вас за внимание к моей книге.*

Б. Масленников
25 марта 1987 г."

"*Писалось очень много...*" — это, действительно, так. Но вот что и, главное, как говорилось о комиссаре "Сибирякова"?

Я не мог спокойно верить этому справочнику. Мало ли что пишут? В конце концов, могут быть и описки... Весь мой предыдущий опыт "прочтения" и "написания" говорил скорее об этом, чем о другом.

Решил связаться с Диксоном, как бы услышать все из первых уст. Красноярский край — свет тоже не близкий. Но куда писать? Мне подсказали, что можно на Диксон сперва позвонить по телефону. "Дергался" я несколько месяцев, пока случайно не разговорился с бывшим выпускником все того же Водного института, когда-то работавшим на Диксоне по распределению. Он-то и дал мне давнишний телефон... Диксонского райкома партии. Когда я усомнился в "свежести" телефонного номера, мой визави весело подмигнул: "Смотри! Номер они (!) могут с тобой "отбыть", скорее, чем поменять свой. Все это надолго...".

Мне повезло, я дозвонился почти с первого раза (с учетом поправки на часовой пояс — разница с Москвой четыре часа). Трубку сняла женщина, какой-то очередной инструктор очередного орготдела райкома. После некоего вступления я спросил: "Так в честь кого там у вас назван остров? Кто этот Элимелах?!". Последовала небольшая пауза. Очевидно, порывшись в каких-то бумагах, инструктор довольно уверенно ответила: "*Остров назван, по-видимому, в честь... норвежского исследователя* (!!!) *Арктики...*".

Как говорится, хоть стой, хоть падай.

Действительно, кто сейчас о чем-то помнит?.. А так легче и, главное, привычней. В Арктике и Антарктике значительное количество географических названий скандинавского происхождения. Достаточно посмотреть на карту...

Забегая вперед, скажу, что после моего возмущенного письменного обращения в Диксонский райком КПСС я все-таки получил необходимые ориентиры и исчерпывающий ответ (письмо исх. № 88 от 10.04.87 г.) за подписью секретаря райкома тов. М. Карпенко, которому я весьма признателен. Письмо заканчивалось словами благодарности:

"*...Большое спасибо за работу, которую Вы проводите по военно-патриотическому воспитанию. Нам приятно, что события, которые стали частью истории нашего Диксона, волнуют жителей далекой Одессы...*" Им даже показалось несколько странным, что кто-то там в Одессе (!) может заинтересоваться этим историческим "хламом".

Смутно подумалось, сколько же еще таких сознательно созданных "на ровном месте" белых пятен — пятен безразличия и забвения?! Сколько еще таких "норвежских" и других "исследователей" стоят в одной общей очереди... за справедливостью?

Живые и мертвые все еще продолжают занимать эту очередь...

...В ледяных водах Карского моря к северо-востоку от Диксона возвышается скалистый островок Элимелаха — маленький клочок российской земли. Его координаты 73°31' с. ш., 80°27' в. д. Неподалеку от острова Элимелаха находится другой островок, Белуха, на самой вершине которого воздвигнута башня-памятник со светящимся навигационным знаком.

На мемориальной доске значится: "*Башня установлена гидрографами Диксонской гидрографической базы в память ледокольного парохода "А. Сибиряков", погибшего 25 августа 1942 года в бою с немецко-фашистским линкором. Вечная слава героям!*".

Много лет суда, проходящие у этих неприветливых каменистых берегов, приспускают флаги, и протяжные гудки оглашают безмолвие...

Это и в Вашу честь, Зелик Абрамович!

3. Вы нам писали…

Так все-таки, кто же такой Элимелах?!

Что о нем вообще известно?

Не писал я разве что только Господу Богу...

Итак...

● Музей Арктики и Антарктики Арктического и Антарктического НИИ г. Ленинград (письмо исх. № 42-17 от 19.02.87 г.): "*...Музей биографическими данными о комиссаре л/п "А. Сибиряков" Зелике Абрамовиче Элимелахе не располагает...*"

● Журнал "Морской флот" (письмо исх. № 238, 4.03.87 г.).

Эти добросовестно повторили подкинутую когда-то "сверху" "утку" — ложь, сколоченную, как "там" казалось, на долгие времена:

"*...В ответ на Ваше письмо сообщаем, что первый помощник капитана*

ледокольного парохода "А. Сибиряков" Зелик Абрамович Элимелах, когда судно, охваченное огнем, стало тонуть, предложил морякам прыгать за борт и на обломках добраться до острова Белуха. Он первым прыгнул в ледяную воду, за ним последовало несколько моряков. Но через несколько минут они утонули, предпочтя смерть фашистскому плену... К сожалению, больше ничем помочь не можем".

Ответственный секретарь журнала М.И. Курносов, подписавший письмо, слово в слово, правда, без кавычек, повторил несколько провокационное "предположение", высказанное в книге Е.М. Сузюмова "Подвиг "А. Сибирякова" (Воениздат, М., 1964).

Оказывается, боем руководил не Элимелах, он уже после боя, как когда-то на партсобраниях, академически "*предложил*" (!) прыгать за борт, в ледяную воду (!), чтобы вплавь (!) добраться аж до острова Белуха (!) — это ни много ни мало, всего 10 миль (!). Последствия такого действа нетрудно предугадать... Мог ли к этому призывать опытный моряк, прослуживший много лет в Заполярье?

На кого это рассчитано?!

Действовали, очевидно, по принципу: если уже упомянуть Элимелаха, так только в таком контексте.

Далее тот же Курносов рекомендовал мне прочитать статью А. Качаравы "Арктический "Варяг" в журнале "Морской флот" № 5, 1970. Об этой "содержательной" статье чуть позже.

● Газета "Красная звезда" (письмо исх. № 13/16401 от 16.03.87 г.):

"*К сожалению, мы не располагаем столь подробными сведениями, о которых Вы спрашиваете...*"

И это Центральный орган Минобороны СССР!!!

Когда же я собрал эти сведения и направил в "Красную звезду", мне довольно жестко ответили: "*Получили Ваше письмо. Материал о комиссаре "А. Сибирякова" нас не заинтересовал...*" (письмо исх. № 13/73966 от 21.10.87 г.).

Как говорится, насильно мил не будешь...

● Музей Морского Флота СССР (письмо исх. № 533, 2.09.87 г.)

"*...К сожалению, в фондах музея, кроме фотографии З.А. Элимелаха и стармеха Н.Г. Бочурко за беседой в каюте 1942 г. и копии судовой роли л/п "А. Сибиряков" за 1942 г. с указанием фамилии помполита З.А. Элимелаха, больше ничего нет*".

Увы! Забегая вперед, скажу, что, ознакомившись с имеющейся в музее копией "Судовой роли л/к "Сибиряков" за 1942 год" (30.08.65 г., Архоблгосархив, ф. 2323, оп. 1, д. 24, л. 12 об.), пришлось констатировать, что сре-

ди 43-х членов экипажа фамилия помполита З.А. Элимелаха не значится. Нет и других фамилий...

Как говорится, та судовая роль, да не та...

● Журнал "Морской сборник" (письмо исх. № 1226 от 22.10.87 г.):

"*...О л/п "А. Сибиряков" наш журнал писал немало. Если у Вас действительно собран материал, который открывает новые страницы в судьбе корабля и членов его экипажа, то присылайте...*"

Прислал.

Но, очевидно, для этого журнала "*...новых страниц в судьбе корабля и членов его экипажа...*" я не открыл. Получается, что, наверное, комиссар не является членом экипажа... И вообще, кого он теперь интересует? И тема довольно мелкая...

● Из редакции журнала "Ветеран" — иллюстрированного приложения к газете "Труд" (письмо исх. № 24320 от 25.08.88 г.) ответили в лучших традициях "советского" опыта: "*Внимательно ознакомились с Вашим материалом. О "Сибирякове" написано немало... О комиссаре Элимелахе написано... без показа боевых и моральных качеств героя... Возвращаем вам материал...*"

Подписавшийся именовал себя референтом отдела истории.

Подавай референту героизм! Подавай моральный облик! Иначе не попадешь в его историю...

Одним словом, узнать что-то или публиковать материалы о комиссаре "Сибирякова", мягко говоря, не хотели.

"Не прошел номер" и у Александра Яковлевича Кнопа, известного одесского журналиста, настойчиво пытавшегося по моим материалам опубликовать в московской газете "Неделя" статью "Кто вы, комиссар Элимелах?". Сначала тянули время, потом вовсе пропали...

И это только самая "лучшая" часть "содержательных" ответов на мой вопрос о комиссаре "Сибирякова"!

Очевидно, изначально предполагалось, что такое количество вранья должно перейти в качество.

Одним словом, приказано забыть...

4. Личное дело № 28490: "Сведений о наградах... не установлено"

Откуда родом комиссар "Сибирякова"? Чем отмечен за совершенный подвиг?!

Я обратился в Гатчину, в Центральный Военно-морской архив.

Из архива внаглую ответили:

"*Архив не имеет возможности заняться исследованием биографии Элимелаха З.А. для удовлетворения Вашего интереса*".

"*Не имеет возможности?*"

Но я уже не мог остановиться.

Где-то в январе 1987 г. копию этого ответа направил тогдашнему начальнику Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота... с сопроводительным письмом.

Без каких-либо вступлений я написал:

"Товарищ начальник!

Кто там у Вас сидит в архиве?

Как этот человек вообще понимает свою работу и военно-патриотическую, в частности?!

Вы, пожалуйста, ему объясните, а мне ответьте по существу..."

Через дней двенадцать из Центрального Военно-морского архива за подписью того же начальника пришел долгожданный ответ (письмо исх. № 525/п от 3.02.87 г.). Привожу текст полностью:

"*Центральный Военно-морской архив.*

Архивная справка.

Политрук Элимелах Зелик Абрамович родился в 1911 году в г. Гомеле БССР. В 1933 г. окончил комвуз им. Свердлова в Москве. Военного образования не имеет.

В ноябре 1934 г. зачислен на службу в ВМФ. Проходил службу военкомом корабля ЛД-6 "Сибиряков" Беломорской военной флотилии. Погиб 25 августа 1942 года вместе с ледокольным пароходом "Сибиряков", который в Карском море при встрече с крейсером противника вступил в бой и, несмотря на героическое сопротивление, был потоплен.

Сведений о наградах Элимелаха З.А. в документах архива не установлено.

Сведения о родственниках: отец умер в 1939 году, мать в 1941 г., проживала у брата в Гомеле, после оккупации Гомеля ее судьба не известна. Жена — Мария Соломоновна Зайдербит — г. Акмолинск Казахской ССР, сын — Альфред, рождения — январь 1940 г. (данные на 1941 г.).

Основание: карточка Ф. 1. л/дело № 28490.

Инв. № 7464, л. 628

Начальник архивохранилища Макаров"

В этом официальном документе даже не указано название крейсера противника. А ведь сам по себе "Шеер" — это не такая уж маловажная деталь...

Вот такая архивная (!) справка.

...Самая обычная биография. Если не сказать типичная для людей того времени.

Жизнь в провинциальном городке, переезд в Москву или Ленинград, учеба, работа, неожиданная путевка комсомола на флот. Дело, которому ты служишь. Дело на всю жизнь...

Эти люди не прятались за чужие спины. Они вынесли на себе все, что досталось целому поколению.

Частная расхожая фраза: "*Он пережил войну*...". К таким, как комиссар "Сибирякова", это не относилось. Они жизнью своей распоряжались так, чтобы другие пережили войну.

Бессмертно или посмертно боевые награды давали за боевые заслуги...

Как можно спокойно читать, что в Центральном (!) Военно-морском архиве... сведений о наградах Элимелаха З.А. в документах "*не установлено*"?!

После непродолжительных поисков я все-таки разыскал соответствующие документы, датированные 1961 годом.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ВОЕННО-МОРСКОЙ
АРХИВ

3 февраля 1961 г.

№ 525/п

188330, г. Гатчина
Ленинградской обл.,
Красноармейский пр. 2

пенсионеру М.В.
270008, г.Одесса-8,
ул.Южная,д.5,кв.28.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

По спискам ЭЛИМЕЛАХ Зелик Абрамович родился в 1911 году в г.Гомеле БССР. В 1933 г.окончил комвуз им.Свердлова в Москве.Военного образования не имеет. В ноябре 1934 г. зачислен на службу в РККФ.Проходил службу военкомом корабля ПЛ-1"Сибиряков" Беломорской Военной флотилии. Погиб 25 августа 1942 года вместе с ледокольным пароходом"Сибиряков", который в Карском море при встрече с крейсером противника вступил в бой и, несмотря на героическое сопротивление, был потоплен.

Сведений о наградах ЭЛИМЕЛАХА З.А. в документах архива не установлено.

Сведения о родственниках:отец умер в 1939 году, мать в 1941г. эвакуирована у брата в Гомеле,после оккупации Гомеля ее судьба не известна.Жена-Мария Соломоновна Заблотант -г.Кисловодск Ставропольского края,сын-Альфред,рождения-январь 1940г./данные на 1941г./

ОСНОВАНИЕ:картотека ф.1, д/дело № 29490, опись 7464,л.828.

НАЧАЛЬНИК АРХИВОХРАНИЛИЩА /подпись/ /Макаров/

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР
О награждении орденами СССР
членов экипажа Краснознаменного
ледокольного парохода "А. Сибиряков"

За мужество и стойкость, проявленные членами экипажа Краснознаменного ледокольного парохода "А. Сибиряков" в бою с фашистским крейсером "Адмирал Шеер" в период Великой Отечественной войны,

наградить:

Орденом Отечественной войны II степени

Бочурко	Николая Григорьевича
Никифоренко	Семена Федоровича
Элимелаха	Зелика Абрамовича

Орденом Красной Звезды

Алексеева	Ивана Алексеевича
Герегу	Серафима Изосимовича
Копылова	Ивана Федоровича
Павловского	Андрея Тихоновича
Седунова	Федора Васильевича

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. Брежнев

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. Георгадзе

Москва, Кремль, 29 апреля 1961 года.

Соответствует ли "статус" ордена Отечественной войны II степени (!) совершенному подвигу — это уже дело другое. Сейчас можно только догадываться, чем руководствовались те, кто представлял сибиряковцев к именно такой награде. Тем более посмертно...

С кем сравнивали? Что брали за основу?

Как "измеряли" пролитую кровь...

И не слишком ли малая цена за срыв хорошо спланированной вражеской операции по дестабилизации работы Северного морского пути?

Так или иначе, но факт остается фактом — этим Указом со всеми вместе капитан "Сибирякова" награжден не был...

По крайней мере, мне другой Указ не известен.

5. Игра в молчанку...

Интересное это дело — издание книг, откуда люди, собственно, и черпают информацию по интересующим вопросам.

В этом смысле наших "ребят" не нужно было учить, как сделать так, чтобы эти, интересующиеся, приняли черное за белое или вообще, как надо говорить-говорить, но так ничего и не сказать...

А как, например, жонглировали тиражами изданий?

Правду могли печатать в книгах, выпускаемых минимальнейшими тиражами, в то время как "то, что должны были принять за правду", — тиражами немереными, иногда сотнями тысяч... Понятно, что не каждый мог заглянуть в "малотиражную" книгу. Она попросту не могла попасть, как любили говорить, к широкому читателю. Тем не менее, если надо, всегда можно было даже упрекнуть "правдоискателя", ссылаясь на эту же "малотиражную" книгу — мол, читайте, — все написано...

Приемы известные.

Примерно то же происходило и с "Сибиряковым". Все-таки мне удалось отыскать "нужные" и "ненужные" книги...

Что же писали о "Сибирякове" и его комиссаре?

Лишь несколько примеров.

● Статья самого Качаравы "Арктический "Варяг" (журнал "Морской флот" № 5, 1970). Статья к 25-летию Победы.

Расписано все подробно и по порядку... В общем перечислении упомянут З.А. Элимелах (фамилия его указана сразу с двумя ошибками). Цитата: "*...Комиссар Эллимейлах и боцман Павловский старались принять все меры для спасения оставшихся в живых людей...*

...Лишь одну полуразбитую шлюпку удалось кое-как спустить на воду. В нее-то и поместили мое почти бездыханное тело... Эта шлюпка спасла жизнь восемнадцати сибиряковцам..."

Все. Что дальше произошло с комиссаром — ни слова...

● В книге "Корабли-герои" (изд-во ДОСААФ СССР, М., 1976) — статья А. Качаравы "Незабываемое". Здесь снова повторение: "*...Комиссар*

и боцман Павловский старались принять все меры для спасения людей...". Опять упоминание об одной сильно поврежденной шлюпке, которая "*...спасла жизнь шестнадцати сибиряковцев...*".

В отличие от боцмана, даже не называя компрометирующей фамилии комиссара.

● Журнал "Морской флот" № 5, 1985 — статья Г. Нулина "Бой у острова Белуха". Опять юбилейная, к 40-летию Победы. Статья "снабжена" красочной картинкой известного художника Е. Войшвилло "Бой "Сибирякова".

Цитата: "..."*А. Сибиряков" превратился в пылающий факел... Капитан приказал открыть кингстоны... Удалось спустить одну, чудом уцелевшую, шлюпку. В ней разместились 19 оставшихся в живых моряков вместе с тяжело раненным капитаном...*"

В 1980 г. приказ открыть кингстоны уже давал... капитан Качарава, а в шлюпке было уже девятнадцать человек.

О комиссаре "Сибирякова" ни слова...

Это только газеты и журналы. А что книги? Мало- и многотиражные книги?!

Немного высказываний из них...

● Головко А.Г. Вместе с флотом. М., Воениздат, 1960.

Адмирал Головко — командующий Северным флотом в годы войны.

Событиям на "Сибирякове" посвящена глава восьмая "*Шеер" получает отпор*". Целая глава!!! Одна из семнадцати!

О комиссаре "Сибирякова" ни слова...

И так в двух переизданных книгах воспоминаний — 1979 и 1984 гг.

Такое впечатление, что мысли адмирала "причесаны" беспощадной... государственной рукой.

Хотя каждое последующее переиздание снабжено припиской "*исправлено и дополнено*", места для Элимелаха не нашлось...

● Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. М., Воениздат, 1971.

"Сибиряков" стал отстреливаться... Однако получил несколько попаданий тяжелых снарядов, загорелся и начал тонуть.

Восемнадцать человек из числа команды "Сибирякова", находившиеся в спасательной шлюпке, в том числе тяжело раненый капитан А.А. Качарава, были захвачены фашистскими пиратами... Только одному... кочегару П.И. Вавилову удалось на полузатопленной шлюпке добраться до острова Белуха...

Остальные члены экипажа "Сибирякова" погибли".

Жесткое повествование. Хронологическая точность.

Бывший главнокомандующий ВМФ СССР даже не выделил комиссара среди "*остальных членов экипажа...*".

Кто-кто, а Николай Герасимович хорошо знал, кто и что делал на "Сибирякове".

Только непонятно, это взгляды самого Кузнецова либо рука цензора, занесенная над текстом его воспоминаний...

О комиссаре "Сибирякова" ни слова...

● Морской транспорт СССР. Под общей редакцией министра морского флота СССР Т.Б. Гуженко. М., Транспорт, 1984.

"*...Силы были слишком неравны.*

Охваченный пламенем, ледокольный пароход продолжал героически сражаться... пока не вышло из строя последнее орудие. "А. Сибиряков" затонул.

В бою погибла большая часть экипажа... 18 моряков высадились на единственную уцелевшую шлюпку, но их захватил катер, спущенный с немецкого крейсера..."

Даже этот фолиант, изданный к 60-летию Морского Флота СССР, отделался констатацией факта, обойдя стороной саму суть. Как говорится, не переходя на личности... Все остальное — "за кадром".

О комиссаре "Сибирякова" ни слова...

● Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. Издательство "Советская энциклопедия", М., 1985.

"*...25 августа 1942 "Сибиряков" (командир — старший лейтенант А.А. Качарава), находясь в Карском море у о. Белуха, встретился с немецким тяжелым крейсером "Адмирал Шеер", героически вступил с ним в неравный бой и погиб. "Сибиряков" успел предупредить по радио на о. Диксон о приближении крейсера и тем самым лишил внезапности нападение "Адмирала Шеера" на защитников Диксона...*"

А о том, что потом был плен, говорить как-то не пристало. Тем более в энциклопедии, изданной к 40-летию Победы.

О комиссаре "А. Сибирякова" ни слова...

● Папанин И.Д. Лед и пламень. Политиздат, М., 1988.

"*...Неравный бой продолжался недолго. В этом сражении наши моряки и полярники проявили необычное мужество и чудеса храбрости. Они знали, что идут на верную смерть, но не дрогнули...*

...Гитлеровцы в упор расстреливали беззащитное судно. Команда и пассажиры принимали поистине героические меры, чтобы погасить пожар, сохранить плавучесть корабля и его ход. На верхнем мостике около

капитана почти все были ранены или убиты. Вскоре упал и Качарава, тяжело раненный.

До гибели "Сибирякова" были считанные минуты, когда оставшиеся в живых 18 моряков, взяв своего лежащего без сознания капитана, спустились в шлюпку, ...но были схвачены подошедшим с рейда катером.

...Сибиряковцы не спустили советского флага. Их корабль, растерзанный тяжелыми снарядами, упал в морскую пучину с реющим флагом..."

И это пишет сам Иван Дмитриевич Папанин, начальник Главсевморпути (!), в годы войны уполномоченный Государственного Комитета Обороны!..

Сколько пустых и напыщенных "героических" фраз!

Чего только стоит "*гитлеровцы в упор расстреливали беззащитное судно*"? Стрелял-то "Шеер" с расстояния 56 кабельтовых. А это ни много ни мало километров... десять! И если уже расстреливал в упор, зачем же тогда немцам понадобилось еще посылать "*с рейда катер*" для захвата оставшихся в живых сибиряковцев?! Общие восклицания типа "*сибиряковцы не спустили флага...*" просто обескураживают. Как это себе представлял И.Д. Папанин?

О комиссаре "Сибирякова" ни слова...

Очевидно, он сразу же причислен к тем, кто "*на верхнем мостике около капитана... были ранены или убиты*". Чем не выход из положения?

А ведь "*ушел в морскую пучину с реющим флагом*" именно комиссар "Сибирякова" Зелик Абрамович Элимелах, для которого у бывшего начальника Главсевморпути и дважды Героя Советского Союза не хватило слов... Такая, с позволения сказать, "историческая правда" от компетентного человека тиражировалась по 100 тысяч экземпляров (!), и не единожды. Текст этот пережил как минимум четыре (!) издания.

Сколько же поколений черпали знания о "Сибирякове" из этой "мутной воды", из этого гладкого, идеологически выверенного, героического повествования?!

● Морской биографический словарь. Под редакцией адмирала И.В. Касатонова. С.-Петербург, LOGOS, 1995.

"*...Качарава А.А. — капитан ледокольного парохода "А. Сибиряков" с 1941 года.*

25 августа 1942 г. в Карском море вступил в неравный бой с тяжелым немецким крейсером "Адмирал Шеер". Убедившись в безвыходности положения, приказал затопить судно..."

Все гладко... "*Вступил в бой*", "*приказал затопить судно*"...

Фашистского плена не было. Зачем, чтобы кто-то задумался?

О комиссаре "Сибирякова" ни слова...

6. "Я в плен сдаваться не буду..."

По имеющимся у меня данным, к апрелю 1987 г. в живых осталось всего три участника боя "Сибирякова": боцман — Андрей Тихонович Павловский, старшина (он же парторг) — Михаил Федорович Сараев, пулеметчик — Иван Григорьевич Тарбаев.

Найти их координаты было не так просто. Я искал сибиряковцев по всей стране*.

А.Т. Павловский ответил практически сразу.

Приведу выдержки из личных писем ко мне**:

Михаил Борисович

Хотя с опозданием. Отвечает вам Андрей П. Вы спрашиваете о комиссаре Зелике Абрам. Так вот я его знал с 1940 года. Мы с ним ездили в Москву получать награды. Я тогда получил орден трудового красного знамени, а он медаль за трудовую доблесть. Вручил нам Михаил Ив. Калинин.

С этого времени и до конца гибели Сибирякова я был с ним вместе. Он был человеком хорошим и уважительным и когда шел бой так я его не видел. Потому что мы находились каждый на своем посту по расписанию аварии. Так что мне его не как не удалось увидеть. Я считаю что Зелик Абр. все сделал для родины что мог

С уважением

Павловский

15.VI-87 г.

И.Г. Тарбаев поначалу долго не отвечал. В повторном письме я попытался возмутиться: "Как же так?! Какие же Вы герои? Когда сегодня забыли Вашего боевого товарища, Вы боитесь напомнить о нем..."

Я, однако, поспешил.

Оказалось, что И.Г. Тарбаев серьезно болел... По его поручению, под диктовку, ответил земляк и однофамилец В.С. Тарбаев:

Здравствуйте уважаемый Михаил Борисович!

Отвечаю на Ваше письмо от 14.IV.87.

* Большую помощь в получении новых сведений, в т. ч. в розыске сибиряковцев, оказал ветеран Северного флота, подполковник в отставке Степан Васильевич Быков, которого я отыскал в г. Северодвинске.

** Тексты писем приводятся с соблюдением орфографии и пунктуации авторов.

Да, я действительно хорошо знал нашего комиссара Зелика Абрамовича.

Хорошо помню то, как он в последний момент боя, когда судно шло ко дну, отступать было уже некуда... крикнул: "Я в плен сдаваться не буду". Что произошло далее я не знаю.

Комиссар знал свое дело. Был требовательным и справедливым к своим подчиненным, за что мы его глубоко уважали. После войны, когда мы собирались, ветераны, вместе, то всегда вспоминали о нем.

Больше ничего сказать не могу.

До свидания. С уважением Тарбаев

2.06.87.

Опять же по состоянию здоровья М.Ф. Сараев так и не смог ответить на несколько моих писем. Однако известно его высказывание о комиссаре "Сибирякова":

"*Зелик Абрамович был смелым, волевым человеком. Во время боя он вдохновлял сибиряковцев своим личным примером, подбадривал и вселял уверенность в победе.*

Последний раз видел я, когда лежал тяжело раненный. Рядом находился раненый капитан. Элимелах давал распоряжения..."*

Все-таки распоряжения и команды давал комиссар...

Эти воспоминания непосредственных участников боя во сто крат дороже любых "обоснованных" выводов сегодняшних "трактователей" подвига "Сибирякова", которые заранее знают, как нужно, чтобы было...

А теперь о "ненужных" книгах, в которых все-таки пытались писать правду о гибели "Сибирякова" и его комиссаре. Хотя правду, иногда с некоторыми оговорками. Таковы установленные правила игры...

Ну, что ж? Спасибо и на том...

Вот отдельные высказывания:

*"На корме у флага стояли комиссар Эллимелах** и несколько его товарищей, не пожелавших покинуть тонущий корабль..."****. Вот это правда!

Однако думаю, что этих "несколько его товарищей" добавили чисто "политически", чтобы и здесь хоть как-то затушевать подвиг комиссара.

* Белов М.И. Провал операции "Вундерланд". Издательство "Морской транспорт", М., 1962.

** Фамилия комиссара указана с ошибкой. Верно — Элимелах.

*** Новиков Л.А., Тараданкин А.К. Сказание о "Сибирякове". М., Молодая гвардия, 1961.

Боевой путь Советского Военно-морского флота. М., Воениздат, 1974.

Басов А.В. Советский флот на защите социализма. М., Просвещение, 1985.

Аммон Г.А. Морские памятные даты. М., Воениздат, 1987.

Раз уж пришлось назвать его фамилию, так, мол, он был не один... Из опыта общения с некоторыми "историками" знаю, что если бы это было именно так, то фамилии их были бы немедленно названы. Непременно названы, даже ошибочно. Однако в данном случае у флага, кроме Элимелаха, действительно никого не было.

Еще одно подтверждение, как говорится, непосредственно с места событий:

"*...Вместе с пароходом погибла и часть моряков "Сибирякова", в том числе комиссар З. Элимелах. Комиссар отказался покинуть мостик гибнущего судна и ушел на дно моря вместе с пароходом, а раненного А. Качараву моряки подобрали уже в воде, и он попал в плен вместе со своим экипажем. В плену никто не выдал врагам капитана, который под вымышленной фамилией прошел весь тяжелый путь узника...*"*

А вот что записано о комиссаре "Сибирякова" со слов оставшихся в живых членов экипажа:

"*...Командование на "А. Сибирякове" принял капитан 3 ранга Элимелах как старший по званию. Во время боя он вел себя подлинным героем. Элимелах появлялся в самых опасных местах, умело распоряжался борьбой с огнем, помогал выносить из пламени раненых, оттаскивал снаряды. Фуражки на Зелике Абрамовиче не было. Ватник во многих местах прогорел и дымился. Из широкой раны на голове медленно стекала по щеке кровь, но он не замечал ни раны, ни боли...*"**

Комментарии излишни...

Всех заставить молчать невозможно.

Интересен также текст, приведенный в книге "Боевой путь Советского Военно-Морского Флота" (Воениздат, М., 1974).

Цитата:

"*...сделав предупредительный выстрел, с крейсера передали сигнал: "Спустить флаг!". Тогда Качарава передал приказ артиллеристу младшему лейтенанту С.Ф. Никифоренко открыть огонь. Комиссар ледокола З.А. Элимелах приказал старшему механику Н.Г. Бочурко в случае опасности пленения открыть кингстоны и затопить судно*".

Далее следует стыдливая сноска, хоть как-то обеляющая капитана в создавшейся ситуации. Дословно: "*Е.М. Сузюмов*** в книге "Подвиг*

* В. Васильев. "Несостоявшееся интервью", газета "Северная неделя" от 29 августа 2002 г. (г. Северодвинск).

** Сузюмов Е.М. Подвиг "Сибирякова". М., Воениздат, 1964.

*** Сузюмов Евгений Матвеевич — в годы войны помощник уполномоченного ГКО по перевозкам на Севере.

"А. Сибирякова" указывает, что команду открыть кингстоны дал капитан Качарава. Однако это не исключает предварительного распоряжения комиссара" (подчеркнуто мной).

Сноска эта, очевидно, внесена цензором при подготовке книги к печати. Зачем нужно было давать какие-то *предварительные* распоряжения? Тем более распоряжения такого кардинального характера?!!

Просто по-другому, видно, нельзя было. Оставшиеся в живых свидетельствовали, что распоряжение давал только комиссар. Без этой сноски рушилась вся "стройная картина" гибели "Сибирякова", выстраиваемая десятилетиями.

"Спасали" ситуацию таким способом...

События вокруг "Сибирякова" не могли обойти внимания самого Сталина.

Наверное, не надо говорить, как могли отнестись к капитану погибшего судна, оказавшемуся в плену. Тем более, грузину...

Как он попал в плен, думаю, это уже мало кого интересовало. Увы, капитан судна — это такая значимая фигура, такое служебное и общественное положение. Как говорится, ему много дано, с него много и спрашивается.

В данном случае верили спасшемуся Вавилову. Оказавшись на необитаемом острове, он растерялся и позднее так описывал свое состояние: "*Где же выход? И тут я вспомнил нашего помполита Элимелаха. Твердый и душевный был человек. Такой никогда не упал бы духом, не опустил бы рук в беде. Глубокая у него была вера в нашу победу, в торжество правого дела... Все, кто был с ним рядом, становились как-то чище и светлее и уверенность в себе испытывали большую. Достойный сын партии коммунистов — таким остался помполит Элимелах в моей памяти. Эти воспоминания помогли мне восстановить душевное равновесие*"*.

Этому человеку не надо было лицемерить, защищая таким образом себя...

Немцы настолько были ошарашены увиденным во время боя, что в капитальном труде "Война на море, 1939-1945" (М., Воениздат, 1967) известный военный исследователь Ф. Руге писал: "*...*"*Шеер*" *потопил мужественно и искусно сопротивлявшийся большой ледокол...*"

О подвиге "Сибирякова" писали и другие. Писали то, что не писали у нас...

Писал и капитан "Шеера" некий Меенден-Болькен**... Известны (но

* Блинов Г., газета "Красная звезда" от 22 мая 1958 г.

* Вильгельм Меенден-Болькен, по другим источникам — Меендсен-Болкен (1897-1985), капитан 1-го ранга, командир "Шеера" с 12.06.41 по 28.11.42 гг.

не у нас) работа "Поход крейсера "Шеер", изданная французским военным специалистом Юаном Клодом в Париже, работа датчанина Р. Стенсена "Северные морской путь", выпущенная в Копенгагене в 1957 г. В частности, Р. Стенсен, основываясь на информации Меенден-Болькена, пишет: "*Среди русских были и такие, которые сопротивлялись, когда их пытались спасти, и пришлось их оставить на произвол судьбы*".

Юан Клод: "*Несколько русских отказались от предложений помощи и предпочли погибнуть*".

Это про Элимелаха...

Кому мешала эта правда?

Кого она унижала?!

Замалчивали комиссара "Сибирякова", думается, по двум причинам.

Затирало само государство — по национальному признаку.

Затирал Качарава — может быть, на фоне комиссара он не смотрелся, как хотелось бы (хотя сам по себе Анатолий Алексеевич, безусловно, человек легендарный).

А может быть, и то, и другое вместе...

Надо сказать, что после смерти Качаравы мало-помалу начали говорить эту правду. Не знаю, случайное совпадение ли это, или просто веление времени.

...20 минут боя. Всего каких-то 20 минут.

20 минут, соизмеримые с некоторыми жизнями.

7. Городок провинциальный...

Получив сведения об Элимелахе из Центрального Военно-морского архива, я сумел разыскать в г. Гомеле родного брата Зелика Абрамовича — Давида Абрамовича Элимелаха*.

Приведу наиболее существенные места переписки с Гомелем.

28 апреля 1987 г. Давид Абрамович ответил на мое письмо**:

"*...Большое Вам спасибо за большую справедливую заботу об увековечении памяти моего погибшего брата... В газетах "Советская Россия", "Целиноградская правда" и других, в книге Е.М. Сузюмова "Подвиг "А. Сибирякова", в книге "Сказание о "Сибирякове" много пишется о подвиге капитана*

* Пятеро братьев Элимелах, уроженцев г. Гомеля, ушли на фронт, и лишь двое вернулись живыми.

** Здесь и далее с соблюдением стиля и орфографии автора писем.

Качаравы и экипаже "Сибирякова". О моем брате тоже упомянали, но у нас в Белоруссии и городе Гомеле о его жизни и подвиге ничего не знают..."

4 июня 1987 г.

"*...Нигде в Гомельской области и в г. Гомеле и в Белоруссии о нем* (Элимелахе З.А. — **прим. М. П.**) *ничего не известно. Только в книгах и газетах мало описывается о комиссаре. В основном пишут, что был такой комиссар...*"

Я решил "напомнить" Белоруссии о подвиге З.А. Элимелаха. С этой целью подготовил (совместно с известным одесским журналистом, моим близким другом Олегом Губарем) статью "Комиссар "Сибирякова", которую 26 июня 1987 г. направил в газету "Гомельская правда".

В Гомеле статью о комиссаре "Сибирякова" никто и не собирался публиковать. Я обратился к первому секретарю ЦК Коммунистической партии Белоруссии. После такого обращения "туда", на самый верх, мне сразу же ответили уже из Гомельского городского комитета партии за подписью секретаря горкома некой Н. Ивановой. Привожу ответ полностью (письмо исх. № 65 от 27.07.87 г.):

"*По поручению ЦК Компартии Белоруссии на Ваше письмо, адресованное в их адрес, сообщаем, что в августе месяце с. г. в газете "Гомельская правда" будет опубликован материал, который Вы переслали редактору.*

Что же касается вопроса увековечивания памяти З.А. Элимелаха, то считаем, что это уже сделано соответствующими решениями ранее, о чем Вы и пишите в статье...

Сообщаем также Вам, что З.А. Элимелах является уроженцем не г. Гомеля, а деревни Носовичи Гомельской области..."

Все-таки ЦК Компартии Белоруссии "растолкало" партийное руководство г. Гомеля. Наперед даже указали дату будущей публикации!

29 августа 1987 г. "Гомельская правда" (газета № 166) опубликовала статью о комиссаре "Сибирякова". Тогда же, чтобы не увековечивать память З.А. Элимелаха, придумали новый ход — мол, комиссар "Сибирякова" родился не в Гомеле, а в деревне Носовичи Гомельской области...

15 августа 1987 г. Д.А. Элимелах написал:

"*...Вот уже 45 лет, как погиб мой брат, но никто, кроме Вас, с таким вниманием и заботой, умением не смогли заняться увековечиванием памяти моего брата. Вы спрашиваете, где родился Зелик Абрамович? Он родился в Гомеле в 1911 году. Детство и юность он прожил вместе с родителями в Гомеле. Когда умер отец, мать переехала в местечко Носовичи. В Носовичах Зелик Абрамович находился мало. Мать наша во время войны погибла в Носовичах...*"

Место рождения З.А. Элимелаха — г. Гомель — подтверждается и официальной справкой из Центрального Военно-морского архива. Тем не менее...

24 декабря 1988 г. Давид Абрамович черкнул открытку:

"*...Поздравляю Вас с Новым 1989 Годом. Я вам скоро напишу, что есть нового в нашем музее...*"

Словом, переживал Давид Абрамович, надеялся... Хотя житейская мудрость подсказывала: эту махину сдвинуть нельзя. О какой справедливости может идти речь, когда есть четкие государственные установки по этим вопросам. Чем можно остановить эту "государственную машину"?

После некоторого молчания 23 апреля 1989 г. пришла весточка от Д.А. Элимелаха:

"*...Я больше двух месяцев болел, я находился на лечении в Минске. Когда я приехал домой, лежали Ваши два письма...*

*...Теперь я вам сообщаю, что решением Гомельского областного краеведческого музея документы и фотографию брата у меня приняли. И фото находится в почетном месте, а не название улицы его именем мотивируют, что его именем назван остров Белуха.**

Можно было назвать улицу, если б ходатайствовал сын комиссара. Я ему писал и он мне об этом ничего не ответил...

Михаил Борисович! Я вам очень благодарен за вашу заботу, за ваше обращение куда необходимо было.

Я вас считаю моим близким родным человеком..."

Это последнее письмо Давида Абрамовича Элимелаха...

Последние годы жизни Давида Абрамовича были наполнены гордостью за брата, подвиг которого наконец-то, через 45 лет, стал известен на его малой родине, в Гомеле.

10 ноября 1989 г. я вновь обратился с развернутым письмом к первому секретарю Гомельского обкома партии, повторив просьбу принять наконец-то справедливое решение об увековечении памяти их славного земляка. Писал, с какими приходится сталкиваться трудностями, бюрократизмом и не совсем понятным равнодушием. Приводил двухлетнюю хронологию моих обращений, начиная от интриг с публикацией статьи в "Гомельской правде", специально спровоцированной путаницы с местом рождения З.А. Элимелаха, до так называемого "активного" поиска Областным краеведческим музеем необходимых документов для увековечения его памяти.

* Информация ошибочна, именем комиссара "Сибирякова" назван один из островов в Карском море.

Снова потребовал принять по комиссару "А. Сибирякова" решение, соответствующее его подвигу и духу времени.

Из Гомельского областного краеведческого музея ответили (письмо исх. № 886 от 12.12.89 г.):

"*...На Ваше письмо, адресованное в Гомельский ОК КПБ сообщаем, что в экспозиции музея представлена фотография Элимелаха З.А. и книга Е.М. Сузюмова "Подвиг "Сибирякова", подаренная братом погибшего комиссара ледокола. Из Центрального Военно-морского архива, в который был сделан запрос об Элимелахе, ответ пока не получен.*

Если у Вас имеются какие-либо документы об Элимелахе З.А. или Вам известны адреса родственников имеющих их, просим сообщить нам.

Научные сотрудники музея продолжают поиск..."

Еще продолжают поиск?

Не думаю, что Центральный Военно-морской архив очень-то торопится. По себе знаю...

В письме исх. № 31 от 5.02.90 г. Областной краеведческий музей перешел в глухую оборону:

"*...Как мы сообщали Вам материалы о нашем земляке, комиссаре л/п "А. Сибиряков" политруке Элимелахе З.А. представлены в экспозиции нашего музея. Брат погибшего Д.А. Элимелах смотрел экспозицию и остался доволен. Именем комиссара Элимелаха назван остров в Карском море.*

Считаем, что подвиг его увековечен достаточно.

...Ваше последнее письмо рассмотрено на заседании президиума Гомельского облсовета ветеранов войны и труда. Члены президиума полностью согласны с мнением областного музея".

Все перечисленные выше сведения о комиссаре "А. Сибирякова", "*полученные музеем*", на самом деле предоставлены музею... мной.

Полностью согласился с мнением музея и зав. идеологическим советом Гомельского обкома партии тов. О. Кошевенко (письмо исх. № 2-юо от 5.02.90 г.). Даже даты отправки мне писем музеем и обкомом "случайно" совпали — 5.02.90 г. Видно, писали под копирку...

Этот самый Кошевенко как бы поставил жирную точку:

"*...Считаем, что память комиссара З.А. Элимелаха увековечена достаточно. В Областном краеведческом музее открыта экспозиция, посвященная подвигу политрука. Именем комиссара Элимелаха назван остров в Карском море. Мы, к сожалению, не можем сказать этого о многих других земляках. 119 наших земляков в годы Великой Отечественной войны... удостоены звания Героя Советского Союза... При освобождении гомельщи-*

ны, свыше 700 солдат, сержантов, офицеров также удостоены этого высокого звания.

На гомельской земле в братских могилах захоронено свыше 92 тыс. погибших в боях... из них 124 Героя Советского Союза. Увековечить память всех родившихся в г. Гомеле и погибших в годы Великой Отечественной войны наименованием улиц города или установлением мемориальных досок просто невозможно".

Старая-старая песня на старые слова...

"*Просто невозможно увековечить память всех родившихся в г. Гомеле и погибших...*" совсем по другой причине.

По причине того, что многие забыли, а "некоторые многие" никогда и не знали, как это ни банально звучит, что такое долг и память...

Потому что очень многим безразлично, кому служить: белым, красным или фиолетовым. Лишь бы должность...

Потому что "задним числом" кому-то кажется, что совершить самоотверженный поступок проще простого. Каждый сможет...

Потому что перед тем, как награждать, присваивать, называть или переименовывать, увы, по-прежнему смотрят на... статистику. Ее величество статистику! Не подпортить бы некие показатели — соотношение мужчин и женщин, проценты рабочих и колхозников, коммунистов и беспартийных или установленные национальные пропорции...

Показатели и пропорции, на которых держалась СИСТЕМА.

Такая "статистика" подпортила не одну жизнь...

8. Имеем то, что имеем...

Как-то в газете "Моряк Севера" (№ 30, 26.07.89 г.) в рубрике "Имя на борту" промелькнуло:

"*...Молодой, сияя свежевыкрашенными бортами, впервые вошел в Архангельский морской порт теплоход "А. Сибиряков". Встретить его приехали родственники членов экипажа легендарного парохода "А. Сибиряков", погибшего в годы войны...*"

14 июля 1989 г. в строй стал новый "Сибиряков".

Перепутались годы, судьбы, корабли...

Для меня же, пока не разобрались со старым "Сибиряковым", он все еще в строю.

Я попытался приостановить поток лжи и недомолвок, оформлявшийся вокруг "Сибирякова" десятилетиями.

Для этого пришлось "разбудить" газеты и журналы, издательства и редакции, различные комитеты, фонды и архивы. Гомельский областной краеведческий музей вынужден был даже открыть постоянно действующую экспозицию об З.А. Элимелахе. "Знающие" люди даже намекали брату комиссара "Сибирякова", что в "крайнем случае", если уже сильно прижмет, назовут его именем местную школу ДОСААФ... И может быть, и назвали бы, но "закончился" Советский Союз... А потом и я уже не проверял. Повторяю, может, даже назвали...

Конечно, можно было бы еще годами писать уже в "новую" Белоруссию, ездить, требовать, жаловаться, просить. Ну, допустим, выклянчил бы, и назвали бы там что-то еще "*в честь*"...

А главное ли это?!

Главное, что в Гомеле заговорили о комиссаре "Сибирякова" в "высоких" кабинетах и коммунальных коридорах, автобусах и на рынках... Его брату даже (!) установили домашний телефон. Рассказывают, что вырезки из "Гомельской правды" разные люди отправляли для прочтения в разные города и даже страны.

Так или иначе, через много-много лет мне удалось разглядеть в той красочной картинке боя "Сибирякова", увиденной когда-то детскими глазами, его теневые стороны. Те теневые стороны, которые, может быть, и являются основным фоном для понимания всего, что произошло тогда и происходит теперь...

Удалось подступиться к той задаче "из детства". Уравнению, как выяснилось, "С ОДНИМ НЕИЗВЕСТНЫМ"... И годами решая его, я как никогда отчетливо понял: несправедливо недооцененный комиссар "Сибирякова" действует на души людей гораздо сильнее, чем комиссар "Сибирякова", с которым гомельские идеологи и иже с ними официально бы "рассчитались".

Не я ли сам яркий пример тому?!

Еще с институтских, а потом и дальневосточных времен практически любое наше застолье не обходится без надрывного исполнения легендарной "Прощайте, скалистые горы!". В Одессе эта традиция поддерживается, как и "третья рюмка" всегда "За тех, кто в море". Это уже навсегда...

И когда слышу "Прощайте, скалистые горы", всегда внезапно замолкаю, повторяя про себя:

...На подвиг Отчизна зовет!
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.
А волны и стонут, и плачут
И плещут о борт корабля...

Перед глазами "Сибиряков", жерла орудий "Шеера", вздыбленные волны...

Люди, прислонившиеся к бортам.

В ожидании жизни...

Андрей КРАСНОЖОН

Сновидения профессора Добролюбского

Это не роман, но и не документалистика. И Андрей Красножон, и Андрей Добролюбский – фигуры в городе известные. Да и их диалоги воскрешают, пусть "сновиденчески", историю века прошедшего.

– Ваша семья, Андрей Олегович, живет в этой квартире со времени возвращения из эвакуации. Прежний дом был взорван во время войны…

– В него, кажется, во время войны попала авиабомба. Дом стоял на углу нынешних улиц Польской и Бунина и был разрушен. А после войны он отстроен заново.

– Здесь, на Успенской, вы провели всю свою жизнь. Обстановка и интерьер квартиры не изменились со времен вашего деда, Константина Павловича. За десятилетия не изменился даже номер домашнего телефона.

– Телефон несколько изменился – был пятизначным, а стал шестизначным. У нас очень традиционная семья – мы почти не покупаем новую мебель добровольно. Только в тех случаях, если эта рухлядь уже совершенно выходит из строя и решительно никакой починке не подлежит. Но, в основном, это старая и очень добротная мебель. Поэтому она у нас и сохраняется десятилетиями. Более всего у нас старых книжных шкафов. Самые старые вещи в доме – огромный буфет, раздвижной обеденный стол, напольные часы. Это – 1870-80-е годы. Письменный стол Константина Павловича, за которым я сижу, а также платяные шкафы и шифоньеры, помоложе – начало 20 столетия. Нам нравится жить в такой обстановке, мы все ее очень любим и ценим. Я рад, что и мои дочери ее берегут. Кажется, это ныне большая редкость.

– Тем не менее, родились вы едва ли не на улице…

– Да, моя мать, Мария Гавриловна, действительно родила меня на улице. Но это вышло по ее рассеянности и легкомысленности. Она тогда очень много работала и, наверное, отвлеклась от того, что была мною обременена. Не до того. Когда истек девятый месяц беременности, она догадалась, что я переношен и, по ее словам, стала надеяться, что пошел обратный процесс, и я рассосусь. Эти ее надежды оправдывались недели две. Успокоившись, мама встала утром и стала работать по хозяйству. Семей-

ная легенда гласит, что она почему-то решила с утра вымыть полы. Наверное, они показались ей грязными. Тут-то у нее и начали отходить воды. Но она решила все равно их домыть: воды отходят, делов-то!

Это был апрель сорок девятого года. В нашей семье была тогда едва ли не единственная в городе частная машина — старый "Москвич" с колесом на багажнике, помнишь такие? Дедушке, Константину Павловичу, даже выделили персонального шофера как декану исторического факультета. Почему-то я помню имя шофера. Его звали Павлик. Водить эту машину умел и мой отец. Это умение ему пригодилось, когда моя мама грохнулась в обморок. Родственники безумно перепугались. Мой отец от страха не мог завести машину. Дергал ключ и возился с замком зажигания. Мама тем временем лежала на заднем сидении в полусознательном состоянии рядом с моей бабушкой Элеонорой Исидоровной — бабой Норой. В результате отец все-таки справился с замком, завелся и повез маму в клинику медина, на улицу Пастера. Ты знаешь, где клиника медина находится?.. Отец необычайно нервно вел свой "Москвич", и родился я в машине, на заднем сидении. Родила меня мама прямо в свое тогдашнее советское трико. При этом она боялась произнести звук, поскольку мой отец от ужаса мог врезаться в столб или еще что-то... Моя мать была человеком необыкновенной силы воли — надо же ухитриться не произнести ни звука, родив ребенка. Свои ноги при этом она держала на коленях свекрови. Произошли роды на углу Пастера и Преображенской.

В клинике работала старинная мамина подруга по имени Галина Мамиконовна Погосянц. Она, заметив, что мы подъехали, выбежала навстречу. Мама ей тихо говорит: "Я уже родила, детка, видимо, мертвая, молчит". Погосянц жутко перепугалась: "Идиотка! Что ж ты наделала?! Ты мыла полы!". Меня вынули из трико и начали оживлять. Меня били, колотили как угодно. За минуту до того как решились выбросить меня в мусорную корзину, я вдруг заорал. Так я остался жив, и живу по сей день. Наверное, мне очень повезло с матерью.

— Ваша дача в Аркадии несколько лет назад была продана. С ней связано много воспоминаний детства…

— Продали мы ее с горя. Вокруг вырос богатый квартал, с особняками, волкодавами и бульдогами на золотых цепях. Аллеи забиты всяким говном, какими-то джипами и мерседесами. И рожи у их хозяев соответствующие. На это ведь смотреть невозможно. Мы не привыкли к такой обстановке. Пришлось продать участок вместе с домом, хоть и было жалко. Даже кое-какую мебель оставили...

Участок под дачу получил мой дед еще до войны, в тридцать седьмом году. Да и после войны там было хорошо, как в деревне. Козы и куры бродили по Тенистой улице до середины 60-х годов. Наша дача была в составе университетского кооператива, там жила совершенно приличная ученая и интеллигентная публика. Наш дом впоследствии пришлось разделить с Рудиком, мужем моей покойной сестры Ксаны. Был сад с качелями и столиком, теннисным столом, а также уютный большой деревянный сортир в саду. В этот сортир мы складывали пустые бутылки, а потом их сдавали, нагрузив доверху детскую коляску. И жили на эти деньги дальше. Все это производило довольно приятное впечатление, потому что рядом море, а город — не совсем. Оазис. Если залезть на дерево или на крышу — было видно море. Там теперь все изменилось...

В разные годы на даче жило много народу. Мы там селили в летнее время гостей, никому не отказывали, клали штабелями в доме и в саду. Если не помещались, то и палатки в саду ставили. Да и сами переезжали на месяцок-другой из города...

В восьмидесятые годы мой отец, Олег Константинович, разделил дачу между своими детьми. В одной части дома жили Ксанка с Рудиком, а в другой — мы с Галкой и с нашими детьми. Летом гостей всегда было дикое количество. Мы всегда принимали всех очень радушно, как могли...

— Вы упомянули, что ваша сестра Ксана была знакома с множеством интересных людей…

— Это не то слово — их было так много, что я большинство из них и не очень помню. Кроме стабильных ее одесских друзей, которые остались и нашими семейными друзьями до сих пор. Это, прежде всего, Валя и Женя Голубовские, Феликс Кохрикт, Юра Михайлик, Лариса Сикорская и Витя Чечик, Стелла и Алеша Ивановы, Тамара Дремлюх и Адик Гурович, Костя Силин и Люда Флауменбаум. Увы, иных уж нет... Они бывали у нас едва ли не ежедневно. Валя Голубовская об этом написала в своей книжке "На краю родной Гипербореи". Очерк называется "В единственном дому". Название — строчка из стихотворения Юры Михайлика как реакция на Ксанкину смерть. У нас вообще был очень открытый и гостеприимный дом.

В Ксанку я был детства влюблен. Она была потрясающе обаятельна, остроумна и блестяща. Веселая, очень приветливая, смешливая. И очень умеренно стервозная, что даже странно. Необычайно притягательна, к ней таскалась куча народу. Юра Михайлик написал об этом:

"Назад, во времена, когда она, грассируя,
кричит тебе: привет! распахивая дверь
и возникая в ней, — не то чтобы красивая —
сияющая вся, как некому теперь.

Там за ее спиной слоистый дым нетающий,
лабораторный спирт, разведенный на треть,
странноприимный дом, прибежище, пристанище,
как некуда потом, как некуда и впредь.

Там, за ее спиной пророчащих и спорящих,
хохочущих в дыму, в единственном дому,
слетевшихся на свет полуночное сборище,
как больше никогда, как больше ни к кому".

Извини, не могу дальше, а то разрыдаюсь. Стихотворение давно и не раз опубликовано, но каждый раз, как я его перечитываю, то хочу плакать... В общем, в доме по сравнению с Ксанкой я считался тупицей и тугодумом. Она все делала необычайно легко и играючи, а я тупо сидел, скрючившись над школьными учебниками. И тратил на это массу времени. Ксанка говорила маме: "Этот идиот, кажется, не понимает, что можно пойти в школу с неприготовленными уроками". И после этого мама стала даже подумывать, не отвести ли меня к врачу. И отвела бы, если бы нашла врача, который лечит от тупости. Но не нашла. Так я тупым и остался...

Когда Ксанка училась на французском отделении университета, я ей старался подражать. И делал вслед за ней ее задания. Это, кстати, мне помогло в изучении французского языка. У нее был сокурсник, Леня Королик, который получил заслуженную кличку Красавчик. Он, как выразилась моя бабушка, "однажды к нам пришел и так и остался". Мы все очень подружились. Красавчик честно давал мне уроки французского. Охотно со мной возился. Более прекрасного преподавателя языка я не встречал. Он великолепно чувствовал язык. Красив, талантлив, остроумен. К тому же, великолепно пел французские песни. Шансоны он пел так здорово, что какие-нибудь Ив Монтан или Шарль Азнавур должны были бы мыть ему полы в сортире...

Друзья Ксанки активно участвовали в моем начальном сексуальном образовании. Когда мне исполнилось 16 лет, и у меня уже был бурный роман с Галкой, Ксанка подарила мне десять презервативов. Это был царский подарок — их тогда вообще невозможно было достать.

Этот тип поведения присущ всей средиземноморской культуре. Возьмем, скажем, итальянских лаццарони. Их вообще ничего не интересует, — они себе валяются на пляжах или парапетах в каком-нибудь Неаполе и решительно ни о чем не думают. Тепло, хорошо... Время от времени они встают и идут искать еду, выпивку или купаться в море. Денег у них нет в принципе, да они им и не больно нужны. Работы нет, и они не собираются. Это, разумеется, слишком жесткая классификация.

На нашей даче примерно такого типа публика все время и обитала. Среди них были и те, кто впоследствии стал очень знаменит. В разные годы здесь бывали Сергей Довлатов, Ася Пекуровская, Евгений Рейн и Роман Каплан. Это были ленинградские приятели Ксанки. Первым из этой компании я узнал Рому Каплана, который дружил с Ниной Перлиной, подругой моей сестры. Если я не ошибаюсь, она даже упоминается в воспоминаниях Людмилы Штерн. В тот момент никто же не знал, кто кем станет. Я уж меньше всего. Мне было тогда лет тринадцать, четырнадцать. Я был маленьким мальчиком. Рома Каплан ныне хозяин знаменитого ресторана "Русский самовар" в Нью-Йорке, известный человек. Он был приятелем моей тогдашней преподавательницы английского языка Жени Беркович. Она жила на Приморском бульваре и была великолепной и остроумной преподавательницей. Я ей в основном обязан своим знанием английского языка. На даче у Ксанки вообще собиралась замечательная компания. Мы более всего любили петь "Песню про Унитаз" . Не знаю точно ее автора — кажется, Влад Дашевский или Юра Михайлик. "Про Унитаз" поется на мотив известной советской песни "По военной дороге...". Хочешь — спою, пока не забыл. Ведь ваше поколение ее не знает. Нужно же сохранять культурную традицию для потомков:

"Это было когда-то, при царизме проклятом,
В угнетеньи трудящихся масс.
Позолоченным троном, людоедским законом
От людей берегли унитаз. (2 раза)

Чтоб народ наш влачился, по канавам мочился,
Коченел средь бескрайних полей.
Палачи и сатрапы забрали в свои лапы
Цвет культуры и гордость людей. (2 раза)

Натерпелись мы очень, не хватило нам мочи,
Но, однажды, никак не стерпев,
Мы под царской шрапнелью поскидали шинели,
На буржуев излили свой гнев. (2 раза)

Пусть года пролетели, мы все так же хотели
Созидать и творить чудеса.
Приходилось, однако, экономить бумагу
И на кафельных стенках писать. (2 раза)

Но теперь, слава Богу, всем и всяк понемногу
Обеспечен трудящийся класс.
На любой индивидуум прямо на руки выдан
Превосходный, большой Унитаз". (2 раза)

Так, вот, "вернемся к нашим баранам". Рома Каплан приехал с Ниной Перлиной. Нина куда-то быстро исчезла, а Каплана поселили одного в нашей пустой квартире. Все отбыли жить на дачу. У Каплана было две яркие отличительные черты. Во-первых, он блистательно знал английский язык. Во-вторых, жутко любил женщин. Он только об этом и говорил. Думаю, он просто сошел с ума, попав летом в Одессу.

Мама с бабой Норой считали, что я обязан научиться, прежде всего, двум вещам: профессионально работать на печатной машинке и свободно владеть тремя европейскими языками, раз уж я собираюсь заниматься умственным трудом. Все остальное, как говорила мама, я могу и не уметь. Вернее, смогу выучить в любой момент. Такая выучка мне создала немалое преимущество перед коллегами в жизни. Я бесконечно благодарен своей матери и бабушке за эту постановку вопроса. На каникулах, сидя на даче, они заставляли меня по несколько часов в день переводить и записывать на машинке разнообразные детективы, которые фанатично собирал мой отец. Мои переводы он переплетал и ставил на полку, поскольку сам языками не владел. Каждый день язык детектива менялся: Сименон на Агату Кристи, Агата Кристи, в свою очередь, на какого-нибудь немецкого автора. Так меня заставили научиться читать и писать на трех языках.

За процессом неизменно наблюдала баба Нора. Она постаивала у меня за спиной и следила, как я работаю. Дрессировала меня жестко. Если я начинал тыкать по клавиатуре пальцем, вместо того чтобы печатать всеми десятью пальцами, она меня не пускала на пляж и била по рукам. Так они

выучили меня печатать вслепую. Я часами переводил иностранные детективы и очень мучался. Приятели меня тоскливо ожидали за забором. Эту же педагогическую программу я применил впоследствии к своим детям. Мама оказалась права. Но в своем детстве я жестоко страдал, даже не предполагая, как мне эти навыки потом пригодятся.

Периодически баба Нора отвлекалась, и Каплан помогал мне сачковать. Быстренько, сходу, переводил положенные две страницы текста, я сдавал норму, и мы вдвоем шли на пляж. Он диктовал, а я только успевал набирать. Разумеется, я полюбил его за это. Таким образом, у нас в доме собралась уникальная библиотека детективов. Думаю, что сейчас она имеет лишь раритетную ценность.

Мой отец даже ухитрился вступить в переписку с самой Агатой Кристи. У него в кабинете висела ее фотография. Сам он языки не знал, но хотел, чтобы их знали его дети. Я перевел книжек пять за это время. Ксанка переводила с французского.

Подругой Каплана была и Ася Пекуровская, которая приехала к нам на дачу то ли в тот же, то ли в следующий сезон — за давностью лет я не помню таких деталей. Я не знал, кто она такая. Лишь потом выяснилось, что она была в тот момент женой Сергея Довлатова. Я видел много красивых женщин, но почти никогда не видел девушки такой красоты. Мало того, она еще была и необычайно сексапильна. Кажется, она читала самиздатовский роман Хемингуэя "По ком звонит колокол"... Или же этот роман к нам попал как-то иначе. Не помню.

— Есть такой анекдот: "Назовите произведение западного писателя, которое возвышает идеи коммунизма". — "Обком звонит в колокол"!"…

— Да, верно. Обком звонит в колокол... Не так уж и остроумно. Я помню, они там его всего зачитывали до дыр... Даже я полюбопытствовал, стал в очередь и прочел.

Ася все время ходила на пляж. Зрелище, которое открывалось по ее возвращении с пляжа, было довольно сильным. Никогда не забуду, как она дефилирует по улице Тенистой с полотенцем в руках, а за ней тянется шлейф каких-то мужиков, которые трясутся от похоти. Ася невозмутимо, равнодушно закрывает калитку перед их носами и возвращается к своему чтению. А те, значит, трутся под забором, потому что зайти на профессорскую дачу невозможно. Я хожу по саду в безделье. Иногда меня подзывали поклонники Пекуровской. Один, помню, был кавказцем: "Мальчик, иди сюда! Конфэтку хочэш? Ну, мальчик, ну вызови ее!". Максимум, что я мог сделать — это подойти к Асе и сказать: "Вас там дядя

спрашивает". Она говорила: "Какой дядя? Жирный такой, с усами? Нет, этот пошел".

И тут приехал ее муж. Я его запомнил, потому что это был такой здоровенный дядька с бородой. Его звали Сережа. И как муж Аси он был допущен нашей семьей в сад, в смысле — в дом. Видимо, между супругами произошла какая-то ссора. Или сцена ревности. Они поругались и не разговаривали дня два или три. Я понятия не имел, кто он такой. И лишь много позже узнал, что это был Сам Довлатов. Короче говоря, Ася ушла на пляж одна и не взяла его с собой. Довлатову было нечего делать, и он тоже шлялся по саду, как и я. В итоге мы вместе пошли на пляж. Я ему тогда, наверное, заменил Асю.

Мы купались на Аркадийском мысу, где в то время еще были скалы. Плавали мы оба великолепно. Я в то время еще не выполнил мастерскую норму, но мне хватало мастерства, чтоб не утонуть. Когда заходили в воду, Сережа повернулся ко мне и говорит: "Настоящий мужчина не должен бояться заплывать далеко". Я сказал, что вовсе не боюсь. И мы с ним поплыли к фарватерному бакену. По дороге беседовали. Не помню, о чем. Но помню ощущение сильного обаяния и остроумия. Кажется, он говорил, что мужчина должен уметь плавать, как Байрон. Ибо Байрон писал, что настоящий мужчина обязан уметь всего две вещи: драться и плавать. Этот бакен находился километрах в полутора от берега.

Прицепились к бакену, отдохнули. Когда поплыли назад, нас заметили со спасательной станции, послали катер, хотя мы совершенно не собирались тонуть. Нас вытащили на борт и сказали: "Нарушаете, бля", — после чего отвезли на берег. Довлатов был первым человеком в моей жизни, от которого я слышал столь виртуозную ругань. Ругался он несколько минут подряд, почти не повторившись. Очень красиво. Я был воспитан своей бабушкой и поэтому испугался, когда узнал, что "нарушаю". Короче, нас оштрафовали. А мы в одних плавках, денег при себе нет. Довлатов решил откупиться. Где он взял деньги, я не понял. Я даже не понял, кто кому ставил, — он мог и спасателей уговорить. Короче, в те времена на пляжах продавалось вино в бочках, "столове рожеве". Бутылка стоила семьдесят семь копеек, а стакан — восемнадцать копеек. В общем, Довлатов им как-то ухитрился поставить, чтоб они отстали. Все тут же нашли общий язык и радостно выпили. Мне по малолетству выпить не дали. Спустя несколько лет я познакомился с Женей Рейном и понял, что Довлатов по сравнению с ним тогда вовсе и не матерился, а изъяснялся изысканнейшим языком, скажем, Мережковского, Марселя Пруста или Оскара Уайлда.

Женя Рейн ругался куда более богато и выразительно. Он гостил у нас в шестьдесят шестом году, в год моего поступления в университет. Приехал осенью и жил в этой самой комнате, в которой мы сейчас сидим. Его речь и сама личность производили совершенно завораживающее впечатление. Я не слишком хорошо знаю его творчество, потому что с детства терпеть не могу поэзию. Но в разговоре Рейн был совершенно неотразим. Мы специально собирались компаниями по вечерам, чтобы его послушать. Ходили "на Рейна". Он жил у нас довольно долго, недели две. Я гулял его по городу. Он мне тогда говорил, что такому способному юноше не следует просиживать в этой дыре, а ехать в Питер или Москву. И даже выражал склонность мне посодействовать.

Однажды Рейн сказал, что больше всего на свете он хочет увидеть одесский толчок. Годы советской власти сделали Одессу таким же занюханным городом, как и все остальные. Но толчок каким-то образом сохранялся и был знаменит на весь Советский Союз. Нам составил компанию мой приятель Сережа Мохненко. Мы сели в тачку и поехали на улицу Химическую, где толчок располагался в те времена. Это был пустырь возле еврейского кладбища. На первый взгляд, обыкновенная барахолка. С рук продавали всякую всячину. Каждый раз одесский толчок перекочевывает на новое место. В царское время его функции выполняли кварталы вокруг Привоза. Затем он находился на Мещанской площади, у линии портофранко, на границе с Молдаванкой. При советской власти переехал на Химическую. После нее — на седьмой километр Овидиопольской дороги, где находится и сейчас... На Химической мы помогли Рейну выбрать американский клетчатый пиджак. По тем временам это была довольно роскошная покупка. Дело в том, что все ходили в советских шмотках, и оторвать настоящую американскую или французскую тряпку можно было только на толчке. Причем даже относительно по сходной цене.

Когда мы взяли такси туда, шофер назвал одну сумму, а когда приехали назад, таксист потребовал на порядок больше. Рейн возмутился и сказал, что больше не даст ни копейки. Шофер настаивал. И тогда Рейн разразился таким потоком брани, что Довлатов с его убогим матом мне показался невинным младенцем. Он матерился минут пять, ни разу не повторившись. Мне и не снилось такое искусство в этой области. Я же не знал, с кем имею дело... В тот момент Рейну было тридцать пять лет, и он мне казался Мафусаилом. Он ходил по дому в своем клетчатом пиджаке и интересовался: "Как ты думаешь, Андрюша, идет мне этот пиджак или нет?". Я удивлялся: он еще заботится о том, идет ему или нет? Что вообще этому

старому дядьке может идти? Он был упитанный, с животом, со всеми делами. Очень славный, веселый. Не знаю, тот ли это пиджак, который Рейн подарил Бродскому перед эмиграцией на Запад. Не исключено, что тот. Если так, то пиджак вернулся на свою историческую родину спустя много лет. Видимо, легендарный клетчатый пиджак Бродского существовал в самом деле, поскольку другого у него, кажется, не было. Ведь достать американский пиджак в середине шестидесятых в принципе было невозможно.

Еще одним человеком из питерской компании была Люда Штерн, с которой я познакомился уже после университета. Причем совершенно случайно. После армии я поступил в аспирантуру и работал в Роксоланах, на раскопках античного города Никоний. Ксанка тогда вышла замуж за своего Рудика, они привезли чету Штерн на раскопки. Ничего там особенно интересного не было, но раскопки были красивыми. Античный город на берегу лимана, море черепья, ямы, землянки, оборонительная стена — весь набор. И приняли мы их очень хорошо: дали палатки, поселили на берегу лимана, все как полагается. Люда мне показалась дамой интеллектуально озабоченной. Мы сидели на краю раскопа, рассматривали какое-то графитти. Она вдруг спросила меня перевод. Я говорю: "Понятия не имею, что здесь написано. Не знаю древнегреческого языка". На что Люда мне отпарировала: "Это непрофессионально, Андрей. Что вы здесь, в таком случае, делаете?". Эти слова меня сильно смутили. В продолжение разговора она тут же привела в пример профессионализма саму себя. Профессионализм должен быть полным и окончательным. Она рассказала, что ее как еврейку не брали в аспирантуру. Никаких шансов не было. Поскольку формально поступить было невозможно, она подала на конкурс. Люда — геолог по образованию. По-моему, кандидат наук. И она сдала экзамен таким образом, что ее взяли в аспирантуру. Экзаменаторы попросту не сумели ее завалить.

На меня эта история тогда произвела сильное впечатление. Потом в Одессе мы еще некоторое время ходили на пляж и дружили. Когда Женя Голубовский мне передал ее книжку о Бродском, я вспомнил эту историю. Я даже и не знал, что они уехали. За этим, как говорится, не следил. Получив книжку, я растрогался, и тот же Голубовский, а также Валерий Хаит предложили мне написать свои воспоминания о посещении Довлатовым и Рейном нашей дачи. Тогда я к этому отнесся прохладно. Но мне захотелось узнать о воспоминаниях Люды Штерн, об этих же самых посещениях. Оказалось, что Соня Кобринская находится с Людой в электронной переписке. Она дала мне адрес, я написал письмо, не сильно даже рас-

считывая на ответ. Люда мне мгновенно ответила, что очень хорошо меня помнит. В общем, мы некоторое время переписывались. Живет она сейчас в Бостоне. Я время от времени поздравляю ее с очередным Новым годом. Писательница она, по-моему, превосходная.

— В вашем доме этажом выше живет Кира Муратова. Вы с ней знакомы?

— Муратова купила здесь квартиру относительно недавно. Мы знакомы весьма поверхностно, просто здороваемся как соседи. Она не очень контактна... Хотя она ровесница Ксанкиных друзей, но в их круг не входила. Но все-таки круги общения как-то пересекались. Скажем, мой давний приятель Олег Владимирский снимался в ее фильме "Долгие проводы". Позднее Муратова снимала в нашей квартире некоторые основные сцены для своего знаменитого фильма "Астенический синдром". Нам это устроил Олег Иванов, сын Ксаниных друзей Стелы и Алеши Ивановых, он был у Муратовой художником или еще кем-то. Просто предложил нам подзаработать. В нашей семье далеко не всегда было благополучно с деньгами. Времена бывали разными, тогда как раз было нелегко. Вот Олег и предложил интерьер нашей квартиры Муратовой для съемок "Астенического синдрома". Киношники осмотрели комнаты, набили их юпитерами и кабелями и оккупировали всю квартиру — на три съемочных дня. Семья была загнана в самый дальний угол. Кажется, за эти съемки нам заплатили 500 рублей — это почти мой трехмесячный тогдашний заработок...

Феликс КОХРИХТ

Дерибасовская угол Ришельевской...

...и другие памятные места Одессы

Первая строка названия этих заметок — зачин известной песенки об игривой старушке и лихих налетчиках, давшей имя нашему альманаху. Но — и самый старый, может быть, и первый адрес Южной Пальмиры. Так считает писатель и краевед Олег Губарь, у которого недавно вышли две новых книги. Они, как и предыдущие, посвящены истории поселения людей в нашем ареале Северного Причерноморья, поиску и осмыслению следов их жизнедеятельности и, как следствие, возникновению особого генотипа — одессита, ныне распространившегося по всему миру.

Первая книга называется "101 вопрос об Одессе" (издательство "Оптимум") и написана в жанре катехизиса, который по праву считается и древнейшим, и наиболее эффективным по степени вовлечения читателя в обратную связь с автором текста. Губарь задает вопрос и сам же на него отвечает. Нетрудно заметить, что вопросов все же меньше, чем декларировано на обложке. Объяснение простое: в планах писателя и издателей — еще несколько томиков с продолжением разговора.

Итак — первый одесский дом. Губарь, исследовавший с коллегами-археологами центр города, полагает, что и сегодня, хотя "в это трудно поверить, но есть основания говорить, что он частично сохранился по адресу улица Дерибасовская, 10, угол Ришельевской". И далее — рассказ о том, какие строения сменяли друг друга на одном из самых заповедных углов Одессы, над которым неутомимо реет *Genius loci* — Гений места. Что за люди владели ими, кто здесь жил. Вот лишь простое перечисление.

Дом этот, изначально принадлежавший князю Волконскому, впервые упоминается в дневниках путешественника, посетившего молоденькую Одессу в 1799 году. Затем перестроенное обширное строение, по сути, усадьба, запечатлено на плане 1803-го. В начале 19 века этот участок перешел к барону Рено, и под его именем угловой дом дожил до нашего времени. Здесь, в "Клубной гостинице", квартировали декабристы, легендарный авантюрист — "корсар в отставке Морали", а главное — Пушкин,

описавший их и располагавшуюся тут же ресторацию Отона, где с удовольствием обедал. Достаточно перечесть одесскую главу "Евгения Онегина"...

Вот лишь часть ответа на один из вопросов, а еще можно узнать ответ и на другой, пожалуй, самый волнующий нас: "Почему Одесса так называется?" — за которым обычно следует естественное любопытство: "Что известно о средневековых предшественниках Одессы?" — и, наконец, злободневное: "Как проходили городские выборы в старой Одессе?".

Что до архитектурных ансамблей, самых известных, знаковых строений города, то им посвящена еще одна книга Олега Губаря — "Старые дома и другие памятные места Одессы", увидевшая свет в издательстве "Печатный двор".

Само название, на мой взгляд, несет некую полемическую составляющую. Каковы "параметры" старины, чем она отличается от старости, ветхости, наконец, устарелости?..

Каковы критерии выбора объектов, их описания и исследования? Нужно ли уточнять, что они зависят от многого и, в первую очередь, от возраста главного героя книги — Полиса, Города. Вот лишь два глубоко личных примера.

В США мне с гордостью показывали дома возрастом в чуть более 200 лет. Разумеется, на Восточном побережье есть строения и постарше, возведенные английскими губернаторами, но с вольнолюбивым американским духом, с самоидентификацией граждан молодого государства ассоциируются, прежде всего, дома, построенные после революции.

В Иерусалиме мы жили в сердце Старого города, в квартире давнего одесского друга Сани Авербуха. Обитает он в Доме с Ладонью (античный фрагмент над калиткой), вошедшем в путеводители по Иерусалиму. Фундамет пристроения, стоявшего на этом месте, был заложен во времена Первого Храма (три тысячи лет назад). Затем, спустя столетия, в 11 веке н. э., стены под свое жилье здесь возвели крестоносцы. Это дом в середине 20-го взорвали отступавшие из Иерусалима иорданцы. Спустя десятилетия его, как и весь Старый город, буквально по камешку восстановили израильские власти. Тогда-то и нашли в его развалинах мраморную ладонь — древний еврейский оберег...

Разумеется, Одесса и по возрасту, и по интернациональному составу фундаторов и первостроителей сравнима, скорее, с городами Соединенных Штатов, чем с памятниками истории, религии и культуры Земли Обетованной, но ведь и в Иерусалиме, и в Нью-Йорке нынче — и наш народ, одесситы...

Я родился в ломе № 13 по Софиевской (угол Торговой), детство и юность прошли на Садовой, 6. Оба дома — часть типичной одесской городской застройки конца 19 века, и Губарь, увы, в своей книге о них не упоминает. Зато среди отмеченных его вниманием как минимум два адреса, связанных с историей нашей семьи, о которых я расскажу на страницах альманаха. Уверен, немало земляков, где бы они ни жили сегодня, с волнением найдут в труде Губаря и свои заветные адреса...

Таким образом, мы возвращаемся к критериям и принципам отбора им городской натуры. Особенность творческого подхода этого разностороннего автора (научные изыскания, книги по культурологии, истории, художественная проза) состоит в том, что, несмотря на стилистические и жанровые различия, они окрашены единым концептуальным подходом к предмету исследования или отображения.

Вот и "Старые дома..." Губарь предваряет обращением к вдумчивому читателю, доверяя ему свое кредо: "В отличие от живого организма, город довольно часто эволюционирует до полной неузнаваемости... Случается, не остается даже костяка, по которому сердитый палеонтолог... мог бы воссоздать внешний облик оригинала и как-то его типизировать... Я много раз декларировал: город — это дома и лица. И что бы там ни говорили, новые сочетания всякий раз дают новый город...".

В представлении Губаря (да и в моем) Одесса родилась как типичный левантийский полис с разноплеменным людом, разноголосой литературой, разноцветной музыкой... А что до живописи, то вспомним незабвенного Валентина Хруща, считавшего себя и запорожцем, и турком, и греком, в общем, человеком Средиземноморья. Он родился на Пересыпи, жил на Пантелеймоновской. Разумеется, в старых одесских домах.

Юрий ОВТИН

Алена и "Харлей"

Повесть

Дочери своей Елене и ее подругам-медикам посвящаю

1.

В те кажущиеся теперь невероятно далекими времена, когда из пятилетки в пятилетку перевыполняя производственные планы и социалистические обязательства, трудились мы на благо единого тогда отечества, я работал наладчиком контрольно-измерительных приборов в научно-исследовательском институте, призванном заниматься автоматизацией производства на перерабатывающих предприятиях пищевой промышленности. Входил я в группу, внедрявшую научно-технический прогресс в процессы томатоварения, и в период массового созревания томатов — как это называлось на агрокультурном языке — то есть, когда на обширных колхозных полях поспевали помидоры, с конца июля по октябрь, у нас начинались горячие деньки.

Для Одессы эта пора бывала памятна тем, что на Водопроводной улице, стремясь попасть в ворота консервного завода, выстраивались длиннющие очереди грузовиков с цистернами в кузовах, — где булькала начинавшая бродить на жаре помидорная масса, называемая пульпой, хлюпавшая и разливавшаяся, выдавленная из предложенных объемов, образуя в низинке довольно внушительное чавкающее красного цвета болотце, пересекая которое, легковушки, как колесные пароходы, вздымали роскошные шантеклеровские веера, обдавая кровавыми брызгами пугливых прохожих...

Объектом применения наших лабораторных сил был Измаильский консервный комбинат, куда нам приходилось отправляться в продолжительные сезонные командировки. Работа, впрочем, не относилась к числу изнурительных и заключалась в том, чтоб следить за исправностью доверенных приборов и каждые два часа заносить показания в журнал. Трудились мы к тому ж вахтовым методом, сменяясь каждые две недели, периодически возвращаясь в Одессу, с тем чтобы вскоре снова отправиться в неблизкий Измаил. Денег на питание мы там практически не тратили, покупали только свежий хлеб в лавке, — и не потому что страдали отсутствием аппетита: просто на комбинате было сосредоточено столько всевозможных овощей, фруктов, включая подведомственные нам томаты, что,

Рисунок Владимира МИНЕНКО

прихватив кусок хлеба, можно было позавтракать, пообедать и поужинать всюду, куда ступала нога. К тому ж умельцы из ремонтно-механического цеха умудрялись приготовлять отменную брагу, окончательно ликвидировав, таким образом, потребность в наличных тратах...

Как-то по завершении очередной вахты по дороге домой, в Одессу, я решил завернуть на денек к двоюродной сестре своей, Наде, жившей с семьей в небольшом рыбацком городке в излучине Дуная.

Несмотря на то, что судно на подводных крыльях по расписанию прибывало довольно поздно, Надя и ее муж Леня дожидались меня, ужинать не садились и встретили с присущим здешним жителям гостеприимством.

На столе в отблеске падавшего на двор лунного света серебрилась жирная дунайская селедка, дымилась в казане рыбацкая тройная уха, ожидая, когда коснется ее жгучей поверхности деревянная ложка, влажно темнел выложенный на блюдо крупными ломтями жареный сом — с приплюснутой головой, похожей на чаплинский ботинок, и листиком хрена в толстых губах — как библейский голубь с оливковой ветвью...

— А до ухи у нас припасен и тройной очистки первач. Огонь! — подмигнул мне Леня, выставляя на стол бутыль синеватого виноградного самогона. Леня был водителем грузовика в здешнем рыбколхозе, выпивал нечасто, но отказать себе в удовольствии посидеть за столом с родней не мог.

— Ты на меня не смотри, мне завтра на работу, — подливал и подливал он мне первачка, подкладывал на тарелку рыбки, и я, соскучившийся по домашнему столу, с аппетитом налегал на эту представлявшуюся мне истинно царской еду — пока не осталась от сома одна голова с веточкой...

2.

...Проснулся я далеко за полдень на удивление бодрым и отдохнувшим и долго еще лежал с закрытыми глазами, вслушиваясь в пение птиц, нежась под теплыми лучами солнца, пробивавшимися сквозь нависавшие ветви яблони, раскинувшейся над открытой верандой, где меня положили спать.

Неожиданно я почувствовал чье-то легкое прикосновение и, открыв глаза, увидел перед собой очаровательное белокурое создание лет пяти в льняных пажеских локонах, обрамлявших загорелое личико, с насмешливыми голубыми глазенками под пушистыми ресницами. На руках она держала, крепко к себе прижимая, столь же пушистого мурлычившего от удовольствия рыжего кота.

— Хватит спать, засоня! — упрекнуло меня создание.

И я скорей догадался, чем узнал в ней свою племянницу, помня ее еще совсем несмышленышем и восполняя пробел по Надиным телефонным рассказам.

— А я знаю, кто ты! Ты моя племянница Аленка, или попросту Аля, — стараясь понравиться ребенку, заговорил я с той неловкой наигранностью, которая выдает отсутствие собственных детей, подумав при этом, какая ладная девочка подрастает у Нади с Леней. — А я твой двоюродный дядя из Одессы — дядя Жора!

— Жора-обжора! — смеясь, передразнила она. — Ты толстый пушистый котик! Смотри, у тебя даже на пузике волосики растут, как у Рыжика. Я вот тебе и имя придумала — будешь Пузик... Пузик, хочешь поиграть с Рыжиком?

И она, усадив своего рыжего кота мне на живот, выпрыгнула в сад.

— Пузик, когда покушаешь, позовешь меня! — прокричала она уже из сада. — Мама сказала отвести тебя к ней на работу, когда ты проснешься...

...Надя работала бухгалтером в магазине райпотребкооперации. Были тогда такие объединения для совместного производства, закупок и продажи потребительских товаров. Пайщики местного райпотребсоюза вылавливали в дунайских плавнях кондиционных стограммовых лягушек и отправляли специальными авиарейсами во Францию, где обожают эту прелесть. Взамен здешний потребсоюз получал французские промышленные товары — да какие! — последний крик парижской моды, от Диора, — то, чего у нас в Одессе тогда днем с огнем было не сыскать.

Надо сознаться, что мой приезд помимо чисто родственного имел и некий меркантильный интерес. Я хотел по мере возможности приодеться, тем более что фруктово-овощная диета на измаильском консервном комбинате способствовала накоплению некоторых капиталов.

Выбрал приличные туфли, джинсы и несколько сорочек, стоивших здесь по сравнению с одесским рынком сущие пустяки — так, джинсы фирмы "Леви Страус", которые на толчке влетели бы мне не менее чем в 220 рублей, в потребсоюзе предлагали за тридцатку. Примерив еще что-то, я уже собирался подвести итог, но тут, увидав снующую по магазину племянницу, со стыдом вспомнил, что не привез ей никакого гостинца.

— Алена! — позвал я. — Ну, давай теперь тебе подарок выбирать. Хочешь вот этого замечательного кота? Что тебе нравится?

Ассортимент игрушек был невелик, но все они были по-заграничному яркими, свежими, помещенные в прозрачные целлулоидные коробки. Особенно хорош показался мне Кот в Сапогах — в широкополой мушке-

терской шляпе с пером, в ботфортах и при шпаге, и я почти не сомневался, что выбор Алены падет именно на него.

Но она рассудила иначе, причем сделала это с такой быстротой и неколебимой уверенностью, что не оставалось сомнений — выбор ее был осмыслен и сделан давно, и она только ждала случая, который помог бы ей эту вещь заполучить. Еще не до конца веря в привалившее наконец счастье, она указала пальчиком на сверкавшую хромированными частями, переливавшуюся на солнце модель мотоцикла "Харлей-Дэвидсон", напоминавшую гнутым переплетением блестящих патрубков миниатюрный духовой инструмент, только с колесиками...

— Ты что же это, Аля, совсем сдурела? — всплеснула руками Надя. — Да разве ты мальчишка? Зачем тебе мотоцикл?.. Вот, хороша и с этим будешь...

И Надя подвинула на прилавок небольшую симпатичную куклу.

И тут Алена разревелась. Стоя посреди магазина, с опущенными плечами, с поникшей головой, она размазывала по личику неутешные детские слезы.

Я начал лихорадочно выворачивать карманы, моля Бога только о том, чтоб остававшихся денег хватило на приобретение этого вожделенного предмета...

...Домой мы с Аленой возвращались большими друзьями. Счастливая Алена несла игрушку — прижимая к себе, как перед тем кота, маленький мотоцикл-прототип, — не подозревая о том, что ключевая мысль, выраженная емким слоганом Билли Харлея и братьев Дэвидсонов: "Мотоцикл не средство передвижения, а стиль жизни", — станет девизом всей ее дальнейшей судьбы...

3.

...Шли годы. Я наконец и сам обзавелся семьей и, как Авраам, родил детей. Алену мне с тех пор видеть не приводилось, хотя связь с Надей с Леней мы поддерживали регулярно, и они время от времени бывали у нас, посещая Одессу.

Как-то в разгар лета позвонила Надя и попросила принять в гости Алену — мол, пускай та поплещется в море, позагорает, а главное — девочка подросла, и дома, в тихом рыбацком городишке, ей уже скучно...

Жили мы тогда, правду сказать, тесновато, но отказать Наде я, конечно, не мог.

Мы стали ждать приезда племянницы.

...Алена, которую я не видел десять лет, из смешливой девчушки с ко-

шачьими царапками и перламутром рыбьей лузги на лодыжках превратилась в стройную голенастую девицу, стала, как говаривали когда-то, барышней. Пышные золотистые волосы волнами ниспадали на ее плечи, и только в пушистых ресницах, которые, казалось, стали еще пушистее, проглядывала прежняя озорная девчонка...

Моя восьмилетняя дочь сразу же влюбилась в нее, — как бывает с младшими детьми в отношении к детям постарше, не скрывая восхищения их превосходством. Мы с женой были довольны. Дело в том, что Алена окончила музыкальную школу, хорошо играла на фортепьяно и пела, сама сочиняла музыку и мечтала после школы поступить в консерваторию. Свою дочку мы тоже определили в музыкальную школу, но ходила она туда без всякого воодушевления, обучение бемолям и диезам представлялось ей чем-то вроде каторжных работ, да и для нас каждый раз с боем заставлять ее сесть за инструмент было сущей мукой. Глядя же на Алену, для которой музыка, перебирание клавиш, были в удовольствие, в радость, дочь и сама начинала смотреть на прежде ненавистное ей пианино другими глазами.

...Алена поначалу не доставляла нам никаких хлопот, целые дни проводила на пляже, потом вдруг начала пропадать куда-то по вечерам. На наши с женой расспросы отвечала, что время проводит на дискотеке, — они входили тогда в моду.

Но после того как однажды она заявилась в четвертом часу утра, жена решила, что с этим что-то надо делать, и настояла, чтоб я проследил, куда исчезает Алена. Было бы очень неудобно перед Надей и Леней, если б с девочкой по нашей вине что-то случилось.

Когда на следующий вечер, отразившись в туалетном зеркале, Алена выскользнула из квартиры, я последовал за ней. Пока она спускалась на лифте, я несся вприпрыжку по лестничным пролетам с седьмого этажа, но, выскочив почти вслед за ней из парадного, увидел только, как закинув бедро молодой нимфы, усаживается она на заднее сидение огромного сверкающего мотоцикла, за рулем которого, выгнутым как буйволиные рога, восседал длинноволосый байкер в кожаной куртке-косухе с заклепками и майке с портретом Че Гевары. Как только Алена закрепилась в седле, обхватив байкера сзади руками, машина бешено взревела, вскинулась на дыбы и, рванув с места в карьер, растворилась в ночной темноте, оставив после себя только сиреневое облачко выхлопа.

Из окон высовывались переполошенные соседи...

Я стоял совершенно очумевший, соображая про себя, что продолжавший

ворочаться в ушных раковинах реактивный рев мог принадлежать только "Харлею" — тому самому "Харлей-Дэвидсону", игрушечную модель которого своими руками я преподнес когда-то Алене... Смешно сказать, но английское *bike*, от которого и производится "байкер", означает — велосипед...

Мы с женой не могли уснуть всю ночь, а вернувшейся под утро Алене устроили форменный разнос.

Не помогли ни ее уверения в том, что она уже не маленькая и что байкер, ее новый приятель, никакой не бандит, как нам показалось, а студент второго курса медина, и что мотоцикл — это просто игрушка в сравнении с теми грузовиками из отцовского гаража, которые ей доводилось водить...

На следующий же день мы отправили ее рейсовым автобусом домой — как говорится, от греха подальше...

4.

Не знаю, повлиял ли на последующий выбор Алены ее новый знакомый — студент-медик, владелец крутого американского "чоппера", или же это рок, скрывавшийся под маркой "Харлея", выкатившись путеводной звездой, покатил ее дальше по жизни, но через два года, после окончания школы, она приехала в Одессу поступать в вуз, — но не в консерваторию, о которой мечтала еще недавно, а в медицинский.

Несмотря на большой конкурс, Алена уверенно сдала вступительные экзамены и стала студенткой. Видели мы ее редко. Проживала она в студенческом общежитии, помимо невероятной учебной нагрузки выкраивала время для курсов английского языка и на освоение компьютера. Училась Алена на пятерки, получала повышенную стипендию, а на третьем курсе даже стала президентским стипендиатом, что само по себе говорило о многом и могло расцениваться как значительный успех.

После окончания третьего курса для прохождения практики ее направили сроком на полтора месяца в один из старейших университетов Европы, в Сорбонну.

...Возвратясь из Франции, Алена пришла к нам, чтобы вернуть мою объемистую спортивную сумку, которую брала в дорогу, а заодно показать альбом фотографий, обогативших начинавший полниться багаж впечатлений.

Мы забросали ее вопросами.

— Сорбонна, — рассказывала Алена, — университет государственный, в основном, в нем обучаются студенты среднего достатка. Очень много иностранных студентов.

Разместили ее в прекрасном студенческом общежитии, в отдельной комнате. Неподалеку находилась муниципальная больница с университетской кафедрой, где она проходила практику.

В их группу входило около пятидесяти студентов из разных стран. Из республик бывшего Союза она была одна. Парижские студенты как радушные хозяева не давали скучать вечерами и в выходные, демонстрировали Париж во всей его красоте.

Лувр, Эйфелева башня, Нотр-Дам, Монмартр, Версаль, Дефанс, все было отображено на альбомных фотоснимках. "Да, — думал я, — Париж показали, что называется, по полной программе..." Как вдруг — будто обо что-то споткнулся.

Арка Тита, фонтан Треви, собор Петра... Да это, кажется, из другой оперы? Перевернув следующую страницу, я обнаружил Алену на фоне развалин Колизея, восседающей на взнузданном "Харлей-Дэвидсоне". Ореол золотых волос, взметаемых ветром, образовывал над ее головой фантастическую светящуюся в контражуре корону.

— Так ты что же, Алена, побывала еще и в Риме? — воскликнул я и, показывая всем фотографию, скомандовал: — А ну давай, рассказывай!..

А получилось вот как:

По завершении практики администрация Сорбонны собрала стажеров в актовом зале для вручения именных сертификатов. Алена по такому случаю вырядилась в дорогое французское платье, подаренное ей родителями к школьному выпускному балу, и чувствовала себя в нем не в своей тарелке, поскольку другие пришли одетыми кто во что горазд — в подавляющем большинстве в кроссовках на босу ногу.

Чтобы не бросаться в глаза, Алена устроилась за концертный рояль, стоявший в глубине зала, и стала негромко наигрывать, перебирая классический репертуар. Полившаяся мелодия как-то разрядила атмосферу ожидания.

К роялю подошел высокий смуглый юноша и, облокотившись о крышку, поинтересовался, говорит ли Алена по-английски. Потом назвался:

— Ромео. Из Рима.

— Алена. С Украины, — в тон ему ответила Аля.

Парень слегка наморщил лоб.

— Украина? Это что же, осколок Советского Союза?

— Самый крупный и красивый, — ответила Алена.

— А ты можешь сыграть что-нибудь необычное? — спросил итальянец.

— Например?

— Ну, хотя бы гимн Советского Союза...

И в зале торжественно и печально зазвучал гимн несуществующего государства, распадаясь в клавишном переборе на несколько отдельных мотивов...

К роялю потянулись студенты. Алена оказалась в центре внимания и, несмотря на свой, как ей думалось, неуместный вид, перезнакомилась с доброй половиной ребят. Вечер, как говорят дипломаты, прошел в дружественной и непринужденной обстановке. Ромео не отходил от Алены. Впрочем, Ромео — это была его фамилия, звали же итальянца Сальваторе. В Риме он жил с родителями и сестрами-близнецами, учился в университете на врача и приехал из Рима в Париж на собственном красавце "Харлее".

Алена так ему приглянулась, что он тут же предложил ей махнуть с ним в Рим на его мотоцикле, погостить и поглядеть Вечный город.

Алена, не раздумывая, согласилась.

Администрация Сорбонны помогла продлить визу, и Алена, чувствуя крылья за плечами, понеслась сломя голову из Парижа в Рим...

Внимательно слушая эту интригующую историю, в повороты которой вот так, сходу, вписаться мог бы не каждый, я вертел в руках приковавший внимание фотоснимок, разглядывая его еще и еще раз и даже поворачивая боком, отчего стремительная динамика положений казалась еще более образной и очевидной.

Снимок мне так понравился, что я попросил подарить мне его. А чтоб и Алене не лишаться памяти о "римских каникулах", пообещал дублировать фото и увеличить, отдав в ателье, где его вставят в рамку, и в таком уже виде вернуть ей.

5.

...Незаметно пролетали годы. Обучение Алены в медицинском университете подошло к завершению. Впереди были государственные экзамены и интернатура, которую не без помощи матери, ставшей к тому времени хозяйкой небольшого магазинчика (или, как она его гордо именовала, — "бутика"), Алена могла проходить по месту жительства, в районной больнице.

Как-то перед самыми экзаменами она зашла к нам с одной из своих подруг.

— Дядя Жора, а помнишь, ты обещал сделать портрет в красивой рамочке? Забыл, наверное, или скажешь сейчас, что обещанного три года ждут...

Я молча достал из стола обрамленную увеличенную фотографию, которую называл про себя "Алена и "Харлей", и протянул ей:

— Что ж только теперь вспомнила?

Она немного смутилась, но тут же рассмеявшись, стала объяснять, что вот, у ее подружки Кати мать работает компьютерной свахой и совсем замучила ее, да и Катю тоже, предлагая найти им женихов через интернет. Для этого, говорила она, Катина мама, и надо-то всего — разместить на сайте свою фотографию:

— Увидите, отбоя от женихов не будет. Глядишь, и подвернется что-нибудь стоящее. А то вы с этой учебой совсем о личной жизни не заботитесь...

Вот и решила Алена шутки ради, больше чтоб отвязаться, дать фотографию — поместить в интернете именно этот снимок...

...Результат не заставил себя долго ждать. Посыпались предложения со множеством вариаций, которые забавляли и смешили Алену. Но одно из них все же задело ее и обратило внимание, выделяясь своей неординарностью.

С Аленой желал познакомиться сорокадвухлетний миллионер Рич Маркел из небольшого городка в Калифорнии, неподалеку от залива Монтерей. О том, что он миллионер, Рич Маркел, собственно, речи не вел, но это как бы подразумевалось само собой, исходя из того, что — практикующий врач — он являлся еще и владельцем частной клиники на сто пятьдесят мест. Далее американец сообщал (должно быть, с оглядкой на ту самую фотографию с "Харлеем"), что увлекается мотогонками и владеет коллекцией из двадцати пяти тяжелых мотоциклов и гоночных машин. Он был дважды женат, от каждой жены у него по дочери, но бывшие жены на него не в претензии, так как он их и детей полностью обеспечил.

Американец приглашал Алену — за его, естественно, счет — приехать погостить в Америку. Но если она не будет возражать, он может прилететь к ней в Одессу.

Это предложение вызвало в нашей семье оживленную дискуссию, но, в конечном счете, мы все пришли к единому мнению, что такой, пусть и обеспеченный, но уже не первой свежести жених Алене ни к чему.

Впрочем, и сама Алена уже до этого поблагодарила американца и отказалась от предложения, мотивируя отказ тем, что ей надо сдавать госэкзамены, а затем ехать на год в райцентр для прохождения интернатуры...

6.

...Все государственные экзамены Алена сдала на "отлично", и мы всей семьей вместе с ее родителями присутствовали на торжественной церемонии, где ей как круглой отличнице вручили "красный диплом", свидетельствовавший об успешном окончании медицинского университета.

За шесть лет учебы Алена, что называется, прикипела к Одессе и полюбила наш город, у нее здесь появилось множество друзей, так что домой, в свой рыбный городок на Дунае, — после Парижа и Рима — она возвращаться не торопилась, испросив разрешения недельку-другую пожить с нами.

Целые дни она проводила на море, на Аркадийском пляже, — будто стараясь смыть ту усталость, что наслоилась на ее плечах за годы напряженной учебы.

...Вдруг — как гром среди ясного неба — раздался телефонный звонок ее подружки Кати.

На вопрос, что случилось, Катя ответила, что из Калифорнии прилетел американец и разыскивает Алену...

...На следующий день Алена пригласила его к нам домой.

Рич Маркел мне понравился сразу. Среднего роста, спортивной стати, со спокойным и проницательным взглядом, он производил впечатление уверенного в себе человека. Вместе с Ричем приехал и его помощник Билл, которого Рич представил нам как своего ассистента. Билл, в отличие от Рича, довольно сносно говорил по-русски.

Дети наши вовсю практиковались, ведя с ними разговор на английском, Алену же гости и вовсе не уставали хвалить за хорошее знание языка.

Рич объяснил, что оказавшись по делам в Европе, решил заглянуть в Одессу, чтоб познакомиться с понравившейся ему девушкой, тем более, что тут рукой подать — каких-нибудь три часа лету из Лондона. Они с Биллом разместились в небольшой частной гостинице в Аркадии, и пока что ему здесь все нравится. Но особенно он, Рич, восхищен Аленой и просто настаивает, чтобы она прилетела в Америку хотя бы на месяц.

Алена отшучивалась, упирая на то, что даже такое путешествие не способно превзойти по привлекательности предстоящей интернатуры...

Несмотря на это она целыми днями проводила время с гостями, гоняла с ними на скутерах, парила в летнем белесом небе на пароплане или скользила на водных лыжах, рассекая зигзагами оставляемую глиссером пенную дорожку.

Я почти не сомневался, что американец так и уедет к себе ни с чем, что Алена, еще позагорав какое-то время, отправится домой, на берега Дуная, как вдруг неожиданно, вернувшись однажды с пляжа, она решительно заявила, что завтра улетает с Ричем Маркелом в Америку и уже вызвала в Одессу своих родителей.

Оказывается, Рич и Алена побывали у ректора медуниверситета и решили с ним вопрос о прохождении ею интернатуры в Соединенных Шта-

тах, в принадлежащей Ричу Маркелу клинике, предоставив все необходимые гарантии...

...Так, неожиданно для всех и даже для себя самой, Алена улетела за океан — как предполагалось, на год...

7.

...Однако через год домой Алена не возвратилась. Надя по телефону рассказывала, что Алена зарекомендовала себя там с наилучшей стороны, и Рич по завершении интернатуры предложил ей интересную и высокооплачиваемую работу в его клинике.

Спустя какое-то время Надя летала к дочери в Калифорнию, и по приезде домой рассказывала нам, что Алена очень хорошо устроена, работает в медицинском центре, квартиру снимает в престижном районе. Вот только работа очень ответственная и выкладываться нужно по полной — вкалывать с утра до вечера, частенько без выходных, когда выпадают дежурства. Рича Надя не видела, но в целом осталась довольна.

...Незаметно пролетели шесть лет. Мы были уверены, что Алена стала настоящей американкой и домой, в наш перманентный бедлам, уже не вернется.

Но, как говорится, пути Господни неисповедимы...

...В воскресный день, когда мечтаешь отоспаться за всю неделю, а если получится, то и на неделю вперед, нас разбудил настойчивый телефонный звонок. Сон смахнуло как рукой, когда на другом конце провода я услышал знакомый голос Алены:

— Дядя Жора, я у вас в Одессе, в аэропорту, прилетела из Америки "Венскими авиалиниями". На шесть часов заказала междугородное такси от вашего дома, чтоб ехать к родителям. А сейчас хотела бы заскочить, повидаться, да и передохнуть немного с дороги. Как вы на это смотрите?..

Конечно же, все мы этому были рады и стали ждать ее приезда из аэропорта.

...За годы, что мы не виделись, Алена разительно переменилась. Наверное, даже больше, чем за те десять лет, которые отделяли в моей памяти ее детский облик, с котом на руках, от вида абитуриентки. Из симпатичной девушки она превратилась в красивую холеную женщину с властным взглядом голубых глаз, в которых мне чудился стальной блеск, и только улыбка, когда глаза искрились в ореоле пушистых ресниц, отдаленно напоминала мне ту, прежнюю Алену из такого далекого теперь детства...

Но еще более интересен оказался рассказ Алены о своей американской жизни и о строившихся планах на будущее.

— Первый год для меня в Америке выдался очень тяжелым, — начала Алена, — впрочем, мама вам, наверное, об этом рассказывала...

— Ну да, в общих чертах, — подтвердил я. — Поведай-ка нам лучше о своих отношениях с Ричем.

— Рич... — начала было Алена, и задумалась...

Как следовало из ее слов, невзирая на веселые водные прогулки в акватории Одесского залива, в реальной жизни Рич Маркел оказался человеком весьма сосредоточенным, даже замкнутым, ученым-медиком и бизнесменом в одном лице, неистовым трудоголиком, уходившим с головой в свое дело. Связать свою жизнь с таким человеком, по мнению Алены, было все равно, что оформить брак с машиной.

— Я даже видалась с его бывшими женами. Прекрасные и добрые женщины, вовремя сбежавшие от него...

Рич Маркел имел всего одно увлечение, которому и посвящал свое свободное время, — мотоциклы и гоночные машины. Несмотря на следовавшие один за другим разводы, он идеально вписывался в параметры типичного клиента компании "Харлей-Дэвидсон", определяемого в маркетинговых исследованиях как "женатый мужчина лет сорока с высшим образованием и годовым доходом в 100 тысяч долларов". Его знали все байкеры в округе. Особенно Рич любил мотогонки, которые проводили экстремальные обладатели "чопперов" в соседнем местечке Холлистер на ревущих многоцилиндровых "Харлеях" без глушителей.

Как-то Рич пригласил ее с собой в соседнюю Неваду, где на дне высохшего озера его друзья, бывшие пилоты-истребители, устраивали гонки на реактивных, преодолевавших звуковой барьер автомобилях. Ей даже позволили промчаться на одном из этих десятитонных монстров, развивая скорость — чтоб не случилось чего — всего в четыреста километров. Земля проносилась под ней с невероятной быстротой, и она, превратясь в один напряженный нерв, невольно сознавала, что ее полулежащее почти астральное тело скользит в каких-нибудь десяти сантиметрах от шершавой, как шлифовочное полотно, поверхности полигона... Она проскочила отведенный ей пробный километр всего за несколько секунд, и это, по ее словам, было самое оглушительное ощущение в ее жизни.

Мы слушали ее затаив дыхание.

— Однако вернемся к медицине, — продолжила Алена. — Я никогда не

могла бы себе представить, если б не убедилась на собственном опыте, какие удивительные хитросплетения существуют в этом мире...

Речь шла о том, что компания "Харлей-Дэвидсон", производя известнейшие в мире мотоциклы тяжелого класса — превосходящие японские "Кавасаки", "Ямахи" и "Хонды", — вот уже много лет финансирует Американскую ассоциацию мышечных дистрофий (MDA) — общественную медицинскую организацию, осуществляющую финансирование и координацию деятельности двухсот тридцати клиник и четырехсот научных центров, занимающихся поиском методов лечения нейромышечных дистрофий, от которых больше всего страдают дети. Рич был в MDA далеко не последним человеком и уже давненько подумывал о создании на базе своей клиники научного центра. И когда он предложил Алене по окончании интернатуры эту работу, она подписала с ним контракт на пять лет...

8.

Алена закончила и задумалась... Молчали и мы, восхищенно глядя на нее.

— Пять лет практической работы пролетели как один день, — встрепенулась Алена. — Сегодня я являюсь руководителем этого научно-исследовательского центра и, по сути, его совладелицей. За эти годы у меня накопилось материала на две диссертации: кандидатскую и докторскую. Но и к Америке, и к американскому образу жизни я так и не смогла привыкнуть. К тому же — мне уже двадцать девять лет. Все мои сокурсницы давно замужем, нарожали детишек, многие даже успели развестись и выйти замуж по второму разу...

— Но зато посмотри, чего ты достигла в жизни, сколько успела за это время! — не удержался я, чтоб не засвидетельствовать свой вполне искренний восторг.

— Так-то оно так, — согласилась Алена, — но когда кончился срок контракта, я все же решила уехать домой...

Вот только Рич Маркел планировал иначе. Он показал ей договор между компанией "Харлей-Дэвидсон", представлявшей интересы MDA, и американской компанией "Space Adventures", имевшей свой офис в Москве как партнер Космического агентства Российской Федерации в области космического туризма. Согласно этому договору, за двадцать миллионов долларов "Space Adventures" предлагала осуществить десятидневный полет частного лица на Международную космическую станцию.

Этим "частным лицом" должен был стать врач MDA, отправляемый на орбиту с целью проведения целого ряда научных экспериментов.

— Рич сообщил, что на недавнем совещании руководства MDA, в котором он принимал непосредственное участие, была поставлена задача найти такого человека, — и предложил именно мне полететь в космос. Главное, сказал он, чтоб ты согласилась, остальное — дело техники. В результате — у меня на руках контракт на десятидневный полет и еще — на последующие пять лет работы в нашем научно-исследовательском центре...

— Вот это да... — протянул я. — И когда же ты летишь на эту, как ее? — МКС?

— Да вот, съезжу домой, повидаю родителей, и — вперед, в Звездный городок, в Центр подготовки космонавтов для прохождения медицинских тестов, испытаний искусственной невесомостью и перегрузками на центрифуге. Если физические тренировки пройдут успешно, то месяца через два ждите, позвоню вам с космической станции...

9.

Прошел год, и мы смирились с мыслью, что Алена в космос не полетит. С Надей мы периодически перезванивались, и с ее слов, захлебывавшихся в трубке, я знал, что в ходе физических тренировок медики, обследовавшие Алену, констатировали ее непригодность к космическому полету, и она была отстранена от подготовки. Все бы ничего, говорила Надя, но не смогла она перенести эти сумасшедшие перегрузки...

А может быть, думали мы, это и к лучшему...

Алена осталась работать в Звездном городке, в Центре космической медицины, и мы было решили, что наконец-то она нашла там свое призвание...

...Как-то в погожий летний день по телефону позвонила Надя с известием, что они с Леней в Одессе, вечером улетают самолетом отдыхать в Анталию и приглашают по этому поводу всех нас отобедать в хорошем ресторане.

...— Ну что же, давайте выпьем за ваш отдых на турецком Средиземноморье, — предложил я тост, когда официант засервировал столик первыми закусками.

— Вечно ты торопишься, Жора, — прервала меня Надя. — Давайте сначала выпьем за здоровье молодых! — и, с удовольствием оценив удивление, отразившееся на наших лицах, пояснила: — Алена вышла замуж!..

И Надя рассказала, что мужа Алены зовут Виктор, и фамилия сейчас

у нее по мужу — Богданова, что он старше ее на пять лет, кандидат медицинских наук, они вместе работали в Центре космической медицины. Парень что надо, под два метра ростом, спортсмен, мастер спорта по спиду...

— Да не по СПИДу, а по спидвею! Сколько можно поправлять! — подскочил Леня.

— А что это такое, спидвей? — спросила моя жена.

— Это такой вид наших национальных забав, — пояснил я, — мотогонки на льду.

— Ничего себе! — ахнули женщины.

— В общем, — продолжила Надя, — живут они сейчас у нас, решили отдохнуть. Мы-то и в Анталию надумали слетать, чтоб не мешать им проводить медовый месяц.

— Ну, а потом что? Как дальше-то будут? — стал допытываться я.

— А дальше? Дальше поедут жить в Киев, там у Виктора большая квартира. Хотят обвенчаться во Владимирском соборе, а потом засядут за свои диссертации: Алена за кандидатскую, Виктор за докторскую. Ну и мы с Леней тоже надумали перебираться в Киев, к ним поближе. Детишек поможем воспитывать. Да и мне уже давно пора свою торговлю расширять. А столица — она и есть столица! — добавила Надя.

Но было во всей этой истории что-то недоконченное.

— Ну, а ты чем будешь в Киеве заниматься? — спросил я Леню, недавно сделавшегося, как мне было известно, у себя в городке хозяином станции техобслуживания.

— Да есть кой-какие задумки, — загадочно ответил Леня. — Виктор говорил, что на свадьбу к ним прилетал из Америки Рич Маркел, и они с ним обсуждали идею совместного производства на Украине мотоциклов "Харлей-Дэвидсон". Потому как хоть и производит Киевский мотоциклетный завод свои "чопперы", до американских им — как отсюда до Луны... А как закрутим производство, — сказал Виктор, — лучше моей кандидатуры на должность исполнительного директора он не видит...

Илья РУДЯК

Летучая мышь
Дневниковые записи Мыши и Человека

Для Жени и Вали, сердечнейше моим генацвале

М.

...я убедилась, что люди кровожаднее кошек! Те готовы нас сцапать в любую минуту, только попадись им в лапы. но иногда от них можно даже улизнуть. Есть такие, что любят поиграть в "кошки-мышки", увлекутся, а мы юркнем в первую попавшуюся щелку...

...люди же сами нас не едят, а готовы сразу уничтожить — мы им противны, не знаю почему, а женщины нас даже боятся и, увидев мышку, пробегающую по полу, подпрыгивают до потолка и издают истошный крик... Это они заставили мужчин придумать "мышеловку", я в этом уверена... ...в нашей мышиной истории испокон веков писали о разных видах "мышеловок", даже пытались изобразить их, но никому это по-настоящему не удавалось... мы попадаемся и попадаемся... мы чувствуем запах лакомых приманок, а то, что это просто-напросто коварство, хитрость безжалостных Великанов, мы, простодушные, и не подозреваем.

...когда моя старшая сестра Ми была на сносях, ей захотелось чего-то кисленького, и она ушла наверх, в кухню...

...Ми долго не возвращалась. Все забеспокоились. Мама не могла найти себе места. Папа гладил ее по спинке, а муж Ми — жирный Мо — грыз газету и молчал... Я решила подняться и поискать сестру. Меня отговаривали, даже щипнули, чтобы я не рыпалась...

...я улучила момент, когда родители заспорили между собой, взобралась по трубе к потолку и шмыгнула в щель...

...я никогда еще не была в человеческой кухне... я чуть не ослепла от блестящих предметов, стоящих повсюду...

...запах тела Ми ударил мне в нос, и я направилась к ней. Ми лежала мертвая в лужице крови, а у хвостика... три недоношенных мышонка... я онемела. Послышались шаги, зажегся яркий свет, и я еле уволокла ноги назад...

Ч.

...в час ночи я услышал удар пружинки в мышеловке. Я был уверен, что она переломала серенькой хребет. Стараясь не разбудить беременную жену, я тихонько встал и направился в кухню. Картина была ужасающая... Мышка мышкой, а вот мышата, вывалившиеся из кровавого брюшка...

— Что случилось? Почему ты подскочит среди ночи? — услышал я за спиной.

...и раздирающий душу крик...

...по дороге в госпиталь у жены был выкидыш...

М.

...я так рыдала, что не могла ничего сказать на расспросы родителей... они, конечно, догадались, что случилось... Мо оторвался на минуту от газеты...

...у меня целую неделю была лихорадка, а когда я оправилась, то твердо решила посвятить свою жизнь борьбе с мышеловками... ведь так случилось, что именно я увидела это орудие убийства и осталась живой...

...в каждой норе теперь будет описание мышеловки... я снова подымусь на то злосчастное место и уже детально изучу его... меня на мякине теперь не проведешь... бедная Ми, я так любила ее...

Ч.

...моя жизнь резко изменилась после случая с убийством мышки. Перед глазами все время стояла эта картина, а то, что случилось у Генриетты в ту же ночь, я посчитал как наказание нам. Через неделю у меня обнаружили язву желудка. Кровил. Я подвергся операции. Долго приходил в себя. Еще на больничной койке решил никогда больше не есть мясо. Я стал вегетарианцем...

...жена же моя ожесточилась... во всех наших несчастьях она винила ту мышку. А когда на кухонном столе она снова обнаружила мышиные следы, закатила очередную истерику и вынесла приговор: немедленно расставить по всем углам мышеловки...

М.

...у хозяев нашего дома явно какие-то неприятности. Так им и надо. Их не слышно и не видно.

...мышеловки нигде не нашла...

...грязная посуда в умывальнике с кусками картофеля, куриными косточками, засохшим хлебом целую неделю стали всеобщей добычей, но пе-

ред каждой вылазкой я предупреждала, что если кто-то увидит две деревянные дощечки с пружинкой между ними, ни в коем случае не подходить близко, даже если там будут... ломтики сыра рокфор...

Ч.

...оказывается, в хардверстор имеются и "щадящие" мышеловки. Они построены по принципу кабинки. Вовнутрь кладут приманку, и когда мышь туда забегает, сверху падает затворка. Выйти оттуда мышь уже не может.

Вопрос Генриетты:

— И что же ты будешь с ней делать?

— Выброшу в кусты у забора. Это триста метров от дома.

— И она не вернется по следу назад?

— Только если ей кто-то откроет дверцу.

— Посмотрим, — заключила она.

На самом деле я еще не знал, как поступлю.

М.

...над нами появились люди... я решила пойти на разведку...

...попросила своих оставаться в норке, пока я не возвращусь...

Ч.

...я понял, что они выходят за едой именно в полночь... я услышал, как мышка беспокойно вертится в кабинке...

...убедившись, что Генриетта крепко спит, и прихватив со стула брюки, носки, рубашку, тихонько вышел...

...несчастная издавала тоненький писк, похожий на всхлипывание...

...я взял в руки "живой домик" и почувствовал собственное сердцебиение...

...серп луны и звезды на небе лили тихий загадочный свет на наш сад. Под ногами шуршали листья. Пальцы нервно дрожали... я убыстрил шаги, даже побежал и, не зная сам почему, резко бросил вверх к макушке высокой ели кабинку с мышкой...

...мне почудился восторженный писк...

М.

...позор, какой позор! Я поймалась! Опишу все по порядку. Пошныряв уже по знакомым местам на кухне, я не обнаружила дощечек с пружинками и спокойно стала искать пищу. Почувствовала в углу под плитой запах жареных семечек, моих любимых тыквенных семечек! Я во-

шла в какой-то темный ящичек и... за мной захлопнулась дверца. Другая мышеловка! Я заметалась по ней взад и вперед. Тыкала носом в стенки — безрезультатно! Мне стало так грустно, что я от обиды захлюпала носом...

...затем я услышала шаги, и мою "камеру" взяли в руки... меня понесли убивать... не скрою: страх сковал меня всю... затем я уловила пряный воздух подгнивших листьев... это сад... шаги убыстрились... убийца побежал... и вдруг я поднялась ввысь! Захватило дух, и я, свободная, стала падать по мягким веткам ели вниз, в траву...

...не чуя под собой ног, я помчалась к нашим сообщить, что я жива, и рассказать о новой мышеловке...

Ч.

...Генриетта, конечно, заметила исчезновение мышеловки:

— Ты отнес ее живой за нашу территорию?

— Да.

— Она там подохнет?

— Не обязательно. Если какая-нибудь кошка откроет дверцу, то съест ее.

— На всякий случай поставь новую...

...на душе у меня немного спокойнее, чем раньше... все же мне показалось тогда, что я слышал восторженный писк...

М.

...я вспоминаю этот полет все чаще и чаще...

..наши заготавливают пищу на зиму с огорода возле дома: там растет много подсолнухов, я помогаю им...

...прихожу к ели. Как я ни задираю вверх голову, не могу увидеть ее макушку... неужели меня так высоко подбросили?

...тянет еще раз испытать это чувство полета...

Ч.

...это уже из области фантасмагорий...

...сквозь сон слышу постукивание "кабинки" о плиту... вернулась все-таки... не спешу вставать... Генриетта спит крепко: вчера у нее на работе отмечали допоздна халоуин... она имела успех в костюме рашн: папаха, бурка, брюки галифе и тонкие офицерские сапоги...

...стук не прекращается, как будто меня вызывают на встречу...

...дверца открыта, семечки на месте... странно, я не мог ошибиться...

и вдруг я увидел ее... она спряталась между плитой и полкой для посуды... ее глаза-бусинки дружелюбно смотрели на меня...

...каким-то образом мне передалась мысль...

"Я хочу еще полетать"

"Но ты ведь не летучая мышь..."

"А как они летают? Их кто-то подбрасывает?"

"Нет. У них есть крылья. Притом широкие. Они летают, как птицы, но только в темноте. Ты тоже хочешь летать?"

"Сама я не могу. Если только вы меня снова подбросите на ель".

...я согласился... она мягко уселась на мою ладонь, я даже не почувствовал ее лапок...

М.

...я, кажется, сошла с ума: мечта еще раз полетать — осуществилась!.. я наладила контакт с... Человеком. Он меня понял. На этот раз он оказался внимательным, даже... нежным. Когда я приземлилась на ворох листьев, у меня от счастья чуть не закружилась голова... Он присел на корточки, а я к нему пробралась и ткнулась мордочкой в протянутую руку...

...он мысленно назвал это "поцелуем"... я не осмелилась спросить, что это значит...

...я поспешила домой, чтоб наши не беспокоились, куда я вдруг запропастилась, но перед уходом спросила: "Можно хотя бы раз в неделю... полетать?"

Он ответил: "Да".

Ч.

...признаюсь, что я каждую неделю с нетерпением и радостью жду встречи с ней...

...когда после очередного полета у меня вырвалось: "Молодчина!" — она как будто обиделась. Я спросил, в чем дело.

Она замялась. Потом грустно сказала: "Это слово начинается с имени жирного и противного Мо... мужа моей сестры..." Она пощадила меня, проглотив "убитой"...

...я погладил ее по шерстке и попросил прощения...

М.

...выпал снег... глубокий снег... мои полеты прекратились...

...Он взял меня к себе в комнату, где по стенам сверху донизу были книги, а на столах... компьютеры... слово для меня трудно выговаривае-

мое. Он водил по светящемуся экрану... "мышкой" и сказал, что это в честь меня ее назвали. Я думаю, он пошутил!

Ч.

...моя Летунья, наблюдая, как я надевал смокинг, спросила:

— А куда вы собираетесь?

— В театр.

— А что это театр?

Я стал ей читать из "Чайки": "...знаете ли вы, что такое театр"... она слушала с восторгом...

— А что сегодня там будут показывать?

— Кстати, "Летучую мышь". Любимую оперетту моей Генриетты, — пошутил я.

— Я хочу тоже... возьмите меня с собой, пожалуйста, возьмите...

— Как?

— Я спрячусь, — и она быстро поползла к карманчику с платочком. — Вот здесь...

Я не мог отказать ей.

— Придется поменять красный платочек на серый, чтоб ты была менее заметной. Да, и с одним условием: не высовываться, окей?

— Окей, окей!..

М.

...машину вела его жена... от нее пахло духами, и мне всю дорогу хотелось чихать, но я зажимала лапками нос, хотя это было не совсем удобно, ведь я находилась в небольшом кармашке и... обещала не высовываться...

...ехали мы долго... Генриетта так быстро говорила, что я многого не могла понять... но вот вопрос "Ты мышеловку проверял?" я разобрала.

— Они к нам уже не ходят, — сказал мой Человек.

Он был не совсем прав. Наши, действительно, больше не подымаются, но я ведь хожу...

...подъехали к театру... такое обилие людей я, естественно, увидела впервые в жизни...

...дамы все пахли, из какого-то углубления издавались красивые, но резкие звуки, и гул человеческих голосов стоял беспрерывно...

...мне все время хотелось спросить: а что это такое? а кто эти такие? — но я помнила про уговор... ...стали рассаживаться в кресла... наши места были недалеко от громадного занавеса... стало темнеть, все затихло —

и вдруг загремело, засвистело, запиликало... я прикрыла лапками ушки и, открывая то одно, то другое, стала различать приятность звуков, "мелодий" — подсказали мне...

...потом занавес стал разъезжаться в разные стороны, и за ним открылась удивительной красоты картина... я была очарована... подумала: неужели здесь, в театре, живут где-то наши и каждый день могут наслаждаться этим...

...на "сцену" вышли люди и стали петь... вначале это меня смутило, но я привыкла, и это стало ласкать мой слух...

...когда одна из "актрис" взяла очень высокую "ноту" и закончила пение, все в "зале" стали громко "аплодировать"... кричать "бис"... я не удержалась. высунулась, захлопала в ладошки и... упала на рукав...

...Генриетта тут же увидела меня... заорала...

— Мышь!!!

...я растерялась и побежала по ногам соседей, дамы — точно как Генриетта — визжали, вскакивали с мест, мужчины махали руками, я спрыгнула в проход и помчалась в сторону "сцены"...

...Боже, что стало твориться с "публикой"... меня пытались раздавить ногами, только и слышно было: "Вот она!", "Вот она!", "Здесь!", "Здесь!", "Бей ее!"... Появилась "полиция"... "Стреляйте!"

...я шмыгнула под какое-то кресло и затаилась... сердце готово было выскочить от страха...

Ч.

...зачем я согласился взять Летунью в театр... я невольно совершил преступление...

...звериное начало в человеке проявилось во всем его неприглядном виде. И из-за чего? И где? В храме искусства...

...я часто думал о другой ситуации: на сцене идет веселая комедия, а на галерке кому-то из зрителей становится плохо, и он умирает... его стараются тихонько вынести в фойе... актеры смешат в это время публику, и никто не подозревает, что случилась рядом трагедия...

...а тут маленькая невинная доброжелательная мышка переполошила весь зал...

...действо на сцене прекратилось и перекинулось в партер... требовали от полиции застрелить ее... ...неужели она погибла?..

...оперетту продолжили, постепенно все включились в прерванную игру, кроме меня...

...что будет с Летуньей, если она осталась жива? Как она доберется до дома?

...машину в обратный путь вел я. Генриетта сидела как ни в чем не бывало, она даже и не подумала связать появление мышки в театре со мной и перемывала косточки знакомым...

М.

...я вся сжалась в комочек у ножки кресла и затаила дыхание... меня уже не интересовал театр... я думала о моем Человеке... как его найти в этом ужасном, враждебном пространстве...

...я чувствовала, что и он думает обо мне, но далеко, далеко от меня...

...от усталости я, кажется, задремала. Очнулась, когда люди стали покидать зал... куда же мне пойти?

...уже в полной темноте я отправилась на сцену... побродила по каким-то комнатам и очутилась... в буфете. И что я увидела? Две дощечки с пружинкой, а на ней — кусочек... сыра...

...несмотря на голод, я выскочила оттуда и зашла в комнату, полностью набитую одеждой... в каком-то углу лежала войлочная шляпа. Я устроилась в ней и уснула...

...вскоре я стала прекрасно ориентироваться в театре...

...прокормиться здесь можно, но мне хочется к дому с елями...

Ч.

...не выходит из мыслей моя Летунья... я чувствую, что она жива...

...Генриетта собирается в Нью-Йорк навестить свою сестру...

...у меня созрела идея снова пойти в оперетту в отсутствие жены... заказал билет... место то же самое, но на два ряда впереди...

...а может быть...

М.

...сегодня дают "Летучую мышь"... я сразу почувствовала, что он здесь...

...проявила осторожность, как никогда, ряд, где сидел мой Человек, находился справа... добраться к нему, двигаясь под креслами, не проблема, главное перебежать по дорожке между рядами и не быть замеченной... второй раз испытать... не дай Бог...

...я уже знала, что в середине первого акта вырубается свет на несколько секунд, — вот тогда я к нему приду.

Ч.

...я почувствовал, как по наружной стороне штанины она подымалась ко мне на колени...

...я накрыл ее ладонью...

...радость и покой охватили меня...

...в антракте мы покинули зал...

М.

...из театра мы довольно быстро добрались до нашего ранчо...

...наступила весна, под любимой елью зеленела трава...

...я взлетела, как никогда, высоко-высоко...

...еще раз и еще раз... Спасибо-о-о-о-о-о о-о-о!!!

Чикаго

Валерий ХАИТ

Музыка
Из цикла "Пробуждение"

Конечно, интересней было бы написать, что в комнате, которую мы тогда снимали, на стене висело радио в виде большой черной "тарелки", но, кажется, это было не так. Нет, тарелка у нас была, но раньше и в другой квартире. А то, что я хочу оживить в памяти, происходило чуть позже и именно здесь.

Входная дверь комнаты, где мы жили, смотрела прямо на улицу, напротив был то ли парк, то ли тогда еще пустырь. Это я вспоминаю без прямой связи с тем, о чем хочу рассказать. Просто, оживляя в памяти несущественные детали, мне легче будет вспомнить и то важное, ради чего я все это пишу...

Да, мы жили там с мамой несколько лет и, помню, некоторое время с нами жил только что демобилизованный офицер-фронтовик, назовем его Иваном Нестеровичем. Впрочем, кажется, именно так его и звали. Они с мамой жили как муж и жена, хотя и не были расписаны. Мне было лет десять, наверное, а может быть, восемь или даже одиннадцать, комната, как я уже сказал, была одна, спал я, кажется, за какой-то ширмой... а впрочем, об этом вспоминать как раз не хочется...

Так вот о радио. Однажды Иван Нестерович принес домой небольшой радиоприемник в розовом пластмассовом корпусе, который назывался, по-моему, "Москва". Да-да, "Москва", там еще, я помню, была на панели настройки открытка с силуэтом Кремля. Розетки у нас тогда не было, из всей электрики была одна лишь лампочка, висевшая посреди комнаты над столом. А вот дальше я уже все помню отчетливо. Вот я вижу, как Иван Нестерович с помощью двух иголок пытается подключиться к скрученным проводам, на которых висит лампочка. Сперва он протыкает один провод, потом другой, его довольно сильно несколько раз бьет током, но он, поскольку по обыкновению выпивши, просто весело чертыхается и все же доводит дело до конца. К иголкам прикрепляются зачищенные концы проводов от приемника, щелчок и — о чудо! — мы слышим голос Левитана, читающего последние новости...

С тех пор радиоприемник получает свое постоянное место на столе, и я помню, как, приходя из школы (мама и Иван Нестерович приходили с работы позже), включал его и начинал вертеть ручку настройки, ища что-нибудь менее скучное, чем последние известия...

Наконец в комнату бодро врывается: "Передаем легкую музыку, композитор Цфасман...", я разворачиваю одеяло, в которое мама завернула кастрюлю с горячей картошкой, ем прямо из кастрюли, а потом беру книгу и ложусь на стоящую рядом со столом "взрослую" кровать. Согласитесь, Фенимор Купер в сочетании с Цфасманом и Соловьевым-Седым — это не так уж плохо.

Но однажды, придя из школы, я "поймал" другую музыку. Она была ни на что не похожа. Я тут же лег, но уже без книги, и стал наслаждаться удивительной мелодией, звучащей из приемника. Я услышал ее не с самого начала, поэтому кто автор и как она называется, не знал. Помню только, что в груди как-то приятно защемило, и я хотел только одного: чтобы она подольше не кончалась. Я лежал с закрытыми глазами и представлял себе почему-то берега Южной Америки так, как они выглядят на географической карте, где оранжевые горы и зеленые долины, но при этом слышал шум волн и какое-то журчание, напоминавшее по звучанию слово "ожерелье", какая-то мне мерещилась Аргентина, а быть может, Бразилия. Да-да, там было что-то созвучное: ожерелье — де Жанейро...

Более пятидесяти лет прошло с тех пор, но несколько особенно волшебных нот той музыки я помню и сегодня. И что удивительно: за все эти годы я ни разу больше ее не слышал. И желание узнать, что это за музыка, кто ее сочинил, живет во мне, то разгораясь, то затухая, до сих пор. Я напевал ее друзьям в институте, коллегам по работе, потом, уже в конце шестидесятых, я спел ее музыкальному руководителю нашей команды КВН. Кстати, именно он мне сказал, что это похоже на один из танцев Брамса. Потом, по прошествии еще лет двадцати, я случайно оказался в доме, где была большая коллекция пластинок с записями музыкальной классики. Я рассказал о своей давней загадке, упомянул Брамса — и мне тут же достали с полки пластинку-гигант со всеми его танцами. Моей музыки среди них не было...

Нет-нет, я не могу сказать, что думаю об этой музыкальной загадке непрерывно. Но время от времени к слову или просто так желание узнать имя автора и послушать этот танец или — я не знаю — сюиту вспыхивает во мне снова и снова.

А в последние годы, уже в, так сказать, более чем "зрелом" возрасте, в этой моей истории с музыкой даже появилось что-то мистическое. Я вдруг начал бояться разрешения этой загадки: мне померещилось, что если я вдруг узнаю, что это за музыка и кто автор, то в моей душе что-то оборвется, какая-то одна из нитей, связывающих меня с жизнью. И что пока

во мне звучит эта неизвестная райская мелодия, пока душа проявляет к ней интерес, я еще вполне юн и у меня еще все впереди.

Жаль, я не знаю нот, а то бы записал их здесь, в конце, — вдруг кто-то из возможных читателей помог бы мне раскрыть эту тайну.

А впрочем, мелодия там не только красивая, но и очень простая, давайте я вам все же попробую напеть...

Значит, там так: там — тататАм — тататАм — тататАм, там — тататАм — тататАм — тататАм, там — тататАм — тататАм — тататАм, там — тататАм — тататАм — тататАм...

Вдруг кто-нибудь знает, что это за мелодия?..

Лена КУТИНОВА

Инверсионный след

"У вас продаются женские следы?"
Покупательница на рынке "Южный"

"Инверсия – нарушение нормального порядка двух элементов в перестановке".
Советский энциклопедический словарь

Мириады светящихся квадратов и точек под черно-бирюзовой акварелью неба. Неустанно и аккуратно кто-то вырезает в ночи квадратные дырки, сквозь которые мягко сочится свет. Полночь. Красное бодрствующее окошко — там — на дне видимого пространства — отзывается нежной, но болью, кричит старинной знакомой песней. Это уже было. Мириады повторяющихся мгновений. Как времена года. Так отчаянно ярко уже пылало это квадратное солнце среди остальных потухающих друг за другом светил. Все темнее, мир засыпает, а оно — горит.

Так уже шелестел ветер, и воздух пился так же сладко и ненасытно. Глаза так же жадно ловили это красное дрожащее электрическое пламя.

Простите меня, окно. Я не в силах не нарушить покой, я только одним глазком — что там, за алой шторкой? За таинственным блеском взгляда? За крепостью полунамека? Я тихонько, по-партизански, осторожно, я не нарушу хрупкие кружева полуслов, витые орнаменты полумыслей. Это все древняя, исконно непобедимая тоска не позволяет зарубцеваться. Растет, зеленеет и колосится, назло всем газонокосилкам. От нее больно трескается земля, извергаются лавы, ревут волны. От нее сладко щебечут листья, цветут стихи, вырифмовываются картины.

Красное солнце потухло — мир заснул. Еще одно маленькое мгновенье, мир, последний телепатический вопросик: какие сны живут под вашими сомкнутыми ресницами?

Это все самолет. Тихо плывет над лесом по своим аэродинамическим делам, вспарывает бирюзовую кожу неба, исчезает, и только пухлый восхитительный шрам еще долго будет рассасываться между рыхлыми облаками. Где ты, самолет? — кричишь в безмолвье пространства. Он оставил меня в подарок — отвечает след. Ты распахиваешь глаза и смотришь изо всех сил. Нужно исследовать, ни капли не пропустить, исчерпать до самого дна, впитать, немедленно утолить жажду — ведь растает, непременно растает. Кто может угадать, вернется ли он снова?

Утро. Работа. Рынок "Южный". Живые струйки людей мимо, разноцветье голосов, пестрый коллаж товаров. Тела всех размеров и лица с вопросительными глазами. "Почем маечки?" "Мне на меня, такое, брючками, белое". "А есть такие же, только с пропеллером на батарейках?" Вот и новая двуногая вселенная ищет на лето трикотажную оболочку. Глядит в зеркало с унылым разочарованием, покупает или не покупает. Облака занавешены белым тряпьем на прищепках — от дождя и чтобы не жарко. А в просвете между брезентовыми лохмотьями — тополиная крона, провода и чистый лоскут небосвода. Ау, самолет! "Газета "Вечерние вести" — сорок копеек, программа на следующую неделю, гороскоп". "Ревит, оскорбинка, поливитамин". "Нет, спасибо, я лучше грейпфрут или апельсины". "Взгляните на ту девочку в черном — мегатонны бесстыдного целлюлита — безобразие!" "Футболочки на меня есть?" "Это не женский цвет!" "Все проходит — плохое и хорошее". "Саша, иди сюда!" "На заборе тоже написано: "пизда" — один поц засунул, а там гвоздь!"

Лица. Лица. Лица. От каждого полузаметный привкус в памяти, молниеносно выветривающийся следочек. Ау, самолет! Вот он! Неужели накликала? Летит! Самый что ни на есть! Урчит своим неслышным мотором. Живет! А я тебя здесь зову, видишь — написано. Жизнь — это магия — говорит.

Взрывается, взрывается, взрывается сердце. Вот он, парит, здесь и сейчас, минутку — и скроется, умчится к своим аэропортам. Не зевай, дыши, пей стремительную неуловимую красоту! Рот терпнет. Усилие — разжимаешь зубы — и сыплется сыплется сыплется бездумная лихорадка слов, как песок противопожарный. Хочется, чтобы он замер, застыл в цементе настоящей секунды, но тогда он бы неумолимо рухнул. Если бы я здесь всегда летел, — потерялся бы вкус, говорит. Конечно, — соглашаюсь не соглашаясь.

Исчез. Ау, самолет!

Вместо него — я, — отвечает след.

Лиза КОВАЛЬ

Одесский триптих

Фонтан

Мне необходимо подарить тебе мой Большой Фонтан. Поверь, он — правда мой. С первых шагов и с первых слов. Мне бы хотелось поделиться с тобой этим.

Там — обзор моря и корабли на рейде. Я помню, когда их было очень много. И помню, когда вообще не было. Там — первая в жизни мною покоренная крыша, за которой — горизонт. Ты увидишь каждый знакомый мне пирс, ржавчину причальных колец.

Я покажу тебе старые дачи, хранящие в себе любовно-грустные истории, отпечатанные на трофейной немецкой машинке "Олимпия". Прочтешь имена целых поколений влюбленных и любивших на скамейках в парке дома отдыха "Октябрь". Мы пройдем мимо забора из ракушечника, построенного в 1938 году и хранящего свою летопись, выцарапанную на нем. Ты проведешь пальцами по царапинам моего имени (наверное, для тебя вырезала его отверткой после дождя в июле какого-то лета моей жизни). Сходим к ограде, чугунной, ручной работы, за которой парк, где когда-то не было для меня незнакомых тропинок. Теперь парка нет, тропинок, вероятно, тоже. И все совсем незнакомо. Но есть ограда. И есть фотография, на которой я и она. И ты. По ту сторону.

Я буду читать тебе стихи Цветаевой в моем родовом имении (я там — третье поколение!). Ты будешь легонько качаться в гамаке, а я, сидя в любимом кресле, читать вслух, изредка наблюдая движение теней от виноградных листьев по твоему лицу. Никто лучше Марины не скажет о нас. На столе между нами — зеленый чай и клубника. С тобой на гамаке — кошка. Глаза у вас обоих закрыты. И я не знаю: спите ли вы? Слышите ли Марину? Слушаете ли меня? Пусть это остается неизвестным для меня.

Я вижу, что тебе хорошо.

Я знаю, что ты счастлив.

Я этого хотела.

Дача художницы

Моим фонтанским друзьям – Кате Подковской и Даше Олифер

Детство для меня — неизменно Фонтан. Его двенадцатая станция, с ее обрывами, закоулками-переулками, старыми дачами и всегда — с морем!

И как же без красно-желтого вагончика восемнадцатого трамвая? Он всегда так лукаво и призывно выглядывает из-за угла остановки, будто желая сказать бегущим к нему пассажирам: "Ну, торопитесь же! Я уже здесь! Уже пришел!".

Там, на Фонтане, вообще было много необычного, нереального, сказочного: телевизионные антенны на крышах в форме бантиков, бабочек и паутинок, скворечники в садах (их особенно хорошо было видно поздней осенью или ранней весной, когда все вокруг по-особенному графично). Высокие многоярусные почтовые ящики с крышами вдоль улицы (они всегда казались нам широкоплечими дядьками в кепках). Двор одного странного дома, где жили белые люди — статуи, и сам дом со страшной каменной рыбьей мордой под самой крышей. Петляющие переулки...

Одним из удивительных явлений двенадцатой станции были загадочные белые следы, начинавшиеся на стене какого-то сарайчика недалеко от кафе-мороженого. Они плавно спускались по забору, переходили на противоположную сторону улицы через трамвайные рельсы и исчезали в глубине дачного кооператива "Солнечный".

Белые следы больших белых ног...

Тогда, в мои четыре — пять — шесть лет я не знал, куда они вели. Узнал же лишь несколько лет спустя.

Дачный кооператив "Солнечный"... Путаные аллейки, площадка с качелями — полянка, домик дворника, гуси — куры — собаки, несчетное количество дач со старой мебелью, телефонная будка. С нее, пожалуй, стоило начать. Но...

Телефон в будке часто не работал. Позвонить можно было еще от дворника или от художницы, которая жила на одной из дач.

И, конечно же, когда моей летней подружке, живущей в "Солнечном", нужно было срочно позвонить бабушке, мы выбрали второй вариант.

— Пойдем, попросимся к художнице позвонить, — сказала подружка.

И мы пошли. Мне было жутко интересно! Я ведь еще ни разу не бывал там. Лишь, проходя мимо, приподнимался на цыпочки, пытаясь разглядеть что-то через заборчик в запущенном саду.

Подружка позвонила в небольшой корабельный колокол, висевший у калитки. В глубине сада появилась седая женщина. Легкая шаль на плечах. Чем-то художница была похожа на постаревшую Цветаеву.

— Не могу найти ключи, ребята! Перелезайте! — крикнула она нам, махнув рукой на калитку.

Спрыгнув в сад, я увидел на мшисто-каменной дорожке стертые белые

следы босых белых ног. Так вот, оказывается, куда вели они! Сюда приглашали, звали.

В глубине сада, под ивами, оплетенная диким виноградом, жила зеленая "Победа". Дремала, уткнувшись мордочкой в прохладный мрамор фонтанчика с зеленоватой водой и мелкими яблочками, плавающими в ней.

Плакучая ива свешивала свои ветви до самой аллейки, и чтоб пройти к дому, нужно было раздвигать их. Кое-где из ветвей были сплетены косички.

— Мы с внуком соревновались — кто больше, — сказала художница, кивнув на косички.

Мягкий мох на дорожках сада. Дом. Каменная веранда с колоннами. Вернее, все это только угадывалось: и что веранда, и что с колоннами, и что каменная — все густо увито было диким виноградом.

Кресло-качалка на веранде. Платок, брошенный поверх нее. От одной из колонн к ближайшему дереву, старому ветвисто-разлапистому абрикосу, тянулся гамак.

Постоянно шуршали, не от ветра, кусты малины у забора. Там бродили кошки. Всех цветов и орнаментов: полосатые, однотонные, чуть ли не в кружочек! И акварельные портреты этих же кошек по всей веранде.

Потом, помню, мы пили чай, ели малину в прохладной круглой комнате в доме. Картины, эскизы, журналы, альбомы, книги, клубки ниток. Мебель, вырезанная из пней.

Откуда-то возникает телефон. Звонили ли? Забыли? Ведь мы в сказочном доме, в волшебном саду, в гостях у волшебницы!

А еще — в дальнем углу сада — деревянный домик со стеклянной крышей. Возвышается над садом. Потому что — на курьих ножках! Веревочная лестница туда.

— А это, ребята, моя мастерская...

Мольберты, краски, баночки-скляночки, еще что-то... И из мастерской на курьих ножках — дощатый переход в голубятню. Там — в штанишках, с воротничками голуби. Почему-то ассоциация с морячками вспоминается мне. Наверное, так же гордо вышагивали.

Думается, что если б эльф, рыжий и остроухий, промелькнул между старых черешен, не удивились бы мы...

Были еще две скамьи у фонтанчика. Вросшие в сад, сросшиеся с ним. И там мы сидели, художница рассказывала нам сказку, а с фары зеленой "Победы" ее слушала большая полосатая улитка.

...Спустя еще сколько-то лет мне довелось снова быть на даче художницы. Но тогда были уже другие сказки.

Зной

Зной разливался по улицам. Тек с крыш и деревьев на раскаленные сизые булыжники. Жители Города убегали к морю.

В полдень улицы были пусты и беззвучны. Редкие автомобили проплывали мимо. Ленивые коты спали в горячей тени акаций. Все замерло.

Казалось, что лишь мы продвигаемся к вечеру, сулящему хоть какое-то облегчение, через слоистый зной. Большая Арнаутская улица была невыносима. Свернули. Улица Канатная, обездвиженные автомобили. Время текло так медленно, что можно было ощутить его субстанцию.

Еще поворот — мы на Успенской. Благодатная тень и подобие прохлады. Ветви деревьев лежали на балконах и крышах домов. Мы приближались к пяти часам вечера. Но где же был вечер? До него надо было еще идти...

Незаметный, перекрытый забором стройки, квартал Маразлиевской. Очень тихо. Мы сели прямо на синие камни тротуара, потому что не было больше сил пробираться сквозь зной и время. Пыльные наши кеды тоже отдыхали. Напротив нас — маленькое уютное здание старой школы. Косые лучи сквозь листву. В этих лучах в самой середине квартала шел равви в высокой черной шляпе и в сюртуке. Его трость почти не касалась земли. Со стороны Успенской улицы доносилось цоканье копыт по старому булыжнику. И он все шел, шел сквозь зной и время. Как и сто лет назад, вероятно, проходил по уснувшему от жары Городу. Вот так, неспешно, почти не касаясь тростью земли, на наших глазах переходил он, может быть, из 1910 года в этот 2005. Мы не видели его лица, но откуда-то я точно знаю, каким оно было.

Вскоре мы уже не могли рассмотреть его фигуру в высокой черной шляпе среди акаций, стоявших вдоль квартала. Но, нет, он не свернул за угол. До угла было еще далеко... Остались косые лучи сквозь листву и трафаретная тень на сизых булыжниках.

Зной отступал на запад, впуская в Город свежий ветер с моря.

Михаил ЯСНОВ

Обратная перспектива

* * *

В Новосибирске ставят Мариво —
страна местами даже ничего,
и в этой ничего себе стране
отыщется местечко и по мне.

В конце концов, культура — только пшик,
и жив еще камаринский мужик,
он вытопчет и тот надел, и тот,
глядишь — а сбоку снова прорастет.

Вот и растет: кривое, как-нибудь.
И вдруг сожмет, и вдруг заноет грудь,
когда сверкнет из ватной пустоты
осколок непонятной красоты.

* * *

"Я слепну и глохну", — сказал мне поэт
смешных, по сравнению с вечностью, лет.
Я выглядел рядом мальчишкой —
но другу ответил одышкой.

На улице было светло и грешно,
и музы порхали неслышно,
и прошлое в нас незаметно вошло,
и тут же грядущее вышло, —
как будто двоих не приветит Господь
под ветхою крышей по имени плоть.

Мы пили, как то повелось на веку,
а выпивши, в кои-то веки
мы кинули нищему по медяку
под песню о вечном калеке
и вновь пировали в кругу доходяг,
втроем пропивая последний медяк.

Крутилась монетка, нам судьбы кроя,
пока мы сидели, сутулясь.
И время вернулось на круги своя,
а может быть, круги вернулись,
когда мы сбирались в неведомый путь,
в заветную щелку на волю взглянуть.

Мы вновь оказались в былом забытьи
надежной, проверенной пробы:
здесь левой рукою сошьют нам статьи,
а правой — тюремные робы.
В застенке, где разве что нюх не отбит,
лишь пес выживает — и тот инвалид.

Все громче звенит молодая броня
в предчувствии скорого гона.
И некто, похожий на череп коня,
сверкнув чешуею погона,
нас свяжет узлом, как последнюю кладь.
Не видим. Не слышим. И нечем дышать.

Белые ночи. Танго

Больные мальчики, кто с печенью, кто с астмой,
еще не чувствуя судьбы своей несчастной,
сходились в сумерках, шушукались впотьмах,
как век-другой назад, о славе и стихах.

За окнами страна, привыкшая к насилью,
шла врукопашную с войсками туч и птиц,
и глухо оседал чахоточною пылью
в пазах ленмебели вечерний шум страниц.

Соседи в потолок вели прямой наводкой
огонь шампанского, сорвав с него засов;
шипело радио шершавой сковородкой
на адском пламени партийных голосов.

По бледным улицам всесильные плакаты
свой устанавливали колер и размах,
покуда немощные призраки блокады
еще скрипели половицами в домах.

Стук метронома, перестук души и плоти,
и шаркал дворник, и свистели поезда,
и время билось, как пластинка на излете:
"Идеи Ле... Идеи Ле... и побежда...".

Больные мальчики глядели в серый омут
окна, прилипшего к бескрайнему двору,
а зацепившийся за флаги серп-и-молот
плел золотую паутину на ветру.

* * *

Дудочка, дудочка, дочка трубы,
спой двоекратным ду-ду,
как мы брели по извивам тропы,
громко смеясь на ходу.

Маленький мальчик дудел и дудел,
но до гуляк молодых
даже у Господа не было дел,
не было дел никаких.

Шел по земле нарастающий гул,
слышимый лишь в небесах,
это за лесом Чернобыль рванул,
ветром и ливнем пропах.

Мы прорывались, нахальные, сквозь
заросли в птичьем пуху.
Сладко нам елось и пьяно пилось,
и голубело вверху.

Маленький мальчик дудел и дудел,
но до рулад золотых
все-таки не было Господу дел,
не было дел никаких.

* * *

Мы живем в обратной перспективе —
все, что к детству, ярче и острей.
В этой жизни многое красивей,
чем узнали мы из букварей.

Эка хитрость — лечь и не проснуться!
Нет, проснуться — и увидеть, как
с теплой сыроежки, словно с блюдца,
птица пьет, смакуя, натощак!

Ящик стекольщика

Ходит по городу рыжий стекольщик. Висит у него на спине
сказочный ящик на толстом лохматом ремне.
И по утрам с незапамятных пор
небо верхом на стекольщике шумно въезжает во двор.

Ящик стекольщика — планки, дощечки, бороздки,
этот магнит, на который бегут из подъездов подростки, —
вот он стоит посредине двора, а стекольщик слоняется рядом,
шаря по окнам внимательным взглядом.

Стекла сверкали под солнцем, — и я вспоминаю:
"Сте-е-екла вставля-я-яю!.." звучало как "Со-о-олнце вставля-я-яю!..".
Стекла давили друг друга невидимым грузом.
Стекла, как яблоки, в стружке — с хрустальным надкусом.

Самые тонкие — стекла оконные — с блеском;
стекла потолще; особое место — стеклянным обрезкам;
самое толстое — с гладким и радужным краем —
мы покупаем!

Это стекло со следами сырыми
туч, отражавшихся в нем, где сверкал в исчезающем дыме
маленький, сбоку, стремительный скол,
мама купила на письменный стол.

Сколько хлопот мне стекло это в детстве доставило!
Руку сгоняло с тетради, каракули правило,
то в небеса ускользало ковром-самолетом,
то распевало весенним дождем, как по нотам...

Не оттого ль, точно ящик стекольщика, полон мой
письменный ящик
звоном и гулом гортанных, губных и свистящих?
Не оттого ль наяву и во сне
небо, как рыжий стекольщик, ношу на спине?

* * *

Ненавижу прошлое за то, что
было все не так, не там, не то,
ненавижу прошлое за тошно-
творное, топорное пальто,

за носки, стоящие под стулом,
за тупую нищенскую снедь,
за проклятье вечно быть сутулым,
лишь бы на соседей не смотреть,

за вранье, за стыд, за обжималки
по углам, за гонор взрослых "ты",
за подлянку мелкую, за жалкий
детский бред, грошовые мечты —

эти байки, сказочки, конь о конь,
жажда бегства, пот и страх погонь...
Отрочество! Что это за погань!
Да пожрет его святой огонь!

Чтоб о нем не ведая, не зная,
в детство наигравшиеся всласть,
прямо из младенческого рая
мы могли бы в молодость попасть, —

а тогда одуматься, проснуться
и себя догадкой ослепить,
что без этой боли и паскудства
настоящей жизни не слепить.

Машина времени

Мужчины в усах, элегантные модницы в креслах; она —
с веером, он — с цепочкой, фикус — в сторонке;
фон размыт, в никуда исчезла стена,
зато навсегда отпечаталось имя фотографа на картонке.

Дети — мальчик и девочка — смотрят на вас, затаив
дыхание: там, перед ними, дядька залез под черную тряпку,
и птичка, пока их бледные лица впитывает негатив,
никак не может сорвать веревку, что держит ее за лапку.

Край оборван. На молодом человеке фуражка; рядом с ним
кто-то стоял; заметно, как на обороте
по выцветшей фотобумаге выпукло выведено "Дорогимъ..." —
надпись, как в зеркале, и обрывается на полуноте.

Серый квадратик. Девушка с длинной косой.
Прищуренные глаза слепит неприкрытая лампа.
Справа, внизу, там, где сердце, — пустой уголок косой
и смазанный след фиолетового штампа.

Двое в цехе. Рядом с ними — замысловатый станок.
На мужчине спецовка, женщина в косынке и фартуке.
Кто-то на заднем плане. И в несколько строк:
"От треугольника фабрики...".

Что-то вроде поздней осени или ранней весны.
Голые деревья. Группа автоматчиков возле дота.
Вечный огонь желтизны,
в котором почти растворились, пропали оставшиеся на фото.

Остроскулая женщина с седым завитком у виска.
Девочка прижимает к груди тряпичного краснофлотца.
Наискось бегло: "С любовью на фронт из Ка..." —
то ли "...зани", то ли "...раганды" — теперь уже не прочтется.

Барочный обрез, завитушки. К ногам загорающих стариков
подбираются волны, застыв на секунду.
Старуха в шезлонге. По трафарету вдоль облаков:
"Приезжайте в Пицунду!".

Женщина с мальчиком. Ребенок на деревянной лошадке.
Ученик с книгой "Витя Малеев в школе и дома".
Подросток. Юноша. Юноша. Юноша. Что ни миг
время стопорится, истончается, как листы альбома.

Металлическая застежка, год за годом прижав и сжав,
состыковывает переплеты, словно выглаженные огранкой.
Отблеск падает на стену: "привет из Аф..." —
окончание пропадает под черной рамкой.

Санкт-Петербург

Мифология

* * *

День овцы, понедельник, настал.
Только веки раскроешь — и начат
новый век: мириады мгновений
во всех параллельных мирах,
проходящих насквозь.
И кого приносить, как себя,
в жертву богу удачной недели,
воскуряя им всем фимиамы,
чтоб слюнки текли
и носы утирали Мардук и Шамаш.

Тише. Тушу ровнее разрежь.
Остается рука, чтоб кадить,
и копытце — чтоб звонче плясалось.

* * *

Меха прохудились. Наполнить речною водою,
глотнуть — и забыться: сильнее вины забытье.
Отправиться в путь. Но, постылой надеждой ведомый,
ты вновь позабудешь в пути очертанье свое.

Зачем бы нам новый завет, если прежний — милее?
Законы творить — что событьям давать имена...
Но Лета мелеет, и русло, и устье — мелеют,
и остовы старых плотин проступают со дна.

Как будто колонны... порталы... куртины... аллеи!
Рванешься, зажмурясь, нырнешь, досчитаешь до ста...
Всё так, как хотел ты, лихую надежду лелея,
но шире, страшнее, щедрее —
ведь боль разлита.

Так царствуй, мой сладкий, мой нежный, мой сон без рассвета,
так здравствуй, забытый, закрытый, заветный залог!
А там, за холмами, откроется новая Лета
и летосчисленье. И снова далек эпилог.

Конец века

В мутной заводи медного лета
солнце темной отравой согрето,
будто флейта в руках стихий.
Только папоротник страшнее —
был гигантом, а стал пигмеем,
да к тому же пророс в стихи.

Ты откуда, зачем, сорняк ведь,
ты, наверное, воля Яхве
иль кого-нибудь помощней...
Что грустишь над своим корытом?
Имя Бога теперь открыто,
И дыханье еще слышней.

Вкруг оси обернув дорогу,
здесь земля для младенца-бога
открывает свои врата.
Приласкав обещаньем майским,
он сожжет нас огнем купальским,
но земля под огнем — не та.

Эта сила невероятна,
пусть уж лучше на солнце пятна,
чем огонь, как вино, зальет
упования и потери.
Веришь? — Шепотом: "Нет, не верю", —
и в бессрочный отбыть полет.

Бог с тобой, Золотая Рыбка!
Сказка — ложь, и качают зыбку
черный ворон да серый волк.
Ах, вздымается гладь морская.
а и бочку на дно пускает
щучий промысел — щелк да щелк...

Памяти отца

Творенье твое — я тобой создана до конца.
Мой образ ты вычитал, вычурный, замкнутый книжник.
Ответь же Оттуда, Где нет ни судьбы, ни лица:
не значит ли жизни зенит — истечение жизни?

Сбылось, состоялось. До точки, до черточки, до...
Надежд не осталось — ведь все воплотились, сбываясь.
Сбываю, кукушкой свое забывая гнездо,
их ветошь и рухлядь — как солнце зенит, избываю.

Вы, девочки-дочки, созданья отцовских голов!
Из чрева Афины бессчетные канут потомки,
и скажет зерцало богине, что жребий суров:
увяла до срока, — глухие пойдут кривотолки.

Ах-молодость-юность! Кому бы отдать тебя, жизнь?
В сраженья за души чужие тянуло Афину...
Обещанной Вечности мрак показался чужим.
К рассвету отеческий трон оказался низринут.

Незримой виной пролилось молодое вино,
Бряцанье доспехов — помады, и пудры, и туши...
Стареет Река, берега заросли сединой,
и в них отыскать бы на старость местечко посуше,

чтоб было уютно без боли припомнить зенит,
чтоб было слышней за волнами несвежих традиций,
как вечность домашняя тоненькой струйкой звенит,
и падает оземь. Нет, стоило все же родиться.

Пасха

Душа безутешно металась,
Светилась, слепилась, сплелась
Со звоном снежинок подталых,
С тончайшим раденьем тепла.

Пасхальное крошек круженье —
Кольцо под оконным крестом.
Вполне бытовое общенье
С реальным Христом.

Из крошева слепленный, голый —
Награда за труд.
Не бойся, мой маленький голем,
Тебя не распнут.

Кенгуру наизнанку

Ношу с собой всюду.
Даже без кошелька, очков и одежды.
Была женщина, а стала сумка.

164 сантиметра на восемьдесят килограммов.
Будущая мама.

Живет себе внутри,
чувствую, как из него прорастают глазки,
вылезают ручки и даже волосики.
Точка зрения плода на все — изнутри.
А вот и привет наружу:
Чайковский, "Вешние воды", исполняет Юрий Розум.
Прыгает так, что колышутся стулья.

Невозможно думать о жизни, которую на днях из себя
исторгнешь.

Ни слова о главном.
Озаботимся посторонним:
очень кстати
разговоры об осложнениях и родовой горячке,
кстати невкусно кормят в больничной столовой,
а также
кстати скрипят кровати.

Кто-то к нам идет.

Пять килограммов долой.
Вы точно знаете — именно этот
мой?

А как же, женщина?
Видите, бирочка?
Фамилия ваша?

И вообще он на вас похож
вылитая мама

Это я так выгляжу?

все-таки могли и перепутать
заберу чужого и буду потом всю жизнь
с чужим
а какая разница

вон их сколько
выбирай любого

Любой — мой.
Я — мама.

развозят на длинной такой тележке
выдают
на 15 минут
а можно еще сказать
я спать хочу
и не привезут
то есть отказаться

Орет.
Я ему: "Ч-ч-ч!"
А он
молчит

Доказательство Божия бытия:
здравствуйте. Это я.

Родословная

Ему еще нет и года.
Лежит и сопит в кроватке.
И мы размышляем счастливо,
какие повесим шторки.
А где-то идет в Освенцим
старый-престарый поезд,
и зарывают в землю
мою живую прабабку.

А рядом — чуть дальше места,
где я катаю коляску,
слезы стрельцов утопают
в глазах детей и лошадок.
И мой обедневший прапрадед
внуков своих высылает
в погоню за внучкой, сбежавшей
с сыном дворовой девки.

У памяти вянет венчик —
больно густа подкормка,
и Спас на крови поставлен —
а где же ему стоять-то?
Кровная память кровава.
Любви — на тонкую пленку.
Память таких поколений
зачем моему ребенку?

Москва

Город

...и в желтой рубашке...

1
Память

Пропуская сквозь горло туманов темную взвесь,
Навсегда растворишься в чаде вокзалов.
Я в свой город, похоже, вернулся не весь.
Или так показалось...

К утру гасишь свет, и смотришь, смотришь в окно.
Веки разжав, в безупречности снега
Усомнившись там, где зданий непрерывное домино
Подсекает взгляд под нарастающим снегом...

И тогда поймешь, что судьба лишена звена:
Помещая в пейзажи гербарии фотоснимков.
Наша память о будущем есть только звукопись сна,
Нанесенная на скрижали таинственных свитков.

А с той стороны сна — четыре стены,
Перо, чернильница, меланхолия, ибо
Даже в инверсии чувств все мы
Связаны гамлетовским "либо — либо".

И поэтому я давно не считаю минут,
Тем более что встречи не имеют ни времени, и ни места,
Когда, словно медиум, вызываешь ту свою амплитуду,
Отсутствие каковой — снаружи — не так заметно...

2
Отсутствие

Бывает так: становятся длинней
Провалы зимних опустелых улиц,
Где город, полный смерти и теней
Свой черно-белый ретро-фильм крутит.

И ты сидишь в каком-нибудь кафе,
Жонглируешь опадшими мирами,
Листая мысли, чтобы — по строфе —
Как в кровь, впустить их в нить чернильной ткани.

Все кажется другим издалека...
И отзвук голосов случайных странен,
Когда не замечаешь, как рука
Скользит о край рифленого стакана...

Но город пишет повести в ином,
Каком-то очень страшном откровении —
Приметы затяжным приходят сном,
Где образы героев неизменны.

И так идешь, в прокуренном пальто,
Такой же и в замедленном движенье,
Средь призраков прохожих и авто
Свое не обнаружив отраженье...

3
Жребий

На самом деле не материк,
А вода заполняет пространство глаз —
Того, кто к оседлости не привык
Не остановит и военный приказ;

Даже лира порой бывает глуха, —
При этом наблюдения гораздо острей
И отчетливей, — но тогда среда
Помещает глаз лишь в область вещей.

Оставляя им чувство ложной вины.
Ночь. Луна. Озноб. И — в затяжку — боль.
Так подолгу ждешь в одиночку весны...
Снова шумом поющим зовет прибой.

Просто чувство отчизны и чувство письма
Различимы тем, что у первого — выбор, помимо
Дороги в оба конца, чего не скажу сама,
(Как и о тех, кто отважился быть любимым).

Я не имею в виду, что надоел город
С голубым и холодным неоном в крови.
Я устала. Станем молчать подолгу,
Ибо жизнь — в частности — поправима.

4
Голод

Дождь задувает спичку, еще не успев пойти.
Вот, не купила билет в твой город.
Гул пустырей особенно невыносим посреди пути —
Время щадит на дежавю настоявшийся холод.
Время цедит — нас, сквозь свой стеклянный оскал.
Делая нежную казнь насмешкой над пустотою.
Оно тихо напомнит мне, что нас проиграли
Вечности — ангельским точным конвоем.
Теперь, мой друг, я помню
одни города и избыток чувств.
Так приди, завяжи мне глаза, чтобы легче
было представить сладкую вечность.
Может, тогда я тебя и ждать наконец научусь,
Следы на снегу превращая в титры,
не сожалевшая ни об одной из встреч.

5
Встреча

"...У меня телефонов твоих номера..."
О. М.

Протяни мне свой город, пронзивший насквозь
Отчужденьем каналов и каменных поз.
Где кусающий северный ветер — форпост
За оградами в полный рост.

Мы срывались — построчно — с его этажей
В потаенной гортани прозрачных теней,
Чтоб отчаливать нерпой в густевшую мглу,
Точно лед, пробивая железный валун.
Город, раненный сном, опрокинул наш взгляд
В глубину отреченья, как полый снаряд,
Заколов нежность лет медным шпилем разлук.
Прирастающих к улиц сырому нутру.
Так стреляй мне обоймою окон в глаза,
Оживлять заставляя — и вновь исчезать...
Чтоб не видел, как каждое слово горчит
Мой тревожный связной, мой невидимый гид.

6
Оттиск

Память, которую я любила,
Учусь ненавидеть:
Я, словно город, который открыл
Старый путеводитель.
Мчатся по венам ее поезда —
N километров,
Скорый до одури путь в никуда,
Вышел — и нету.
И потому так темны фонари,
Давит у шеи —
Тьма раздевает меня изнутри
С ловкостью швеи.

7
Дым

Курит — а под рубашкой осталось —
Тень, что давно
Дремлет на сбитых подошвах вокзалов,
Длинных, как ночь,
Еле дымящая лунною лентой
Наискосок,

Снайперским, резким прицелом фрагмента
Бьющей в висок
Города-сна-настоящего-ложного...
Можно еще докурить,
А можно
С памяти пленкой разжав кассету,
Песней отчалить,
Город, как тлеющую сигарету
Втянув, кончая.

8
Solitude

Вчерашний мегаполис. Нет известий,
Как времени у слова "постоянно".
А сколько нужно букв, чтоб сделать звенья
Для тонкого запястья тоски?..
Ты смотришь вслед — но скомканы созвездья,
И жертвеннее расстоянья,
Пока ложатся отрешенно тени
На обнаженность зимнего эскиза.

Их клочья забиваются за ворот,
Задворками крадущегося века,
Чей ношеный мундир, как фрак, повиснет
За створкой механических часов,
А тонущий в аквариуме город
Из синей раковины сыплет снег,
Он мне не сочиняет ночью писем
В пакгаузах забытых адресов.

Одесса

"Одиночество — это не грусть..."

* * *

Я грешен, Господи, я грешен,
Помилуй и благослови,
Чтоб в половодье страсти вешней
Не утопил своей любви.

Благослови и дай мне силы
Не тлеть, а радостью гореть,
Не ждать, когда сведет в могилу
Меня непрошеная смерть.

Любить сильнее всех на свете
Ту, что мне послана судьбой,
Ту, что в толпе случайно встретил
Я воскрешающей весной.

Любить и ею быть любимым —
Иного счастья не прошу.
Я тенью стал ее незримой —
Вот только этим и грешу.

* * *

Под ливнем, на Троицу, к вечеру
Бреду я, веселый такой,
Душистой полынью увенчанный,
Небесный и в меру земной.

Колосья пшеничные стелются,
У ног моих травы звенят,
И сердцу по-прежнему верится,
Что кто-то жалеет меня.

И ждет, беспокоясь, наверное,
Чтоб все было ладно со мной.
Сверкают мне молнии белые —
Поистине я неземной.

* * *

Над Хмельником сосновый ветер
Шумит, шумит над головой,
И кажется, что в целом свете
Лишь сосны красные со мной.

Лишь синева да тучи в клочьях
Да вперемежку теплый дождь.
И грусть, разбуженная ночью, —
Такой нигде ты не найдешь.

И все, что было за спиною
В далеких далях вешних лет,
Мне снится красною сосною,
Когда в окне забрезжит свет.

* * *

Странная лилия, странная,
В жизни такой не встречал.
Светится в сумерках пламенем,
Словно свеча.

Так и глаза твои нежные
Душу тревожат мою.
Я на них тайно по-прежнему
Тихо молюсь.

Странная лилия, странная,
В мире такой не найти.
Сжег твоим взглядом нежданно я
Сердце в груди.

* * *

Одиночество — это не грусть,
Не тоска по ушедшему лету.
Если с мыслями я разберусь,
Может, буду когда-то поэтом.

Эти мысли, беспечный их нрав
И каприз настроений некстати.
Если я и бываю неправ —
Пусть судьба за ошибки заплатит.

Я не меряю редких удач,
Что такое "везет" — без понятий.
Я советую сердцу: не плачь
В миг разлук и в мгновенья проклятий.

Эти женщины — кто их поймет,
Быть боюсь я разменной монетой.
Одиночество душу спасет,
Если стану я в сердце поэтом.

Одесса

Пиявкин интерес

Пиявка пиявку спросила: "Подружка!
Что лучше: ватрушка, повидло и плюшка?
Желе, мармелад или ломтик печенья?
Какое вкуснее всего угощенье?"
Пиявка пиявке ответила так:
— Сладости нашим зубам — главный враг!
Чистка зубов обязательна!
После конфет сосательных!..

Корова

Корова доярке дала указание:
— Прошу повкуснее мне сделать питание.
На завтрак бананом кормить и мороженым,
Зефиром — в обед (с шоколадным пирожным!).
На ужин чтоб были халва, карамель...
И будет вам сладкий молочный коктейль!

Червяк

Червяк пополз на курсы змей —
Всю жизнь мечтал он стать длинней.
А там учили быть сердитым
И очень даже ядовитым.
Подумал вдруг червяк: — Я добрый,
Гораздо лучше длинной кобры.
Никто не будет мной укушен!
И откусил кусочек груши...

Про глупости

Откуда берутся глупые мысли?
Может быть, умные мысли скисли,
Сломались, испортились, отсырели
Или попросту надоели?
Глупости любят покрасоваться —
На языке без умолку болтаться
Кричать и выскакивать без разрешенья,
Мучая всех до изнеможенья.

Но если вовремя рот закрыть
И глупость невкусную проглотить,
Зажмурившись посильнее —
Ты станешь намного умнее!

Одесса

Александр МАРДАНЬ, Леонид МИНЬКОВСКИЙ

"Бартер" ("Зеркала")

Киноповесть

* * *

Наши дни. Соединенные Штаты Америки. Нью-Йорк.
Из здания суда выходят люди. Среди них — пара, мужчина и женщина.
Им обоим за тридцать.

Джейн: Леон, еще один такой "удачный" брак — и нам придется объявлять банкротство.

Леон: Знаешь, могло быть и хуже, если бы не твоя блестящая защита.

Джейн: Хуже?.. Как в том анекдоте. Встретились две подруги. Одна другой рассказывает: "Сосед уехал в командировку, должен был вернуться домой в пятницу, а приехал в четверг. Застал у жены любовника. Схватил пистолет, жену убил, любовника убил, сам застрелился...". Подруга ей отвечает: "Могло быть и хуже!" — "Куда же хуже?" — "Мог в среду приехать...".

Леон и Джейн смеются.

Джейн: Что касается твоего развода... (*Перечисляет условия вердикта суда.*) Мне кажется, хуже некуда. Первый брак обошелся тебе миллионов на пять дешевле.

* * *

Леон и Джейн едут в "бентли". Джейн за рулем.

Джейн: Если тебе снова захочется жениться, женись на...

Леон (*перебивает*)**:** ...тебе?

Джейн: Нет, на мне — не нужно. Я знаю законы еще лучше твоих жен. Можешь сразу все переписать на меня и поступить ко мне ну, скажем, — личным шофером... Прости, забыла, что у тебя еще полгода не будет прав...

Леон: К сожалению, ты права.

Джейн: Женись на филиппинке, кореянке, да на русской, наконец!.. Чтобы они не знали наших законов. И умоляю — никаких контрактов! Кстати, у тебя ведь бабушка с русскими корнями, из Братиславы, кажется?

Леон: Из Бобруйска.

Джейн: Ну, это рядом... Ты рассказывал, она готовила русский суп, похожий на минестроне, со странным названием... (*Пытается вспомнить.*)

Леон: Борщ. Спасибо, Джейн, ты не только замечательный друг, но и... Как это называется у вас на Сицилии — консильери, советник...

Джейн: Хочешь, я сброшу тебе номер агентства, которое занимается заморскими невестами?..

Леон: Спасибо. Понадобится — сам найду. Пока.

Джейн: Счастливо.

Леон выходит из машины у ворот особняка в пригороде Нью-Йорка.

* * *

Красиво оформленный китайский ресторан. В зале много азиатских лиц. За одним из столиков — европейская пара. Обоим за тридцать, одеты дорого и со вкусом.

Борис: Тебе понравился десерт?

Лена: Мне здесь все нравится. Думаю, это лучший китайский ресторан в Москве.

Борис: Судя по тому, сколько здесь настоящих китайцев, — кухня превосходная.

Лена: А что, бывают ненастоящие китайцы?

Борис: Да. Например, мы с тобой. Я даже палочками есть не умею.

Официантка приносит Борису и Лене традиционный десерт, венчающий трапезу, — печенье на серебряном подносе. В каждом запечена записка с фразой-"пророчеством".

Борис первым разламывает печенье, достает записку.

Борис (*читает*): "Ваша жизнь только начинается". А что у тебя?

Лена: Я не верю этим предсказаниям. Когда у нас появились китайские рестораны, мы с девчонками ходили туда чай пить, на большее денег не хватало... Я даже собирала эти записки. Но ничего, ничего не сбылось. Не хочу расстраиваться... Пойдем, ты еще хотел показать мне Москву, которую я не видела.

Борис: Так нечестно. Я же свое открыл.

Лена: Печенье — не аккредитив, чтобы открываться. Хотя китайские аккредитивы тоже не всегда открываются...

Борис: Поэтому тебе так нравятся бартерные контракты? Лена, не вспоминай об этом, сегодня столько новых рынков, что жалеть о старых не придется. Без стали дома нигде не строят... Открой. А вдруг там бизнес-совет?

Лена: Ладно, если ты настаиваешь...

Лена разламывает печенье, в нем — кольцо с большим бриллиантом, завернутое в записку. Она разворачивает ее и читает вслух: "Выходи за меня замуж".

Борис становится на колено, смотрит на Лену взглядом, полным любви. За этой сценой из-за портьер наблюдают официанты и повара ресторана. На Лену и Бориса обращают внимание другие посетители. Все аплодируют, и Борис надевает кольцо на палец любимой.

* * *

По ночной, красиво подсвеченной Москве несутся два "мерседеса", впереди и сзади — джипы охраны с мигалками. В одном из авто, держась за руки, сидят наши знакомые.

Машины останавливаются на набережной Москвы-реки. Из джипов выскакивают охранники.

Борис приглашает Лену на борт большой моторной яхты. Оставив охрану на причале, влюбленные продолжают свое путешествие по реке.

Красота яхты не уступает красоте весеннего московского вечера.

Взгляды и поцелуи на палубе. Затемнение в каюте-спальне...

* * *

У многоэтажного офисного здания останавливается джип, из которого выходят двое людей спортивного вида, одетых в дорогие костюмы. Старшему, Владимиру, — лет сорок, младшему, Андрею, — около тридцати.

Владимир: Не знаю, что делать. Не сказать ей об этом нельзя, а сказать — язык не поворачивается. Может, ты доложишь? Ты же знаешь, как я к ней отношусь...

Андрей: Кто глава службы безопасности — тот и докладывает.

Они поднимаются на верхний этаж, идут по коридору, отвечая на приветствия сотрудников. Входят в просторную приемную.

Катерина (*секретарь, миловидная женщина одного возраста с Леной***):** Елена Ивановна занята, говорит с Борисом Николаевичем, президентом "Стального альянса", просила не беспокоить.

Владимир: А мы как раз по вопросу "Стального альянса". (*Идет к кабинету.*)

Катерина: Андрей, что-то случилось?

Андрей: Ничего не случилось... Хотя могло. Ты опять забыла выключить утюг.

Катерина (*испуганно***):** Серьезно?!

Андрей: Серьезно. Колю заберешь из садика?

Катерина: Я вчера забирала.

Андрей: И сегодня забери. У меня не получится.

Андрей идет за Владимиром. Они входят в кабинет Лены.

* * *

Кабинет намного больше приемной. Через стеклянные стены открывается панорамный вид на Москву. Лена жестами и мимикой выражает удивление по поводу вторжения.

Лена: Боря прости, приехали люди из Кремля. Я тебе перезвоню. Целую, любимый. (*Обращается к охране.*) Что случилось, почему вы врываетесь без доклада? Здание заминировано? Или ко мне поднимаются похитители из Чечни?

Владимир: Хуже.

Лена: Куда же хуже?

Владимир протягивает ей диктофон.

Лена: Что это?

Владимир: Послушайте.

Лена включает диктофон и кладет его на стол. Звучит голос Бориса, ее жениха. Он говорит с кем-то по телефону.

Борис: ...не поверишь, Прекрасная Елена заглотнула крючок...

Другой голос: Глубоко?

Борис (*смеется*)**:** Ты даже не можешь себе представить, насколько глубоко. Через пару месяцев свадьба — и четверть стальной торговли России в наших руках. Кстати, золотая рыбка, несмотря на свои миллионы, хороша в постели. Представляешь, она вчера три раза...

В этот момент Лена хватает со стола диктофон, разбивает его об пол, отворачивается, подходит к окну, несколько секунд молчит. Повернувшись, старается сдержать эмоции, но дается ей это нелегко.

Она снимает с пальца кольцо с бриллиантом и протягивает его Владимиру.

Лена: Ты знаешь, что с ним делать.

Владимир с Андреем выходят, столкнувшись в дверях Катериной.

Андрей (*Владимиру*)**:** Я не понял: с чем делать? Или с кем? С кольцом или с Борисом?

Владимир: Наверное, с обоими.

Катерина закрывает за ними дверь, и Лена дает волю чувствам. Слезы текут по ее щекам.

Катерина подбирает разбитый диктофон.

Катерина: Елена Ивановна, что случилось?

Лена: Ну почему им нужна не я, а мои деньги? Неужели я не имею права на счастье? Бросить все и уехать в деревню, где меня никто не знает...

Катерина: Елена Ивановна, как у нас говорят, шила в мешке не утаишь. Сейчас не знают — узнают через месяц... Вам надо за иностранца выйти. И чтобы он узнал все только после свадьбы. Я пока к вам на работу не поступила и с Андреем не познакомилась, тоже хотела замуж за иностранца... И уехать подальше. Есть брачные агентства, которые специализируются на импортных женихах. Сфотографируют, как надо, помогут биографию выдумать. А еще к ним женихи как туристы приезжают, группами. "Охотники за невестами"...

Лена продолжает плакать, Катерина утешает ее...

* * *

Америка.

По шоссе едет автомобиль. Рядом с Леоном — его помощник Джон, который ведет машину.

Леон: Ты уверен, что не опоздаем?

Джон: До вылета три часа. Привык летать на собственном самолете!

Леон: Да, тот без меня, как правило, не улетает. Слушай, если у нас столько времени, надо заехать в магазин "second hand".

Джон: Кому ты хочешь дарить в России поношенные вещи? Там уже пятнадцать лет капитализм. И десять пар джинсов нельзя обменять на однокомнатную квартиру.

Леон: Почему вы все пытаетесь меня учить? Да, я не окончил Гарвард, но, поверь, умнее многих его выпускников, как минимум на сто миллионов долларов... (*Пауза.*) Я сам хочу в это одеться. Я — американский безработный, пусть временно, но безработный, и выглядеть должен соответственно.

Джон: Ты хочешь начать новую жизнь с обмана?

Леон: Я хочу, чтобы полюбили меня, а не мои деньги.

Джон: А кто мне говорил, что богатых любят не за деньги, а за те качества, которые сделали их богатыми?..

Леон: Звучит красиво, но не более...

* * *

Москва.

Лена и Катерина сидят за столиком под тентом уличного кафе, пьют сок.

Катерина: Что вы будете о себе рассказывать?

Лена: Правду, правду и ничего кроме правды. Но не всю. Институт, завод... Любая женщина старается казаться моложе. Вот я и выброшу последние десять лет... своей биографии.

Катерина: А что наденете?

Лена: Ой, действительно... Пойдем по магазинам? Поможешь мне выбрать вещи подешевле.

Катерина: Вы оставьте дома кредитные карточки. Тогда можно и без меня...

Лена: Ты извини, что я тебя в выходной отвлекаю... Андрей, наверное, сердится?

Катерина: Ничего. Ему полезно с ребенком посидеть.

Лена: Знаешь, я бы многое отдала за такую жизнь, как у тебя. Дом, муж, дети... Правильно говорят — не в деньгах счастье.

Катерина: ...а в их количестве.

Лена: Я тоже так думала. Вырваться из нищеты, сделать карьеру... Сделала. Но упустила главное. Любви — нет... На самом деле за деньги можно купить не так много, как кажется... Но мужа — можно. Бизнес-леди не должна быть одна, это неприлично. Вот и находят человека... на эту должность. А я хочу, чтобы меня любили. Меня, а не мои деньги...

* * *

Америка.

Возле аэропорта останавливается машина, из нее выходит Леон, одетый в сильно поношенные вещи. Пройдя несколько шагов, он возвращается к машине, которая не успела отъехать, открывает дверь и говорит Джону:

Леон: Да, забыл... С поставщиками цемента контракт не подписывай.

Джон: Почему? Мне кажется, что их условия приемлемы. Мы могли бы...

Леон (*прерывает его***):** Не могли бы.

Джон: Почему?

Леон: Если бы у меня было время, я бы объяснил.

Джон: Как всегда: одно мнение — твое, второе — неправильное...

Леон (*смеется***):** Не путай. Это на твоем столе стоит табличка "Босс всегда прав". Ладно, не обижайся. Встречай меня через неделю.

Джон: Удачи!

Леон входит в здание аэропорта и присоединяется к группе, состоящей только из мужчин. Это — "охотники за невестами", вместе с которыми Леону предстоит лететь в Москву.

"Охотники" делятся взглядами на предстоящее мероприятие. Слышны голоса:

Первый: Год переписываюсь с русской. Влюбился по письмам. Хочу ее скорее увидеть...

Второй: Интернетный роман? Я в это не верю.

Третий: Но были же когда-то почтовые романы!

Второй: Почтовые? Может быть. Письма пахли духами, мужским одеколоном... А чем пахнет Интернет? И потом, почерк! Почерк у каждого адресата был свой. А здесь — шрифт...

В зале появляется мужчина средних лет. Его провожают женщина и трое детей. Расцеловавшись с ними, он направляется к стойке регистрации, затем оглядывается, и удостоверившись, что женщина с детьми ушла, присоединяется к группе.

* * *

Салон самолета. "Охотники" расположились в эконом-классе. По Леону заметно, что он здесь чувствует себя неуютно. Рядом с Леоном усаживается "жених", которого провожала женщина с детьми.

"Жених": Ты в первый раз?

Леон: Да.

"Жених": А я в третий. Нигде так не развлечешься... Классный отдых! (*Внимательно рассматривает наряд Леона.*) Только одеваться нужно побогаче. Я даже у друга золотой "ролекс" взял на прокат. Хочешь, могу одолжить тебе кое-что из гардероба. Их же интересуют богатые, бедных у них самих хватает... Они учат английский не для того, чтобы знакомиться с нищими... А может, ты боишься, что обворуют? У них с этим еще строже, чем у нас. Знаешь, какая там жестокая полиция?

Леон: Прости, а кто эта женщина, которая тебя провожала?

"Жених" (*смеется*)**:** Ясное дело — жена. Я ей сказал, что лечу по бизнесу... Русские — ушлые, они ставят в паспорте отметку о браке. Слава Богу, в Америке до этого не додумались... У меня электронный роман с тремя, а может, еще кого-нибудь зацеплю... (*Обращается к другому соседу.*) А ты в первый раз?

Сосед: Я был в Таиланде и на Филиппинах. Такие девушки!.. Но говорят, русские женщины — что-то особенное. У них, говорят, есть душа...

* * *

Москва. По улице едет автобус. В нем — группа "охотников", на месте гида — представитель брачного агентства, блондинка с пышными формами.

Блондинка (*скороговоркой*)**:** ...Господа, хочу напомнить вам, что ровно через неделю вы должны быть в аэропорту. Ни в коем случае нельзя терять регистрационные талоны. Россия — демократическая страна, но по-

теря карточки регистрации может грозить большими неприятностями... Из Москвы лучше не выезжать. Завтрак в гостинице оплачивается дополнительно. Воду из крана не пить, покупайте минеральную. И главное: сегодня в семь вечера в кафе "Зеркальное" состоится встреча с девушками, желающими связать свою судьбу с заморскими принцами...

* * *

Кафе "Зеркальное". Большой зал с зеркальными стенами и длинной барной стойкой. По залу расставлены столики. Кто-то из "женихов" сидит один, кто-то по двое, а на свободные места приглашают то одну, то другую приглянувшуюся женщину. Знакомятся, болтают... Кто-то прохаживается между столиками, важно, как петух перед соитием, выбирая объект знакомства. За некоторыми столами сидят только женщины, но один стул свободен, чтобы "жених" мог присесть. Одна из опоздавших робко пытается сесть на свободный стул, на нее шикают, чтоб не занимала место. Кто-то общается на английском самостоятельно, другим помогают переводчицы. Те, кому мест не досталось, стоят в стороне или ходят по залу. Возраст "невест" самый разный, и видно, что особой популярностью у "женихов" пользуются барышни до двадцати пяти лет. Женщины одеты по-разному: от пляжных юбочек и топов до деловых костюмов и вечерних туалетов. Недалеко от входа стоит Лена. Она в скромном платье, с сумочкой в руке. От присутствующих ее отличает взгляд спокойной и уверенной в себе женщины, с интересом наблюдающей за происходящим. Может быть, именно это привлекает к ней внимание Леона, одетого так же, как в самолете.

Леон: Простите, вы говорите по-английски?

Лена: С ошибками.

Леон: О, это даже лучше, чем без них.

Завязывается разговор.

Лена: Разве у вас не была назначена встреча? Вы с кем-то переписывались?

Леон: Нет. Я не верю в романы по Интернету.

Лена: Почему же? Ведь раньше были романы в письмах...

Леон: Письма пахли духами или одеколоном, а чем пахнет Интернет? И еще очень важен почерк человека, а в компьютере — шрифт... А вы кому-нибудь писали?

Лена: Нет. Письма — это очень личное, я бы не хотела, чтобы их кто-то переводил. А мой английский — только разговорный. Читать и писать практически не умею.

Леон: Замечательно! (*Смутившись.*) Не умеете читать по-английски? Почему?

Лена: Я работаю на металлургическом заводе, у нас американцы устанавливали оборудование. Вот и пришлось учить язык, чтобы общаться. А с документацией работали другие...

Леон: Здесь так шумно... Может, пойдем в ресторан?

* * *

Леон и Лена идут по Москве. Останавливаются возле ресторана. Леон внимательно читает цены вывешенного у входа меню. В уме переводит их в доллары. Этот процесс отражается на его лице.

Леон: Извини, здесь слишком дорого.

Лена: Не страшно. Я знаю одно место, куда мы ходили студентами, когда получали стипендию.

Леон: Какую стипендию? Что это?

Лена: Я училась при социализме. Тогда студентам за учебу хоть немного, но платили. Теперь — наоборот, как у вас в Америке... Кстати, где и кем ты работаешь?

Леон: Сейчас? Нигде. И никем. Вообще я инженер-строитель. Работал в одной компании, где для начальника существовало только два мнения. Одно — его, другое — неправильное... Сначала: "Вы тут все ничего не понимаете..." А потом: "Где вы были, почему мне никто не подсказал?". Один раз я объяснил все, что думаю по этому поводу. Теперь ищу другого босса.

Лена (*задумчиво***):** Ты думаешь, бывают другие?

Леон: Буду искать, пока не найду.

* * *

Они за столиком в молодежном кафе. Вокруг студенты, но Леон и Лена не чувствуют себя чужими в этом веселом месте. Кажется, они все больше нравятся друг другу, а дешевое вино и непринужденная обстановка только усиливают это чувство.

Лена: Я очень давно здесь не была... Тут здорово, правда?

Леон: Лена, можно я спрошу?.. Почему ты решила познакомиться с иностранцем? Хочешь уехать?

Лена: Может быть... Но главное — хочу встретить хорошего человека. А как сложится и где — жизнь покажет. Может, он переедет ко мне... А почему ты решил искать женщину за границей?

Леон: Я вырос в маленьком городке, потом уехал в Нью-Йорк... В мо-

лодости мы думаем, что за счастьем надо ехать... А недавно мне снова показалось, что счастье — где-то далеко.

Лена: У нас есть поговорка... попробую перевести на английский: "Хорошо там, где нас нет".

Леон: Ну почему же? Мы сейчас здесь, и нам хорошо!

Оба смеются.

Самодеятельная певица поет, как ей кажется, на английском, лирическую песню. Леон приглашает Лену, они танцуют.

Медленный танец заканчивается, Леон с Леной не успевают уйти с площадки, как начинается рок-н-ролл.

Лена: Давай еще потанцуем!

Леон: Нет-нет, что ты, я не умею...

Лена: Американец, не танцующий рок-н-ролл!.. Так бывает?

Леон: Бывает...

В этот момент к ним подходит парень лет двадцати и обращается по-русски к Леону: "Разрешите пригласить вашу даму".

Леон (*Лене***):** Что он говорит?

Лена: Он приглашает меня, просит у тебя разрешения.

Леон: Да, конечно...

Лена идет танцевать. Леон с изумлением видит, что рок-н-ролл она танцует профессионально. Партнер ей не уступает. Вскоре это замечают и остальные танцующие — они расступаются, освобождая для них место. Танец заканчивается, посетители награждают Лену и ее партнера аплодисментами, криками восторга и свистом. Все просят играть рок-н-ролл, опять звучит музыка, к Лене подходит другой партнер, но она отказывается и пробирается сквозь толпу к Леону, который теперь выглядит смущенным.

Леон: Ты прекрасно танцуешь.

Лена: Когда училась в институте, ходила в школу танцев.

К Лене подходит молодой человек и приглашает ее. Она отказывается. Через минуту подходит другой...

Лена (*Леону***):** Может, уйдем отсюда? Здесь так душно... Давай пройдемся, а потом посидим где-нибудь на воздухе.

Они уходят.

* * *

Поздний вечер. Лена и Леон сидят за столиком кафе. Здесь пусто и тихо. Разговор наших героев становится все более доверительным.

Леон: Наверное, это у меня от бабушки — желание уехать, все начать на новом месте...

Лена: Ты ее помнишь?

Леон: Немного... Она была послушной женой, но на самом деле в семье все решала она...

Лена: Ты тоже мечтаешь о такой жене — тихой и послушной?

Леон (*смеется*): Которая все будет решать?..

Лена: Мне кажется, что большинство людей любят, чтобы решали за них.

Леон: Я не отношусь к их числу.

Лена: Ты был женат?

Леон (*после паузы*): Да... Но мне не хотелось бы говорить об этом. У меня есть правило: я не обсуждаю одних женщин с другими...

Лена: Надеюсь, ты их не обсуждаешь и с мужчинами... Больше я на эту тему вопросов не задаю...

Леон: Спасибо. Я тоже не буду спрашивать о твоих прекрасных принцах. Зачем их тревожить?..

Лена: Согласна...

К ним подходит официантка.

Официантка: Приходите к нам снова, только часов через десять. Извините, но мы закрываемся.

* * *

Леон и Лена подходят к гостинице, где остановились "охотники за невестами".

Леон: Может, поднимемся ко мне в номер?

Лена: Извини, но мне завтра рано на работу...

Леон: Жаль... Я провожу тебя домой.

Лена: Спасибо, не надо. Я возьму такси.

Леон: Мы увидимся завтра?

Лена: Не знаю... Хочешь — запиши мой телефон.

Она диктует ему номер мобильного, он записывает.

Лена видит такси, "голосует", прощается с Леоном и садится в машину.

Такси трогается с места.

Лена провожает глазами Леона, который заходит в гостиницу, переводит взгляд на шофера и видит Владимира — руководителя службы безопасности.

Лена: Как ты здесь оказался?

Владимир: Абсолютно случайно.

Такси едет по ночной Москве. К нему спереди и сзади пристраиваются джипы с охраной.

Лена: Что это значит?

Владимир: Это значит, что каждый занимается своим делом, не вмешиваясь в дела другого...

* * *

Кабинет Елены Ивановны — она проводит совещание.

Лена: Вопрос сегодня один — цена на сталь в Китае пошла вверх. Мы должны выработать тактику холдинга в этой ситуации. Я хочу, чтобы высказался каждый.

Пауза. Все молчат.

Лена: Мне кажется, я не отношусь к руководителям, для которых существуют два мнения: одно свое, другое — неправильное. Решение будем принимать коллегиально.

Один из присутствующих: А отвечать за результат тоже будем коллегиально?

Лена: Хороший вопрос. Я подумаю.

Первый: Я считаю, что нужно остановить продажи. Позитивный тренд продолжится как минимум месяц. Все экономисты придерживаются такого мнения.

Второй: Экономисты влияют на экономику так же, как метеорологи — на погоду... Цены как поднялись, так и упадут. А мы останемся с полными складами на падающем рынке... Плюс к этому потеряем покупателей... Надо продавать по ценам, которые сегодня сложились на рынке.

На столе Лены звонит мобильный — модель, устаревшая лет пять назад.

Лена: Yes, yes, Leon. It's me. (*К сидящим, прикрывая трубку рукой.*) Простите, это Гринспен из Америки. По поводу кредитной линии. Тот, что возглавлял Federal Reserve. Нам надо посоветоваться без свидетелей. Прошу меня извинить...

Все выходят. Двое выходящих — между собой:

Первый: Мне казалось, Гринспена зовут Ален, а не Леон...

Второй: Мне тоже... Но начальству виднее.

* * *

Лена и Леон гуляют в парке имени Горького, проходят мимо старой эстрады-"ракушки", в которой играет духовой оркестр, мимо аттракционов.

Лена: Давай зайдем...

Они заходят в "комнату смеха", смотрят на свои отражения в кривых зеркалах.

Леон: Знаешь, мне кажется, что я, как Алиса, попал в зазеркалье. Здесь все так и все не так, как в Америке. (*Рассматривает свое отражение в очередном кривом зеркале.*) Что в этом смешного?

Лена: Древние говорили, что смешное в несоответствии.

Леон: Несоответствие в том, что я через четыре дня улетаю, а ты все время занята. Мы с тобой так мало видимся. В гостиницу ко мне зайти ты отказываешься... Может, пригласишь к себе?

Лена: Извини, у меня в квартире ремонт, и неудобно приглашать гостей.

Леон: Я бы хотел познакомиться с твоими родителями...

Лена: К сожалению, они умерли. Из родственников у меня только двоюродная тетка. Живет километрах в ста от Москвы. Правда, мы с ней много лет не виделись...

Леон: Почему?

Лена: Была одна история... Долго рассказывать.

Леон: Давай поедем к ней. Тем более — выходные. Как ты к ним относишься?

Лена: Не люблю.

Леон: Странно, я тоже... Хотя выходные обычно не любят начальники.

Лена: Значит, мы — исключение, которое подтверждает правило...

Леон: Так что, поедем к тете? Ты можешь взять на работе еще один выходной?

Лена: Я не уверена, что тебе там понравится.

Леон: Главное, чтобы мы могли побыть вместе, и я познакомился с твоими родственниками. Для меня это важно.

Лена: Ладно, поедем к тетке. Кто старое помянет...

Леон: В каком смысле?

Лена: Поедем, поедем... Все в порядке. Увидишь настоящую Россию.

Леон: А это — ненастоящая?

Лена: Это — Москва...

Леон: Интересно... У нас тоже говорят, что Нью-Йорк — это не Америка.

* * *

Майский вечер. Подмосковье. Красивый дом, утопающий в зелени. С первого этажа на второй по мраморной лестнице поднимается горничная. Она проходит через холл с камином и гобеленами, через спальню, и попадает на балкон. Видно, как внизу садовник постригает газон. На балконе в кресле сидит Лена. Ей делают педикюр. На столике лежит допотопная мобилка. Горничная подает Лене прине-

сенную записную книжку. Лена находит нужный номер и набирает его на мобильном.

* * *

Словно изображение роскошного дома в кривом зеркале — самый обычный домик в районном центре. По маленькому двору, окруженному покосившимся забором, бродят куры. За домом — огород, грядки с огурцами, старые яблони, кусты малины... На огороде возится пожилая женщина в стареньком платье.

Слышно, как в доме звонит телефон. Женщина идет в дом.

Тетя Нина: Алло! Кто это? Лена?.. Ой, деточка, я тебя не узнала. Забыла тетку, не звонишь, не пишешь... Ты в Москве? Замуж-то вышла? Нет? Ну и куда, скажи, мужики смотрят у вас в городе? Вот когда ты у нас жила, за тобой все парни бегали. А Витька о тебе до сих пор спрашивает!.. Леночка, как ты? На заводе, инженером?.. А платят нормально? Это хорошо... Приезжай, конечно! С иностранцем? Ему у нас не понравится... Откуда? Из Америки? На каком же языке мы с ним говорить будем?.. Ты умеешь? По-американски? Ой, Леночка... Что ж из Москвы в нашу глухомань... Когда приедете? Хорошо. Ты мне телефон-то свой дай.

Тетя Нина записывает мобильный Лены. Потом видит, что соседская коза полезла в ее огород, и торопливо прощается с племянницей.

* * *

Возле старенького "жигуленка" стоят Владимир и Андрей. Рядом останавливается "бентли", из которого выходит Лена. Она одета в обычные джинсы и кофточку, в руках у нее — небольшой рюкзачок. Лена отдает Андрею ключи от своей машины, берет у него другие и садится в "Жигули".

Владимир: Елена Ивановна, как же вы поведете? "Жигули" с автоматической коробкой еще не выпускают...

Лена: Ничего страшного. Я все помню.

Владимир: На месте группа уже работает. В случае чего — система экстренной связи. Сработает, как сигнализация в банке.

Владимир отдает Лене тюбик с помадой.

Лена: О! Это же мой цвет!

Владимир: Стараемся. Вы только не перепутайте с настоящей! Один поворот — и мы рядом.

Лена: Спасибо. (*Уезжает.*)

Андрей: Думаешь, понадобится?

Владимир: Будем надеяться, что нет.

* * *

Лена подъезжает к гостинице, в которой остановился Леон. В этот момент в дверях появляется многодетный "жених" с блондинкой... Кто-то из "охотников" возле гостиницы с букетом в руках ждет подругу...
У Лены звонит мобильный телефон.

* * *

Комната в стареньком доме. Возле телефона — испуганная тетя Нина.

Тетя Нина: Алло! Леночка! У нас что-то странное творится. Наверное, начальство приезжает. Мужики ходят чужие — с миноискателями, антеннами... Может, вам не ехать?.. Да? В Москве такое часто бывает? А по телевизору не показывают... Ну ладно, жду вас.

Тетя Нина кладет трубку. В этот момент к ней заглядывает соседка.

Соседка: Это ты с кем?

Тетя Нина: С племяшкой, с Леной. Приезжает на выходные.

Соседка: С чего это? Сколько лет не была!

Тетя Нина: Не одна — с гостем. Знакомый к ней приехал, из Америки. Хотят за городом отдохнуть, на природе.

Соседка: Ты поосторожней. Природа природой... А потом комнату отсудит.

Тетя Нина: Да ну тебя...

* * *

"Жигули" едут по Москве. За рулем — Лена, рядом — Леон.

Лена: Леон, может, заедем на рынок, купим тебе что-нибудь из вещей? Там хорошие цены. Просто смешные.

Леон: Зачем? Мне и в этом удобно.

Лена (*смущенно*)**:** Как тебе объяснить... К тете в таком виде ехать... неудобно... Провинция...

Джон: А что, у вас в провинции к вечернему чаю выходят в смокинге?

Лена (*смеется*)**:** Нет, просто там люди патриархальные.... Твой наряд для них — слишком экстравагантный.

Соблюдая дистанцию, за "Жигули" на неприметной иномарке едет Владимир. Слышны переговоры по рации.

Голос: Третий, они поворачивают в сторону рынка.

Второй голос: Первый, второй, пятый, к рынку. Второй — возле машины, остальные — рядом с ними.

Третий: Зачем им этот рынок? Там кроме китайского барахла, ничего нет...

* * *

Лена и Леон идут по рынку. Леон с интересом осматривается. Лена останавливается возле одного из павильонов, разглядывает мужские джинсы и рубашки.

Лена: Тебе нравится? Вот эта, в клетку, по-моему, очень симпатичная. Примеришь?

Леон: Здесь? А где тут примерочная?

Лена: Вот, за занавеской.

Удивленный Леон уходит в импровизированную примерочную. Выходит в новых джинсах и рубашке, смотрится в кусок зеркала. Лена одобряет выбор. Леон расплачивается за покупки и перекладывает бумажник в карман новых джинсов.

Они идут дальше и останавливаются у другого прилавка, рассматривая товар. Чья-то ловкая рука незаметно вытаскивает бумажник из кармана Леона. Тут же руку с бумажником перехватывает за запястье другая рука. В гомоне толпы едва слышен диалог:

Первый: Положи на место.

Второй: Извини, обознался.

Бумажник падает на землю. Рука, перехватившая карманника, поднимает бумажник. Слышится бормотание: "Халтурщик...". Бумажник незаметно для Леона оказывается в его кармане.

В одном из павильонов Лена видит очень легкомысленную блузочку, с восторгом рассматривает ее и, поколебавшись, покупает. Леон замечает ее сомнения.

Лена: Жалко, что на работу в таком нельзя... (*Кокетливо.*) Она меня не слишком молодит?

Леон: Наоборот... добавляет солидности. (*Оба смеются.*)

* * *

Шоссе. На обочине перекрестка сотрудник ГАИ разговаривает с водителем остановленной им машины.

Водитель: Товарищ автоинспектор... Извините, нарушил... Я знаю, что поворота здесь нет...

Гаишник: Гражданин водитель! Поворот здесь есть... но он платный...

* * *

К перекрестку подъезжают "Жигули". Сотрудник ГАИ ленивым жестом поднимает жезл.

Леон: Мы что-то нарушили?

Лена: Не знаю... Сейчас разберемся.

Лена выходит из машины. Леон ее останавливает.

Леон: Что ты делаешь?! Нельзя выходить, пока полицейский не подойдет. Он может выстрелить!

Лена: Успокойся, ты не в Америке. Здесь стреляют, когда не выходишь!

Лена подходит к гаишнику и некоторое время говорит с ним, потом возвращается, берет из сумочки деньги и отдает их стражу порядка. Потом садится за руль, и "Жигули" трогаются с места.

Леон: Ты что, дала ему деньги?

Лена: Да.

Леон: А что мы нарушили?

Лена: Ничего. Хотя, если поискать... Так что лучше сразу заплатить.

Они проезжают мимо остановившейся пожарной машины. Рядом стоит милиционер и проверяет документы. Водитель что-то объясняет, размахивая руками.

Леон: А его почему остановили?

Лена (*с иронией***):** Проверяют, есть ли огнетушитель.

Вскоре Лена останавливает машину, достает из своего рюкзачка термос, и они с Леоном пьют кофе.

Леон: Устала?

Лена: Немного. Ты меня не подменишь?

Леон: Не могу. Меня на полгода лишили прав.

Лена: За что?

Леон (*замявшись***):** Ну за что лишают прав?

Лена: За превышение скорости.

Леон: Ты всегда знаешь правильный ответ?

Лена: К сожалению, нет.

Леон: Лена, а почему вы столько лет не виделись с тетей?

Лена (*после паузы***):** Когда мама болела, я просила ее приехать, но она говорила, что ей не на кого оставить хозяйство... И на мамины похороны не приехала. Сказала, что поднялось давление... А я подумала, что она своих кур боялась бросить... Теперь время прошло, обида стерлась... Благодаря тебе увидимся.

* * *

Лена и Леон приезжают к тете Нине. Хозяйка встречает гостей, целуется с Леной.

Тетя Нина: Ой, деточка, как ты похорошела!

Лена: Знакомьтесь, тетя Нина. Это мой друг Леон из Америки. Инженер-строитель.

Тетя Нина (*громко шепчет Лене***):** А чего приехал-то? По работе? Будет у нас что-то строить?

Лена: Может быть. Он еще не решил. И не надо шептать, тетя Нина, говори нормально, он русского не знает.

Гости располагаются. Тетя Нина показывает Леону комнату, где он будет спать.

Тетя Нина: Леночка, а ты тут, со мной, на диванчике.

Хозяйка приглашает гостей за стол — видно, что она готовилась к их приезду.

Леон: Где можно принять душ?

Тетя Нина: Леночка, покажи. Ты же знаешь, во дворе... Я специально с утра воду набрала, чтобы нагрелась на солнце.

Лена отводит Леона в уголок двора, где клеенкой отгорожен летний душ, состоящий из бочки, поставленной на высокий каркас.

Леон: Что это?

Лена: Это душ. Летний. Ванной тетя Нина только зимой пользуется.

* * *

Женщины накрывают на стол.

Возвращается Леон. Они садятся ужинать. Тетя Нина ставит на стол бутылку самогона, наливает Леону рюмочку.

Леон (*Лене***):** Что это?

Лена: Это... как виски.

Леон принюхивается.

Леон: У нас это называется "лунным виски" (moonshine whisky). То, которое делают ночью, чтобы соседи не видели.

Леон ставит рюмку.

Тетя Нина (*Лене, опять шепотом***):** А он здоровый? (*Выпивает полстакана, закусывает огурчиком. Леону*): Раньше к нам в поселок каждое лето студенты приезжали, шабашники. Танцы устраивали, под американскую музыку — у меня пластинка осталась!

Тетя Нина лезет в старый комод и достает стопку пластинок в пожелтевших от времени бумажных конвертах.

Тетя Нина (*перебирая пластинки*)**:** Не то, не то... (*Смотрит на один конверт, читает*): "Антонио Вивальди. Времена года". (*Продолжает перебирать пластинки, наконец радостно восклицает*): Нашла! (*Показывает пластинку "Битлз", включает старенький проигрыватель, ставит "Come back to the USSR".*)

В разгар застолья приходит соседка.

Соседка: Добрый вечер! Извините... Ниночка, ты мне сахарку не одолжишь?

Тетя Нина выходит с ней на кухню и отсыпает в принесенную банку сахарный песок.

Соседка (*шепотом*)**:** Так он же белый!

Тетя Нина: А какой сахар, по-твоему, должен быть? Черный?

Соседка: При чем тут сахар! Ты ж говорила — африканец.

Тетя Нина: Глухая ты! Американец!

Соседка: Ладно... Американцы тоже черные бывают.

Тетя Нина: Бывают. Но наш — белый!

Она выпроваживает соседку и возвращается за стол.

Тетя Нина: Леночка, мне вас прямо Бог послал! Я давно хочу к Лизе съездить... (*Поворачивается к Леону*): У меня дочка, Лиза, в Санкт-Петербурге живет! (*Лене*): ...а хозяйство не пускает. Курочек не на кого оставить, еще поросенка взяла... Вы на сколько приехали?

Лена: На выходные...

Тетя Нина: Ну вот! Я завтра с утра — на автобус, а в понедельник — обратно.

Лена: Тетя Нина, нам в воскресенье вечером выехать надо — у Леона в понедельник днем самолет.

Тетя Нина: Так днем же! Я в понедельник вернусь рано утром, и вы сразу поедете. Успеете... Леночка, я Лизу три года не видела! Туда и обратно!.. А ты пока за животинкой присмотришь. Не забыла еще, как кормить?

Лена (*улыбается*)**:** Нет, конечно.

Тетя Нина: Ну вот! А то соседка такая... потом курей не досчитаешься.

* * *

Вечереет.

Лена: Леон, давай на речку сходим? Это недалеко. Там красиво...

Проходя мимо одного из дворов, они видят, как хозяйка кормит кур. Петух, который перед этим весьма активно ухаживал за своими подругами, заметив еду, бросается к ней, забыв о курах.

Леон: Не дай Бог нам так проголодаться!

Лена: Как говорил Шекспир — голод правит миром.

Леон: Ты забыла про любовь. Они вдвоем правят.

Идут дальше и сталкиваются с бывшим ухажером Лены — Витей.

Виктор: Ленка?! Это ты?! Вот здорово! Ты откуда?

Лена: Из Москвы, к тетке приехала.

Виктор (*протягивает Леону руку***):** Виктор. Мы с Леной когда-то в одном классе учились.

Леон пожимает руку, Лена переводит ему слова Виктора.

Виктор: Он чего, не русский?

Лена: Это Леон, из Америки.

Виктор: Муж?

Лена: Нет.

Виктор: Понятно... А муж?

Лена (*смеется***):** Нету.

Виктор: Понял. Я, Лен, тоже сейчас один. Со Светкой развелся... Помнишь Светку?.. У нее копейка в руках не держалась, а мне хорошая хозяйка нужна. Я ж клуб наш выкупил, ремонт сделал. У меня там теперь дискотека, буфет, концерты... Деньги хорошие. Все ж ко мне идут, тут отдохнуть по-нормальному больше негде! Артисты приезжают... Сегодня Сердючка. Приходите!

Лена: Сердючка? Круто!

Виктор: Пародист... Но работает классно! Как настоящий!.. Настоящая... Приходите!

Лена: Спасибо, мы зайдем.

Лена и Леон идут дальше по темной улице, проходят мимо брошеных домов с заколоченными окнами.

Леон: А где люди?

Лена: Старики умерли. А молодежь уехала... Далеко... За счастьем, в большие города.

Следующий кадр — силуэты Лены и Леона, зафиксированные прибором ночного видения. Наблюдающий сидит на чердаке брошеного дома. Сквозь помехи радиосвязи слышен голос.

Андрей: Все в порядке, абориген отстал. Идут к реке.

Владимир: Понял. Оставайся на связи.

* * *

Лена и Леон подходят к реке.

Лена: Тебе нравится?

Леон: Да, очень красиво.

Неожиданно Леон вздрагивает и хлопает себя по плечу, а Лена бьет себя по шее.

Еще хлопок, и еще... Через несколько секунд Лена и Леон непрерывно бьют себя по разным частям тела, пытаясь отбиться от невидимого, но слишком многочисленного противника.

Лена: Мне хотелось тут посидеть... Ничего не получится — комары! Раньше столько не было. Мы из школы сюда бегали... (*продолжая отбиваться от комаров*) на свидания.

Леон (*на секунду забыв о комарах, со смехом обнимает Лену за плечи*)**:** Думаю, комаров было ничуть не меньше. Просто вы их не замечали... Ой! (*Он снова бьет себя — теперь по щеке.*) У нас в Америке они крупнее... Ваши гудят, а наши кусают без предупреждения.

Лена: Пойдем, а то съедят.

Они уходят.

* * *

Лена с Леоном заходят в клуб. На сцене — некто в женской шубе и очках.

Лена: Он сейчас очень популярен.

Леон: Разве это не женщина?

Лена: Наоборот. Мужчина. И то ненастоящий.

Леон: Ты имеешь в виду...

Лена (*смеется*): Нет. Это пародист. Настоящие "звезды" сюда не доезжают.

Леон: Мужчина, который прикидывается мужчиной, который прикидывается женщиной...

Лена: ...которая похожа на мужчину. Круг замкнулся. Не напрягайся... Хочешь что-нибудь выпить?

В этот момент лже-Сердючка заводит очередную залихватскую песню, и молодежь начинает танцевать. К Лене подскакивает какой-то парень, берет за руку. Лена отстраняется. Леон отводит ее в сторону.

Леон: Ты не хочешь потанцевать? У тебя здорово получается!

Лена: Нет-нет, что ты! Я подожду, пока ты научишься. Будем танцевать вместе.

..."Сердючка" отплясывает нечто дикое и поет:

"Жениха хотела,

вот и залетела".

Зрители подпевают.

Леон: А ты говорила, что здесь люди патриархальные... не любят ничего экстравагантного...

Лена уводит Леона из клуба.

* * *

Утро. Тетя Нина в большой комнате перед зеркалом повязывает косынку. Лена спит на диванчике.

Тетя Нина: Лена... Леночка! Просыпайся! Гостю надо завтрак приготовить. А я уже уезжаю.

Лена: Леон еще спит?

Тетя Нина: Не знаю, я к нему не заходила.

Лена встает, набрасывает халат.

Тетя Нина: Для поросенка — в большой кастрюле...

Лена (*зевая*): Я помню, тетя Нина.

Тетя Нина: Петуху спуску не давай. Будет наскакивать — шугани.

Лена: Хорошо. Ты не опоздай только...

Тетя Нина: Не беспокойся, в понедельник раненько... Все, пошла.

Она подхватывает сумки с гостинцами для дочки, целует Лену и уходит. Лена делает кофе.

Открывается дверь маленькой комнаты, выходит Леон.

Леон: Доброе утро.

Лена: Доброе утро. Как спалось?

Леон: Замечательно! Всю ночь снился этот... мужчина-женщина, женщина-мужчина...

Лена: Тетя Нина уехала. Душ принимать будешь?

Леон: Обязательно. Только я каждый день мою голову. Горячей водой. А бочки с горячей водой там нет.

Лена: Не страшно, сейчас согреем... Потом позавтракаем и съездим на кладбище. К родителям. Это отсюда километров сорок...

* * *

"Жигули" останавливаются возле кладбища. Лена и Леон выходят из машины, проходят мимо нищих, стоящих возле ворот, и идут по аллее среди могил.

Лена: ...Когда училась, любила приезжать в этот поселок. В Москве все было строго и жестко. Каждый сам за себя... А здесь для меня была норка, куда можно было заползти и перевести дыхание... Там я была самостоятельной, здесь превращалась в ребенка. Тут любили не потому, что я отличница, а просто так, ни за что... Когда родителей не стало, мне уже не-

где было переводить дыхание... Со временем научилась жить одна. Но каждый год в мамин день рождения, 26 сентября, приезжаю сюда...

Лена и Леон подходят к могиле ее родителей, открывают калитку оградки. Леон присаживается на скамейку. Лена прибирает могилу.

Леон: Они давно умерли?

Лена: Двенадцать лет назад. В один год... У папы был аппендицит, ему сделали операцию, но внесли заражение... У мамы оказалось слабое сердце, хотя она никогда не жаловалась. Инфаркт... Врач сказал: "Есть лекарство. Делаем три укола в течение суток — тогда выживет. Цена — три тысячи долларов". Для меня это были огромные деньги. Стала обзванивать друзей... За сутки собрала тысячу. Врач сказал: "Дальше не собирай, бесполезно". Через два дня мама умерла...

Лена молчит.

Леон: Не плачь, пожалуйста.

Лена: Я не плачу. И тогда не плакала. Заплакала, когда заработала три тысячи... Ненавижу бедность!

Леон: Я тебя понимаю...

Выходя с кладбища, Лена подает нищим, опуская мелочь в протянутые кепки и ладони.

Леон: Почему ты даешь им деньги?

Лена: Такой обычай. Когда уходишь с кладбища, подаешь нищим, чтобы они молились за упокой родных... Так мама говорила...

* * *

Лена с Леоном едут домой. У соседского дома грузовик высыпает прямо на дорогу кучу песка, и Лене приходится остановиться. Леон внимательно рассматривает строящийся дом, потом выходит из машины и направляется к стройке. Лена тоже выходит и догоняет его.

Лена: Что случилось?

Леон: Они сделали серьезную ошибку — уклон крыши неправильный. Я должен сказать им.

Они с Леной входят во двор. Навстречу идет хозяин дома — Сергей.

Лена: Здравствуйте. Меня зовут Лена, я племянница тети Нины.

Сергей: А-а, здрасьте... (*Протягивает руку Леону*): Сергей.

Лена: Это Леон, он из Америки, строитель. Говорит, что ваши рабочие неправильно уклон крыши сделали, и это обязательно надо исправить. Он покажет, как.

Сергей: Кому покажет-то? Я своих шабашников до понедельника отпустил.

Лена: Значит, вам покажет.

Сергей: Давай! Ты скажи ему — я потом отблагодарю... посидим, выпьем...

Лена (*смеется*)**:** Не надо. Считайте, что это его интернациональный долг... развивающимся странам.

Сергей: Это мы развивающиеся? Мы — сверхдержава.

Лена (*смеется*)**:** Были. В прошлом веке...

Сергей (*обращается к Леону*)**:** Ду ю спик инглиш?

Леон: Йес, оф коз.

Лена: Как переводчик я вам не нужна. Удачи! (*Леону*): Пойду, приготовлю ужин. Дорогу найдешь?

Леон: Конечно. Свари мне борщ. Помнишь, я тебе рассказывал о бабушке? Она меня всегда им кормила.

Лена уходит. Леон по-английски объясняет Сергею, что именно нужно исправить.

* * *

Лена на кухне. Открывает холодильник, находит куски мяса, замороженные до каменного состояния. Возится с газовым баллоном, наконец зажигает плитку, ставит на нее кастрюлю с водой. Чистит свеклу и картошку тупым ножом. Овощи плохо чистятся, зато палец уже порезан.

Лена чистит лук, обливаясь слезами...

Мясо до сих пор не разморозилось, вода на крошечном огоньке плиты не кипит.

Лена смотрит на часы и берет мобильный телефон.

Лена: Владимир, ты мне нужен. Зайди ко мне. (*Растерянно.*) Куда? Ну... Сразу за нашим огородом посадка начинается. Вот туда, к заборчику подойди.

* * *

Лена выходит на огород с ведром и ковшиком — "полить огурцы". Идет в самый конец огорода, к забору.

За забором — кусты, из которых появляется Владимир.

Владимир: Елена Ивановна, что-то случилось?

Лена: Мне срочно нужен борщ.

Владимир: Какой?

Лена: Вкусный.

Владимир: А где ж его взять?

Лена: Где хочешь. Но он должен быть в этой кастрюле. (*Достает кастрюлю из ведра и отдает Владимиру.*)

Владимир: Сколько у меня времени?

Лена: Два часа, не больше.

Лена возвращается на кухню, нарезает свеклу, бросает в кастрюлю с так и не закипевшей водой.

Входит Леон.

Лена: Вы закончили? А у меня еще не готово...

Леон: Нет, у Сергея перекур, а я соскучился. Как ты тут?

Лена: Я в процессе... Сергей хорошо говорит по-английски?

Леон: Примерно так же, как я по-русски.

Лена: Как же вы понимаете друг друга?

Леон: Прекрасно! Он тоже по образованию строитель.

Леон смотрит на овощи, на мясо, заглядывает в кастрюлю, принюхивается. На его лице — тщательно скрываемое недоумение.

Леон: Скажи, а как ты его готовишь?

Лена: Не скажу! (*Смеется.*) Это наш русский секрет!

Леон: Мы с Сергеем поработаем еще час.

Лена: Хорошо.

* * *

Машина на огромной скорости несется в сторону Москвы... Мы наблюдаем издали, как Владимир, спотыкаясь, вбегает в ресторан, разговаривает, размахивая руками, с администратором, потом с поваром. Слышна фраза: "Все будет в лучшем виде". Владимир ждет, нервничает...

* * *

Лена хозяйничает. Заметно, что когда-то эту работу она знала хорошо, но теперь от нее отвыкла. Несет поросенку пойло, едва не проливает его, потом с трудом разгибается, держась за поясницу. Затем выходит кормить кур, и на нее бросается петух. Лена убегает в дом, выходит с ведром воды, чтобы полить огурцы, и опасливо обходит петуха с курами. Вернувшись в дом, она рассматривает свои руки — грязные, с остатками вчерашнего маникюра — и улыбается...

* * *

Ресторан. Повар выносит суповую вазу с борщом. Владимир говорит: "Нет, вот сюда!" Повар недоуменно смотрит на кастрюлю. Забирает. Выносит борщ уже в кастрюле.

Помощник Владимира садится на заднее сиденье и держит кастрюлю на руках.

*Машина несется в обратном направлении. Пролетает перекресток, на котором "несут вахту" двое гаишников с радаром. Они пытаются остановить "мерседес", но Владимир смотрит на часы и не останавливается. Столь востребованные в голливудских фильмах ***ы погони по неповторимым российским дорогам...*

* * *

У Лены звонит мобильный.

Лена: Да, хорошо...

В сгустившихся сумерках с тем же ведром и ковшом Лена снова отправляется на огород, к месту встречи. Там ждет Владимир с кастрюлей. Он опускает кастрюлю в ведро.

Владимир: Может, помочь?

Лена: Каждый должен заниматься своим делом и не вмешиваться в дела другого.

Владимир (*удивленно***):** А-а, в этом смысле...

* * *

Накрыв на стол, Лена идет к соседу. Она застает Леона и Сергея, общающихся на непостижимом языке жестов и междометий, который осваивают люди, занятые общим делом.

Лена: Вы закончили? Пойдемте, я ужин приготовила.

Сергей вежливо отказывается. Лена и Леон идут домой. Он отправляется в душ. Выйдя из душа, видит, как Лена сыпет курам пшено.

Леон: Я готов к ужину.

Они идут в дом, Лена ставит перед ним тарелку борща. Он съедает несколько ложек.

Лена: Тебе не нравится?

Леон: Нравится... Очень вкусно.

Лена: О чем ты думаешь? Мне кажется, ты сейчас где-то далеко...

Леон: ...У меня странное чувство — как будто это было. Прихожу с работы... Женщина кормит кур... Мы ужинаем... Такой суп я ел только в детстве... (*Берет Лену за руку.*) Мне кажется, тебе тоже хорошо.

Лена: Ты прав. Как в детстве...

Леон: Если я правильно понял Сергея, мы с ним утром поедем на рыбалку. Поедешь с нами?

Лена: Нет, рыбалка — дело мужское. И потом, хозяйство теткино... А ты поезжай.

Неожиданно гаснет лампочка.

Леон: Что случилось?

Лена: Ничего страшного. Наверное, где-то ветром провод порвало. Так часто бывает... Утром починят.

Лена, чиркая спичками, находит в комоде свечи и зажигает сразу несколько.

Леон (*игривым тоном*)**:** А что мы будем делать без света?

Лена (*смеется*)**:** Рассказывать страшные истории... А еще можно гадать!

Леон: Как?

Лена: Сейчас покажу.

Она приносит небольшое зеркало, ставит его на стол напротив зеркала, которое висит на стене. Потом ставит между ними свечу и подзывает Леона.

Лена: Незамужняя девушка должна сесть перед зеркалом, смотреть в него и повторять (*продолжает по-русски*): "Явись ко мне, суженый-ряженый"...

Леон: Что это значит?

Лена: Девушка просит, чтобы зеркало ей показало... как бы это перевести... Суженый — это не просто жених. Это человек, который предназначен судьбой. (*Продолжает по-русски*): Суженый-ряженый...

Леон (*прислушиваясь*)**:** А что такое (*коверкая, пытается повторить за ней*) рьяжени?

Лена: Можно сказать — переодетый. Как артист в кино.

Леон (*испуганно*)**:** Жених переодетый? Почему?

Лена: Ну, это так говорится... Потому что зеркало может обмануть, показать жениха смутно...

Леон: Разве зеркало может обманывать? Хотя те, в парке... когда мы должны были смеяться...

Леон заглядывает Лене через плечо, его лицо отражается в зеркале.

Лена (*игриво*)**:** Ой, жених! Кажется, я его знаю...

Леон (*смеясь, глядя на бесчисленное отражение свечи в зеркалах*)**:** Посмотри, сколько свечей сегодня... Давай проживем столько счастливых лет. (*Обнимает Лену.*)

Лена (*мягко освобождаясь от его объятий*)**:** Боюсь, что столько не получится... Уже поздно, завтра рано вставать. Иди ложись, я тебе уже постелила.

* * *

Ночь. Леон стучит в дверь комнаты, где спит Лена. Пробует открыть, но дверь закрыта на крючок. Леон стучит сначала тихо, потом настойчивее. Лена подходит к двери, но не открывает ее.

Леон: Лена, мне нужно тебе что-то сказать...

Лена: Утром скажешь.

Леон: Мне нужно это сказать сейчас.

Лена: Не надо...

Леон: Почему?

Лена: Леон, я не могу тебе этого объяснить...

Леон: Я тебе не нравлюсь?

Лена: Нравишься...

Леон: Лена, сокровище мое...

Лена: Сокровище? С чего ты взял?!

Леон: Но это же очевидно.

Лена: Кто это тебе сказал?

Леон: Да я сам вижу. Ты прекрасна. Умна. Желанна...

Лена: Спасибо... У меня тоже есть много хороших слов для тебя. Но давай оставим на завтра.

Леон: Почему?

Лена: Потому. Я к тебе еще не привыкла...

Леон: Лена, открой....

Лена: Спокойной ночи.

Леон: А у нас желают не спокойной, а хорошей ночи...

Лена не отвечает.

* * *

Раннее утро. Лена и Леон на кухне. Оба ведут себя несколько натянуто. Он пьет кофе, она делает бутерброды.

Заезжает Сергей со своим приятелем Михаилом на старенькой "Ниве". Леон с интересом рассматривает "русский вариант джипа".

Сергей: Хочешь повести?

Лена: Его прав лишили. На полгода.

Миша: Ничего страшного. Если остановят — договоримся!

Лена: Лучше не надо... Сережа, а как вы друг друга понимаете? Ты же языка не знаешь.

Сергей (*обиженно*)**:** Я языка не знаю? Это он не знает! (*Подумав.*) Да ничего, объясняемся как-то...

Мужчины садятся в машину и уезжают.

* * *

Берег реки. Сергей накачивает резиновую лодку.

Михаил — Леону (*показывает на берег, где они стоят*)**:** Тут клюет плохо... (*Отрицательно мотает головой. Потом показывает на островок в середине реки.*) Там — гуд. (*Показывает большой палец.*)

Леон вежливо кивает.

Когда лодка готова, они оставляют машину на берегу, а сами переправляются на островок. Там ставят снасти. Сергей заходит в воду и объясняет Леону, как ловить раков "на палец".

Сергей: Засовываешь руку в норку. Если там рак, он тебя хватает за палец, ты его вытаскиваешь и выбрасываешь на берег.

Михаил: А если там гадюка?

Сергей: Тогда вытаскиваешь только руку и быстро едешь в больницу.

Рыбаки разводят костер и садятся "перекусить". Выпивают. Леон тоже выпивает пару рюмок, но от следующих отказывается.

Сергей пытается его уговорить.

Миша: Да оставь его, нам больше достанется.

Тем временем плохо привязанную лодку уносит течением...

* * *

Лена кормит поросенка.

Во двор входит Витя с пакетом в руках. Видно, что он навеселе.

Витя: Здравствуй, Лена.

Лена: Здравствуй.

Витя: Ты такая красивая сегодня. Прямо принцесса... Мне ребята сказали, что американец на рыбалку поехал...

Лена (*с легким раздражением*)**:** Да, но уху я еще сварить не успела.

Витя: А я вот... Поговорить бы надо...

Лена: Ну, заходи...

Они заходят в дом. Витя достает из пакета и ставит на стол бутылку вина и торт.

Лена: Спасибо, Витя, но я сладкого не ем.

Витя: Ну, не знаю, как в Москве, а у нас гостя так не встречают. Я от всего сердца...

Лена (*ставит на стол тарелки и стаканы*)**:** Ты присаживайся, и я с тобой посижу...

Витя: Что значит — посижу? Я ж тебя пить не заставляю. Так — капельку...

Виктор наливает Лене полстакана вина, отрезает и кладет на тарелку большой кусок торта. Лена, вздохнув, пригубливает вино. Витя выпивает стакан залпом.

Витя: Слушай, я что хотел сказать... Выходи за меня!

В воздухе повисает пауза.

Витя: А чего? Ты мне всегда нравилась... Бизнес мой видела... С деньгами — нормально... Дом в порядке, хозяйство, машина... Поживем.

Лена (*растерянно***):** Витя, не обижайся... Спасибо за предложение... Но у меня своя жизнь...

Витя: Да какая жизнь? Тебе сколько — а ты одна. Я ж знаю, мне баба Нина говорила.

Лена: Почему одна? Может, я за Леона замуж выхожу.

Витя: За американоса? А он кто? Бизнесмен?

Лена: Нет, строитель.

Витя: Ну и что? У нас тут все строители. Все строим, строим... Потом перестраиваем... Никак достроить не можем... На черта тебе иностранец, если не миллионер? А у меня — клуб...

Витя наливает себе еще стакан и выпивает.

Витя: Баба Нина говорила — у тебя квартира в Москве. Там квартиры дорогие, я знаю. Продай, новый дом поставим. Двухэтажный! С гаражом и бассейном. Машину новую купим...

Лена: Это заводская квартира. Если уволюсь — квартиру заберут.

Витя (*разочарованно***):** Заберут?..

Лена (*разозлившись, встает***):** Иди, Витя. Мне еще обед готовить...

Витя (*подходит к Лене, обнимает ее***):** Ну и черт с ней, с квартирой...

Лена отталкивает его, он снова пытается обнять ее.

Лена с трудом вырывается.

Лена: Хорошо, Витя... Дай я только себя в порядок приведу... губы подкрашу...

Достает из сумочки губную помаду.

* * *

Со стороны посадки через огород бегут Андрей с напарником. Они врываются в дом, хватают Витю, вытаскивают за руки, за ноги из дома и перебрасывают через забор.

Лена: Вас никто не видел?

Андрей: Выходной. Все на речке... Что с ним дальше делать?

Лена выглядывает на улицу, где в пыли сидит обалдевший Витя.

Витя: Они — кто?

Лена: Извини. И больше не приходи.

Витя: А ты кто?

Лена: Золушка.

Витя: Баба-Яга ты, а не Золушка... (*Встает, потирает шею, уходит, бормоча себе под нос*): Могло быть и хуже...

* * *

Михаил храпит возле погасшего костра. Сергей и Леон стоят возле того места, где была лодка.

Сергей: Унесло. Или украли... Надо вплавь, взять машину — и на лодочную станцию. А потом нашу лодку искать...

Он начинает раздеваться, снимает брюки, но, запутавшись в них, падает на песок, пытается встать... Леон решительно раздевается.

Леон: Куда ехать? Что делать?

Сергей понимает, что Леон поплывет сам.

Сергей: Тут километров семь до лодочной станции...

Леон пожимает плечами, потом вытаскивает из своего рюкзака блокнот и ручку. Сергей рисует схему — реку, остров, машину на берегу, дорогу, стрелочку на дороге, домик возле реки, возле домика — лодки.

Леон, кивнув, забирает у Сергея ключи от машины и, зажав их в руке, плывет на другой берег.

* * *

Переплыв реку, Леон — как был, в плавках, — садится за руль и едет в указанном Сергеем направлении.

За Леоном на расстоянии едет иномарка, в которой сидят Владимир с помощником.

Владимир: Во рванул! Жми на газ, отстанем...

Через пару минут Леон проносится мимо гаишников, которые пытались помешать операции "Борщ". Они бросаются в погоню за "Нивой".

На почтенном отдалении от них — иномарка...

Чтобы оторваться от милиции, Леон сворачивает с дороги и едет за лесополосой, по краю поля.

Гаишники останавливаются. Они выходят из машины, осматриваются, пытаясь понять, куда подевалась "Нива".

Гаишник (*напарнику*)**:** Слушай, я этого, в "Ниве", рассмотрел. Он голый. Может, на лодочную станцию поехал? Там пляж... А может, в магазин за водкой...

Напарник: Поехали. Сначала в магазин, потом на станцию.

* * *

Гаишники подъезжают к лодочной станции, входят в домик. Выходят из него вместе с лодочником.

Лодочник: ...А я знаю? Ворвался, в плавках, что-то говорит не по-русски... Лодку взял. (*Показывает на реку*): Во-о-он поплыл... Хорошо гребет, далеко уже.

Гаишник: Что ж ты ему лодку дал?

Лодочник: Куда он денется? Он же машину оставил. (*Показывает на стоящую рядом "Ниву".*)

* * *

Лена возится с хозяйством. Сегодня все получается лучше. Она отгоняет наглого петуха и сыпет корм курам. Смеясь, чешет за ухом поросенка. Напевая, прибирает в доме, варит картошку и режет салат из огурцов. Потом принимает душ, наряжается в яркую блузку, купленную на рынке, прихорашивается перед зеркалом, берет мобильный и набирает номер.

Лена: Катерина! Привет! (*Хохочет.*) Я, кажется, сошла с ума. Кормлю поросенка — и мне это нравится... (*Пауза.*) Нет-нет, не говори мне ничего о делах! Пожалуйста! До завтра у меня только три дела: поливать огород, кормить кур и Леона. Нет, Леон — не поросенок. Поросенка зовут Хосе. Жертва мексиканских сериалов... (*Пауза.*) Леон?.. Осваивается. Вчера с соседом на стройке возился, сегодня на рыбалку уехал... (*Пауза.*) Нет, Катя, я еще ничего не решила... Но пока мне все нравится.

* * *

Леон пристает к острову, находит приятелей. Миша по-прежнему спит.

Сергей: А мы тут без тебя раков наловили. (*Показывает Леону целое ведро раков.*)

Они грузят в лодку вещи, Мишу и раков и гребут в сторону лодочной станции. Там их встречают гаишники и вызванный наряд милиции. Рыболовы поначалу оказывают сопротивление, но их быстро усмиряют. Достается слегка и Леону.

Неподалеку стоит иномарка. Слышен голос Владимира.

Владимир: Алло! Елена Ивановна, их забрали в милицию. (*Пауза.*) Хорошо, мы выясним, куда — и к вам.

* * *

Районное отделение милиции. Миша продолжает спать — уже на милицейской скамейке. Лейтенант составляет протокол.

Лейтенант (*Леону*)**:** Фамилия, имя, отчество?

Леон молчит.

Сергей: Товарищ лейтенант, он иностранец. Из Америки. По-русски не понимает.

Лейтенант: Ду ю спик инглиш?

Леон радостно соглашается, объясняет ситуацию, говорит о том, что имеет право на звонок, просит вызвать адвоката или представителя посольства...

По лицу лейтенанта ясно, что фразой "Ду ю спик инглиш" его познания в английском заканчиваются. Милиционер запирает задержанных в "обезьяннике", а сам уходит в кабинет и по телефону докладывает начальству. Следующие кадры показывают капитана милиции (он отдыхает дома, китель с соответствующими погонами висит на спинке стула). Он выслушивает рассказ подчиненного об иностранце, задержанном на проселочной дороге. Звонит полковнику (который в это время сидит на берегу с удочкой), тот в свою очередь докладывает парящемуся в бане генералу, китель которого висит в предбаннике. В разговоре мелькают выражения: "террорист", "без документов", "проверить ориентировки"...

* * *

К отделению милиции подъезжает иномарка. За рулем — Андрей, рядом Лена.

Андрей: Елена Ивановна, может, все-таки, через Москву?

Лена: Петру Семеновичу звонила — нет связи. Воскресенье... Попробую сама. Оставайтесь здесь.

Она входит в отделение. Объясняет лейтенанту ситуацию, показывает ему документы Леона, отметку о регистрации.

Лейтенант: А вы, дамочка, кем будете?

Лена (*в тон*)**:** Я ему жена буду.

Лейтенант рассматривает документы Леона.

Лена: Не ищите. В Америке отметку о браке в паспорт не ставят.

Лейтенант (*уважительно*)**:** Надо же... (*Строго.*) А мы ставим. Ваш паспорт.

Лена протягивает свои документы.

Лейтенант: А что ж тебе отметку поставить забыли? Ну, бабы, пад-

кие вы на иностранцев... На два дня приехал, а ты уже — жена... Нехорошо обманывать органы...

Лена: Товарищ лейтенант... Может, договоримся? Бюджет моего предложения должен вас заинтересовать.

Лейтенант (*хмуро***):** Я уже наверх доложил...

Лена: Доложи еще раз.

Лейтенант выходит в другую комнату. Через несколько секунд возвращается, отводит Лену в сторону.

Лейтенант (*шепотом***):** Тысяча.

Лена: Рублей?

Лейтенант: Ты что, смеешься? За американца? Террориста?

Лена: Ладно, подожди, я сейчас.

Она выходит из отделения и с мобильного набирает номер.

Лена: Алло! Петр Семенович! Наконец-то дозвонилась... Дорогой мой, выручайте, тут такое недоразумение...

* * *

Идет "обратный отсчет". Генерал в бане берет зазвонивший мобильный, слушает, вскакивает, потом сам набирает номер... Полковник, сидящий на берегу с удочкой, вытаскивает мобильный из кармана, вытягивается по стойке смирно, рапортует: "Есть!" — и тоже набирает номер. Капитан милиции берет трубку, берет под козырек, набирает номер, говорит, потом кричит: "Какой еще террорист! Не обсуждать!".

В отделении раздается телефонный звонок. Лейтенант берет трубку, затем вытягивается по стойке смирно, пытается что-то бормотать в трубку. Затем с искаженным вежливостью лицом выпускает задержанных из клетки.

* * *

Все четверо выходят из отделения милиции.

Сергей (*Михаилу***):** Пошли на станцию, за машиной. **(***Лене***):** Вы с нами?

Лена: Мы уже накатались...

Сергей: Извините... Кто ж знал, что так выйдет. Лодку ветром унесло...

Лена: Ладно, бывает... Вы рыбу хоть одну словили?

Михаил (*несет ведро раков***):** Клева не было. Зато раков — целое ведро. Приходите ужинать. Мы пива купим...

Лена: Спасибо. В другой раз.

Лена с Леоном идут в поселок пешком.

Леон: Как ты узнала, что нас забрали в полицию?

Лена: Когда вас задерживали, мимо проезжал Виктор... Помнишь его? Он сказал мне...

Леон: А почему они нас отпустили? Что ты им сказала?

Лена: Неважно. (*Смеется.*) Я их уговорила. Сказала, что ручаюсь за тебя. Что ты спасал друзей. Что ты очень милый... Сокровище мое...

Леон: А ты откуда знаешь?

Лена: Это же видно. Ты смелый, умный, надежный...

Лена ерошит волосы Леона и задевает глубокую царапину на лице.

Леон (*кривится от боли*)**:** Ой!

Лена: Что, больно?

Леон: Да, немного.

Лена: Покажи, где больно.

Лена рассматривает царапину и нежно целует ее.

Лена: А теперь?

Леон непонимающе смотрит на нее, ведь ночью его отвергли...

Лена смотрит на Леона, глаза ее смеются...

Леон (*осторожно*)**:** И здесь больно. (*Показывает на скулу.*)

Лена целует и там.

Лена: А теперь?

Леон в ответ начинает целовать Лену. Сначала очень осторожно и несмело, затем все с большей страстью.

Начинается ливень. Новая блузка Лены моментально промокает. Леон надевает на Лену свою куртку.

Издали из машины за ними наблюдают Андрей и его помощник.

Помощник: Они сейчас утонут.

Андрей: Поехали. Проедем мимо, нас остановят, и мы их подвезем.

Охранники проезжают мимо Лены с Леоном, но те в очередной раз целуются и не замечают машину.

...Мокрые до нитки, они входят в дом. Каждый идет в свою комнату — переодеться. Леон надевает сухую рубашку и стучится в дверь к Лене. На этот раз дверь не заперта, и он заходит.

Сумерки. За окном идет дождь. Не глядя на Лену, Леон подходит к проигрывателю, перебирает пластинки, находит и ставит "Времена года". Лена стоит к нему спиной, на ней короткий шелковый халатик. Леон подходит, обнимает ее за плечи и нежно целует в шею. Лена оборачивается.

Лена (*шепотом*)**:** Только не спеши... Я уже от тебя никуда не убегу...

Звучит волнующая партия скрипок из "Зимы". За окном хлещет дождь,

ветки бьются в окно. В стареньком доме, в маленькой комнате рождается Любовь...

* * *

Утро. Лена и Леон пьют кофе. Лена смотрит на часы.

Лена: Ну где же она?! Мы не успеем!

Леон: Не волнуйся, все будет хорошо.

Лена: Если через полчаса не приедет — уезжаем. И пусть куры ее сами ждут...

Леон: Я могу сесть за руль. Не бойся, от полицейских я оторвусь, вчера получилось.

Лена (*смеется***):** Еще чего! Я тебя второй раз из милиции не вытащу... Рецидивист...

Лена, нервничая, выходит на крыльцо, возвращается в дом... Наконец на пороге появляется тетя Нина.

Лена: Тетя Нина! Ну, слава Богу!..

Тетя Нина: Извини, Леночка... Хелло, Леня! Автобуса долго не было.

Она разгружает привезенные сумки, пересчитывает кур... Лена смотрит на часы.

Лена: На машине не успеем. Придется самолетом.

Она привозит Леона в местный аэропорт. Там они и прощаются.

Леон (*смотрит в глаза Лене, гладит ее плечи***):** Ты ночью была совсем другая.

Лена (*мягко***):** Какая?

Леон: Нежная, доверчивая...

Лена: Я не могу себе позволить быть такой всегда...

Леон: Почему?

Лена: Обидят, обманут... (*Подумав, продолжает.*) Такой может быть женщина, которой есть за кого спрятаться...

Леон: Я хочу, чтобы ты приехала ко мне. Приедешь?

Лена: Если получу визу. Одиноким женщинам часто отказывают... А ты отвезешь меня к своей тете в деревню?

Леон: Обязательно.

Они в последний раз целуются, и Леон идет на регистрацию.

* * *

Леон проходит строгий контроль, в результате которого у него отбирают маникюрные ножнички. Он поднимается в самолет АН-24 и, усмехнувшись, проходит мимо пожарного щита с ледорубом, топором, багром...

* * *

Вернувшись в дом тети Нины, Лена собирает свою сумку. Хочет выбросить китайскую блузку, совершенно потерявшую вид после вчерашнего дождя, но потом бережно сворачивает ее...

* * *

В аэропорту Шереметьево собирается компания "охотников за невестами". Некоторых провожают женщины. Одни смеются, другие грустят... Последним появляется секс-турист с подбитым глазом. В самолете он опять занимает место рядом с Леоном и тут же начинает рассказывать.

"Жених": ...Думал, она хочет выйти замуж, а она встречается с иностранцами, для того чтобы развлечься!.. Вчера пошли в ресторан, потом поехали к ней домой... Вдруг дверь открывается, входит какой-то мужчина и сразу бросается меня бить! Оказалось, это ее муж. Уехал в отпуск, а вернулся раньше, чем планировал...

Леон: Могло быть и хуже...

"Жених": Куда же хуже?

Леон: Мог приехать еще раньше... Что же ты не проверил у нее штамп в паспорте?

"Жених": Я и подумать не мог, что меня кто-то обманет! (*Присматривается к Леону, показывает на его ссадину.*) Тебе тоже не повезло?

Леон: Наоборот, повезло...

* * *

В аэропорту Леона встречает Джон.

Джон: Ну что, нашел принцессу?

Леон: Ты будешь смеяться, но я, кажется, действительно влюбился. Сам от себя не ожидал...

Джон: И кто она?

Леон: Обыкновенная русская. Инженер. Очень домашняя. Совсем не такая, как наши бизнес-леди. Еще у нее есть два замечательных качества. Она не умеет читать по-английски и варит вкусный борщ.

Джон: Хорошо выглядишь!

Леон: Как писал Хемингуэй: "Бык на арене — неврастеник, бык на лугу — здоровый парень!". За неделю я совсем забыл о делах...

Джон: ...а к ним пора возвращаться. Одно — очень важное. Через два месяца в Нью-Йорке состоится конференция, среди прочих приедет "стальная леди" из России. Я тебе про нее рассказывал... Глава компании,

через которую в Штаты идет весь русский металл. Если бы нам удалось договориться с ней о покупке стали напрямую, без посредников!..

* * *

Короткие эпизоды, показывающие попеременно Леона и Лену — по разные стороны океана.

...Леон у себя дома, в богато обставленном холле. На экране телевизора — видеоурок танцев. Красивая пара исполняет рок-н-ролл, а потом танцор медленно показывает несколько па. Леон старательно повторяет их. Потом делает неловкое движение, подворачивает ногу и хромает к дивану...

...Лена на своей сверкающей кухне готовит борщ, заглядывая в поваренную книгу. Зачерпывает варево ложкой из кастрюли, дует, пробует и разочарованно выключает газ.

* * *

Офис компании Леона. Кабинет, из окна которого открывается великолепный вид на город. За столом сидит Леон. Входит Джон.

Джон: Леон, владельцы здания в следующем году увеличат арендную плату. Может, снимем что-нибудь пониже?

Леон: Нет, не снимем.

Джон: Ты это делаешь мне назло, потому что я боюсь высоты?

Леон: Нет, не поэтому.

Джон: Тогда почему? Туристы сюда не заходят...

Леон: Потому что я был самым бедным учеником в школе. Когда весь класс собирался в путешествие, за меня платили другие родители... Поэтому мне нравится работать на последнем этаже самого высокого в Нью-Йорке здания.

Джон: У богатых свои причуды... Когда просмотришь почту, перезвони.

Джон уходит. Леон берет телефон и набирает номер.

Леон: Алло, Лена? Здравствуй, любимая! Извини, что вчера не позвонил, я ездил договариваться о работе. Мне кажется, в этот раз получится... Лена, я выслал через "Вестерн Юнион" деньги на билет. Правда, их хватит только на эконом-класс... Когда тебя встречать?.. Отпуск через месяц? Почему так долго? (*Пауза.*) Позвони, когда получишь визу. И не забудь взять с собой водительские права.

* * *

Салон самолета первого класса. В креслах — Лена и Катерина.

Лена: Я действительно в него влюбилась. Сама не ожидала... Представляешь, он мне стихи посвящает.

Катерина: Откуда вы знаете, что это его стихи, а не Шекспира?

Лена: Какая разница... Мне важен его голос, интонация, с которой он их читает.

Катерина: Вы ему часто звоните?

Лена (*смеется*): Он экономит мои деньги. А свои тратит на звонки мне... Хотя на работу еще не устроился.

Катерина: Это хорошо. Терпеть не могу скупых мужчин.

Лена: ...А мне иногда так хочется позвонить ему и услышать его голос!..

Катерина: Как же вы ему признаетесь?

Лена: Объясню, что искала человека, которому наплевать, сколько я зарабатываю.

Катерина: Сейчас скажете?

Лена: Нет, что ты... Мы же вместе были всего несколько дней...

Катерина: А как же багаж? У вас каждое платье — по три тысячи!

Лена: Что же делать?

Катерина: Багаж придется потерять.

Лена: Когда?

Катерина: Отдавайте мне бирку...

* * *

По шоссе мчится машина. За рулем — Джон, рядом — Леон.

Джон: Почему ты нервничаешь? Тебя что-то пугает?

Леон: Я не видел ее два месяца, поэтому и нервничаю.

Джон: Куда собираешься ее везти? Твой особняк не похож на квартиру безработного.

Леон: В провинцию. Никого не хочу видеть, устал... Побудем там несколько дней вдвоем. Если решусь и все-таки сделаю ей предложение — тогда приедем в Нью-Йорк.

Джон: Надо купить успокоительное. Если она примет предложение простого парня, а потом увидит твой дом, и вообще, узнает, кто ты...

Леон: Ничего страшного, я ей все объясню.

Джон: А на чем вы поедете?

Леон: Возьмем машину напрокат. У Лены есть права.

Джон: Послушай, столько времени прошло, может, ты все-таки расскажешь, за что тебя лишили прав?

Леон (*после паузы*): Из-за Энн, моей последней... За неделю до разво-

да были на вечеринке у приятелей. Они пригласили нас, пытались помирить. Я разозлился, выпил лишнего. Потом сел за руль, и меня остановил полицейский... Оказалось, Энн сообщила в полицию, что я пьяный собираюсь вести машину... Готовила для суда доказательства моего алкоголизма...

Джон: Женись на них после этого...

Джон высаживает Леона возле аэропорта.

Джон: Не забудь, что через два дня конференция.

Леон: Что-нибудь придумаю и обязательно приеду...

* * *

Аэропорт. Леон встречает Лену. Она рассказывает об утерянном багаже.

Лена: Летайте самолетами "Аэрофлота"... Завтрак в Москве, обед в Париже, ужин в Нью-Йорке, багаж... в Бейруте.

Лена садится за руль арендованного автомобиля, и они едут в магазинчик, где покупают ей одежду, а потом — в маленький городок возле Нью-Йорка.

Леон: Я хочу, чтобы мы пожили в доме моих родителей. Я там вырос. Сейчас изредка езжу туда. Там хорошо, только мне одному пусто и одиноко.

Лена: У тебя есть братья или сестры?

Леон: Нет, когда родители умерли, я остался один.

Лена: Как и я...

* * *

Утро. Леон предлагает Лене пойти на рыбалку. Они едут на берег озера, где Леон рассказывает, что теперь ловит раков "на палец" — как научил его Сергей. Леон идет в воде вдоль берега, находит рачьи норы и запускает в них руку. Рак хватает его за палец, и Леон выбрасывает рака на берег. Там их собирает в ведро Лена.

Леон уговаривает Лену самой попробовать ловить раков. Она отказывается, боится... Потом соглашается и заходит в воду. Ищет под водой нору, но вдруг с криком одергивает руку. На пальце — кровь. Лена с испугом показывает на воду, где, как ей показалось, проплыла змея.

Лена плачет... Леон подхватывает ее на руки, несет к машине, садится за руль и мчится в больницу.

По дороге машину останавливают полицейские. Внешне они очень похожи на российских гаишников, которые гонялись за Леоном по проселочным дорогам (их могут играть одни и те же актеры), только американские стражи порядка ведут себя иначе. Они говорят Леону, что он превысил

скорость, и требуют права. Леон объясняет ситуацию. Вопреки правилам полицейские не арестовывают Леона. Лену пересаживают в полицейскую машину, которая едет в больницу. Второй полицейский садится за руль машины Леона и едет следом.

В больнице выясняется, что это не змеиный укус. Скорее всего, Лену поранил именно рак. Речной лобстер, как его называют в Америке.

Лена садится за руль, и они едут домой.

Леон: Первый раз вижу, что ты плачешь...

Лена: Просто испугалась... Вообще, я плачу редко. И только тогда, когда никто не видит. Разве что моя секретарша.

Леон: Кто?

Лена: Я неправильно выразилась... Подруга... Она работает секретаршей в большой компании.

* * *

Леон и Лена приезжают домой.

Лена: Я переоденусь, а то вся грязная...

Уходит, чтобы переодеться. Когда Леон выходит в комнату, Лена стоит в джинсах и рубашке, пытаясь застегнуть пуговку на брюках.

На глазах у нее опять слезы.

Леон: Что такое?

Лена: Забыла, что палец перебинтован, и задела его...

Леон: Больно?

Лена (*плаксиво***):** Да-а-а...

Леон: А где больно?

Лена показывает на палец. Леон нежно его целует. Лена улыбается, подставляет следующий палец. Леон целует его, потом следующий, следующий... Они целуются.

Затемнение...

* * *

Лена на кухне, что-то напевая, делает кофе и бутерброд. Она в одной рубашке, из-под которой видны кружевные трусики.

Лена (*кричит в комнату***):** Тебе с чем бутерброд делать?

Леон: С хорошим настроением...

Лена: Ну где ты? Сейчас упаду в голодный обморок...

Леон (*входит***):** Не дай Бог так проголодаться!

Лена оборачивается. Леон выглядит очень торжественно.

Леон: Я хотел тебе сказать... Я нашел работу.

Лена (*осторожно*): Хорошо.

Леон: И ты сможешь переехать ко мне в Америку. Спрятаться за меня и всегда быть такой нежной...

Пауза.

Леон: Выходи за меня замуж.

Он открывает сжатый кулак — на ладони лежит тоненькое обручальное кольцо.

Леон: Оно без бриллианта, но это — моей бабушки Лав из Бобруйска.

Лена: Лав?

Леон: Это я ее так называл. У меня не получалось выговорить ее настоящее имя.

Лена: Любовь? Люба?

Леон: Да, Люба. Лав.

Он пытается надеть Лене кольцо на перебинтованный палец и целует его. Они смеются.

Леон: Приготовь мне борщ...

Лена: У меня не получится. Здесь продукты не те. И вода другая.

Леон: Ну пожалуйста...

Лена: Ладно, уговорил. Приготовлю — на прощальный ужин.

* * *

Вечер.

Лена: Леон, Мне завтра надо съездить на Брайтон. У моей подруги там живет сестра. Я должна забрать лекарство. Но я не могу заехать к ней на пять минут — надо посидеть, поговорить... В общем, поеду в обед, а вернусь поздно.

Леон: Хорошо. А я должен поехать к будущему хозяину, согласовать последние условия. Встретимся здесь в полночь.

Утром он сажает Лену в такси и дает ей 100 долларов — на обратную дорогу.

Лена отправляется в отель, где ее ждут сотрудники, переодевается в костюм из "утерянного" багажа и готовится к приему.

* * *

Красивый зал. Мужчины в смокингах, дамы в вечерних платьях. Леон разговаривает с Джоном.

Джон: Вон она стоит. Спиной к нам. Беседует с российским послом.

Я говорил с ее помощником, у нас будет пять минут, чтобы обсудить наши предложения.

Они подходят к "стальной леди".

Она поворачивается, и Леон видит Лену. Их представляют друг другу. Окружающие замечают изумление на их лицах. Джон, видя замешательство шефа, говорит с Леной сам.

Джон: Наша компания хотела бы напрямую приобретать сталь у вашего холдинга.

Лена: К сожалению, эксклюзивное право на покупку принадлежит другой компании, но есть и другой путь — бартер. Думаю, мы смогли бы заключить контракт. Ваша компания может предоставлять нам в обмен на сталь новейшие строительные технологии и оборудование. Мы испытываем в них недостаток. (*Одному из своих помощников.*) Договоритесь о встрече с господином...

Леон пытается продолжить разговор, но она отворачивается, давая понять, что беседа окончена. Леона с Джоном оттесняют в сторону. Джон и Леон садятся в машину.

Леон (*возмущенно*)**:** Как она могла? Зачем она меня обманывала?

Джон: О ком ты говоришь?

Леон: Это же она! Лена!

Джон: Она? Твоя русская? Которая не умеет читать по-английски? Тебе показалось.

Леон: Показалось? Кроме внешности удивительно совпадают имя и фамилия. Почему ты мне раньше не сказал, как зовут эту "стальную леди"?

Джон: Ты не спрашивал...

Леон: Как же можно так обманывать?

Джон: Леон, по-моему, ты тоже не все рассказал о себе...

Леон: У меня были серьезные причины! А ей это зачем?

* * *

Лена и Катерина — в салоне самолета.

Лена: Зачем он это сделал? Почему не сказал, кто он на самом деле?

Катерина: Кто?

Лена: Владелец строительной фирмы, который подходил со своим помощником... Это Леон!

Катерина: Безработный? За два месяца — такая карьера?

Лена: Какая карьера? Он все врал! Приехал в каком-то рванье... Зачем? Боже мой, для чего?

Катерина: Ну, вы ведь тоже не простой инженер...

Лена: У меня были причины! А он?! Так врал! Ему-то зачем?

* * *

Леон выходит в холл отеля, подходит к портье.

Леон: У вас живет госпожа Волгина из России...

Портье: Она уехала раньше срока, вчера вечером.

Леон (*после паузы***):** Может быть, она что-то оставила? Я — Леон...

Портье: Да, господин Леон, она оставила вам письмо.

Вручает Леону конверт. Открыв его, Леон находит кольцо и 100 долларов.

* * *

Российский порт. На судно грузят арматуру.

Американский порт. Идет погрузка оборудования в ящиках. На ящиках — логотип компании Леона.

В своем кабинете Леон пытается связаться по телефону с Леной. Он набирает номер, но автоматический голос отвечает: "Нет связи с телефоном вашего абонента"... Звонит ей в офис, но Катерина уже в который раз любезно говорит, что Елены Ивановны нет на месте, и просит перезвонить позже.

Входит Джон.

Леон: Я не могу ей дозвониться — ни в офис, ни на мобильный.

Джон: Ты говорил, что не простишь обман.

Леон: Знаешь, мне хотелось состояться в этой жизни, вырваться из бедности... Получилось... Не хватает ерунды — счастья. А счастье — когда тебя любят за то, что ты есть... Думаю, что ей хотелось того же...

* * *

Леон ужинает со своим юристом — Джейн. Они сидят на открытой площадке ресторанчика в осеннем парке. Неподалеку играет духовой оркестр. Ужин выглядит романтически. Когда Леон и Джейн выходят из ресторана, начинается ливень. Джейн быстро раскрывает зонт. В отличие от подмосковного дождя, на них не падает ни одна капля...

* * *

Лена ужинает с начальником службы безопасности — Владимиром.

Владимир: Лена, я давно тебе хотел сказать, что я...

Лена: Нет, не надо... Я к этому не готова. Прости.

Владимир: Я провожу тебя?

Лена: Не надо. Завтра рано вставать... Ты же знаешь, в мамин день рождения я еду на кладбище...

* * *

Лена приезжает на кладбище. Оставив охрану у машины, идет к могиле, кладет цветы, стирает рукой пыль с надгробной плиты.

Лена (*тихим голосом***):** Мамочка, знаешь, я скучаю по Леону. Я его люблю. Но он обманул меня, и я не знаю, что делать...

Она говорит что-то еще, но мы этого уже не слышим... Посидев у могилы, направляется к выходу. Там подает нищим, не поднимая глаз. Одна из рук, в которую она опустила монету, задерживает ее ладонь. Лена удивленно поднимает глаза и встречается взглядом с Леоном.

Лена: Зачем ты приехал?

Леон: Хочу, чтобы ты рассказала, как варить борщ.

Лена: Никогда не расскажу! Обманщик!

Леон: От обманщицы слышу!

Они улыбаются. Он не выпускает ее руку из своей. Вдруг с ясного неба идет слепой дождь. Леон подхватывает Лену и на глазах удивленной охраны несет на руках.

Дождь идет все сильнее, а они уходят все дальше...

Наверное, к своему счастью...

...Во всяком случае, так нам кажется.

Июнь 2006 г.

Виктор МАТИЗЕН

Созвездие Близнецов

Я всегда сомневался в том, что браки заключаются на небесах. Особенно когда женишься во влюбленном состоянии и в молодости, не зная сам себя, не то что других. Теперь-то понимаю — или мне это кажется — механизм ранней влюбленности. Тут при полном отсутствии сознания действует чистая биоинформатика. Не ты ищешь себе пару, а заложенная в тебе генетическая программа, подбирающая потенциальную партнершу по каким-то только ей известным, но довольно жестким и сугубо природным признакам. Приобретенные социальные свойства она игнорирует и в результате поиска запросто может обнаружить существо, удовлетворяющее твоим врожденным сексуально-эстетическим запросам, но совершенно не соответствующее твоему культурному стереотипу. Или, как выразилась моя жена перед тем как уйти к другому, захватив с собой шестилетнюю дочь, "ложишься в супружескую койку с прекрасным принцем, а просыпаешься с мохнатым чудовищем". Хотя лично мне представляется, что между мной и чудовищем разница не меньше, чем между мною и принцем. Что же до моей мохнатости, то если бы у меня на голове было столько же волос, сколько на груди, меня считали бы мужчиной с сильно поредевшей шевелюрой, а если бы столько же, сколько на спине и ногах, то говорили бы, что я лыс, как колено. Вы, вероятно, поняли, что я получил высшее и не вполне гуманитарное образование.

И не привык я ставить зубную щетку в стакан, а привык класть на край раковины — неужели же к подобным привычкам нельзя отнестись терпимо? Оказывается, нельзя, потому что это проявление дикости и животной природы. Хорошо, я буду ставить щетку в стакан. Десять раз ставлю, на одиннадцатый забываю и кладу на привычное место. Всплеск негодования. Уже не тем, что щетка не в стакане, а тем, что я забыл, куда ее следует опускать. Значит, настойчивая просьба жены, почти мольба, мне настолько безразлична, что я не могу ради ее спокойствия запомнить то, о чем она меня просит? Или я это делаю нарочно, чтобы ей досадить?! Да нет же, не нарочно, я просто за-бы-ва-ю! Нет, не просто, а специально! А почему, собственно, проблема щетки возникла на пятом году супружеской жизни? Пять лет я клал щетку на край раковины — и ты молчала. Так что же случилось? А то, что это — последняя капля, переполнившая чашу моего терпения! Ах, вот как? На каком, интересно, году супружества Анна вдруг заметила, что у ее мужа хищные уши? И не произошло ли это в связи с появлением Вронского? Причем тут Вронский?! Ты на что намекаешь?

Словом, дело давно шло к разводу. Тем не менее, ее уход оказался ударом то ли мешка с песком, то ли мягкого, но увесистого боксерского кулака. Притупились все чувства — цвета стали тусклее, звуки глуше, запахи как при насморке, осязание как в перчатках. И пропало желание, словно перед уходом она довела меня до полного сексуального бесчувствия. Принимая душ, я смотрел на свой сжавшийся отросток, и одна мысль о том, что ему может найтись применение, вызывала полное недоумение пополам с тошнотой в паху.

Я остался один. Выходить не хотелось, а работать можно было и дома. Произведя нехитрый расчет своих потребностей, я закупил на месяц готовых продуктов и погрузился в занятия, описывать которые не имеет никакого смысла в силу их специального характера. Теперь понимаю, что это было бегство от себя. Защита от опустошения в груди, от призрака ампутированной конечности, от воды без сиропа, сохраняющей память о былой сладости, от квартиры, в которой воцарилась пустота.

Однако надолго в одиночестве меня не оставили. То, что мы с женой расстались, вызвало у знакомых двойственную реакцию: с одной стороны, они проявляли сочувствие ко мне, с другой — заинтересованность в моем холостяцком положении. Подруги моей жены, равно как и жены моих друзей сочли своим долгом не то чтобы осудить ее, но высказать неодобрение ее поступку и одновременно выразить готовность облегчить мое состояние. Некоторые даже навестили меня, делая попытки заговорить то, что они считали моим горем, а также прибрать и приготовить еду. Это было трогательно, хотя кое-кто из них, как мне показалось, был готов зайти в своей жалости дальше приятельских отношений. Впрочем, поскольку во мне ничто не шевелилось, проверить свое предположение я не мог и, не исключено, грешил на них понапрасну. Хотя, насколько могу судить, мужья подруг гораздо чаще вызывают у женщин ревнивое желание, от которого до адюльтера ближе, чем у мужчин, которым нравятся жены их приятелей.

Когда весь ближний круг так или иначе отозвался на описанное событие моей жизни, началось движение по второму кругу. В России, при всей ее обширности, всегда не хватало обустроенных мест для секса, особенно внесемейного. Холостяк с квартирой — находка для знакомых, которым негде перепихнуться. Много позже я увидел на кассете американский фильм с тем же актером*, что играл в джазе только девушек, и он живо напомнил мне это положение. С той разницей, что его гарсоньерку исполь-

* Джек Леммон

зовал начальник, в его отсутствие и с девушкой, к которой он сам неровно дышал. Меня же одолели приятели и приятельницы. Естественно, сначала они просили ключ, на что я отвечал, что круглые сутки сижу дома. Это их обескураживало, но буквально на несколько секунд. Ведь у меня две изолированных комнаты, сплю я наверняка крепко, к тому же дверь будет закрыта. Видите ли, я не знаю, достаточно ли крепок мой сон. Тогда мы будем вести себя очень тихо. Не в этом дело. Хорошо, пусть не в этом, но неужели же я не могу пожертвовать своими мелкими удобствами ради счастья других людей?

У меня в запасе оставался только аргумент продавщицы: "Вас много, а комната одна, вставайте в очередь", но это было бы грубо и неправда, так что я обычно соглашался. К тому же с ними, хоть и занятыми собой, мне было не так одиноко.

Это продолжалось, наверно, месяца два, в течение которых у меня почти еженощно кто-то гостил. На всю ночь они оставались редко — как правило, проводили час-два и исчезали. Я закрывался в своей комнате, оставляя в их распоряжении комнату жены и кухню. И просил, чтобы они сдавали в срочную стирку использованное белье и не забывали возвращать чистое.

Они действительно старались вести себя тихо, но у них плохо получалось. Да и стены были тонкие. За два месяца я в совершенстве выучил все звуки, которые производят совокупляющиеся пары, причем эти звуки без изображения так мне обрыдли, что я еще долгое время выключал в порнофильмах звук — он мгновенно отбивал у меня все удовольствие.

Громкие вздохи, стоны страсти и стоны удовлетворения, внезапные экстатические вопли — во всем этом не было ничего нового или интересного, равно как и в убыстряющемся скрипе диванных пружин или усиливающихся ударах сталкивающихся тел. Продолжительность возни, частота одиночных или обоюдных оргазмов тоже не сулила никаких открытий. А вот вербальное сопровождение неизменно удивляло. Не мужское — мужчины были на редкость неоригинальны: кроме внезапного рычания, стона или "На, на, на!", они не производили ничего. Но женщины... Я еще был способен понять, почему в экстазе они пропускают "тик" и повторяют "так", и почему зовут "мамочку" или "маму дорогую", но с какой стати небогомольной бабе, да еще в некатолической стране при каждом толчке партнера призывать на помощь Божью матерь, которая, как всем известно, была и осталась девой? И если эдипов комплекс распространяется на прекрасный пол, то почему никто не воспоминал дорогого папочку, Иисуса или, на худой конец, черта? Но больше всего меня почему-то достала

рослая телка, которую привел мой сокурсник: на каждом третьем прогоне она стонала: "Вася...", а когда он на каждый ее четвертый стон спрашивал: "Чего?" — тянула в ответ: "Мне прия-а-а-тно...". Кто бы сомневался!

Как-то, едва я успел заснуть, меня растеребила подруга жены, залегшая со своим хахалем. Я очень плохо переношу, когда меня внезапно будят, потому что просыпаюсь с колотящимся сердцем и в липком поту. А в короткий миг между сном и возвращением сознания меня охватывает дикий страх, что за мной пришли. Это началось лет в пятнадцать, когда я в ужасе вскинулся от хлопнувшей форточки. На мой вскрик прибежала мать, обняла и, когда я признался ей, в чем дело, сказала: "Это не ты, это твоя генетическая память проснулась — через меня от деда". Отца матери я никогда не видел — он умер на Соловках за полтора десятка лет до моего рождения. Мать утверждает, что у меня его губы, разлет бровей и привычка трогать мизинцем кончик носа.

— Где у тебя марганцовка?!!! — лихорадочно спрашивала она. "На кой тебе марганцовка в три часа ночи?!" — буркнул я, хотя спешность вопроса была очевидна ввиду ее полной наготы. "Я вместо бездетных таблеток от головы затолкала!" — "Ну так съешь для компенсации противозачаточные". Забыв про критичность состояния, она рассмеялась. В этот момент на веселье заглянул ее трахарь, едва натянувший трусы, и с трудом сдержал перекос лица при виде нашего фривольного положения.

В другой раз меня уже под утро неосторожно разбудил приятель. Когда морок схлынул, я молча постучал костяшками пальцев по лбу. "Извини, ради Бога, — взмолился он. — Она требует еще, а у меня уже сил никаких нет, и на работу бежать. Как друга прошу — дотрахай ее, чего тебе стоит?"

Бородатая отговорка, связанная с переносом ударения в слове "стОит", его не удовлетворила. "Если не можешь, то хоть кофе ей принеси!" — сказал он перед тем как испариться. Я надел халат и двинулся на кухню готовить кофе. Через несколько минут послышались ее шаги, и я с облегчением вздохнул, увидев, что она уже одета. "Шланг твой дружок..." — произнесла она, отхлебнув из чашки и затянувшись необыкновенно длинной сигаретой.

— Извини, — сказал я, приняв ее двусмысленность на свой счет. — Я бы с удовольствием, но не могу.

— Чего не можешь? — удивилась она.

Я замялся.

— Что?! Он тебя попросил его заменить?! Сукин сын! Скотина! Иметь такую кувалду — и быть таким лентяем!

— Да ладно, успокойся. Не в последний раз трахаетесь.

— Хреновое утешение. А ты что, импопо?

— Да.

— Врешь.

— Нет.

— А как это? Хочешь, но не можешь, или можешь, но не хочешь?

— Не хочу и не могу.

— А может... — спросила она, облизнув губы.

— Спасибо, нет.

— Чего бы я отказывалась от благодарности за ночлег? — поинтересовалась она, вставая, чтобы попрощаться и исчезнуть.

Через пару месяцев добровольного заточения я почувствовал клаустрофобию и стал выбираться через несколько кварталов в бар с названием "Золотой осел". Что они хотели этим сказать, не знаю: ни ослиных причиндалов, ни рисунков из Апулея на стенах не наблюдалось. Вместо них висела табличка *No Smoking* с изображением взашей выталкиваемого из дверей заведения джентльмена в смокинге (не уверен, что англичане поняли бы шутку). Это было еще туда-сюда, а вот неподалеку открылось заведение с вывеской *Cafe Сим-Сим*, увидев которую, я оторопел, не сразу поняв, что слово *Сим* написано кириллицей и потому не является вульгарным английским названием спермы.

Бармены в "Осле" были нежлобивы, а полуджазовая группа исполняла только иностранные песни. Должен сознаться, что русской попсы не переношу. На музыку, которую играют наши лабухи, мне наплевать, но слушать слова выше моих сил, а на английском пошлость почему-то не так ощутима.

Обычно я выпивал пятьдесят водки, лакировал литром пива и навеселе отправлялся домой, стараясь идти прямо. Но в один из вечеров, когда я собрался уходить, в бар с пением "The Moon Of Alabama" завалила компания из трех женщин лет тридцати и парня с голубым оттенком в лице. Припев "I tell you we must die" звучал в их исполнении особенно убедительно, хотя "the way to the next whisky bar" им, очевидно, подсказали. Расположившись у стойки рядом со мной, они заказали текилу и принялись разглядывать окрестности. Музыканты грянули "One-Way Ticket To The Blues".

— А не слабо благородному дону пригласить даму на танец? — вдруг спросила меня та, что села по соседству.

— Если дама не боится упасть, — вежливо сказал я, слегка шокированный ее бесцеремонностью, но тронутый тем, что она прочла "Трудно быть богом".

— Может, я хочу заслужить высокое звание падшей женщины? — мгновенно отреагировала она.

Я встал с барного стула и поклонился.

Плясала она с пьяной размашистостью, но уверенно и с пониманием, что танец является бессловесным продолжением диалога. По тому, как она наступала и отступала, отвечая моим движениям и одновременно навязывая мне свой, более острый почерк, было очевидно, что передо мной женщина нелегкого поведения.

— Ужасно хочется курить, — сказала она, когда музыка стихла. — Не проводит ли благородный дон свою партнершу в курительную комнату?

— Здесь нет курилки, а я не люблю табачного дыма, — сказал я, улыбнувшись в знак того, что она мне приятна несмотря на свои мужские замашки.

— Тогда нам обоим будет лучше выйти на улицу.

Аргумент был неотразим, и я поплелся за ней, чувствуя себя идиотом. Нужно было сказать, что не след на меня рассчитывать, но я побоялся показаться самоуверенным дураком, поскольку не был до конца уверен, что она меня кадрит.

На улице было тепло. Окна в домах уже почти погасли, а свет редких фонарей не мешал видеть звезды. Крупный метеорит наискось перечеркнул ковш Малой Медведицы, и я внезапно подумал, что хочу загадать желание, связанное с этой женщиной, которая жадно затягивалась сигаретой и смотрела на меня, не скрывая удовольствия от моего замешательства.

— Загадали? — вдруг спросила она, словно прочтя мою мысль.

— Загадал.

— Что?

— Желание, — ответил я, гадая, поймет она или нет.

— Если ты меня сейчас же поцелуешь, оно осуществится.

— Сама, — сказал я, ошеломленный сменой местоимения и точностью ответа.

Не выпуская сигареты и не спуская с меня глаз, она подошла, приподнялась на носках вровень с моими губами, на секунду прижалась к ним так, что я почувствовал прикосновение жала, и отстранилась.

— Ну, как?

Прислушавшись к своему телу, я ощутил внутри легкое сокращение, сопряженное с еще более легкой сладостью, точнее, с предчувствием сладости, и утвердительно качнул головой, тут же испугавшись своего жеста.

— У тебя можно?

— Да.
— Где ты живешь?
— В километре.
— А точнее?
Я назвал адрес.
— Иди. Я скоро.

В прихожей валялись торопливо сброшенные мужские и женские туфли. Дверь в экс-комнату жены была закрыта, не пропуская ни света, ни звука, из чего можно было сделать однозначный вывод, что гости, навозившись, спали, собравшись предаваться этому занятию до утра.

От предчувствия того, что произойдет через час, у меня замерло, говоря словами базового герметического сочинения, "как наверху, так и внизу". Положение было интересное: я боялся, что она не появится, и боялся, что появится. И даже когда я перестал страшиться второго, то каждый раз страшился первого, причем с каждой минутой приближения к назначенному часу сердце все сильнее колотилось и все острее отзывалось на каждый звук с лестничной площадки, и если бы его движение до конечного момента подчинялось тому же закону, оно должно было или пробить грудную клетку, или взорваться.

Звонок ударил внезапно, сперва как гром, затем как молния. Вид, который открылся ей вместе с дверью, был таков, что вызвал у нее вопрос:
— Неужели не ожидал?
Я молча посторонился, пропуская ее в проем.
— У тебя что, притон?! — сказала она страшным шепотом, наткнувшись на следующий кадр.
— Для бездомных друзей.
— Я не поклонница коллективного секса. И группового.
— Я тоже.
— Они не должны меня видеть.
— А слышать? — не удержался я.
— Об этом я сама позабочусь.
— Раздевайся.
— Так сразу? — спросила она, нарочито вкось истолковав приглашение, и прямо в туфлях и плаще направилась в мою комнату, оглядевшись на пороге в поисках выключателя, чтобы погасить свет.

Закрыв за собой дверь, я обнял ее сзади и коснулся губами открытой шеи, намереваясь как можно дальше отложить беспокоивший меня мо-

мент. Она сильно вздрогнула и откинула голову мне на плечо. Затем произошло нечто странное — после нескольких прогулок языком по мочке уха и легкого заигрывания со скрытыми под кофточкой сосками ее тело выгнулось, произведя несколько недвусмысленных судорог, и со вздохом расслабилось. Это было настолько неожиданно, что я не сразу обратил внимание на изменение в собственном организме.

— Да ты же просто мечта любого мужчины — чтобы и самому ничего не делать, и девушку ублажить.

— Сама удивляюсь.

— Да ну?

— Честное пионерское.

— Еще?

— У тебя есть что надеть?

— У гостей есть. Сейчас.

— Оставь, пусть спят.

— А как же?

— Так.

— В смысле?

— Ты безопасный.

— А только что ты этого не знала?

— Сомневалась. А теперь знаю.

— Откуда?

— От верблюда.

Последние слова она договорила, уже будучи освобожденной от всего, и я предпочел не отвечать, а закрыть ей рот поцелуем и внедриться в нее. За исключением взаиморасположения тел, повторилось то же, что и раньше — после нескольких осторожных (я уже боялся расплескаться) движений она вдруг задохнулась, и ее тело исполнило несколько судорожных па — на этот раз вокруг моего изумленного орудия, еле удержавшегося от того, чтобы растаять.

На этом время перестало существовать, сплетясь в почти непрерывную цепь конвульсий. Восставший из небытия дружок сохранял твердость, но почти лишился чувств. Наконец, после очередной пляски св. Витта, исполненной на моих коленях, она рухнула на постель со словами: "Все, больше не могу!".

Я опустился рядом.

— А ты?

— Прозевал момент.

— И как же?

— Не знаю.

— Ах ты, бедняжка...

Дальнейшие слова относились уже не ко мне. Она защебетала с моим естеством как медсестра с инвалидом, потом как мать с младенцем, обращаясь к нему то во втором, то в третьем лице, поглаживая, тормоша и целуя. Это было так же похоже на рутинную устную процедуру, как балетная импровизация на солдатский марш, и мой ошеломленный этим натиском орган (с ударениями на обоих слогах) с большим всплеском чувств (я едва сдержался от вопля) исполнил свою генетическую программу.

— Похоже на устрицу, — сказала она, оторвавшись от моего средоточия.

— Не знаю, не пробовал.

— Чего?

— Ни того, ни другого.

— Ну так попробуй, — она стремительно прижалась губами к моему рту, и я ощутил вкус собственного семени, в котором действительно было нечто от морской живности.

— Здорово. Никогда такого не было. Надо же, как я на тебя попала... — мечтательно произнесла она. И почти без паузы добавила:

— Ужасно хочется есть...

Я сварганил ей горячие бутерброды и принес полбутылки красного, недопитого дрыхнувшими гостями.

— Ух ты! — восхитилась она, отпив вина и хрустнув хлебом. — Здорово-то как!

"Здорово" было у нее любимым словечком.

— Как тебя зовут, кстати?

— Никак.

— То есть?

— Зови меня никак. И поклянись, что не будешь доискиваться. Даже в уме. Никаких предположений на мой счет.

— Почему?

— Потому.

— А если я обману?

— Не обманешь.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда же, откуда и ты. Ну, клянешься?

— На Коране, на Евангелии или на Торе?

— Хоть на шаре.

— Клянусь.

— Хороший мальчик.

— Послушай, Никак...

— А что, — сказала она, укладываясь на меня так, что ее набухшие соски уставились мне в глаза, — хорошее имя. Почти корейское. Ли Сун, Ни Как. На европейский манер — Как Ни. Диалог копрофагов: "Какни?" — "Никак".

— Есть русский вариант: Ника К. Может, тебя зовут Ника?

— А попробуй угадать. Каждый раз ты будешь встречать меня именем. Это будет как шпионский пароль, только наоборот. "Ника?" Если не попадешь, я войду. Если попадешь — уйду. Насовсем. Но у тебя останется знание. Ну, как?

— А если я скажу "Никак"? — сказал я прежде, чем подумал.

— Значит, это и есть универсальный ключ.

— Отмычка.

— Отмычку я чувствую в другом месте, — заметила она, шевельнув бедрами и ловко надевая свою муфту на моего ожившего спутника.

— Я вижу, ты за словом в карман не лезешь, — сказал я, когда после нового сериала, разыгранного на моем почти неподвижном теле, она распласталась рядом.

— А зачем, если всегда есть подсказки. Почему ты не кончил?

— Жалко было прерывать твой танец. А теперь уже поздно.

— А прежним способом? Мне показалось, что мой язык ему понятен.

— Все равно не получится.

— Ну и дурачок.

— Ничего страшного.

— Тогда дай мне глотнуть из другого сосуда. Надеюсь, там еще осталось?

— Я тебе уже сказал, что ты удобная партнерша, а теперь могу добавить, что ты вдвойне удобна, — сказал я, протягивая ей бутылку.

— Ага. Как туалетная комната с двойными удобствами, — ответила она, допив остатки вина и опустив пустышку на пол. — В том смысле, что со мной можно иметь дело и в промежутках?

Я засмеялся.

— У меня высокий IQ.

— Заметно.

— Поэтому трудно найти мужика на две половины. Кто годится для

одной, не годится для другой, — градус ее откровенности от выпитого несколько повысился.

— А я гожусь на обе?

— Ага. Повезло. Только не думай, что это твоя сексуальная заслуга.

— Вот как?

— Чему ты удивляешься? Ты не делал ничего такого, чего бы не могли сделать другие. Да и размер у тебя, извини, не поражает девичье воображение. Нормальный размер.

— Тогда в чем же дело?

— Не знаю. Может, когда-то в чьем-то провидении мы были единым существом. Потом разделились на женскую и мужскую часть и разлетелись. Порознь родились, порознь росли. Еще потом почувствовали свою неполноту и стали искать. И вот состыковались обратно.

— Сразу обеими половинками тела?

— Этого мы еще до конца не проверили, — сказала она, разворачиваясь на пол-оборота и укладываясь на меня так, что моему языку ничего не оставалось, как вступить в безмолвный разговор с ее антисимметричным образованием. В разгар этой беседы, как констатировал бы марсианский наблюдатель, поступило подкрепление со свободной стороны, в результате которого была установлена полная композиционная симметрия, за которой последовал глубокий сон обоих участников перекрестной коммуникации.

Очнулся я под утро, почувствовав ее взгляд, но без всякого страха. На часах было полседьмого.

— Мне пора.

— Куда ты в такую рань?

— Так надо.

— Я сварю кофе.

— Нет.

— Когда мы увидимся?

— Через неделю за тридцать минут до нуля. Я позвоню.

— Запиши телефон.

— В дверь, глупыш.

Неделю я провел не буду говорить как. Скажу только, что позаботился об отсутствии лишних визитеров. За час до назначенного времени у меня начался колотун, описанный выше, так что можно не повторяться.

И конечно же, при всей ничтожности шансов на попадание назвать имя я не отважился.

— Вижу, что ждал, — произнесла она, вешая тот же белый плащ и окидывая взглядом интерьер с моей фигурой.

— Откуда?

— Тоже мне, бином Ньютона. Подошел, будто лежал под дверью, в прихожей порядок, для групповухи никаких возможностей.

— А ты знаешь, что такое бином Ньютона?

— Объяснишь в промежутке. Лови меня! — и, как стояла ко мне боком, стала падать солдатиком спиной вперед, так что я едва успел подхватить ее. Самое поразительное было в том, что так же делала моя шестилетняя дочка, с той разницей, что забиралась на стул или на тумбочку и кричала: "На меня!" — в полной уверенности, что я успею броситься из другого конца комнаты, чтобы почти в прыжке поймать ее на руки.

— Сумасшедшая!

— У тебя неплохая реакция.

— А если бы я не успел?

— Только между нами: я бы сгруппировалась, — сказала она перед тем, как наградить меня обстоятельным поцелуем, который завершился лишь со всеми остальными процессами. Думаю, что это было комическое зрелище, учитывая, что не так-то легко снять через нижнюю часть тела майку и комбинацию.

— Ну? — спросила она, отдышавшись.

— Что ну?

— Покажи мне этот бином. А то, в самом деле, глупо как-то на него ссылаться. А как ты думаешь, Бегемот знал, что это такое?

— Булгаков, может, и знал — из гимназии.

Дотянувшись до стола, я взял блокнот с ручкой и нарисовал ей таблицу биномиальных коэффициентов:

1 1
1 2 1
1 3 3 1
1 4 6 4 1

— Уловила принцип?

— Ага, — сказала она, добавляя пятую строку: 1 5 10 10 5 1.

— Это треугольник Паскаля.

— А не трапеция?

— Верхняя единица — в уме. Сколько будет а плюс бэ в квадрате, со школы помнишь?

— А в квадрате плюс два а бэ плюс бэ в квадрате.

— Это — вторая строка. А в кубе?

— Что-то такое с тройками. А в кубе плюс три а в квадрате бэ... ага... плюс три а бэ в квадрате плюс бэ в кубе. Один-три-три-один. Значит, энная строка — это коэффициенты (a+b)n?

Насчет IQ, который определяется, в основном, способностью к интерполяции, она не соврала.

— Только при чем тут Ньютон, если треугольник — Паскаля?

— Паскаль получил эти коэффициенты, подсчитывая вероятности, а Ньютон — возводя двучлен в разные степени.

— Я вижу, дон не только благородный, но и ученый. Неужели он объяснит даме и то, при чем здесь вероятность?

— На следующей перемене, — сказал я, внедряясь в нее.

— Не сходится твоя андрогенная гипотеза с генетической реальностью, — сказал я, когда клубок наших тел (мы даже скатились с дивана на ковер) окончательно распался.

— Сначала про вероятность.

Я объяснил ей связь между биномиальными коэффициентами, числом сочетаний и вероятностью.

— А можно вычислить, какова была вероятность нашего сочетания? — спросила она, когда я закончил.

— Вероятность того, что среди миллионов зачатий найдутся два, при которых получатся два дополнительных создания, которые притом встретятся и узнают друг друга, — не больше вероятности того, что обезьяна, колотя по клавишам компьютера, выстучит "Войну и мир", то есть практически равна нулю. А событие с нулевой вероятностью называется чудом.

— А противоположность чуду называется судьбой. Если я правильно поняла про вероятности, вероятность свершения судьбы равна единице. Генетика, кстати, оставляет такую возможность.

— Как это? — спросил я и осекся от догадки.

— Так, как ты подумал.

— Это не возможность, а невозможность!

— Ну почему же? Разве твоя мать не могла родить двойню? Не могла в силу неких обстоятельств отдать меня в другую семью?

— Мексиканского мыла насмотрелась?

— Почему мексиканского? Мало ли таких историй у нас? "В нем он брата родного узнал — не пришлось ему раньше узнать... — насмешливо пропела она. — А ведь мог бы и сестру".

— И ты бы решилась на инцест?!

— Да что ты мечешься? Откуда я могла бы узнать, что ты мой брат? Прилетела на сигнал, который ниже порога сознания, и попала, извини, на х...? И что теперь делать — убиться, что ли? Тебя-то, надеюсь, не Эдипом зовут?

Я загипнотизированно смотрел на нее, напоминая себе анекдотического волка, который, глядя на новорожденного волчонка, перечисляет: "Глазки — мои, ножки — мои, ушки... ушки... ну, заяц, погоди!!!". Лет ей было столько же, ростом она была почти с меня, цвет волос и глаз, форма носа — все совпадало.

— Какой же ты внушаемый... — она с нежностью погладила меня по голове. — Да я это только сейчас придумала. Ведь если твой ноль — то же, что моя единица, то один — то же, что два, два — то же, что один, и два разных зачатия могли быть одним. Вот и все. И давай спать, мне завтра в то же время.

Устроившись у меня на плече, она мгновенно уснула, а я еще долго лежал без сна, пытаясь представить, что было бы, если бы... и глядя на ее тело, которое в этом случае могло быть моим в той степени, в какой это вообще возможно.

Стыдно признаться, но всю неделю я потратил на опровержение ее чудовищного предположения. Спросить отца, к сожалению, было уже нельзя, а мать к концу моих околичных (ибо не мог же я сказать ей прямо, в чем ее подозреваю!) расспросов, касавшихся обстоятельств моего появления на свет, стала нервничать. Сейчас-то я понимаю, что она попросту решила, что из-за ухода жены у меня съехала крыша, и сильно обеспокоилась за мое здоровье, но тогда это лишь усилило мои подозрения, хотя ничего определенного я не выяснил ни у нее, ни у тетки. Обстоятельства у матери были действительно стесненные, притом если относительно материнской идентичности у человека редко бывают сомнения, то относительно отца их редко не бывает, так что, если бы моим отцом был не тот, кого я считал своим отцом, а некий гипотетический любовник, покинувший мою мать, вследствие чего ей пришлось выйти за другого любовника, то с одним ребенком это было проще, чем с двумя.

Можно было отправиться в роддом, где меня произвели на свет, и за-

глянуть в регистрационную книгу (если бы мне ее дали) — но от этого я удержался, поскольку понял, что запись было бы несложно и подделать. Мысль украдкой взять ее оброненный волос и, сложив со своим, послать на генетическую экспертизу я тоже отклонил, поскольку понял, что если она что-то доказывает, то лишь мое собственное безумие. Кроме того, приемышем мог быть и я.

Она появилась с той же точностью, что и в прошлый раз, как только пробило (я настроил стоявшие дедовские часы с маятником) полдвенадцатого, причем звука подъехавшей машины слышно не было.

— Никак, ты?

— Коль полночь близится, а Ника К. нейдет, то, знать, кому-то изменяют часы, терпенье... иль никак.

С какой буквы произнесено слово "никак", с большой или с маленькой, было не понять. Я поднял ее вместе с пакетом, в котором просматривались формы бутылки, и отнес (потеплело еще больше, и она пришла без плаща) на кухню.

— Здорово... Ужин при свечах? — спросила она, запрыгнув на меня и скрестив сзади ноги.

Ужин пришлось отложить, использовав стол в качестве подставки (ее ноги переместились на мои плечи и обхватили шею), после чего она сказала: "Фу! И вот так ты трахаешь секретарш своих начальников?".

— Почему ты думаешь, что я сам не босс? — обиделся я.

— По форме зада.

— Ты что, много начальницких задниц видела?

— Зачем много? Они все на одно лицо. В смысле "выражает то лицо, чем садятся на крыльцо...".

— Я смотрю, ты сегодня поэтически настроена.

— Потому что жрать охота, — и она набросилась на купленные мной салаты, запивая принесенным вином.

— А ты что?

— На тебя смотрю.

— Когда ем, смотришь, когда кончаю, смотришь. Ты что, вуайер?

— Это кто такой?

— Любитель подглядывать.

— Я же не тайком.

— А я не против. Можешь посмотреть, как я писаю. Большего, извини, не предлагаю.

— В соответствии со своим псевдонимом?

— Как это? А, ну да. Хотя... — она о чем-то задумалась и спросила: А налом интересуешься?.

— Каким еще налом?

Она засмеялась, и я понял, что "а" и "налом" она произнесла слитно.

— Опять не пробовал?

— Нет.

— Я тоже.

— Врешь.

— Ты думаешь, если я что-то делаю, то не в первый раз?

— А разве нет?

— Клянусь страшной китайской клятвой.

— Это как?

— На три буквы "з": чтоб мне залететь, заразиться и затрахаться до смерти.

— Насколько мне известно из анатомии, при том способе, что ты предлагаешь, первое исключено.

— Если перед этим исключить непорочное зачатие.

— Слушай, может, ты до меня вообще была невинной?

— Не глупи. Целку мне порвали в 16 лет. С моей же собственной отдачи. Но больше раза я ни с кем не кончала. Даже с собой. И в рот не брала.

— Почему?

— Почему ишак не ест ваты?

— Не знаю.

— Потому что не хочет. Так как?

Понятно, что я не сказал "никак". Подробности опускаю, так как не уверен, что смогу избежать порнографических описаний. Да и спуталось все — помню только, что мы словно поменялись местами: меня переклинило в циклический режим, а ее — в состояние непрерывной и нескончаемой возгонки.

Оборвал нас резкий звонок. Я не без труда высвободился из ее хватки и пошел в прихожую, недоумевая, кого это принесло в такой час. Сквозь дверной зрачок просматривались два мента, сержант и старлей.

— Вы чего?

— Откройте.

— Удостоверения покажите.

Они достали книжечки и поднесли к глазку. Я открыл дверь на цепочку.

— В чем дело?

— Вы почему животное мучаете?

— Какое животное?

— Это вам лучше знать.

— С чего вы взяли?

— Соседи сверху пожаловались. Да мы сами только что слышали.

До меня дошло, и я заржал, как черт из табакерки. Они несколько секунд в полном недоумении смотрели на меня, потом младший по званию прыснул и что-то шепнул старшему. Тот тоже засмеялся.

— Извините. Но постарайтесь потише. Все-таки два часа ночи, и кошачий концерт...

— Сейчас кончим.

Оба грохнули с новой силой.

— Приятно было узнать, что кругом столько защитников животных, — сказал я, делая движение, чтобы закрыть дверь, и они вежливо козырнули.

— Ну ты и деловой: "Сейчас кончим". Почему ты так уверен? — возмутилась она, когда я пристроился рядом.

— Потому что сейчас заткну тебе рот платком.

— Только не забудь заткнуть и что-нибудь другое, — успела она выпалить прежде, чем умолкнуть.

— Ты порнуху смотришь?

Вопрос был задан ею в тот момент, когда мы вернулись из душа, и она расположилась на моих бедрах в позе лотоса, предоставив для обзора свою раскрытую ярко-розовую орхидею с палевыми лепестками.

— Иногда. А ты?

— Терпеть ненавижу. И эротику тоже.

— Почему?

— За слюнявость. В прямом и переносном смысле. Почему эти сперматозавры все время брызгаются?

— Думаю, что это просто сертификат подлинности.

— Значит, свидетельством натуральности является искусственность?

— Так и в натуре бывает.

— Тогда вдвойне противно.

— Почему это?

— Семя — продукт для внутреннего употребления.

— Не понял. Ты же не считаешь искусственным совокупление, не допускающее возможности зачатия?

— С тобой — считаю.

Я задохнулся.

— Поэтому и не препятствую тебе изливаться вот сюда, — она кивнула на свой зев.

— Но при случае подставляешь другие места.

— Орис эт анус вице вагинаэ эдере — так, кажется?

— Я не настолько сведущ в латыни. Заместителями или суррогатами?

— Может, это противоречит законам природы, но от тебя я могу залететь и при минете.

— И родить через рот, как случалось с мифологическими героинями?

— Спасибо, что воздержался от указания на вторую возможность. Не будь таким догматиком. Вдруг какой-нибудь отчаянный сперматозоид сможет добраться до яйцеклетки окольными путями, или возможно зачать виртуально?

— Оттуда же, откуда знаю, что Бога нет.

— Интересно, кто, кроме Бога и Сатаны, может внушить человеку столь дикую мысль?

— Тебе не кажется, что теософский диспут в таком положении несколько неуместен?

— Напротив. Мы с тобой, как Адам и Ева после грехопадения, имеем право обсуждать коренные вопросы гносеологии. Хотя, в отличие от них, не стыдимся собственной наготы.

— Коренные, говоришь? То-то я начинаю ощущать свой корень.

Она запустила руку назад, деловито ощупала мой бутон и, чуть приподнявшись, ввела в себя.

— Так лучше, чем было?

— О, да.

— Я знаю, от чего ты умрешь.

— Потому что чувствуешь мой конец?

— Ну и пошляк...

— Тогда от чего же?

— От обезвоживания организма.

— И от обезвоживания, — выговорил я, подавляя стон.

— Не думай, что я дам тебе так спокойно закончить свой день. Сейчас ты у меня узнаешь, что такое виртуальный секс, — сказала она, передвигаясь ко мне на грудь, чтобы нахально облизнуть свой средний палец и опустить туда, где сошлись лепестки.

Наши встречи продолжались всю весну и все лето. Она появлялась каждую среду в полдвенадцатого ночи и уходила в полседьмого утра в четверг. Все, что было между, провалилось в черную дыру вне времени и пространства. Если раньше я спал без сновидений, то теперь меня стали мучить сны. Их было два, повторявшихся с разной регулярностью, — сон потери и сон невстречи. Один начинался со звонка, раздававшегося в момент ее прихода. Я открывал — вместо нее на лестничной площадке было нечто незримое и непереносимо страшное. Я захлопывал дверь и просыпался, а потом лежал, слушая, как стихает сердце. Во втором сне я знал, как ее зовут, мы порознь приезжали в какой-то город и должны были встретиться, но что-то мешало. Время от времени я с ужасом думал, что до сих пор ее не видел, но ничего не менялось, и я уезжал в полном отчаянии.

В ночи со среды на четверг сна почти не было — время было заполнено соитиями, когда мы переставали понимать, заполняем ли ментальным сексом промежутки между физическим, или наоборот, телесными совокуплениями интервалы между устными, беседуем между траханьями или трахаемся меж беседами. Сочетать то и другое не удавалось: как только его голова включалась, моя отключалась, и наоборот. Видимо, переключатель либидоносного кровяного потока работал по закону исключительной дизъюнкции: кровь приливала туда или сюда, но не туда и сюда одновременно.

Я жил на высоком этаже. Иногда мы перебирались в лоджию, прихватив с собой вино и сыр. Окрестные дома были ниже, и в ясную погоду перед нами открывалась карта звездного неба.

— Покажи мне Близнецов, — как-то сказала она.

Астрономию нам в школе преподавал психоватый дядька. В небесной механике он разбирался, как я в вавилонской клинописи, и предпочел бы коперниковой птолемееву систему мироздания с ее сферой неподвижных звезд, кругами, эпициклами и деферентами, поскольку решить уравнение движения двух тел в пространстве было явно выше его сил. Как-то я поднял руку и спросил его, что, помимо нашего воображения, объединяет произвольно разбросанные во Вселенной и движущиеся звезды в созвездия. Он смутился и что-то пробормотал — будучи изложено шекспировским языком, это прозвучало бы так: "Много есть вещей на свете, что и не снились нашим астрономам". Что бы там ни было, путь Солнца по Зодиа-

ку и констелляции планет он знал назубок, что объяснилось позже, когда я стал встречать его астрологические прогнозы (их скрупулезность вызывала у меня припадки смеха) в разных таблоидах. Так что, спасибо ему за то, что в ясную погоду я еще отличаю Рака от Скорпиона.

Пошарив глазами ниже и правее Большой Медведицы, я ткнул ее пальцем в небо.

— Яркая звезда на кончике твоего ногтя — Поллукс, а вон та, чуть тусклее (я сдвинул палец) — Кастор.

— А так, чтобы мужчина и женщина?

— Марс и Венера.

— Ничего марсианского в тебе нет, — заметила она и тут же добавила: — Удушу, если скажешь, что во мне есть нечто венерическое.

— Ну, тогда не знаю. Альфа и эпсилон Лиры.

— А они где?

Я показал ей бету, а эпсилон показал наугад — разобрать, где там четвертая по яркости точка, было трудно.

— Странная звезда. Как будто двоится.

Я вздрогнул: ни видеть, ни знать, что эта мерцающая точка является парой двойных звезд, она не могла, разве что прочла в моей голове.

— Это у тебя в глазах двоится.

— Тебе что, жалко? Пусть будут. И давай как-нибудь их назовем...

— Это прерогатива астрономов.

— А они ничего не узнают. Мы им не скажем. Вот... пусть эти двойняшки называются фиолетовая звезда Альгнора и зеленая звезда Трицентеторикс. И есть у них ребенок — оранжевая планета Бентамегон. На ней живут инки...

— Ацтеки тоже?

— Нет. Эушципеи, ингвасидекамбры и урбждруны. Но они невидимы никому, кроме инок.

— А кто такие инки?

— Их нельзя определить, но можно описать, — ответила она цитатой из моего объяснения первичных геометрических понятий.

— По утрам они долго лежат в постелях, не понимая, что забросило их в этот неверный мир, призрачно дрожащий на ресницах, и всматриваются в мерцающие глубины своих тел, откуда тихо-тихо всплывают ощущения. Сперва оживают кончики сосков, потом кончик носа, потом кончики пальцев, потом волшебный кончик, потом кончик хвоста. А потом начи-

нают звонить грудные колокольчики: аквамариновый колокольчик грусти, жемчужный колокольчик нежности и пурпурный колокольчик любви.

— А потом?

— А потом я еще не придумала. И уж-жасно замерзла. Грей меня скорее.

Мы перебрались в комнату, где она немедленно оккупировала любимое кресло, называвшееся между нами "кресло-кончалка".

— Девять, — подытожил я, когда она, откинувшись на спинку, развесила ноги на подлокотники, чтобы (так она выражалась) проветрить кошелек.

— Девять чего?

— Того самого.

— Ну ты и прохвост! — она запустила в меня подушкой. — Я тут захожусь, себя не помню, мать родную забыла, родине почти изменила, а он считает! У тебя совесть есть?

— Учет и контроль — вот наши принципы.

— Так ты еще и демагог?

— А знаешь, Ни Как, по-моему, ты на балконе выдала свое имя.

— Думаешь, меня зовут Инка?

— Нет. Это было бы тривиально.

— Тогда Эушципея.

— Нет, но в твоей каббалистике, скорее всего, есть его анаграмма.

— Здорово! — восхитилась она. — Классная идея для романа.

— Для нашего?

— Увы. Все для того же, для мыльного. Ну, представь себе — она исчезает, оставив ему шифр, по которому он может ее найти, но не оставляет ему ключа. Вернее, пишет, что ключ находится в нем самом. Если они действительно двойняшки, он воссоздаст ход ее мысли, прочтет послание и найдет ее. Он пытается сам, обращается к лучшим дешифровщикам, к гадалкам и экстрасенсам — напрасно. И лишь через много лет, когда, мой милый Августин, все прошло, его осеняет идея шифра, столь оскорбительно ясная, что от такого удара он умирает. Или нет, все-таки бросается туда, куда указывал шифр, и узнает, что в дело вмешался Случай: ему сообщают, что три дня назад она погибла в автокатастрофе. Годится?

— Нет.

— Тогда не пытайся разобрать анаграмму, а не то все сбудется.

Перед рассветом я проснулся от ее взгляда.

— Ты что?

— Ничего. Просто смотрю. Спи.

— Иди ко мне.

Она покачала головой, и мне на щеку упала капля.

— Да что с тобой?!

— Сейчас пройдет. Все в порядке.

— Что в порядке, если ты плачешь среди ночи?

— Не обращай внимания. Это от любви.

Ключевые слова она всегда произносила между прочим.

— И давно это с тобой?

— С позапрошлого раза.

— А до этого?

— До этого мне было хорошо с тобой, а после этого стало плохо без тебя.

— Тогда оставайся здесь.

Она разрыдалась в голос. Я стал целовать ее мокрое лицо и понемногу успокоил.

— Все, больше не буду. Спасибо тебе.

— Спасибо да или спасибо нет?

— Ты знаешь.

— Почему?

— Потому что как только это случится, я стану ведьмой. Зачем тебе это? Не нахлебался семейной жизни?

— Это ты обо мне заботишься?

— О себе тоже. Ты станешь монстром, и мы будем, как паук и паучиха, Ядуд и Мадуд, Труха и Асмодей. А сейчас мы — два существа, которые сошлись в беспредельности, как сказано сам знаешь где. Но у них там кошмары и ужасы, а у нас благорастворение воздухов и сад земных наслаждений. И даже небесных.

— А слезы?

— Впервые лью. Как будто нож целебный отсек страдавший член — и в ножны влОжил... — скорбно продекламировала она. — А ты знаешь, как на латыни "ножны"?

Я не знал, но догадываться не было ни нужды, поскольку ее ножны уже облекали влагаемое, ни возможности, ибо этот акт, как я уже говорил, исключал всякую умственную деятельность, и если бы кому-то вздумалось в эти мгновения измерить мой IQ, он бы оказался ниже уровня моря.

Утром она ушла так тихо, что я даже не проснулся. А когда протер глаза, увидел на тумбочке записку:

как тает ночь
как близко расставанье
в рассветных небесах
звезды последнее мерцанье
похмелья горечь на губах

* * *

Вот, собственно, и все, что я хотел рассказать. И в блюдце пусто, и ложечка облизана, как добавила бы моя дочка, будь ей по-прежнему шесть, а не шестнадцать. Больше моя любовь (я, наконец, выговорил это слово) не пришла, не знаю и не хочу знать, почему. Я перестал видеть наяву эпсилон Лиры, но во сне иногда вижу зеленую звезду Тринценгеторикс и почти слившуюся с ней фиолетовую звезду Альгнору и вычитываю из анаграммы ее имя, испаряющееся при пробуждении быстрее, чем испарина на ладони. А по средам, когда секундная стрелка начинает последний круг перед половиной двенадцатого, у меня все так же заходится сердце, а к бою часов присоединяются удары крови в висок. С последним двойным ударом я пытаюсь открыть дверь. Но не могу, никак.

Москва

Нечто о вершинах мироздания

Криминальный талант

У девочки у Таси
Четыре ипостаси,
Любая ипостась
К лицу любой из Тась.

"Стоит Истомина сама"

Две ножки гордо
Стоят у бара.
Не много ль гонора
Для гонорара?

Услуги

Вас ожидает дивный праздник,
Покруче всякого прикола:
Я полюблю разнообразно
И, между прочим, разнополо.

Альпинист

Я думаю, вершина мироздания —
Погибшие, но милые создания.

Зимой и летом...

Был влюбленный такой, окрыленный —
И всего за полтинник зеленый!

Доска почета

Веские службой гордиться причины —
Улыбались на мне идиотски мужчины.

Две большие разницы

1.
Дама — плоская, как пицца,
Нечем взгляду зацепиться.

2.
Жевала "Орбит" —
Глаза из орбит.

Мое имение

На сегодня я имею
Две навязчивых идеи.
(Вот бы обе эти бабы
Поимели бы меня бы.)

Служба знакомств

Яйца — чистый изумруд!
Фаберже его зовут.

Измена

Когда изменяет и память,
Довольно шершеть и лафаммить.

Пиковая дама

Уж полночь близится,
А гормонально — нет...

Загадка

Хорошо тебе во мне
В загазованной стране?
(Все-таки противогаз.)

Заимообразие

У меня настроенье хорошее:
я подсунул принцессе горошину.
Так уж вышло — ее не виню, —
мне она подложила свинью.

У окулиста

Вы так хотели выйти за,
что проглядели все глаза.

Пара гнедых

Я старой сводне Розе
дарю букеты роз:
ведь тоже на извозе
работал на износ.

Итого

Купил, дурак, жене колготки
(а это — две бутылки водки).
Потом купил одеколону
(а это — литр самогону).
А мог — подснежники. Красиво
(всего-то полбутылки пива).

Долой макияж!

Хоть внешним видом
Борись со СПИДом.

Потусторонняя "разборка"

Да я не сталкивал с перрона
Тебя в объятия Харона!

Безвременье

Время честных давалок
Уж давно миновало.

Мечте навстречу

Сказала мечтательно:
"Трудно ль умеючи, —
Снимая поспешно
И шляпу, и шаль, и вуаль, —
А все-таки жаль,
Что нельзя с Александром Сергеичем..."

Абзац

Я так любил...
А ты подорожала...

Андрей БУЛАХ, профессор СпбГУ,
Людмила КОРОТКИНА, профессор, Государственный Русский музей

Художница-импрессионистка В. Зозулина-Родэ

В Одессе, в Художественном музее, хранится графический портрет В. Зозулиной работы Константина Сомова. В 1970 году портрет привозили в Русский музей в Ленинград на юбилейную выставку К. Сомова, он до сих пор остается загадкой художника.

Удалось найти такую запись в дневнике К. Сомова, сделанную 30 января 1917 года в Петербурге: "...У Званцевой не было натурщика. Я рисовал сидевшую там ученицу Зозулину, симпатичную и красивую брюнетку..." (См.: Л.В. Короткина. Сомов. СПб. Изд.: Золотой век. Художник России. 2004, с. 74.). Как известно, Елизавета Николаевна Званцева (1864-1922) — это ученица И.Е. Репина, художница, преподавательница. Основала в Санкт-Петербурге так называемую "Школу Бакста и Добужинского" (после отъезда Бакста в Париж в 1909 г. она стала называться "Школой Добужинского и Петрова-Водкина"). Есть еще указание, что В. Зозулина была секретарем в обществе "Свободная мастерская". Других сведений нет. Кто же эта В. Зозулина?

Зозулина — это фамилия в замужестве, в девичестве — Роде.

Варя Роде родилась в 1889 году. Ее отец, Эмиль Павлович Роде, происходил из Петербурга. Венчался с Надеждой Николаевной Хлюпиной из семьи помещика на орловщине. У Эмиля Павловича и Надежды Николаевны было шесть детей. Он работал акцизным чиновником и жил с семьей в Одессе. Умер в 1907, Надежда Николаевна — в 1932 г., ее (их?) последний адрес — Спиридоновская, 14. Супруги похоронены на 2-м Христианском кладбище (32 участок, 6-я линия). История этой одесской семьи и ее потомков прослежена в книге А.Г. Булаха (внука Э.П. Роде) "Модель художника К. Сомова и французский импрессионизм в Нельсоне (Канада). Судьбы и ветви семьи Эмиля Павловича фон Рѐде" (Санкт-Петербург: изд. дом "Коло", 2005, 105 с.), она есть в библиотеке имени Горького.

Варя стала рисовать в детстве. В 17 лет она поступила на вечерние курсы в класс художника Ладыженского. После первой зимы (1-й класс) ее сразу же перевели в 3-й класс. В этом классе она написала натюрморт (итальянское резное кресло, ковер и букет цветов), который послали на выставку в Академии художеств в Петербурге, и после этого перевели в 5-й класс (последний).

Корабль уходит в жизнь: Варя (справа), Вера, Соня, Надя, Борис Роде. Одесса. 1899-1900 гг.

Была учительницей сначала в Одессе, потом в начальной школе в Каховке. Мужем Вари стал морской военный инженер Леонид Зозулин. В 1908 году он участвовал в спасательных работах после землетрясения в Мессине и стал почетным гражданином Италии. Сначала супруги жили в Севастополе (здесь в 1911 году у них родилась дочь Ирина), потом — на понтонной верфи под Петербургом. Пользуясь этим, В. Зозулина продолжила свои занятия искусством в Императорской Академии художеств.

В 1916 году инженер Зозулин был командирован в Ревель для строительства верфи. С ходом войны верфь перевели в Новороссийск. В 1919 году он отправил жену и восьмилетнюю дочь Ирину за пределы России. На грузовом пароходе "Саратов" они отплыли из Новороссийска в Константинополь. Пароход в Константинополе не приняли. Беженцев увезли в английский карантинный лагерь вблизи Александрии.

Через некоторое время Варвара Зозулина и дочь прибыли в Константинополь. В Сербии были родственники, они помогли перебраться в Белград, но работы не нашлось. Пришлось вести уроки живописи, черчения и гимнастики в городке Крагуевац. Через два года они уехали и осели в пригороде Праги. Варвара преподавала живопись и рисунок в Русской школе. Жизненные пути с мужем к тому времени разошлись.

В 1924 году Варвара Эмилиевна Зозулина переехала с дочерью Ириной в Париж. Это был поворот в судьбе. Она вернулась к искусству и попала в мир высокой духовности и творчества. Но чтобы зарабатывать, рисовала открытки и делала трафареты для окраски тканей. Изучала старую русскую иконопись и пыталась овладеть ее техникой. Участвовала в выставках. Ее стиль постепенно формировался под возрастающим влиянием французских импрессионистов.

В 1935 году владелец издательства "Stock Publishing House" г-н M. Boutelleau предложил Варваре Зозулиной иллюстрировать Марселя

Пруста. Считалось, что эмоциональный стиль и философское содержание творчества писателя-декадента непередаваемы в изобразительном искусстве. Варвара провела год, вникая в его книгу. Она смогла отразить сущность импрессионистского стиля писателя. Марсель Пруст создает образ, акцентируя отдельные черты облика героев и манеры их поведения: упоминаниями о цветах, приколотых к корсажу героини, о движении ее головы, жесте и т. п. Художница в соответствии с приемами писателя дает представление, например, о героине — Одетте де Креси — несколькими выразительными линиями. Легкими штрихами наметив складки пышного платья, более определенно очерчивает голову и выявляет миловидные черты лица. В сцене на улице — это другой пример, столь же легкие выразительные линии создают впечатление живого движения толпы.

Самая младшая дочь – Люся (Андрей Булах – ее сын). Одесса. 1906 г.

Результат усилий — 27 цветных рисунков и набросков — был экспонирован на художественной выставке "Stock Art Gallery". Андре Мальро, французский министр культуры, оказался под их впечатлением и представил художницу своему другу Эдмонду Регалю, известному художнику-графику. Регаль научил ее технике гравюры, и она перенесла в гравюры на меди свои иллюстрации. Десять лучших из них были опубликованы в роскошном альбоме на особо хорошей рисовой бумаге. Альбом был высоко оценен критиком Пьером Мораном в журнале "Le Bibliophile". В 2004 году Гарвардский университет приобрел эти работы для своей коллекции.

Варя Зозулина – учительница гимнастики и движения. Сербия. 1922 г.

В 1938 году Варвара Эмилиевна экспонировала на ежегодной Парижской выставке Общества независимых художников две картины маслом — "Мать и ребе-

нок" и "Портрет мадмуазель Hélène Clellart". Одно лишь право участвовать в этой выставке было победой. Работы Варвары были хорошо приняты критиками и стали продаваться. На картинах у нее разные подписи, это B. Zozoulina, B.Zozoulina-Rode, BZR, B. Rode. Она вернулась к своей девичьей фамилии, но по-русски писала ее как *Родэ*.

Где-то в Канаде. Акварель В. Родэ.

Где-то в начале 1940 годов Варвара Родэ переехала из Парижа к своей дочери Ирине в Брюссель, где та жила с мужем, князем Андреем Орбелиани. Там Варвара Эмилиевна посещала класс портрета в Королевской академии изящных искусств. Так она вступила на путь художницы-портретистки, но продолжала увлекаться пейзажами. Участвовала в выставках в Брюсселе и Льеже.

Во Франции и Бельгии жила в гражданском браке с Александром Ивановичем Прибыловским (1885-1952). Они вместе работали над картинами на пленэре. Он увлекался манерой Сера. В Брюсселе 16-27 февраля 1957 г. в галерее "Au Cheval de Verre" была выставка портретов, натюрмортов, пейзажей, свободных композиций и других его работ. Его псевдоним в искусстве — Aldaryen. Фамилия Прибыловский тоже выдуманная. Так он, когда добровольно вступил в русскую армию, якобы сокрыл свое происхождение из рода Апраксиных.

В середине 1950-х Варвара Родэ уехала в Канаду, где в это время уже были ее дочь Ирина и Андрей Орбелиани и где они работали на горнорудных предприятиях. Жили в Британской Колумбии, прекрасные ландшафты которой Варвара запечатлела на многочисленных картинах маслом на бумаге, акварелях и рисунках цветным карандашом.

В Британской Колумбии было несколько выставок картин Варвары Родэ, они анонсировались как "французский импрессионизм". Носителем этого французского стиля оказалась воспитанница одесских и петербургских учителей, впитавшая в Париже манеру знаменитых художников. Сейчас работы Варвары Зозулиной-Родэ хранятся в музее в Нельсоне, в Гарвардском университете и в частных собраниях в Канаде, США и России. С 11 ноября по 15 декабря 2005 г. персональная выставка ее работ прохо-

дила в библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге.

Варвара Родэ. Брюссель. 1956 г.

В целом, в творчестве художницы сказалась хорошая школа мастерства в традициях "Мира искусства", которую она прошла в Петербурге, где училась в известной мастерской Е.Н. Званцевой, была знакома с К.А. Сомовым. Живописное наследие Варвары Эмилиевны отличает в целом светлое, жизнерадостное восприятие мира, что нашло отражение в главной теме ее творчества — пейзаже. Это уголки Франции, Бельгии, Канады, городские виды, дома, окруженные садами, панорамы гор. Техника, в которой работала художница — масло по бумаге, — давала возможность особому способу наложения краски — легкому, почти воздушному. Отсюда та нежная зелень и серебристо-голубое небо, мягкие, едва уловимые оттенки цвета, которые при обычном способе письма маслом по холсту, наверное, невозможно было бы передать. Они придают картинам В.Э. Родэ своеобразную красоту.

Объявление о выставке. 1990 г.

Варвара Эмилиевна Родэ умерла в 1969 в городке Вернон в Британской Колумбии. Интересны судьбы ее брата и сестер, тоже выходцев из Одессы, — Бориса (был врачом, умер в Берлине в 1961 г.), Надежды и ее мужа Петра Евгеньевича Ершова (были педагогами, умерли в Нью-Йорке в 1965 г.), Любови (была инженером-строителем, умерла в Ленинграде в 1985 г.). Но это — особые темы. Много незаурядных личностей подарила Одесса широкому миру вокруг нас.

Санкт-Петербург

Марина ВЕРХОВЕЦКАЯ

Симпатии Евгения Лансере

В одном из последних залов первого этажа Одесского художественного музея, с мягким верхним светом, привлекают внимание работы замечательного живописца и графика Е.Е. Лансере. Это произведения: эскиз декорации к неосуществленному балету в Мариинском театре в Петербурге "Сильвия" 1901 г., "Елизавета Петровна и преображенцы в кордегардии Зимнего дворца" 1911 г., "Хаджи-Мурат на балу" 1913 г. и рисунок с акварельной прокладкой "Кавказ" 1915 г. Фамилия Лансере более 150 лет давала русскому искусству талантливых художников, архитекторов. Говорили, что в этой семье рождаются с карандашом в руках. Тонкий художественный вкус, сочетание знаний и мастерства, понимание задач искусства — всем этим в избытке обладал Е. Лансере. Крупный художник, человек яркого и самобытного дарования, он в сложный период развития искусства сумел найти свой собственный путь.

Еще до революции А. Бенуа, А. Ростиславов, В. Курбатов отмечали в своих статьях особенность Лансере — свободно сочинять и работать в любом стиле. От неоромантических направлений, даже с отклонениями в сторону плоскостно-декоративных исканий, к различным вариантам использования классического наследия (Возрождение, барокко, классицизм) — на протяжении 1910-1920 годов Лансере прошел большой путь в пределах стилистики модерна.

В Одессе после 1909 года кроме работ южнорусских художников появились картины других направлений, творчество Е. Лансере свободно вошло в поток многостилевого разнообразия. Рядом с Товариществом

южнорусских художников проходили выставки Салона В. Издебского, киевского журнала "В мире искусств", Общества независимых, позднее, в начале 1920-х годов, — Художественного общества им. К.К. Костанди. Произведения Л.О. Пастернака, А.Я. Головина, Н.К. Рериха, А.Р. Гауша, К.А. Сомова, Л.В. Бакста, А.П. Остроумовой-Лебедевой, К.Ф. Богаевского, Д.И. Митрохина, М.А. Волошина, Е.Е. Лансере и др. занимали везде почетное место. И каждое объединение стремилось показать работы мирискуссников. Надо сказать, заявленная тема — часть более обширной темы о взаимодействиях петербургского общества "Мир искусства" с Одессой.

Поддерживались не только творческие, но и личные контакты. Мирискусники тогда в Одессе были мало известны широкому кругу зрителей и, бесспорно, их необычайная стилистика привлекала внимание. В свою очередь, одесское "творческое поле" и как сложившийся круг единомышленников, и как место борьбы было интересно мастерам "Мира искусства". Произведения этих художников находили отклик у зрителя, но первым серьезным ценителем стал коллекционер М.В. Брайкевич. Многие из работ его коллекции до нынешнего дня украшают залы Одесского художественного музея.

В общей литературе о жизни и творчестве Е.Е. Лансере упоминаний о связях с Одессой немного и они разрознены. В монографии О.И. Подобедовой 1961 г. указано — Лансере принимал участие на выставке в Одессе в 1909-1910 гг. в Салоне В. Издебского и в 1928 г. на выставке Общества им. К.К. Костанди. В сборнике "Е.Е. Лансере. XL лет художественной деятельности" 1936 г. есть сведения об участии художника в выставках в Одессе — в 1909 г. в Салоне В. Издебского и в 1928 г. в выставке Общества им. К.К. Костанди. Открыв издания "Товарищество южнорусских художников в Одессе" 2000 г. и "Общество независимых художников" 2003 г., — можно существенно пополнить этот список выставками Лансере в 1907 и 1912 гг., 1919 г.

Найденные письма позволяют воссоздать тот ряд произведений Лансере, что видели одесситы когда-то, и представить характер взаимоотношений художника с традиционными силами художественной Одессы.

Лансере был связан с Одессой более двадцати лет. Можно предположить, что интерес к нашему городу возник с момента знакомства с Б.И. Эгизом[1]. Они вместе учились в Академии Р. Жульена в Париже в конце 1890-х годов. Наиболее ранние письма посланы именно Эгизу. По тону писем чувствуется, что художники часто общались и дружили семьями. Возможно, с этой переписки началось участие Лансере в выставках в Одессе.

В 1907 г. тридцатилетний Е. Лансере прислал в Одессу на 18-ю выставку Товарищества южнорусских ряд произведений. По каталогу[2] выставки значатся рисунки: № 110 "На станции Карымская Забайкальской железной дороги" (выполнен во время путешествия в июне-августе 1902 г. в Маньчжурию и Японию), № 111 "Поля", рисунки к стихотворению К. Бальмонта "Огонь", № 112, "Царевна", № 113, узор № 114 и рисунок без названия под № 115. В 1907 г. в заметке Л.М. Камышникова "XVIII выставка картин Товарищества южнорусских художников" // Одесские новости, 1907, 30 сент. говорится о молодых силах ТЮРХ, в частности, о Бродском, Лансере, Горелове. То есть Ласере стал экспонентом.

Весной 1908 г. в Одессе открылась выставка "В мире искусства" киевского журнала, организованная его редактором А.И. Филипповым. И здесь были представлены такие произведения Лансере: "Эскиз декорации — средневековый город", "Эскиз отделки помещения для кафе", то же — ви-

ньетка, рисунки для издательства "Шиповник" — обложка и фронтиспис, рисунок обложки "Убийство" (№№ 170-175)[3]. Первый эскиз выполнен к постановке пьесы Н.Н. Евреинова "Ярмарка на индикт св. Дениса" для петербургского "Старинного театра". О втором эскизе можно сказать, что в апреле 1905 г. Е. Лансере получил заказ на декоративное оформление, внутреннюю отделку кафе в стиле modernisse в доме страхового общества "Россия" в Белграде от архитектора этого общества Карповича. Работа над этим заказом проходила с большими перерывами из-за революционных событий. Окончательно проект был выполнен в 1908 г.

На полученный за эскиз гонорар Лансере осуществил свою давнюю мечту — совершил путешествие по городам Италии. В марте-июне 1907 г. семья Лансере побывала в Вероне, Мантуе, Флоренции, Сиене, Ассиззи, Падуе, Вечепце, Венеции. В одном из писем[4] 1907 г. к Б.И. Эгизу в Одессу Лансере пишет: "...возьмете ли с собой краски, будете ли писать? Я в Венеции ничего не успел сделать, — да и вообще за границей почти не писал. Куда вы поедете потом? очень советую съездить в Падую, она так близка от Венеции — там одни из лучших фресок Джотто и Мантеньи. Джотто я видел во Флоренции и Ассиззи, считаю, что их страшно важно видеть — в них столько того, чего так мало в современности, — величия и простоты. Получили ли Вы мои открытки выставок Вены и Венеции? Непременно напишите о своих впечатлениях и куда Вам писать. Поклоны от моей жены. Искренне Ваш Е. Лансере".

После знакомства с памятниками эпохи Возрождения, в которых архитектура, живопись и скульптура обычно объединены в гармоничное целое, Е. Лансере начинает уделять больше внимания связи своих росписей с архитектурой здания. Достичь этого можно было только при более активном и длительном сотрудничестве с архитектором. В силу своих неоклассических пристрастий до революции 1917 года художник работал в основном с А.П. Гамановым, В.А. Щуко, А.В. Щусевым, И.В. Жолтов-

ским. С Жолтовским, о котором художник высказывался как о лучшем из современных архитекторов, в 1908-1912 гг. он работал практически одновременно над тремя заказами: панно и плафон для дачи Я.Е. Жуковского в Крыму (1908-1911), плафон и фриз в особняке Тарасова в Москве (1909-1911) и роспись особняка дома Носова (1910-1912). Эскизы последних двух заказов побывали на выставке в Одессе.

В 1912 г. в заметке "Одесская жизнь" в "Одесских новостях" 13 (26) октября: Из содерж.: "На выставку южнорусских художников доставлены некоторые новые картины, в том числе из Петербурга два декоративных мотива и эскиз плафона художника Е. Лансере". Подробнее — что за работы — узнаем из каталога, а размеры — из письма. Хотя в каталоге при открытии упомянуто имя Лансере, но свои работы он прислал в Одессу на 26 дней позже. "Вернувшись неделю тому назад в Петербург, я нашел приглашение Товарищества Южнорусских художников и тотчас же принялся готовить к отправке картины, которые мне бы хотелось послать в Одессу. К сожалению, процедура отправки затянулась и только сейчас могу выслать прилагаемые при сем дубликаты накладных. Таким образом к моему большому сожалению картины мои к открытию опоздают т. е. я предоставляю уже Вам решать, будете ли Вы выставлять их вообще или нет".

В 1912 г. в письме[5] к А.Н. Стилиануди, который был с января 1910 по 1919 гг. секретарем ТЮРХ, Лансере писал: "Посылаю один довольно большой эскиз маслом, еще не бывший на выставке в Петербурге и пришедший из Рима (на Международной выставке в Риме в 1911 г. работа экспонировалась под № 178)[6] и две акварели, размер большого холста 1 аршин 11 в. на 1 аршин 12 в.". Что это за работы? В 1912 г. на 23 выставке ТЮРХ, согласно каталогу, были представлены эскиз "Персей и Медуза" для дома Тарасова, эскиз декорации к балету "Сильвия" и эскиз декорации для "Старинного театра".

В декабре 1909 г., получив заказ от Тарасова, Лансере долго колебался между тем или иным сюже-

том и "наконец остановился хотя и на самом избитом, но зато и самом понятном, не требующем подписи и пояснений, на сказании о подвигах Персея. В центральной части расположен Апофеоз Персея: Юпитер, протягивающий руку сыну Персею, по бокам Меркурий и Минерва — покровители Персея. По четырем сторонам от нее по кругу — "Даная и золотой дождь" (зачатие Персея); "Персей с головой Медузы" — сцена, где на первом плане среди окаменелых жертв Медузы ее обезглавленный труп и из шеи ее рождается Пегас и Хризаар; "Андромеда, прикованная к скале, и Персей, который сражается с драконом". Впереди — нереиды и тритоны; гигант Атлас, поддерживающий небесный свод. Наконец в угловых кессонах — созвездия, имеющие отношение к Персею: Кассиопея — мать Андромеды, сама Андромеда, Нептун — пославший дракона пожрать Андромеду". В этой работе, по словам А. Ростиславова, видна "Дразнящая прелесть барокко в его стройном... нагромождении орнаментальных форм, в исключительно пышной декоративности и в том милом, грациозном уюте, какой вносят легкие барочные формы".[7]

На 23-й выставке был также эскиз декораций для балета "Сильвия" на музыку Делиба, выполненный в 1901 г. Впервые Лансере соприкоснулся с работой в театре в самом начале 1900-х годов, отдавая дань тому увлечению театральной живописью, которая была характерна почти для всех представителей "старшего" поколения "Мира искусства", но и здесь Лансере сумел показать свое, только ему присущее понимание задач художника театра. Эскизы, как писали критики, поражали мастерским размещением масс и оригинальностью пространственных решений. Нарядность и яркость колорита, тщательная проработка деталей отличали эскизы Лансере от работ других художников.

Эскиз декорации для "Старинного театра" — третье произведение Лансере на этой выставке. Оно относится к 1907-1911 гг., когда совместно с А. Бенуа Лансере работал над декорациями к пьесе Н. Евреинова "Ярмарка на индикт св. Дениса" в Петербургском "Старинном театре". Сюжет

пьесы основан на ряде отдельных моментов жизни средневекового города Северной Франции XVI столетия. Вечер и ночь накануне праздника св. Дениса, веселая компания горожан расположилась за столиками. Они веселятся и наблюдают представление уличного театра, когда на рассвете их праздник прерывается печальной процессией. Похоронные дроги везут на кладбище умерших от чумы.[8] Декорации к этому спектаклю отличались пышностью и своеобразием.

С выставки Южнорусских была продана акварель-эскиз "Сильвия", о чем свидетельствует письмо Лансере Стилиануди от 29 ноября 1912 г.[9]

Надо отметить, что 1907 и 1912 гг. были особым периодом в творчестве Лансере. Это годы значительных успехов. Разносторонняя деятельность художника получила признание, и в 1912 г. по предложению И.Е. Репина и В.В. Мате Лансере удостаивается звание академика.

В 1913 г. Е. Лансере становится уже не просто участником, а полноправным членом Товарищества южнорусских художников. "Одесские новости" № 9184 от 15 ноября 1913 г. писали: "Вчера закрылась 24 выставка картин и скульптур товарищества южнорусских. Товарищество уже заручилось согласием на участие в юбилейном торжестве и выставке со стороны крупных столичных художников, состоящих в составе южнорусского товарищества, а именно г. Бродского, Браза, Лансере, Лаховского, Гауша, Ганского (проживающего в Париже) и др.".

Посещая наш город, Лансере нашел обширный круг почитателей. Поэтому его работы заняли видное место на выставке 1909-1910 гг. Салона В. Издебского.[10] От номера 363 и ниже шли эскиз для кафе в Белграде, экслибрис, и под следующими номерами — иллюстрации к рассказам С.С. Кондурушкина "Сирийские рассказы" изд. "Знание".

Также в 1910 г. Лансере сделал первый эскиз росписи особняка Носовых в Москве. История о Геракле, Нессе и Деянире. В Государственном Русском музее сохранилось три эскиза плафона, выполненных в июне, осенью и в декабре 1911 г., и один — в Музее архитектуры им. А.В. Щусева. Все они являлись вариантами одной и той же идеи перспективного плафона, т. е. изображение должно находиться под углом в 45°. Сама овальная форма плоскости изображения была заимствована у итальянских мастеров XVII в. И не случайно, что именно такие темы, как "Похищение Деяниры" или "Геркулес и Несс" были так любимы художниками эпохи барокко (Г. Рени, П. Рубенс и т. д.). В Одесском художественном музее есть эскиз "Геркулес и Несс" 1913 г.

На выставке Общества независимых художников[11] 1919 г. в специаль-

ном отделе была показана часть коллекции А.К. Драгоева, в том числе работы А. Бенуа, Н. Рериха, М. Добужинского, В. Борисова-Мусатова, Е. Лансере и пр. В Обществе независимых художников была показана картина "Хаджи-Мурат на балу" 1913 г. Художник изображает наместника на Кавказе С.М. Воронцова и его окружение. "Прозорливыми комментариями" называл критик работы к "Хаджи-Мурату". Эти слова с большой точностью определяли не только назначение работы художника, но и его творческий метод. Чтобы комментировать так — нужно знать. Знать художественный мир, созданный писателем, знать его подоснову — мир реальный, эпоху, быт, нравы. Поэтому работа Лансере носила научный, исследовательский характер. Лансере собирал иконографический материал, мемуарную литературу. Затем поехал на Кавказ, "подышать" живым горским бытом.

Е.Е. Лансере посылал письма в Одессу и в 1926 г., живя в Тифлисе. Многое переменилось в жизни страны, но неизменным остался тон писем. В них чувствуется доверительная искренность, дружественная интонация, как и раньше.

19 сентября 1926 г. Лансере отправил письмо В.Ф. Лазурскому[12], который был секретарем Художественного общества им. К.К. Костанди с 1922 по 1929 гг.: "Милостивый государь, получил любезное Ваше приглашение принять участие в устраиваемой Художественным обществом им. К.К. Костанди выставке, и сейчас находясь не дома, лишен возможности что-нибудь Вам выслать. Я думаю Вам предложить выставить некоторые из моих рисунков костюмов к опере "Самсон и Далила", принадлежащие Оперному театру, а также и эскизы декораций, если они еще не выставлялись в Одессе и если возможно получить их у дирекции. С совершенным уважением, Е. Лансере. Тифлисский адрес все тот же — Лермонтовская, 15".

Декорации, о которых пишет Лансере, были исполнены летом 1925 г. для только что реставрированного после пожара оперного театра в Одессе. Художник написал декорации, живя в Тифлисе. Всего бы-

ло 27 рисунков костюмов и декораций к трем действиям и портал. Декорации были великолепны и отличались барочной точностью.[13] Но в выставке 1926 г. Общества им. К.К. Костанди Лансере не участвовал. А участвовал в 1928 г. К сожалению, каталоги выставок "глухие", то есть картины перечислены без дат. Поэтому определить, какие именно произведения были в Одессе, необычайно трудно. Но с выставкой 1928 года нам повезло. В одном из писем А.А. Кипену[14] Лансере пишет: "Глубокоуважаемый Александр Абрамович! Никак не мог приготовить к отправке свои картины до сих пор, и смогу их выслать только 4 октября. Может быть, они все же успеют прийти к 10-12, и Вы сможете их повесить. На этот случай присылаю как перечень названий и размеров, так и набросок их возможного расположения, из которого видно, что потребуется около 2 м 10-15 см в длину, при высоте 1 м 10 см. Все вещи, кроме натюрморта, мелкие, и потому не хотелось бы их разъединять.

Список работ:

1. На балконе. Тифлис. М., 61х74. Цена 500 руб.
2. Натюрморт. М., 79х64. — 300 руб.
3. В ногайской степи. Т., 42х65. — 300 руб.
4. В Средиземном море. Т., 42х54. — 200 руб.
5. Улица в Париже, ремонт мостовой. Т., 47х36. — 200 руб.

С уважением, Ваш Лансере.
30 сентября 1928 г.".

В письме указываются размеры работ, что дает возможность найти их и возможные варианты по каталогам выставок и предположить год написания. Так, работа "В Средиземном море" была выполнена в 1927 г., и является вариантом работы под тем же названием с размерами 40х51,8, находящейся в ГТГ; работа "В ногайской степи" является вариантом работ, выполненных тоже в 1927 г. Под теми же названиями работы хранятся в Государственном музее архитектуры России и ГТГ в Москве.

В 1928 г. 17 октября в "Вечерних известиях" статья "Осенняя выставка. Художественное общество им. Костанди" за подписью Зиф: "...Руководители о-ва Костанди констатируют установившуюся связь с такими крупными художественными именами, как Шарлемань, Лансере и др. и даже обещают на этом основании повести выставку в столицы".

Письмо от 9 ноября 1928 г. из Тифлиса[15]: "Глубокоуважаемый Александр Абрамович, очень тронут и сердечно благодарю Вас и в Вашем лице Художественное Общество за столь радушный и внимательный прием, оказанный моим вещам. Я получил и каталог выставки, в котором было

так приятно увидеть ряд знакомых, близких и симпатичных имен. Еще раз большое сердечное спасибо. Искренне преданный Ваш Е. Лансере".

Письмо от 15 декабря 1928 г. из Тифлиса[16]: "Уважаемый Александр Абрамович, я очень тронут Вашей любезностью и Вашим вниманием и присылкою такого отличного снимка с моих вещей. Я уже Вам писал, что вещи пришли в полной сохранности. Сообщенные Вами перипетии в переговорах, разговорах музейных деятелей очень характерны и довольно забавны. Но я могу Вас уверить, что я и не рассчитывал на возможность продажи — это удел почти всех выставок, но участвуя на таких выставках, как Ваша, т. е. на выставках так любовно устраиваемых, просто получаешь удовольствие, что ты для кого-то интересен, что твоя работа еще кому-то нужна, как простое художественное произведение, без утилитарной пользы как агитка или изображение какой-нибудь достопримечательности.

Буду очень рад лично с Вами познакомиться; только бы Ваш приезд в Тифлис не совпал бы с моей отлучкой из города и потому, по возможности, известите меня заранее о времени Вашего путешествия.

Еще раз от всей души благодарю Вас и Общество за хлопоты, связанные с выставкою и отсылкой моих картин.

Искренне уважающий Вас Е. Лансере".

Исходя из этих слов, можно сделать вывод о симпатии и давней привязанности Лансере к одесскому кругу художников, о большом почтении к нему.

Примечания

[1] Эгиз Борис Исаакович (1869-1946) живописец, педагог, секретарь ТЮРХ с 1904 по 1909 гг.

[2] Каталог Товарищества южнорусских художников. — О., 1907.

[3] Кат. IV выставки киевского журнала "В мире искусства". — К., 1909.

[4] Архив Национального художественного музея Украины (далее — АНХМ). — Ф. 8, ед. хр. 13.

[5] Стилиануди Александр Николаевич (1868-1948) живописец, педагог; письмо — АНХМ, Ф. 14 , ед. хр 331.

[6] Catalogo della mostra di belle arti. — Roma. 1911.

[7] Ростиславов А. Декоративный дар Е.Е. Лансере. // Апполон. — 1915, № 10.

[8] Власов Р.И. Русское театрально-декоративное искусство нач. XX века. — Л.: "Художник РСФСР", 1984.

[9] АНХМ, Ф. 14, ед. хр. 330.

[10] Каталог Салона В. Издебского. — О.; 1909 г.

[11] Общество Независимых художников в Одессе: Библ. указатель / Сост. Барковская О.М. — О., Ротапринт ОГНБ им. М. Горького, 2004, с. 62.

[12] Лазурский Владимир Федорович (1869-1947), профессор литературы, критик, публицист. Письмо — АНХМ, Ф. Тов. Костанди., ед.хр. 140.

[13] Каталог выставки произведений академика живописи, народного художника РСФСР Е.Е. Лансере. — М., АХ СССР, 1961, с. 30.

[14] Кипен Александр Абрамович (1869-1947), ученый-виноградарь, писатель, художник-любитель и председатель Общества им. К.К. Костанди (1922-1929). Письмо — АНХМ, Ф. 15, ед. хр. 66.

[15] АНХМ, Ф. 15, ед. хр. 60.

[16] АНХМ, Ф. 15, ед. хр. 73.

Серафим Чаркин: "Дрожание души..."

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Ждешь чуда

Мастерская художника Серафима Чаркина находится в доме мастера южнорусской школы Евгения Буковецкого. Кто только не бывал здесь: Иван Бунин и Петр Нилус, Кириак Костанди и Тит Дворников, Владимир Филатов и Александр де Рибас. Вглядываешься в картины современного художника и как бы ощущаешь "намоленность" этой мастерской, вспоминаешь мудрые слова Шатобриана: "...живые ничему не могут научить мертвых, зато мертвые учат живых". Холст за холстом ставит на мольберт мастер. Меняются темы: антику, миф продолжает бытовая, но не менее фантасмагорическая ситуация из современной жизни. Но главное не про Что, а Как. Ощущение импровизации, свободного дыхания не оставляет тебя при просмотре картин. Как часто противопоставляются традиции и новаторство! А здесь, безусловно, видны корни от французского Салона до русского кубофутуризма, от южнорусской школы до декоративности "Голубой розы". И одновременно — именно потому, что все пропущено через себя, спето своим голосом, — эта живопись созвучна нашему времени.

Я назвал бы музу Серафима Чаркина музой радости, чувственности, оптимизма. Как все это необходимо сегодняшнему зрителю! Но в то же время это муза, пережившая трагедии XX века, ощутившая, что к радости мы идем через печаль, страдания.

В старой мастерской уютно чувствуют себя новые картины. Кто знает, может, зазвонит звонок, и к художнику придет ученый, имя которого будет столь же дорого для следующего поколения, как Владимир Филатов, или историк и журналист, как Александр де Рибас, который напишет труд сродни "Старой Одессе". В этой мастерской при виде живописи ждешь чудес. И веришь, что они вот-вот произойдут. И обнаженные девушки Чаркина сойдут с холстов, бык с Европой найдет экологическую нишу в Понте Эвксинском, а вечный джаз будет играть и над этим домом по Княжеской, 27, и над Одессой, которую Утесов называл родиной джаза. Музыка музыкой, декоративность декоративностью. И все же главное — мощная стихия живописи. Не знаю, как из хаоса был сотворен Космос, но вижу, как из красок на палитре рождается чудо картины. И радуюсь: и за художника Серафима Чаркина, который подготовил персональную выставку, и за поклонников его музы, не поддавшейся нигилизму по име-

ни постмодернизм, а оставшейся верной традиции французской, русской, украинской живописных школ. Для них стены мастерской приоткрывают тайны живописца. И остается ждать того часа, когда работы будут развешаны на стенах музея, чтобы радоваться вместе с маэстро, наслаждаться мифом Одессы, города не только всемирно известных писателей и музыкантов, но и великолепных художников.

Виталий АБРАМОВ

Без агрессии

В широком, достаточно многоликом и противоречивом явлении современного изобразительного искусства Одессы творчество Серафима Чаркина утвердилось как самоценное и глубоко индивидуальное.

Своеобразие искусства этого художника заключается в том, что по типу образности его живопись монументально-декоративная, а на уровне духовных концепций — возвышенна и поэтична.

С. Чаркин дебютировал на областных, республиканских и всесоюзных выставках в самом начале восьмидесятых годов. Это было время, когда большинство художников, даже самых значительных, были вынуждены внутренне раздваиваться между официальной, заказной живописью и произведениями, максимально выражающими самостоятельные, индивидуальные творческие искания.

Случилось так, что С. Чаркин заказной живописью практически не занимался. С другой стороны, несколько позже, когда в Одессе в противовес традиционному фигуративному искусству появляется и решительно заявляет о себе новое искусство, получившее различные модификации названий от "андеграунд" до "постмодерн", он не примкнул ни к одной из появившихся в Одессе художественных группировок. Его творчество избежало присущих "новой волне" концептуальных аспектов и агрессивного отвержения традиций. Оно, скорее, было направлено на бережное и вдумчивое осмысление и использование классических традиций отечественного и зарубежного опыта начала XX века. Так или иначе, художник двигался вперед только ему ведомым путем, со своими сомнениями, подчас трагическими продолжениями внутренних противоречий, вдохновением.

ни постмодернизм, а оставшейся верной традиции французской, русской, украинской живописных школ. Для них стены мастерской приоткрывают тайны живописца. И остается ждать того часа, когда работы будут развешаны на стенах музея, чтобы радоваться вместе с маэстро, наслаждаться мифом Одессы, города не только всемирно известных писателей и музыкантов, но и великолепных художников.

Виталий АБРАМОВ

Без агрессии

В широком, достаточно многоликом и противоречивом явлении современного изобразительного искусства Одессы творчество Серафима Чаркина утвердилось как самоценное и глубоко индивидуальное.

Своеобразие искусства этого художника заключается в том, что по типу образности его живопись монументально-декоративная, а на уровне духовных концепций — возвышенна и поэтична.

С. Чаркин дебютировал на областных, республиканских и всесоюзных выставках в самом начале восьмидесятых годов. Это было время, когда большинство художников, даже самых значительных, были вынуждены внутренне раздваиваться между официальной, заказной живописью и произведениями, максимально выражающими самостоятельные, индивидуальные творческие искания.

Случилось так, что С. Чаркин заказной живописью практически не занимался. С другой стороны, несколько позже, когда в Одессе в противовес традиционному фигуративному искусству появляется и решительно заявляет о себе новое искусство, получившее различные модификации названий от "андеграунд" до "постмодерн", он не примкнул ни к одной из появившихся в Одессе художественных группировок. Его творчество избежало присущих "новой волне" концептуальных аспектов и агрессивного отвержения традиций. Оно, скорее, было направлено на бережное и вдумчивое осмысление и использование классических традиций отечественного и зарубежного опыта начала XX века. Так или иначе, художник двигался вперед только ему ведомым путем, со своими сомнениями, подчас трагическими продолжениями внутренних противоречий, вдохновением.

Валентин МАКСИМЕНКО

Арнольд Азрикан и его семья

К столетию со дня рождения выдающегося певца

А. Азрикан – Хозе ("Кармен")

Голос этого тенора знаком очень многим, хотя далеко не все знают, кому он принадлежит: в до сих пор популярном кинофильме "Воздушный извозчик", снятом в далеком 1943-м году, Арнольд Григорьевич озвучил вокальную партию героя, в роли которого снялся артист Григорий Шпигель. Это ариозо Канио, фрагмент арии Вакулы и романс "Ноченька".

Правда, в 1937 году А.Г. Азрикан записал на пластинку два украинских романса "Ой, у полі нивка" и "Ой, за гаєм" (ее № 5230). Хранившийся в семье певца диск, к сожалению, был похищен; преданная памяти отца дочь Дина десятилетиями упорно ищет запись, ставшую раритетной. (Может быть, кто-то из наших читателей случайно сумеет помочь ей...)

Мы познакомились с Диной по переписке. После выхода моей книги о двухвековой истории Одесского театра оперы и балета я неожиданно получил письмо из Чикаго с очень теплым отзывом об этой работе и благодарностью за память об ее отце, представленном в книге. Завязалась переписка. Дина напомнила о приближающемся юбилее отца, чье искусство мне как театралу и меломану было хорошо знакомо. Рассказывала о семье, о судьбах родных, о том, что они с братом работают над книгой об отце и надеются издать ее в юбилейном году.

Она предложила написать воспоминания об Арнольде Григорьевиче. Я это сделал. Дина трогательно поблагодарила и включила их в готовящуюся к публикации работу. В ее искренних письмах многое показалось мне интересным, достойным внимания читателей. Конечно, юбилей лишь повод вспомнить о действительно выдающемся певце и артисте, о судьбах членов его семьи: в них отразилась наша общая история, история народа.

Арнольд родился в Одессе в 1906 году в бедной семье. Он был седь-

мым и последним ребенком. Двое умерли в раннем детстве. Старший брат погибнет в Одессе во время гражданской войны. Старшую сестру Софью в 1913 году отправят в Америку, в надежде, что вскоре к ней сумеют присоединиться другие. Этого не случится. (Забегая вперед, скажу, что во время второй мировой войны будут расстреляны фашистами две другие сестры вместе со своими большими семьями...)

Отец Арнольда тяжело болел и вскоре умер. Реализовать идею родителей отца смогут Дина и ее брат Дмитрий, но уже в начале девяностых. Они и сегодня с чувством глубокого удовлетворения вспоминают, например, двери, изготовленные дедом, которые еще в пятидесятые годы можно было видеть в Одессе...

Детство Арнольда было трудным, голодным. Он очень рано начал работать, в частности, в порту по ночам. Среди его друзей, между прочим, был его ровесник, будущий поэт Семен Кирсанов.

Голос у Арнольда заметили очень рано. Он начал петь в хоре мальчиков. Обычно после мутации такие дети теряют голоса (А. Рекемчук описал этот феномен в повести, посвященной юным хористам знаменитого коллектива А.В. Свешникова). Азрикану повезло — он из редких счастливцев, сохранивших вокальные данные. Семья жила в Театральном переулке. Это способствовало тому, что Арнольд рано примкнул к театральной молодежи.

В 17 лет его зачислили в хор Одесского театра оперы и балета. В жизни молодого человека случился, как говорит Дина, "первый и скоротечный ранний брак — его жена была против увлечения мужа пением, после года совместной жизни они разошлись". (От этого брака остался сын Аркадий, который умер в 1997 году.)

В 1926 году Арнольд поступает в Одесскую консерваторию, в класс Меннер-Каневской. Обучение он завершит у заведующей кафедрой сольного пения, основательницы одесской вокальной школы Ю.А. Рейдер. В дальнейшем, уже в годы работы в Харькове, Азрикан совершенствовался у итальянского педагога Карло Баррера (недавно мне подарили фотографию этого певца в роли Радамеса в 1903 году, когда он пел в Одессе; на ней автограф с посвящением певице Н. Милановой, жене маэстро И.В. Прибика).

Между прочим, солистка Одесской оперы М.Н. Лозинская рассказывала мне, что этот итальянский педагог консультировал и одесских певцов, в частности, знаменитого Кипоренко-Доманского, коллегу и соперника Азрикана. Между этими большими вокалистами были добрые отношения, ибо оба отличались благородством.

Но вернемся к началу карьеры Азрикана. Впервые на него обратили внимание как на солиста в скромной партии Натанаэля, друга главного героя в единственной опере Жака Оффенбаха "Сказки Гофмана". За нею сразу последовала одна из ответственнейших партий тенорового репертуара — партия Калафа в последней, неоконченной опере Джакомо Пуччини "Турандот", которая в то время была... современной — одесскую премьеру от смерти композитора отделяли всего несколько лет.

Позднее в репертуар Азрикана войдут практически все основные (кроме вагнеровских) теноровые партии мировой оперы, как лирические, так и драматические. Дело в том, что у певца был голос обширного диапазона со свободным верхом, насыщенным нижним регистром, красивым тембром. Такие голоса называют баритональными тенорами. К ним относятся голоса Никандра Ханаева, Юрия Кипоренко-Доманского, Сергея Данченко, Марио дель Монако, Владимира Атлантова, Грайра Ханеданьяна, Анатолия Капустина, например (хотя, конечно, ставить этих вокалистов в один ряд можно лишь условно).

Из русской оперной классики Азрикан поет Собинина, Германа, Садко, Самозванца, Владимира Игоревича, Владимира Дубровского, Андрея ("Мазепа"), а рядом два Андрея в украинской классике — "Тарасе Бульбе" и "Запорожце за Дунаем", Петр в "Наталке-Полтавке".

Он не отказывается от участия в современных операх отечественных авторов (на это не все вокалисты шли охотно) — "Перекоп" (Павел), "Орлиный бунт" (Хлопуша), "Тихий Дон" (Григорий), "Поднятая целина" (Давыдов), "В бурю" (Ленька).

Зарубежная классика в его репертуаре представлена партиями Ионтека, Рауля, Фауста, де Грие, Радамеса, Манрико, Арриго, Пинкертона, Каварадосси, Канио, Туридду, наконец, Отелло, но о последнем персонаже подробнее чуть позже.

После нескольких лет работы на одесской сцене Азрикан принимает приглашение в харьковский, тогда столичный оперный театр, а затем, в 1934 году, — в киевский, который в том году становится столичным. В Киеве певец проработает до начала Великой Отечественной. Работал Азрикан интенсивно, на высоком творческом уровне, что было отмечено присвоением ему тогда редкого звания заслуженного артиста республики. Но звания дают, в конце концов, чиновники. Об артисте много более говорят его коллеги и творческие привязанности.

Только большой художник может быть отмечен признанием таких замечательных дирижеров, как Арий Пазовский, Самуил Столерман, Арнольд

Маргулян. В числе любимых партнеров Азрикана выдающиеся мастера — Мария Литвиненко-Вольгемут, Оксана Петрусенко, Зоя Гайдай, Фатьма Мухтарова, Александра Ропская, Михаил Гришко, Михаил Донец, артисты Большого театра Вера Давыдова, Мария Максакова, Наталья Шпиллер, Павел Лисициан. Павел Герасимович очень любил петь с Арнольдом Григорьевичем, всегда просил, чтобы того назначали в его гастрольные спектакли. Дина говорит, что особенно ярким был их "дуэт" в "Аиде".

Я уже упоминал, что Азрикану приходилось делить репертуар с Кипоренко-Доманским. Жена Юрия Степановича Полина Александровна Доманская не любила слушать других теноров, кроме мужа, но для Азрикана делала исключение: не однажды приходила за кулисы благодарить, поздравлять... В Киеве Азрикан впервые спел Отелло, в дальнейшем пел эту партию в очередь с Юрием Степановичем (замечу, что Кипоренко из уважения к супруге, ради него покинувшей сцену, присоединил к своей фамилию жены; кстати, сам он писал *Доманский* — я видел его автографы, но в литературе почему-то закрепилось написание *Даманский*).

Во время войны Азрикан эвакуируется в Сибирь вместе с Киевской оперой. В годы войны Арнольд Григорьевич не только поет в операх, но участвует во фронтовых бригадах: он принял участие более чем в двухстах (!) концертах в госпиталях перед раненными воинами.

После окончания войны Азрикан работает в Свердловске, Баку, Кишиневе, Одессе, много гастролирует. Дочь даже называет его "гастрольным певцом с длительными периодами работы в театрах".

В начале 1946 года певец принимает участие в постановке "Отелло" в Свердловской опере. Спектаклю суждено стать событием в музыкальной жизни страны. Известный музыковед Игорь Бэлза писал в "Известиях": "Дирижер народный артист РСФСР и УССР А. Маргулян раскрыл богатство и шекспировскую мощь партитуры Верди... Заслуженный артист республики Азрикан в роли Отелло создал впечатляющий образ. Голос певца — драматический тенор — как нельзя более подходит к этой партии... Мастерство Азрикана проявилось и в исполнении вокальной партии, ив сценическом раскрытии образа Отелло, благородного, цельного в своих чувствах. Постановка "Отелло" — настоящая творческая победа".

Совершенно закономерным стало присвоение этой постановке Сталинской премии, которую позднее станут стыдливо именовать Государственной. Один из лауреатов — Азрикан.

Арнольд Григорьевич был не только исполнителем, в нем жило режиссерское начало. Вспомним здесь, например, Н.П. Савченко, С.Я. Лемешева, Д.А. Донатова, Е.В. Образцову. Эти замечательные артисты ставили оперные спектакли. Азрикан поставил "Отелло" в Саратове (1951), Баку (1952), Куйбышеве (1959), Кишиневе (1964), "Иоланту" в Баку (1953), "Манон Леско" в Баку же (1956).

С середины и до конца пятидесятых годов Арнольд Азрикан поет в одесском оперном. Был успех у слушателей, у коллег и гастролеров, в частности, в спектаклях с участием блистательной румынки Елены Черней, впоследствии солистки знаменитого театра Метрополитен-опера (Нью-Йорк). Но далеко не все в судьбе певца складывалось так, как должно было бы для художника такого масштаба, как Азрикан.

Роман БРОДАВКО

Художник в настоящем времени

История Одесского украинского музыкально-драматического театра, одного из старейших в стране, изобилует многими яркими именами. Это известнейшие драматурги, великие актеры, выдающиеся режиссеры, о которых написано немало книг, искусствоведческих исследований и статей. К сожалению, в меньшей мере пишут о художниках и композиторах, вписавших свои яркие страницы в историю театра. Среди таких людей — художник Николай Степанович Маткович, который оформил первый спектакль Держдрамы (так назывался тогда одесский Украинский театр) "Поджигатели" по пьесе Анатолия Луначарского, премьера которого состоялась в ноябре 1925 года, и практически всю свою творческую жизнь был связан с этим творческим коллективом.

Я познакомился с Николаем Степановичем в конце шестидесятых годов. Высокий, статный, сухощавый, всегда аккуратно одетый, он обладал прекрасными манерами, говорил негромко, но внятно, тщательно подбирая слова, был всегда предельно точным в формулировке мысли. В театре он пользовался большим уважением и высоким авторитетом не только как главный художник, но и как человек с безупречным вкусом и глубоким пониманием театрального дела.

В глазах нас, молодых, Маткович тогда выглядел традиционалистом. Его приверженность к реалистическому оформлению, к детализации казалась старомодной в сравнении с теми новациями, которые начали преобладать в отечественной сценографии в то время. Впрочем, новации ли это были? Но как бы то ни было, оформление, выполненное по эскизам Николая Степановича, всегда точно создавало образ спектакля, было зрелищным и функциональным. В мою детскую память вошло и навсегда осталось впечатление от декораций к драме Ф. Шиллера "Разбойники" (режиссер Евгений Купченко). Это были задники, написанные под гобелены XVII века на черном бархате. Фактура ткани придавала им особый объем и парадность.

С детских лет мне запомнились и декорации к спектаклю "Прапор Вітчизни": огромная палуба танкера "Туапсе", экипаж которого был захвачен чайканшистами, тесные камеры, где содержали наших моряков... А какое впечатление производил трехуровневый срез дома в спектакле по пьесе М. Кулиша "Патетическая соната" в постановке Наума Орлова! Как точно здесь была обозначена среда обитания героев, принадлежащих

к разным социальным слоям! Насколько образно холщовая фактура мягкого оформления выражала дух народной трагедии в спектакле "Гайдамаки" по поэме Тараса Шевченко — одном из режиссерских шедевров Василия Василько!

В юности меня восхищали монументальные декорации Н. Матковича к драме В. Гюго "Мария Тюдор". Один из машинистов сцены мрачно шутил, что Николай Степанович воспроизвел на сцене театра лондонский Тауэр в натуральную величину. Это оформление начинали ставить ранним утром, чтобы успеть к вечернему спектаклю. Работа была долгой и утомительной. Зато мощная многоуровневая конструкция позволяла обеспечивать непрерывность сценического действия, при поворотах круга ее отдельные сегменты обозначали то королевские покои, то уличные закоулки, то площадь, где совершались казни. Все это было на редкость театрально, зрелищно, и в сочетании со светом и музыкой воспринималось очень эмоционально. Точными и выразительными были костюмы, которые разрабатывались Николаем Степановичем.

В спектакле по пьесе М. Кулиша "Отак загинув Гуска" Маткович поразил тем, что использовал эстетику карикатур известных "Окон РОСТА". Она оказалась удивительно созвучной теме известной пьесы классика украинской драматургии XX века.

С какой изобретательностью оформлял Николай Степанович сказки для детей! Сцена превращалась в волшебное царство, в котором царила Ее Величество Фантазия. В начале семидесятых к Новому году была поставлена сказка "Чари сопілки". Дети, затаив дыхание, следили за событиями, которые разворачивались то в подводном и подземной царстве, то на лесной поляне, то во дворце. Декорации были очень выразительными. Вспоминая этот и другие спектакли для детей, остается только сожалеть, что сегодня театры не в состоянии вложить столько средств в осуществление оригинальных замыслов сценографов, как это было в шестидесятые — начале семидесятых годов.

Особо хочется сказать о качестве макетов оформления спектаклей, которые представлял на худсоветы Николай Маткович. Они сами по себе были произведениями искусства. Макеты были очень подробными и в миниатюре точно отражали то, что со временем должно быть осуществленным на сцене. Большинство из них, к сожалению, утрачено.

Как раз перед премьерой спектакля "Трибунал", который шел в его оформлении, Николай Степанович захворал. Мне пришлось по какому-то делу посетить его на дому. И вот я в квартире на Канатной улице, где жил

художник. Он принял меня очень радушно. Честно говоря, я даже растерялся, оказавшись с человеком, под руководством которого работал в театре декоратором, как сказали бы сейчас, в неформальной обстановке. И тут меня подстерегало много неожиданностей. Николай Степанович стал рассказывать о своей молодости, а потом показал альбом с эскизами и фотографиями своих довоенных работ. Это был совсем не тот Маткович, к которому мы привыкли. Первые работы художника были выполнены в эстетике экспрессионизма. Использовались металлические и деревянные конструкции, сценические метафоры соответствовали творческим поискам режиссеров-новаторов двадцатых-тридцатых годов. Много нового, необычного было и в костюмах.

Ровесник XX века, Николай Степанович окончил Одесский художественный институт, где его наставником был известный профессор В. Мюллер. По словам Матковича, театральное искусство интересовало его с ранних лет, поэтому неудивительно, что он выбрал для себя эту стезю. В 1926 году судьба свела его с Василием Степановичем Василько, тогда молодым режиссером, который органично соединял в своем творчестве художественные принципы театра корифеев и новаторство своего учителя Леся Курбаса. Между ними возникло полное единомыслие. В период с 1926 по 1928 год Маткович оформил свыше десяти спектаклей Василько, а когда Василий Степанович из-за разногласий в коллективе вынужден был уехать из Одессы, Николай Степанович без колебаний отправился за ним в Харьков.

Сразу после окончания войны вплоть до кончины в 1973 году Маткович был главным художником Одесского украинского театра.

Так сложилось, что на протяжении почти целого века в одесских театрах служили крупные сценографы, которые внесли весомый вклад в украинское театрально-декорационное искусство. Это А. Петрицкий, Н. Данилов, А. Плаксий, С. Кузнецов, П. Злочевский, М. Кордонский, Л. Альшиц, М. Ивницкий... Среди них достойное место занимает Николай Степанович Маткович, который всегда был художником в настоящем времени.

Александр КНЯЗИК

Мысли о скульптуре

Для меня творчество, как я его сейчас понимаю, началось очень поздно, примерно лет через пятнадцать после окончания художественного института. Все эти годы у меня была мучительная неудовлетворенность тем, что я делаю, борьба с рабским отношением к натуре, которое мне внушили очень рано. И дело не в господстве соцреализма и некоторых известных идеологических понятий, дело было в ложных профессиональных установках и ошибочной шкале ценностей в искусстве. Очень медленно я стал понимать, что критерием качества скульптуры не может быть ее соответствие натуре, поскольку художник должен создавать другой мир, который называется миром художника, и чем больше он отличается от пластики, существующей в реальности, тем выше его ценность.

* * *

Очевидно, главной движущей силой искусства является желание поделиться с другими тем, что ты узнал нового, до сих пор неизвестного. Когда это желание приобретает форму навязчивой идеи, и ты уже не можешь это держать в себе, тогда и наступает момент творчества. Необходимо увидеть мир своими глазами, пересмотреть сложившуюся точку зрения на те или иные явления, предметы, события. Эмоциональное восприятие мира художником будет интересно, если оно не совпадает с мнением большинства, хотя тут есть большое поле для спекуляций.

* * *

Большое влияние на меня оказало искусство древнерусских мастеров скульптуры, греческая архаика. Это искусство наполнено первозданным ощущением ясности и простоты предметов и форм, а с другой стороны, в нем есть желание увидеть мир очищенным от суеты, сделать его прекрасным и гармоничным. В этом смысле для меня греческая архаика и русский лубок — явления одного порядка. Когда я смотрю на древние статуи или на наших скифских баб, меня охватывает восторг от ощущения ясности формы и чистоты помыслов их создателей.

Конечно, не все разделяют со мной этот восторг, и тут возникает вопрос: для какого зрителя создается произведение искусства? Уверен, что для древних мастеров этот вопрос не существовал, все, что они делали,

было для всех и, как бы мы сейчас сказали, — это была массовая культура. Остается загадкой, почему это искусство было на таком высоком эстетическом уровне. Возможно, это связано с тем, что люди тогда были наивны, чисты и богобоязненны.

Однако и тогда уже было элитарное искусство, рассчитанное на знатоков и любителей прекрасного, — я имею в виду ювелирные украшения. С течением времени искусство все более усложнялось, и в конце концов стало настолько трудно воспринимаемым, что большинство людей не реагирует на него адекватно. Сегодня различие между массовой культурой и элитарным искусством напоминает глубокую пропасть.

* * *

Принято считать, что художник в момент творчества не вправе думать о том, для кого он работает, кто будет его зрителем. Это справедливо лишь отчасти. Конечно, художник должен быть свободен в своем самовыражении, вплоть до того, что он вправе быть никому не нужным, кроме самого себя. Но когда создается монумент, который будет стоять на городской площади, нельзя не учитывать, что памятники людям и событиям устанавливаются лишь с одной целью — прославить их в веках. В демократической стране это должно быть желанием широкой общественности, именно она является заказчиком. Другое дело, что художник должен решать, браться ему за конкретный памятник или нет.

У меня было несколько случаев, когда я отказывался от работы по причинам личных убеждений. Однако большинство моих монументальных работ полностью совпадает с моими эстетическими и нравственными ценностями, более того, есть один памятник, который я сделал совсем без оглядки и вопреки общественному мнению. Это памятник Иосифу Дерибасу. И до сих пор меня ругают за него по разным причинам. Главная претензия заключается в том, что в фигуре нет значительности великого человека, и это сущая правда, потому что в этой работе меня интересовали совсем другие формальные и неформальные задачи.

Известно высказывание одного

знаменитого физика о том, что занятие наукой является не чем иным как удовлетворением своего любопытства за счет казенных средств. Как видим, в искусстве это опасно, хотя деньги были не казенные.

* * *

Полная свобода для меня наступает, когда я делаю скульптуру малых форм, — вот тут и происходит пресловутое самовыражение. Особенно меня интересует гротеск, парадокс, совмещение несовместимого. Например, "Просвещение" — это женщина, читающая книгу, сидя на драконе; или "Обновление" — человек, прыгающий на колючках. В таких работах есть подтекст, второй смысл, который побуждает моего зрителя задуматься. Я говорю "моего", потому что я делаю скульптуру для своего зрителя, который понимает мою пластику и способ мышления.

Особый интерес для меня представляет рисунок. Я всегда стараюсь достичь выразительности с помощью минимума средств, желательно одним росчерком. Ничего лишнего, только главное. Это полигон идей и формальных поисков. Иногда несколько точно найденных скупых линий могут вызвать больший эмоциональный всплеск, чем тщательно проработанная форма.

* * *

Сегодня я начинаю понимать, что выражение "учитесь у природы" имеет не прямой, а очень широкий смысл. Разнообразие пластических форм в природе огромно и неисчерпаемо, нужно только научиться воспринимать сигналы, которые нам посылает окружающий мир. Не зря же массы японцев специально собираются, чтобы посмотреть на восход солнца над Фудзиямой или на цветение сакуры. Очевидно, они еще не полностью утратили первозданные инстинкты. Это особенно важно для тех, кто занимается творчеством.

Рисунки автора

Татьяна САВИЛОВА

Студенческий венок Гоголю
К 155-летию пребывания Гоголя в Одессе

Для меня одно из самых радостных событий весны этого года — работа со студентами историко-филологического факультета Южноукраинского государственного педагогического университета над композицией, посвященной Гоголю.

Здесь соединилось все. Проникновенная игра Юры Останова (Гоголь), сумевшего понять и передать главное в характере своего героя. Его Гоголь — труженик, для которого вне работы нет жизни. Его Гоголь — раненный нелюбовью девушки и ее совершенным непониманием своего долга — долга аристократки — заботиться о своих крестьянах. Его Гоголь — влюбленный в украинскую песню и готовый пуститься в пляс в девичьем хороводе.

Сдержанная холодноватая и неожиданно взрывающаяся в своем праве любоваться Гоголем, глубоко понимающая его творчество Алена Худолей в роли Неизвестной. (На материале одесского дневника Неизвестной мы и разрабатывали нашу драматургическую версию.) Внешне блестящая, наивная (вот уж поистине не ведает, что творит), убийственно равнодушная Алла Блажевская — Анна Михайловна Вьельгорская. Прекрасная игра других участников композиции: Наташи Макарчук (Анна Андреевна и Агафья Тихоновна), Лены Вдовиченко (сваха), Оли Багмут (Хивря), Марины Побережец (Оксана), Люды Малишевской (дама приятная во всех отношениях), Ани Кукушкиной (старушка) и увлеченность наших мужчин (Вакула — Павлик Войтенко, Хлестаков — Володя Худолей).

Радостная игра моих ребят, их неожиданные находки при очень бережном отношении к гоголевскому тексту, неожиданное его звучание в их исполнении позволило и мне порой по-новому увидеть Гоголя или, наоборот, увериться в точности моих прежних представлений.

Гоголь приехал в Одессу 24 октября 1850 г. в тяжелом состоянии. Предыдущая зима в Москве была холодной. Гоголь болел. Не ладилась работа над вторым томом "Мертвых душ". Весной 1850 г. была отклонена его попытка (единственная попытка такого рода за всю его жизнь) предложения А.М. Вьельгорской.

Он надеялся, что в Одессе ему станет легче. И действительно, теплая зима, морской воздух, близость к артистической молодежи, дом Л.С. Пушкина, дружеское участие поначалу мало знакомых людей и даже

наивная, но трогательная, проникающая в суть его таланта привязанность, глубину которой он, возможно, не осознал, но что она есть и что она важна для него, он понимал прекрасно — здесь все как-то сошлось.

Гоголь уехал из Одессы 27 марта 1851 года и собирался вернуться. "Там я могу дышать", — писал он.

Не судилось. Одесса оказалась словно глотком свежего воздуха перед трагедией его последней зимы.

Гоголь писал: "Искусство не разрушение. Искусство есть водворение в душу стройности и порядка. Искусство должно выставить нам на вид доблестные народные наши качества... не выключая даже и те, которые, не имея простора свободного развития, не всегда замечены, чтобы каждый почувствовал их и в себе самом и загорелся бы желанием развить и взлелеять их и в себе самом". Он хотел во 2-м томе "Мертвых душ" показать, как воскресают к новой чистой жизни Чичиков и иже с ним.

Между тем действительность почти не давала материала для такого превращения, да и специфика таланта Гоголя-сатирика заставляла его реагировать прежде всего на все отрицательное, на явления "бесчеловечья в человеке". Но Гоголь не просто умел представить недостаточность человеческого в человеке, он сумел это "бесчеловечье" высмеять. "Чему смеетесь? Над собой смеетесь", — кричит в лицо зрителям городничий. Но если человек способен засмеяться над своими недостатками, значит, в этот момент он выше, умнее, сильнее этого недостатка.

И в этом сила гения Гоголя. Он высмеял пошлость, антигуманизм и тем самым показал их слабость.

После Пушкина он глава реалистической школы русской литературы, оказавшей большое влияние на литературу других стран, на украинскую в том числе.

"Мы все вышли из "Шинели" Гоголя", — писал Достоевский. Может быть, впервые так пронзающе зазвучала тоска по утрачиваемой человечности и замкнулась на реалистической бытовой детали — на шинели. Но что шинель! Ведь не из-за украденной же шинели умер бедный Акакий Акакиевич, а от предельного одиночества, оттого, что не услышали его стона, что никто не заметил его отчаяния.

Гоголь не прощал бесчеловечья ни в литературе, ни в жизни, где бы оно ни проявлялось, даже в облике любимой женщины. И все-таки, глубоко религиозный человек, он мужественно оценивал зло, говоря языком сегодняшнего времени, понимал диалектику добра и зла: "Счастливый тот, кто постигнул этот строгий необходимый закон: если бы не было

волн, то и плыть было бы невозможно". Он глубоко чувствовал специфику национального менталитета. В нем жила великая любовь к Украине — и не меньшая привязанность к России, ответственность за нее. "Сам не знаю, какая у меня душа: хохлацкая или русская. Знаю только, что никак не дал бы преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом и, как нарочно, каждая из них порознь заключает то, чего нет в другой — явный знак, что они должны пополнять одна другую...

Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве".

Когда-то в начале своего поприща Гоголь пробовал себя как преподаватель. Он начал читать лекции в университете. Хотел написать историю Украины. Литературная деятельность поглотила его целиком. Но связь с университетом не прервалась. Он стал его почетным членом. При минимальных средствах он систематически помогал нуждающимся студентам. И эти поступления должны были быть продолжены и после его смерти. Гроб с его телом приняла церковь Московского университета. И хоронило его, прежде всего, студенчество. Студенту, оставшемуся неизвестным, принадлежит известная фраза о том, что все собравшиеся — родные Гоголю люди, а с ними — и вся Россия.

Мы рады, что сумели свить и наш венок в честь гениального писателя. С днем рождения тебя, Гоголь! Одесса помнит и любит тебя.

Дело его жизни

Аркадий Иосифович Полторак родился в 1916 г. в Одессе. Его молодые годы совпали с тем периодом в истории нашей страны, когда молодежь была охвачена энтузиазмом, жаждой активной деятельности, стремлением ко всему новому.

После учебы в школе окончил рабфак, работал в совхозе трактористом, а затем в городе, в рабоче-крестьянской инспекции. В 1935 г. был направлен в Москву на учебу на курсы счетных работников в Народный комиссариат по иностранным делам. По окончании курсов работал в аппарате Наркоминдела. Одновременно учился во Всесоюзном заочном юридическом институте.

В 1939 г. был призван в армию. С первых же дней войны служил в действующей армии. Был членом военного трибунала, а затем его председателем. Участвовал в боях на Западном и Северо-Западном фронтах, неоднократно награждался орденами и медалями.

По окончании войны был направлен в Нюрнберг для участия в работе Международного военного трибунала руководителем секретариата советской делегации. Был ответствен за подготовку документов, предлагаемых в качестве доказательств советскими юристами, за работу переводчиков, ведение протокольных записей, подготовку документов процесса к изданию.

На процессе вел личный дневник, куда заносил свои наблюдения и впечатления обо всем, что происходило в Нюрнберге, о беседах и встречах со многими выдающимися людьми, приезжавшими на процесс из нашей страны и из многих зарубежных стран, с которыми впоследствии сложились дружеские отношения. Среди них были академики А. Трайнин, Орбели, писатели И. Эренбург, Б. Полевой, В. Вишневский, Л.Р. Шейнин, кинематографист Р. Кармен, фотокорреспондент Е. Халдей и т. д.

После окончания процесса работал в Военно-юридической академии, Институте государства и права АН СССР, где подготовил и защитил докторскую диссертацию "Нюрнбергский процесс. Основные правовые проблемы". Подготовил и издал научную монографию, на которую и поныне ссылаются исследователи в области международного права и международных отношений.

Теме Нюрнберга брат посвящал многие работы не только научного характера.

Как к участнику процесса к нему на протяжении многих лет обращались газетчики, работники радио и телевидения с просьбами поделиться своими воспоминаниями о процессе, и он делал это с большим удовольствием, совершенствуя свои литературные способности и дар публициста.

В 1961 году вышли в свет его мемуары "Нюрнбергский эпилог", в которых он в яркой публицистической манере рассказал о процессе. Книга была переведена и издана на 12 языках, в том числе на английском, немецком, французском, украинском, чешском, польском,

латышском, армянском, грузинском. Рецензии на книгу печатались во многих периодических изданиях, в том числе в газетах "Чорноморська комуна", "Большевистское знамя".

Его приглашали для участия во многих международных съездах, конференциях, симпозиумах. Он стал экспертом по вопросам военных преступлений и преступлений против человечности, вопросам фашистской идеологии.

Военную миссию по борьбе с зарождающимся фашизмом в Индии он выполнил будучи участником международной конференции по борьбе с фашистской идеологией в период кампании по выборам президента страны, которая была созвана лидером партии Индийский национальный конгресс Индиры Ганди.

Еще более сложную задачу предстояло решать в Анголе в годы гражданской войны и борьбы за независимость страны, когда правительство во главе с Аугустиньо Нето готовилось организовать военный трибунал для суда над английскими и американскими наемниками, которые сражались на стороне "мятежников" против Народной Республики Анголы. Будучи консультантом правительства Анголы, он употребил свои усилия для предотвращения такого судебного процесса как принципиально не соответствующего духу законов и обычаев войны, утвердившихся в международном праве со времени Нюрнбергского процесса.

Позиция А.И. Полторака была неугодной кубинским "добровольцам", которыми была наводнена страна в годы гражданской войны в Анголе. За ним была установлена слежка, которая должна была привести к устранению "неугодного" советника правительства А. Нето. По указанию МИДа СССР тайно, на военном истребителе, брат был вывезен с территории Анголы. Его деятельность в конце концов привела к провалу идеи о судебном процессе.

Многие печатные работы А.И. Полторака актуальны в наши дни.

В годовщину 60-летия вынесения приговора Международного военного трибунала главным немецким военным преступникам в Нюрнберге хотелось бы вспомнить о замечательной работе А.И. Полторака отрывком из его книги "Нюрнбергский эпилог".

Давид ПОЛТОРАК
Москва

Аркадий ПОЛТОРАК

Суд народов
Дорога на Нюрнберг

Июль 1945 года. Дивизия, в которой я служил председателем трибунала, возвращается из-под Праги в родные места. На этот раз путь был легким — солдаты спешили домой.

латышском, армянском, грузинском. Рецензии на книгу печатались во многих периодических изданиях, в том числе в газетах "Чорноморська комуна", "Большевистское знамя".

Его приглашали для участия во многих международных съездах, конференциях, симпозиумах. Он стал экспертом по вопросам военных преступлений и преступлений против человечности, вопросам фашистской идеологии.

Военную миссию по борьбе с зарождающимся фашизмом в Индии он выполнил будучи участником международной конференции по борьбе с фашистской идеологией в период кампании по выборам президента страны, которая была созвана лидером партии Индийский национальный конгресс Индиры Ганди.

Еще более сложную задачу предстояло решать в Анголе в годы гражданской войны и борьбы за независимость страны, когда правительство во главе с Аугустиньо Нето готовилось организовать военный трибунал для суда над английскими и американскими наемниками, которые сражались на стороне "мятежников" против Народной Республики Анголы. Будучи консультантом правительства Анголы, он употребил свои усилия для предотвращения такого судебного процесса как принципиально не соответствующего духу законов и обычаев войны, утвердившихся в международном праве со времени Нюрнбергского процесса.

Позиция А.И. Полторака была неугодной кубинским "добровольцам", которыми была наводнена страна в годы гражданской войны в Анголе. За ним была установлена слежка, которая должна была привести к устранению "неугодного" советника правительства А. Нето. По указанию МИДа СССР тайно, на военном истребителе, брат был вывезен с территории Анголы. Его деятельность в конце концов привела к провалу идеи о судебном процессе.

Многие печатные работы А.И. Полторака актуальны в наши дни.

В годовщину 60-летия вынесения приговора Международного военного трибунала главным немецким военным преступникам в Нюрнберге хотелось бы вспомнить о замечательной работе А.И. Полторака отрывком из его книги "Нюрнбергский эпилог".

Давид ПОЛТОРАК
Москва

Аркадий ПОЛТОРАК

Суд народов
Дорога на Нюрнберг

Июль 1945 года. Дивизия, в которой я служил председателем трибунала, возвращается из-под Праги в родные места. На этот раз путь был легким — солдаты спешили домой.

Меня же ожидало другое. Из Москвы пришло указание немедленно прибыть в Главное управление военных трибуналов. А там объявили, что идет подготовка к созданию Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками второй мировой войны, процесс состоится в Нюрнберге, и я командируюсь туда в составе советской делегации.

Поспешный выезд в дивизию. Сдача дел. Прощание с фронтовыми друзьями. И снова — в Москву.

Первая встреча с моим новым шефом — генерал-майором юстиции Ионой Тимофеевичем Никитченко. До сих пор я знал его как заместителя председателя Верховного Суда СССР. Теперь он — член Международного трибунала. В лаконичной беседе с Никитченко выясняется, что мне предстоит ведать в Нюрнберге советским секретариатом.

Пока оформляются документы, работаю в Военной коллегии Верховного Суда СССР. Наконец, вместе с военным прокурором Василием Самсоновым, тоже командируемым в Нюрнберг, я сажусь в самолет. Мы летели на процесс, который продлится около года и о котором так много будет написано и хорошего, и плохого, и правдивого, и лживого.

Скоро я услышу английского обвинителя Шоукросса, и он будет утверждать, что Нюрнбергский процесс "явится авторитетной и беспристрастной летописью, к которой будущие историки могут обращаться в поисках правды, а будущие политики в поисках предупреждения". Но когда закончится процесс, я прочту книгу его соотечественника публициста Монтгомери Бельджиона, где есть такие слова: "Если бы обыкновенный человек попал с луны в Нюрнберг, то он пришел бы к выводу, что там царит сплошная бессмыслица". В чем заключается эта "бессмыслица", разъяснит затем лорд Хенки. Он назовет Нюрнбергский процесс "опасным прецедентом для будущего" и поспешит заверить: "Чем скорее мы покончим с этими процессами, тем будет лучше...".

Я услышу в зале суда исполненное глубокого смысла заявление главного французского обвинителя Шампетье де Риба:

— После предъявления документов, после того, как были заслушаны свидетели, после демонстрации кинофильмов, при просмотре которых даже сами подсудимые содрогнулись от ужаса, никто в мире не сможет утверждать, что лагеря уничтожения, расстрелянные военнопленные, умерщвленные мирные жители, горы трупов, толпы людей, изуродованных душой и телом, газовые камеры и кремационные печи, — что все эти преступления существовали лишь в воображении антинемецки настроенных пропагандистов, этого не сможет утверждать никто.

А пройдет несколько лет, и другие французы с пеной у рта станут опровергать Шампетье де Риба. Я прочту книгу Мориса Бардеша, выливающего не один ушат грязи на Нюрнбергский процесс, пытающегося доказать, что "нельзя слепо, на веру принимать приговор, подписанный победителями...". Я узнаю из газет о поездке по городам и весям Западной Германии французского профессора Поля Рассиньи. Он будет убеждать немцев в том, что приговор Международного трибунала был вынесен на основе "фальшивых свидетельских показаний и коммунистической травли".

В первые дни процесса главный американский обвинитель Роберт Джексон скажет:

— Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злостны и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся.

Но тотчас же после процесса рядовой американец, не успевший еще забыть этих слов Джексона, окажется поставленным в тупик цинично откровенным заявлением сенатора Тафта о том, что "Соединенные Штаты еще долго будут сожалеть о приведении в исполнение Нюрнбергского приговора".

В ночь на 16 октября 1946 года мне доведется быть в здании, где совершится последний акт процесса — гитлеровскую клику поведут на эшафот. Но затем именно этот день кое-кто в ФРГ объявит "черным днем германской истории" и журнал "Национ Ойропа" прольет слезу по осужденным, напишет, что они "не нарушили ни одного из существующих где-либо законов".

Потом я прочитаю изданные в Америке и немедленно переведенные в Западной Германии мемуары Альфреда Розенберга. В них будет воспроизведено "политическое завещание" этого духовного отца расизма: "Как и другие великие идеи, знавшие победы и поражения, национал-социализм в один прекрасный день будет возрожден в новом поколении, которое создаст в новой форме империю для немцев... национал-социализм начнет произрастать из здоровых корней и превратится в крепкое дерево, которое даст свои плоды".

Нюрнбергский приговор не мог, конечно, не вызвать раздражения у уцелевших гитлеровских генералов. И неудивительно, что они открыли по нему массированный огонь из всех пропагандистских калибров.

Нюрнбергский процесс оказался таким явлением в истории международных отношений, которое на многие десятилетия дало пищу уму и государственных деятелей, и историков, и юристов, и дипломатов.

В судебном зале

1 декабря 1945 года.

...Наконец мы в зале, где заседает Международный военный трибунал. Первое, что бросается в глаза, — отсутствие дневного света: окна наглухо зашторены.

А мне хотелось бы, чтобы этот зал заливали солнечные лучи, и через широкие окна, нарушая суровую размеренность судебной процедуры, сюда врывались бы многообразные звуки улицы. Пусть преступники чувствуют, что жизнь, вопреки их стараниям, не прекратилась, что она прекрасна.

Зал отделан темно-зеленым мрамором. На стенах барельефы — символы правосудия... Судьи и все присутствующие внимательно слушают прокуроров, свидетелей, подсудимых и их защитников. Каждые 25 минут меняются стенографистки (к концу дня должна быть готова полная стенограмма судебного заседания на четырех языках). Кропотливо трудятся фотографы и кинооператоры многих стран мира. Чтобы не нарушать в зале тишину и торжественность заседаний, съемки производятся через специально проделанные в стенах застекленные отверстия.

На возвышении — длинный стол для судей. За ним слева направо разместились генерал-майор юстиции И.Т. Никитченко, подполковник юстиции А.Ф. Волчков, англичане лорд Биркетт и лорд Лоренс, американцы Биддл и Паркер, французы Доннедье де Вабр и Робер Фалько. Ниже судейского стола, параллельно ему, расположился секретариат. Еще ниже — стенографистки.

Справа — большие столы сотрудников прокуратуры четырех держав, руководимых главными обвинителями: от СССР — государственным советником юстиции 2-го класса Р.А. Руденко, в то время занимавшим пост прокурора Украинской ССР; от США — Робертом Джексоном, членом Верховного суда; от Великобритании — Хартли Шоукроссом, генеральным прокурором Англии; от Франции — Франсуа де Ментоном, членом французского правительства. Позади обвинителей — места для представителей прессы.

Слева от входа — скамья подсудимых. Первый ряд ее занимают Герман Геринг, Рудольф Гесс, Иоахим фон Риббентроп, Вильгельм Кейтель, Эрнст Кальтенбруннер, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Вильгельм Фрик, Юлиус Штрейхер, Вальтер Функ, Яльмар Шахт. Во втором ряду — Карл Дениц, Эрих Редер, Бальдур фон Ширах, Фриц Заукель, Альфред

Йодль, Франц фон Папен, Артур Зейсс-Инкварт, Альберт Шпеер, Константин фон Нейрат, Ганс Фриче. Перед каждым судебным заседанием их доставляют сюда по одному. Под усиленным конвоем они следуют через новый подземный ход, соединяющий тюрьму с Дворцом юстиции, и поднимаются в пустой еще зал. Бесшумно открывается узкая дубовая дверь, и подсудимые, как злые духи, будто возникают прямо из стены. Одни здороваются друг с другом. Другие озлобленно, по-волчьи шмыгают на свои места, ни на кого не глядя.

Скамью подсудимых окружают солдаты американской военной полиции. Впереди нее на специально отведенных местах — одетые в мантии адвокаты.

На втором этаже зала — балкон для гостей...

В этой обстановке предстояло работать без малого год. Судебный процесс начался 20 ноября 1945 года и закончился 1 октября 1946 года. Трибунал провел 403 судебных заседания...

В первый же день процесса в кратком вступительном слове о правовых основах деятельности Международного военного трибунала председательствующий заявил:

— Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре. По этой причине на тех, кто принимает в нем какое-либо участие, лежит огромная ответственность, и они должны честно и добросовестно выполнять свои обязанности без какого-либо попустительства, сообразно со священными принципами закона и справедливости.

Мы еще увидим, насколько вняли этому призыву некоторые участники процесса, как отнеслась к нему защита, как вели себя многочисленные и очень не одинаковые по своему положению и политическим взглядам свидетели. А пока мне хотелось бы задержать внимание читателя на скамье подсудимых.

Нацистские главари стараются держаться непринужденно. Они переговариваются между собой, пишут записки адвокатам, делают довольно пространные записи для себя. Особенно усердствует Риббентроп. Он буквально завалил защитника своими "инструкциями" и, пожалуй, с самого начала процесса прямо в зале суда стал сочинять "мемуары". Казалось бы, зачем? Ни один еще из буржуазных государственных деятелей не получал возможности столь обстоятельно поведать миру о своей жизни и своих делах, как это довелось в Нюрнберге бывшим членам правительства гитлеровской Германии. Стенографический отчет процесса явился уникальным собранием правдивых био-

графий нацистских политиков. Но это противоречило их желаниям и намерениям. Нет, не такие "мемуары" хотелось им оставить для истории. И каждый старался по-своему. Одни сами взялись за перо. Другие попытались использовать в этих целях перо многочисленных агентов буржуазной прессы.

Уже в первые дни процесса я заметил, что с подсудимыми часто беседует молодой американский офицер с повязкой "ISO"[1]. То был судебный психиатр доктор Джильберт. В Нюрнберге этому человеку завидовали журналисты всего мира. Как все они, Джильберт мог слушать и наблюдать происходящее в зале суда. Как никто из них, он имел возможность без всяких ограничений в любое время общаться с подсудимыми и в зале суда, и в камерах тюрьмы, и публично, и наедине.

Доктор Джильберт хорошо владел немецким языком, который, как рассказывали, был для него родным. Он знал многое, чего не знали другие. Журналисты буквально охотились за ним, надеясь выудить что-нибудь сенсационное для прессы. Перед самым концом процесса он сообщил мне, что заканчивает обработку своих дневников, и несколько западных издательств очень торопят его с этим. Ему очень хотелось, чтобы и советские издательства приобрели эту рукопись. Джильберт передал мне первую ее половину для ознакомления. А полностью его книгу "The Nurenberg diary"[2] я прочел позже. Она была издана в США и во многих европейских странах. По-своему это очень любопытный документ, особенно для участников процесса. Джильберт дополняет общую картину увиденного в Нюрнберге рядом ярких деталей, о которых подсудимые поведали ему в частных беседах. Это как бы ежедневный комментарий самих подсудимых ко всем сколько-нибудь значительным событиям процесса, в какой-то степени объясняющий их собственное поведение в суде. Джильберт оказался тонким наблюдателем.

Галерею для гостей всегда переполняли офицеры союзных армий, преимущественно американской. Приезжали сюда и тогдашний военный министр США Паттерсон, и бывший военный министр Англии Хор-Белиша, и лорд-канцлер Англии Джоуит, и председатель английской комиссии по расследованию военных преступлений лорд Райт, и лорд Моэм — брат писателя Соммерсета Моэма, и известные публицисты Гарольд Никольсон, Уолтер Липпман, Джозеф Олсоп.

Как-то у судей меня познакомили с одним толстяком, очень живым и экспансивным. То был Фиорелло Лагардиа, губернатор Нью-Йорка.

[1] Internal security office (Служба внутренней безопасности).

[2] "Нюрнбергский дневник".

Не раз в зале суда появлялись весьма расфранченные дамы, каким-то образом получившие пропуска на длительный срок. Одни из них — жены подсудимых, другие — супруги крупных государственных деятелей западных стран...

Говорили, что в Нюрнберг приезжала жена Рудольфа Гесса. Проживая во время процесса в американской зоне, она только и делала, что рассказывала всем о "великих достоинствах" мужа и своем намерении издать собственный дневник.

Подстать фрау Гесс была и жена Гиммлера. Эта тоже не пропускала ни одной возможности поговорить с иностранными корреспондентами и поведать им, что она "считает своего мужа великим немецким вождем".

В той же шеренге шествовала жена Квислинга, которая громогласно объявила, что ее муж "мученик, умерший за нордическую свободу".

Но оставим в стороне дам. Не они, в конечном счете, определяли лицо публики на галерее для гостей и в кулуарах Дворца юстиции. И там и здесь куда больше было "деловых" людей.

Вот ведут беседу два человека. Один, на вид лет пятидесяти, весьма респектабельный джентльмен небольшого роста, — представитель какого-то издательства. Второй, в черной мантии, — адвокат Альфреда Розенберга, высокий и массивный Тома. Доктор Серватиус — адвокат Заукеля, наблюдая за собеседниками со стороны, понимающе качает головой. Несколько позже он жаловался, что вся защита подсудимых, и без того перегруженная по горло, почти ежедневно должна была вести переговоры с заполонившими Нюрнберг американскими и английскими издателями, решившими, что можно неплохо заработать на публикации мемуаров подсудимых. И результаты этих переговоров проявились незамедлительно: сразу же по окончании процесса в Америке были опубликованы мемуары Розенберга и Риббентропа, написанные в Нюрнбергской тюрьме.

Своеобразный колорит вносили своим появлением в коридорах Дворца юстиции пленные эсэсовцы. Их использовали для всякого рода подсобных работ: перетаскивания мебели, уборки помещения. Этих эсэсовцев каждое утро привозили в крытой машине. Потом они как-то сразу исчезли. Это совпало с появлением в длинных коридорах Дворца юстиции дзотов, в которых постоянно дежурили американские солдаты, вооруженные пулеметами и автоматами. Были также установлены зенитные посты на крыше, и вся американская охрана приведена в боевую готовность.

При случае спрашиваю начальника охраны полковника Эндрюса, кто угрожает Международному трибуналу. Оказывается, пленные эсэсовцы.

Они будто бы разбежались из лагеря, захватили оружие и идут на Нюрнберг. Относительно целей этого похода циркулировали различные слухи. Одни утверждали, что эсэсовцы решили силой освободить нацистских главарей. Другие доказывали, что они собираются линчевать их за проигрыш войны. Вскоре, однако, выяснилось, что все эти слухи сильно преувеличены. Дзоты были убраны. Но корреспонденты буржуазных газет ликовали: им представилась счастливая возможность сообщить в свои газеты, журналы и агентства еще одну сенсацию из Нюрнберга.

Нельзя забыть и такой эпизод. Однажды утром я вошел в зал суда вместе с Л.Р. Шейниным. До начала заседания осталось минут двадцать. Мы стояли недалеко от скамьи подсудимых и разговаривали. Ввели фон Папена, и я заметил, как он вдруг остановился, встретившись взглядом с моим собеседником. Лев Романович тоже всматривался в Папена с каким-то особым выражением. Когда Папен сел на свое место, а мы с Львом Романовичем вышли в коридор, мне, естественно, захотелось узнать, чем обусловлен их взаимный повышенный интерес друг к другу.

— Ничего особенного, — усмехнулся Шейнин. — Просто мы старые знакомые.

И он рассказал, как в 1942 году был командирован советским правительством в Турцию в связи с делом о покушении на Папена. По этому делу без всяких оснований привлекались к суду советские граждане Павлов и Корнилов. Льву Романовичу предстояло возглавить их защиту. Но перед тем турецкое МИД устроило хитрую шутку: Л.Р. Шейнина пригласили вместе с нашим тогдашним послом в Анкаре С.А. Виноградовым на спортивный праздник и усадили их рядом с Папеном. Там-то и состоялось первое знакомство нацистского деятеля с видным советским следователем и литератором. А теперь вот в Нюрнберге они встретились вновь, и Папен, конечно, узнал Шейнина.

В богатой контрастами картине Дворца юстиции особое место занимали переводчики. Теперь мы уже привыкли к тому, что во время международных встреч и конгрессов, где дискуссии ведутся на многих языках, ораторы не прерывают своих речей для перевода. Перевод осуществляется синхронно: с помощью радиоаппаратуры немцы и болгары, французы и арабы, англичане и итальянцы сразу слышат на доступных им языках любое высказывание. Но тогда, в Нюрнберге, такая система перевода была в новинку, особенно для советских переводчиков. С микрофоном они работали впервые, и можно себе представить, как все мы волновались, имея в виду, какое огромное значение придается в судебном разбира-

тельстве буквально каждому слову. Однако волнения эти оказались напрасными. Наши ребята (я называю их так потому, что почти все переводчики были еще в комсомольском возрасте) не ударили в грязь лицом.

У делегаций США, Англии и Франции состояло на службе значительное количество русских эмигрантов. Были среди них и такие, которые упорно сохраняли к Советскому Союзу враждебное отношение. Но большинство все-таки явно симпатизировали нам. Многие из этих людей покинули родные места еще в детские годы. Находясь за границей, в массе своей они бедствовали. Помнилась война с Германией 1914-1918 годов, полная неудач для царской России. И вдруг четверть века спустя, когда германские милитаристы вновь оказались на русской земле, все обернулось по-иному — война закончилась блистательной победой русских. Уже от одного этого у некоторых белоэмигрантов не могло не заговорить чувство национальной гордости, и они потянулись тогда к нам, советским людям.

Как-то раз во время очередного заседания ко мне подошел один из секретарей советской делегации майор Львов — мой старый друг, военный прокурор, с которым мы вместе начинали фронтовой путь. Он сообщил, что в коридоре меня дожидается какой-то сотрудник английской делегации. Я спустился вниз и увидел пожилого человека, небогато одетого. Лет ему было под шестьдесят.

— Чем могу быть полезен? — обратился я к нему по-английски.

— Господин майор, — ответил он по-русски, — позвольте мне говорить с вами на родном языке.

После этого незнакомец представился. За точность не ручаюсь, но, кажется, фамилия его была Строганов. Он эмигрировал из России после революции. До того был не то членом правления, не то просто чиновником Российского общества пароходства и торговли. Некоторое время жил в Одессе.

Оказавшийся рядом Аркадий Львов не удержался от восклицания:

— Так вы же с майором земляки!

Это была не самая удачная реплика. Строганов забросал меня вопросами. Чувствовалось, что он сохранил глубокое уважение к своей Родине, а к Одессе — нежную сентиментальную любовь. В глазах его появились слезы. Старого одессита интересовало все: велики ли в городе разрушения, цел ли Николаевский бульвар, гостиница Лондонская, как Дюк? Ну и, конечно, осведомился о состоянии оперного театра, в отношении которого одесские аборигены десятки лет спорили, первый ли он по красоте

и изяществу в мире или только в Европе. Некоторые снисходительно соглашались с тем, что в Вене построили такой же театр, но, разумеется, скопировав с одесского. Этот спор, начавшийся где-то в XIX веке, прошел через две революции и несколько войн, но острота его не уменьшилась.

Не скрою, мне приятно было поболтать со стариком. Они ведь очень занятные, эти одесские старики. Недаром о них с такой симпатией писали Куприн, Бабель, Ильф и Петров. Но времени у меня было в обрез, и я постарался переключить нашу беседу на деловой тон:

— Так чем же я все-таки обязан вашему вниманию, господин Строганов?

— Господин майор, я очень прошу вас представить меня его превосходительству генералу Никитченко.

Майор Львов чуть было не прыснул от такой торжественной формы обращения, но сдержал себя и тактично заметил:

— Господин Строганов, а ведь можно и без "превосходительства".

Старик улыбнулся, взглянул поочередно на нас обоих и не без лукавства отпарировал:

— А ведь я знаю, господа, что в России все это отменено. И считаю, что это было сделано правильно. Но покорнейше прошу меня извинить: теперь самое время восстановить эти слова. После всего, что случилось... после таких побед русской армии я не могу обращаться к русскому генералу без приставки "ваше превосходительство".

Я обещал Строганову посодействовать его знакомству с Никитченко, хотя так и не мог понять, о чем он хочет говорить с весьма несловоохотливым Ионой Тимофеевичем. Старик был очень доволен и заверил, что впредь мы можем полагаться на него, он всегда готов помочь нам.

— И вообще, господа, — закончил он, — я ведь знаю местную русскую эмиграцию. Можете к ней относиться с доверием. Люди настроены к вам очень дружески.

Скоро мы действительно убедились в этом. Многие из эмигрантов старались по мере сил быть полезными нам.

Помню, однажды мне пришлось вступить в спор с начальником отдела переводов генерального секретариата полковником Достером. Нами с некоторым опозданием был сдан в перевод с русского на английский язык текст предстоящей речи помощника главного советского обвинителя Л.Н. Смирнова. Одновременно подоспела к переводу речь другого советского обвинителя — Л.Р. Шейнина. Полковник Достер отказался обеспечить своевременный перевод. Мы и сами понимали, что ставим переводчиков в тяжелое положение, но продолжали добиваться своего. Чтобы убе-

дить нас в невозможности своевременно перевести обе речи, полковник Достер повел меня и Шейнина в русскую секцию бюро переводов, состоявшую из эмигрантов. Каково же было удивление Достера, когда возглавлявшая секцию княгиня Татьяна Владимировна Трубецкая заявила ему:

— Милый полковник, вы, конечно, правы. Но на этот раз позвольте нам, русским, самим договориться с русскими.

Нас же она заверила, что работа будет выполнена в срок. И слово свое сдержала.

В памяти остались и некоторые другие встречи с эмигрантами.

Хочется сказать, в частности, о Льве Толстом — внучатом племяннике великого писателя. Как сейчас, вижу перед собой худощавое смуглое лицо человека лет тридцати — тридцати трех. Работал он переводчиком во французской делегации и, возвратившись однажды из поездки в Париж, привез советским писателям, работавшим на процессе, сердечное приветствие от И.А. Бунина. Бунин прислал также свежий номер русского эмигрантского журнала, в котором был напечатан его рассказ "Чистый понедельник". Об этом рассказе много говорили и спорили. Но в одном соглашались все: от начала до конца его пронизывало чувство беспредельной тоски по Родине и нежнейшей любви к ней.

Не могу я забыть и того, как пришла к нам группа русских переводчиков из западных делегаций с просьбой показать им документальные фильмы о преступлениях нацистов на советской территории. Такой киносеанс был организован, и трудно описать, что на нем происходило. Плакали поголовно все — мужчины и женщины, молодые и старые. Волнение зрителей было непередаваемым. И тогда мне невольно вспомнились слова Дантона, брошенные в ответ на предложение эмигрировать из Франции, ибо гнев Робеспьера скоро настигнет и его:

— Нельзя унести Родину на каблуках своих башмаков.

Да, действительно нельзя!

Каждый день процесса был по-своему богат впечатлениями. Не случайно в нюрнбергский Дворец юстиции стекалось тогда такое количество писателей и публицистов. Нашу советскую прессу представляли Константин Федин, Леонид Леонов, Илья Эренбург, Всеволод Иванов, Всеволод Вишневский, Борис Полевой, Лев Шейнин, художники Кукрыниксы, Борис Ефимов, Николай Жуков и др...

Публикация Давида ПОЛТОРАКА

Фаина РАЙХЕЛЬГАУЗ

О том, что прошло

Наш земляк Иосиф Райхельгауз – народный артист России, один из самых востребованных режиссеров современного театра – давно живет и работает в Москве. В своей прозе, и особенно в автобиографической, опубликованной в нашем альманахе, он часто возвращается в свое одесское детство и юность, когда акации были большими, а папа и мама – молодыми...

Сегодня мы предлагаем фрагменты из книжки воспоминаний, которую написала мать Иосифа Фаина Иосифовна Райхельгауз. Она вышла в Москве и называется просто и доверительно: "О том, что прошло".

Ф. К.

Мое детство

В нашей семье было четверо детей, жили мы бедно.

Когда старшей сестре было 11 месяцев, мама заболела брюшным тифом. И тогда мамина сестра тетя Злата забрала Этеньку к себе. У тети Златы не было своих детей.

Как-то утром, проснувшись, она обнаружила у двери своего дома маленький комочек, завернутый в простынь, — это был мальчик. Так тетя Злата воспитывала двоих детей. Этенька подружилась с этим мальчиком, и жили они, как брат с сестрой.

В 1943 г. он погиб под Минском.

Этя жила в хороших условиях, ей покупали красивые вещи, игрушки, а когда Этеньке исполнилось 12 лет, тетя Злата умерла от рака. И тогда родители забрали ее к себе.

Жизнь в нашем доме сильно отличалась от тех условий, в которых жила Этенька у тети. Приходилось продавать кое-какие вещи, чтобы как-то накормить семью. Мы жили в одной маленькой комнатке, через стенку была колхозная маслобойка, которая работала круглосуточно.

Жители из соседних сел тоже привозили подсолнечные семечки, из которых делали масло. Гул был невыносимый. Теперь даже странно себе представить, как мы это все выдерживали, но тогда нам это казалось нормой — ведь мы не знали другой жизни. После войны во время сильного голода мы заходили в нашу маслобойку и ели макуху, это выжимки от семечек. И этим мы наедались.

После Эти родился мой брат Миша. Он рос сильным, красивым пар-

нем, закончил Харьковский машиностроительный техникум и работал мастером цеха на заводе.

В нашем колхозе была только семилетняя школа, и поэтому нам всем пришлось учиться в разных городах. Миша тянулся к техническим наукам, а вот грамматика у него хромала. Когда Миша писал письма домой, то наша мама выписывала слова, в которых Миша допускал ошибки. Мама это делала с полным орфографическим объяснением и правилами на данную тему, а затем высылала всю эту грамматику в письме Мише. Моя мама закончила гимназию. Она преподавала русский язык и литературу.

Отслужив армию, Миша должен был приехать домой, но началась война, и в первые дни войны он погиб. В это время Этя работала в школе педагогом и оттуда эвакуировалась, а я с младшей сестрой, мамой и папой эвакуировалась из нашего села. Мы ехали на подводе, запряженной двумя лошадьми, взяв с собой только самые необходимые вещи. Когда подвода уже тронулась, мама попросила немного подождать, чтобы проверить, хорошо ли она закрыла дверь нашего дома.

Когда на подводе мы проезжали мимо колхозного сада, я увидела дивную картину. Мне казалось, что колхозный сад никогда еще не был так красив. Низкорослые абрикосовые деревья клонились вниз, к земле, под тяжестью крупных спелых плодов. Эта картина просто завораживала меня. Мама, чтобы нас как-то отвлечь от грустных мыслей, по дороге, сидя на подводе, читала стихи Пушкина. Дорога была очень долгой. Недалеко от станции Армавир местные власти предложили нам оставить им подводу с лошадьми для уборки урожая, а нам — поехать эшелоном. Мы были очень довольны. Впоследствии выяснилось, что в этом эшелоне находились только коммунисты.

Это было 30 октября 1941 года. Мы ехали в открытой площадке более часа. Вдруг эшелон остановился, и никто ничего не понял. Позже стало ясно, что кто-то умышленно задерживает эшелон с людьми — ждали немецкие самолеты. Неожиданно налетели девять самолетов, казалось, что они просто над головами. Началась страшная бомбежка. Люди в ужасе выскакивали из поезда. Сначала выскочил папа, он снял меня и младшую сестричку Бронечку, затем маму, а сам лег под поезд. Повсюду слышались крики и плач. Когда немцы увидели, что люди выскакивают из поезда, то они начали строчить из пулеметов по каждому человеку. Мы с сестричкой лежали неподвижно, боялись дышать, кругом раздавались крики о помощи. Фашисты, решив, что они уже всех уничтожили, улетели.

Пред нами предстала страшная картина. Почти не было живых людей.

Мы с Бронечкой подбегали к каждому лежащему, стараясь узнать своих родителей. И вдруг мы их увидели...

Наша мама лежала лицом вверх, с рассеченной головой и оторванными ногами, а папа лежал мертвый, лицом вниз, рукой обняв маму. Впоследствии нам рассказали, что папа, увидев мертвую маму, подбежал к ней со словами: "Ой, убили мою Биночку", — обнял ее и тут же умер на месте. У него был разрыв сердца. С этого момента я себя уже не помню, я потеряла сознание на несколько часов, а когда очнулась, то на этом страшном месте была уже огромная братская могила.

Все это случилось недалеко от Армавира — станция Нескучная. Тут же выскочили из соседних вагонов мародеры и забрали все, что было у убитых в карманах, и все вещи, оставшиеся в поезде. Когда Бронечка рыдала над убитыми родителями, вдруг к нашему отцу подошел бандит-мародер в офицерской форме. Он залез к мертвому отцу в карман и вынул оттуда деньги и документы. А Бронечке он сказал: "Когда закончится война, тебе вернут эти деньги в г. Махачкале".

Как я уже раньше писала, я потеряла сознание и память, со временем она ко мне частично вернулась. Обо всем, что произошло, мне рассказала моя младшая сестра, мне тогда было 15 лет, а сестричке 12. Этим же эшелоном голодные, осиротевшие и совершенно подавленные, мы поехали куда глаза глядят. Мы попали в Узбекистан, где я собирала хлопок, а младшая сестричка работала прислугой. Она тогда была очень маленького роста, и на этих детских плечиках ей приходилось таскать в дом, где она служила, мешки с углем, а ночью Бронечка занималась. С раннего детства она мечтала стать педагогом — ее мечта осуществилась. После войны она закончила одесский университет, работала директором школы и преподавала историю.

Все это время мы разыскивали нашу старшую сестру Этю, писали письма в эвакопункты, но все было безрезультатно, а впоследствии оказалось, что она жила в 60-ти километрах от нас и работала там педагогом.

Все же жизнь бывает непредсказуемой. Совершенно случайно в поезде, следовавшем из Узбекистана в Казахстан, встретились двое мужчин. Один их них был наш хороший знакомый — приятель моих родителей. Он знал трагедию, которая произошла с нами. И в разговоре с приятелем рассказал ему, что у семьи Каршенбойм убили родителей, и остались две девочки, которые ищут свою старшую сестру. И тогда приятель удивленно воскликнул: "Это случайно не Этя Каршенбойм, учительница, очень симпатичная, хорошая девушка, она же разыскивает свою младшую сестру?!".

(Эте сказали, что я тоже погибла.) Эти двое мужчин были настолько потрясены этой историей, что оба выскочили из поезда на первой же остановке и дали две телеграммы — одну нам, другую Эте. Мы очень благодарны этим людям, они ускорили нашу встречу.

Как сейчас вижу эту картину перед собой. Узбеки оказались замечательными отзывчивыми людьми, к счастью, война их не коснулась. Узнав, что мы бежим на станцию (8 км) на встречу со старшей сестрой, они пошли всем селом за нами, разделить нашу радость. Они взяли с собой своих маленьких детей, и это было очень трогательно. Затем мы поехали в Казахстан. Этенька там работала учительницей.

Летом я работала в поле, а зимой мы пешком перегоняли скот за 100 км. Нас там было четыре человека: пастух и три доярки. На мою долю приходилось доить 13 коров, жизнь была нелегкой: зимой мы спали на соломе, часов, конечно, ни у кого тогда не было. Бывало, придешь доить коров, а они еще спят, оказывается, на дворе еще глубокая ночь...

А потом меня судьба забросила в город Чкалов, ныне Оренбург. Там я работала в эвакогоспитале санитаркой. Это был специальный госпиталь для безногих солдат. Как сейчас помню этих молодых красивых ребят, которые читали стихи, писали домой письма, только боль в "ногах", которых уже не было, заставляла их страдать.

История Фани Шаргородской (моей самой любимой подружки)

У меня есть очень дорогой человек.

Это моя подруга Фаня Шаргородская. Мы выросли в одном колхозе, вместе закончили школу и мечтали стать врачами. Когда началась война, ее отец ушел на фронт, а Фанечка со своей семьей эвакуировались, но, отъехав совсем недалеко от дома, они попали в гетто.

Там Фанечка с двумя сестрами, пятилетним братиком и мамой ждали свою ужасную участь. Из этого лагеря живыми никто не выходил, об этом было всем известно, за порядком следил украинский полицай. Он был очень жестоким человеком, но ежедневно он выпускал одного человека в деревню, чтобы собрать какие-нибудь крохи для еды. Немецкий офицер влюбился в Фанечкину старшую сестру, она была очень красивая и умная девушка, он хотел на ней жениться и тем самым спасти ей жизнь. Маня (так звали сестру) была согласна только при условии, что он спасет всю семью. Но это, к сожалению, не было в его силах.

Перед расстрелом всех заставили раздеться догола.

Младшему Фаниному братику Бореньке (как я уже писала) было всего пять лет. Он считал, что если люди раздеваются, то они идут купаться. Ему все не терпелось: "Ну когда же мы уже пойдем купаться?!".

Фанина мама, тетя Дина, сошла с ума, а средняя сестричка Фридочка за один день вся поседела. И вот наступила очередь Фани пойти в деревню за едой. Когда она вернулась, этот украинский полицай ей говорит: "Только что расстреляли всю твою семью, а ты беги ко мне домой, моя жена тебя спрячет".

И так Фанечка поселилась в доме полицая. Жена хозяина Таня была очень добрая, отзывчивая женщина. В этой семье Фаню назвали Женей. Но кто-то выдал немцам, что в доме прячут еврейскую девочку. Этой семье грозила смерть. Тогда Фанечка ночью одна пошла в другую деревню, ходить одной ночью ей было очень страшно. Она добралась до соседней деревни, где и осталась служить в одном доме. Новая хозяйка также ею была довольна.

Как ни странно, но местные жители очень хорошо относились к немцам. Здесь можно было торговать всем, пели в церковном хоре, вечером ходили на танцы. Немцы угощали женщин шоколадом и разными напитками. В 1944 году русские войска вошли в это село. Местные жители были очень недовольны появлением русских солдат. Их вполне устраивала жизнь при немцах.

Однажды в дом, где служила Фанечка, зашли два русских офицера. Когда хозяйка этого дома их увидела в окне, то она быстро завязала лоб мокрой тряпкой и легла на печку, отвернувшись к стене.

Фанечкиной же радости не было конца. Ведь пришли ее освободители. Она быстро с радостью стала им все подавать на стол. Хозяйка лежала на печи, ни с кем не разговаривала. Один из офицеров заметил: "Молодая хозяюшка очень нам рада, а вот старшая очень недовольна". Боль о погибшей семье не давала Фанечке покоя. И она говорит офицеру: "Как жалко евреев, которых ни за что убивают в лагерях". А он ей тихо говорит: "Жалко, что не всех".

После войны Фанечка вернулась домой, закончила медучилище и много лет проработала хирургической медсестрой, а ее отец вернулся с фронта живым. До войны председателем нашего колхоза был Фабрикант. Воевал очень самоотверженно, стал полковником и, чтобы избежать плена, он расстелил свою шинель и застрелился. После войны председателем нашего колхоза стал отец Фани Шаргородской.

Сейчас у Фанечки очень хорошая семья, прекрасные дети и внуки. Она со всей своей семьей живет в Америке, мы с ней переписываемся, мне ее очень не хватает. Я очень хочу, чтобы вся ее семья была здорова и счастлива.

Мой дорогой Ленечка

Когда закончилась война, я приехала в свой колхоз.

Зашла в наш дом, а там живут совсем чужие люди. В доме была чужая мебель, а из наших вещей ничего не осталось. Я познакомилась с этими людьми, пообщалась, и они мне сказали, что до них здесь также жила другая семья. Эти люди мне не мешали, а через некоторое время они уехали из колхоза.

Я пошла работать на тракторный прицеп. Работа была очень тяжелая. Высокая сухая трава раздирала ноги до крови. Каждый вечер, возвращаясь с работы домой, я проходила мимо дома Райхельгаузов. Наш дом стоял от начала улицы третьим, а их седьмым. Они хорошо знали всю нашу семью и трагедию, случившуюся с нами.

У Райхельгаузов было два сына: старший, Леня — 1923 года рождения (мой будущий муж) — и младший, Гриша, 1928 года рождения, который впоследствии женился на моей младшей сестре Бронечке. В 1941 году Леня ушел на фронт, а Гриша эвакуировался с родителями. Когда началась война, Грише было всего 13 лет. Год они пробыли в эвакуации, и вдруг в один из дней его поймали на улице, привели в военкомат и решили отправить на фронт. Прибежали родители с документами

и стали доказывать, что сыну только 14 лет, но комиссия решила, что он "выглядит на 18 лет", и ему пора в армию. Судьба была к Грише благосклонна. Он попал в пехоту, отважно воевал, дошел до Берлина, вернулся с многочисленными медалями и двумя орденами Славы. А Леня был танкистом, разведчиком, он тоже дошел до Берлина, расписался на Рейхстаге, вернулся с двумя орденами Славы, орденом Красной Звезды и многочисленными медалями. Забегая вперед, расскажу, как в мирное время, когда я встречалась с ветеранами, меня потрясали их рассказы о том, как самоотверженно воевал Леня. Эти два брата получили на войне различные ранения. Леню трижды оперировали — делали трепанацию черепа. Бывали случаи после войны, когда он сам у себя ногтем вынимал из головы мелкие частицы осколков.

После взятия Берлина войска готовились к международным соревнованиям — гонки на мотоцикле. Леня прекрасно владел этим видом спорта. К финишу он пришел первым и ухитрился, проезжая перед трибуной, на которой стоял маршал Жуков, встать на ноги и отдать ему честь.

Сам маршал Жуков подарил Лене мотоцикл с именной серебряной табличкой. За победу на этих соревнованиях Леню отпустили на несколько дней в отпуск к родителям домой.

Когда я, усталая, голодная, одинокая, возвращалась с работы домой, то родители Лени стояли на улице возле своего дома и ждали меня.

Единственным развлечением в колхозе был клуб, где молодежь танцевала под гармонь.

Иногда из района в клуб приезжала художественная самодеятельность. В один из таких вечеров село опустело — все пошли в клуб, а я одна сидела дома, не в чем пойти в клуб, да и настроения не было. И вот Ленина мама, проходя мимо моего дома, постучала в мое окно со словами: "Фанечка, пойдемте со мной в клуб, не сидите одна". И вот мы пошли в клуб. И надо же такому случиться! В этот же вечер Леня приехал в отпуск к родителям. Пришел домой — везде темно, только в клубе горели керосиновые лампы.

Леня зашел в клуб — красивый, высокий, стройный, с прекрасными белокурыми волосами и замечательными серыми глазами. Одним словом, настоящий принц. Все на него обратили внимание, и вдруг он подошел ко мне и пригласил танцевать. Позже, когда он уже был моим мужем, он мне рассказал, что это мама ему шепнула: "Пригласи Фанечку танцевать". Родители Лени очень обрадовались приезду сына и пригласили всех близких людей к себе домой. Я попыталась ускользнуть от них, но Леня меня

догнал и пригласил пойти к ним домой. Я ему обещала, что зайду позднее, но он сказал, что без меня не пойдет. В его доме меня встретили очень тепло, по-домашнему.

Леня от меня не отходил весь вечер. Потом, провожая меня домой, он попросил стать его невестой. Это было для меня неожиданно... Ему через три дня надо было возвращаться в свою часть.

Так как мы были знакомы до войны, то согласилась, но с одним условием: чтобы никто об этом не знал. А наутро счастливый Ленин отец нес сдавать молоко от своей коровы на ферму и всем, кто встречался ему на дороге, он говорил: "Фанечка уже наша". Через три дня Леня вернулся в Германию, где находилась его часть, а я работала в колхозе и ждала его. Так как Леня хорошо владел немецким языком, был отважным разведчиком — часто брал в плен "языков" — немцев, тут же переводил командирам все, что их интересовало. Бывали случаи, когда немецкие пленные принимали Леню за своего (немца) и с ненавистью ругали его на немецком языке, принимая его за предателя.

После окончания войны командование вызвало Леню. Ему предложили остаться работать в Берлине — преподавать мотоциклетное дело. А по сути, он должен был работать на советскую разведку. Ему дали двухкомнатную квартиру в Берлине. Он приобрел себе шкаф, тумбочку, кровать, стол с красивой скатертью и аккуратно повесил два костюма в шкаф. На тумбочке лежали часы с цепочкой — их тогда называли "цыбуля".

Итак, Леня приехал за мной в колхоз. 12 сентября 1946 года мы поженились. Весь колхоз гулял у нас на свадьбе. Все были бедные и, конечно, ни одного подарка не было, но и закуска была соответствующая тому времени. На столе было вино, зеленые яблоки и очень много подсолнечных семечек. Все пели, танцевали, было очень весело. Когда гости разошлись, под столом валялись объедки зеленых яблок и скорлупа от семечек.

После свадьбы Леня предложил мне уехать с ним в Германию. Он был уверен, что я соглашусь, но после всего пережитого я не могла слышать даже слово "немцы", и мы остались жить в колхозе. Леня работал шофером на грузовой машине, а я продолжала работать на тракторе. В колхозе мы прожили недолго. Однажды к нам в гости из Одессы приехал друг моих родителей. Увидев, как нам тяжело живется, он нам рассказал историю о том, что по соседству с ним в трехкомнатной квартире до войны жила еврейская семья. Во время войны они все погибли: отец и два сына погибли на фронте, а мать с тремя дочерьми погибли в гетто. Вселилась в одну комнату семья из трех человек, в другую комнату — грек по фами-

лии Макинас с русской женой Маней, а в третью комнату никто не хотел вселяться, так как она проходная. Нам ее предложили, и мы согласились.

Мама и Иосиф

Все жильцы этой трехкомнатной квартиры проходили через нашу комнату. Сам Макинас был очень суровым человеком, он издевался над своей милой женой, но к нам очень хорошо относился и жалел нас.

12 июня 1947 года я родила сына Иосифа. Когда я лежала в роддоме (наша палата была на втором этаже), мы все были голодные. А когда после работы Леня приходил навестить нас в роддом, то, видя, что и он голодает, я отдавала ему свой черный хлеб, а ему говорила, что нам дают белый. На третий день женщина, которая рожала вместе со мной, подошла к окну и кричит Лене: "Не верьте ей, никакой белый хлеб нам не дают, она голодает".

Когда Иосиф был еще маленьким, Макинас работал в столовой, и каждый день приносил Иосеньке еду. Это были остатки недоеденной пищи. В одном бидончике был суп или борщ, а в другом второе. Иосенька стоял в кроватке, говорить еще не мог, но он так радовался, издавая восторженные звуки, тянулся ручками к этим бидончикам. Мы очень были благодарны Макинасу, он спасал ребенка от голода.

Однажды Леня встретил знакомого шофера, и тот предложил ему поехать на заработки в Магадан. Мы решили, что как только Леня устроится, он меня с ребенком вызовет туда. Но через год, когда мы с сыном собирались ехать в Магадан, Ленины родители меня стали отговаривать. Они аргументировали тем, что поскольку комната проходная, то ее кто-то сможет у нас забрать.

И так Леня проработал в Магадане три года. Я этим временем закончила курсы секретаря-машинистки и пошла работать в энергоуправление, а сыночка сдала в детский садик. Иосенька был неспокойный ребенок,

сложный, но с прекрасной душой. Буквально каждый день, когда я его забирала из детского садика, он мне обязательно давал кусочек хлеба или кусочек бублика. А когда он болел, и я прибегала во время обеда его покормить, то он мне говорил: "Мама, иди скорее на работу, чтобы ты не опоздала".

В 1954 году Леня вернулся из Магадана, жить стало немного легче, в июле 1955 года у нас родилась дочка Оленька...

Сказка печального Жука

Сказочники – все до одного – люди веселые. Так считают дети.

Сказочники, как правило, люди печальные. Так думают взрослые.

Сказочники могут творить чудеса – уверены дети.

Сказочникам трудно живется – знают взрослые.

Если говорить о художнике, писателе, поэте, сказочнике Михаиле Ивановиче Жуке (1883-1964), то взрослые, увы, правы в обоих случаях, а дети – только во втором.

Впрочем, можно сказать, что вначале жизнь Жука напоминала рождественский сюжет – сын рабочего стал известным художником, учился в Киеве в школе Мурашко, в Польше, дружил с Коцюбинским. Его стихи и прозу публиковали в известных украинских журналах, он был одним из первых (и лучших) украинских художников-символистов. Счастливо женат, подрастают два сына.

Человек, которому родиться бы в эпоху Возрождения – он мастер на все руки. Портреты, декоративные цветы – выполнены пастелью. Гравюры на металле, дереве, линолеуме. Стихи, проза, пьесы, сказки, мемуары. И позднее – керамика.

В бурные годы гражданской войны Жук жил в Киеве. Он был одним из основателей Академии, активным участником, а возможно, и лидером журнала искусств "Музагет". Нет ни одного события в культурной жизни, в котором не принимал бы участия Михаил Иванович. И друзья его – те, кто считает, что не должна украинская культура ориентироваться на гопак и шаровары, – М. Зеров, М. Хвылевой, О. Слисаренко, Лесь Курбас. Они пытаются создать новое, ориентированное на современные идеалы искусство. Но... очередная ...надцатая смена властей – и Жук вынужден вернуться в провинциальный и глухой Чернигов. Нет работы, и чтобы прокормить семью, он занимается тем, что более всего в жизни ненавидит, – канцелярской работой.

Записи в дневнике: "Кому потрібні ваші мудрі мішки канцелярії з висмоктаними подобами людини?", "Я, мов на кладовищу серед конторських столів". И он отводит душу, сочиняя сказки для сыновей. Грустные сказки получаются. А сказка про короля Пустилихо и вовсе не для детей. Свою политическую позицию Жук четко обозначит через месяц после завершения сказки, в июне 1922 года: "Коли питають: який уряд кращий? – правий чи лівий. Це питання подібне до того – яка рука у злодія краща – права чи ліва. Про середину навіть смішно говорити".

Профессор М.И. Жук приглашен в Одессу. Он приезжает сюда осенью 1925. Начинается самая долгая глава его жизни. И самая горькая. В феврале 1931 его арестовали. Правда, вскоре выпустили. Но намек Жук понял. Когда через несколько лет были арестованы и расстреляны почти все его друзья, он перестал писать портреты. Спасался от очередного ареста в Москве, стал заниматься росписью керамики. Перед войной вернулся в Одессу. С начала 1920-х Жук постепенно отказывается полностью почти от всего – внача-

ле перестал писать сказки, затем пьесы, прозу, портреты, делать гравюры. Но можно только поразиться мужеству этого человека – он не уничтожил ни одного портрета "врагов народа". Большинство изображенных им писателей и актеров можно найти в печально известном списке расстрелянных к "двадцатой годовщине Октябрьской революции".

Во время войны жил с семьей в Одессе. От повторного ареста за пребывание на оккупированной территории Жука спас бывший ученик, ставший министром культуры Украины – поэт Павел Тычина. Жук продолжил преподавание в художественном училище. Но никто из его учеников не знал о том, что керамист Жук был еще и известным художником, неплохим писателем, что он создал (и сохранил) потрясающие портреты уничтоженных и запрещенных писателей.

После смерти Жука одесские коллекционеры разобрали портреты неизвестных никому людей – уж больно выразительны они были. И только через несколько лет узнали, кто на них изображен. Постепенно стали публиковать рассказы Жука, стихи. А сказки не перепечатывались. Жаль, многие из них очень злободневны. Читатель может в этом и сам убедиться.

Алена ЯВОРСКАЯ

Михайло ЖУК

Про доброго короля Пустилихо*

Дітки! Багато королів жило на світі. Були такі, що все своє життя воювалися. Були й такі, просто лихе життя вели, а потому Богові молилися, щоб присвятитися; а то були й звичайні — от такі собі, як просто трава: аби зелено було. Тільки король Пустилихо, про якого ми тут послухаємо, був не такий. Крім королівства, палат і золотої корони, — у нього були ще дві дорогі речі: мудрість і страшенна добрість. Звичайно, що останні дві річі він одержав од природи і то виключно для свого вжитку. Часто Добрість, як лихі комарі, не давала йому спокою. Тільки він було покладеться уночі спати на шовкову постелю, аж надлітає добрість і дзвенить тоненько: "Грішнику, грішнику! Ти спиш, а твої підданці ще й досі не лягали... Вони працюють, а ти спиш..." Махне Пустилихо у темряву рукою, повернеться на другий бік, аж знову Добрість шепоче: "Що ти робиш? Там малі діти не сплять, серед твоїх підданців, бо голодні, бо у вохких льохах живуть, бо їм холодно..."

Знову повертається назад король. І виходило часто так, що й до ранку не міг він заснути. Встає стомлений, сердитий. Ледве дотягне до обіду, а потому зараз же йде відпочити. Так мухи не дають. Дуже розгнівався нарешті Пустилихо на мух. Закликав до себе наймудрішого радника та й питає:

*При публикации текста сказки сохранены особенности орфографии и стилистики автора.

ле перестал писать сказки, затем пьесы, прозу, портреты, делать гравюры. Но можно только поразиться мужеству этого человека – он не уничтожил ни одного портрета "врагов народа". Большинство изображенных им писателей и актеров можно найти в печально известном списке расстрелянных к "двадцатой годовщине Октябрьской революции".

Во время войны жил с семьей в Одессе. От повторного ареста за пребывание на оккупированной территории Жука спас бывший ученик, ставший министром культуры Украины – поэт Павел Тычина. Жук продолжил преподавание в художественном училище. Но никто из его учеников не знал о том, что керамист Жук был еще и известным художником, неплохим писателем, что он создал (и сохранил) потрясающие портреты уничтоженных и запрещенных писателей.

После смерти Жука одесские коллекционеры разобрали портреты неизвестных никому людей – уж больно выразительны они были. И только через несколько лет узнали, кто на них изображен. Постепенно стали публиковать рассказы Жука, стихи. А сказки не перепечатывались. Жаль, многие из них очень злободневны. Читатель может в этом и сам убедиться.

Алена ЯВОРСКАЯ

Михайло ЖУК

Про доброго короля Пустилихо*

Дітки! Багато королів жило на світі. Були такі, що все своє життя воювалися. Були й такі, просто лихе життя вели, а потому Богові молилися, щоб присвятитися; а то були й звичайні — от такі собі, як просто трава: аби зелено було. Тільки король Пустилихо, про якого ми тут послухаємо, був не такий. Крім королівства, палат і золотої корони, — у нього були ще дві дорогі речі: мудрість і страшенна добрість. Звичайно, що останні дві річі він одержав од природи і то виключно для свого вжитку. Часто Добрість, як лихі комарі, не давала йому спокою. Тільки він було покладеться уночі спати на шовкову постелю, аж надлітає добрість і дзвенить тоненько: "Грішнику, грішнику! Ти спиш, а твої підданці ще й досі не лягали... Вони працюють, а ти спиш..." Махне Пустилихо у темряву рукою, повернеться на другий бік, аж знову Добрість шепоче: "Що ти робиш? Там малі діти не сплять, серед твоїх підданців, бо голодні, бо у вохких льохах живуть, бо їм холодно..."

Знову повертається назад король. І виходило часто так, що й до ранку не міг він заснути. Встає стомлений, сердитий. Ледве дотягне до обіду, а потому зараз же йде відпочити. Так мухи не дають. Дуже розгнівався нарешті Пустилихо на мух. Закликав до себе наймудрішого радника та й питає:

*При публикации текста сказки сохранены особенности орфографии и стилистики автора.

— Ти мудрий чоловік — так скажи мені одно: королівство моє велике, мухам у йому доволі місця, щоб літати, так чому ж вони мені у ніс або у очі залазять?

Радник промовив:

— Виключно з пошани до Вас, Ваша Ясність.

— Ну, а павуки?

— Теж з пошани!

— А блохи?

— Теж з пошани...

— Так видай наказ, — промовив король до радника, — щоб мене трохи менче шанували, принаймні всі ті, про яких я тобі сказав. — Мухи, комарі, тощо.

— Добре, Ваша Ясність! — радник уклонився і вийшов.

— Шкода, що про Добрість такого наказу не можна видати, — подумав король.

А добрість короля — робила своє діло: приходила і вдень і в ночі до нього; не давала ні їсти, ні спати, ні в карти пограти.

Нарешті Пустилихо вирішив, як позбутися біди. От тут саме прийшла до його Мудрість. Закликав знову до себе радника і наказав йому:

— У три дні, щоб всі багаті по моїй країні доброхітно віддали все своє майно тим, які зроду нічого не мали... Як це не буде виконано у положені мною три дні, то я, король Пустилихо, одберу все силою і сам порозділяю убогим своєї країни. Так буде. — Закінчив він.

Радник написав тут же наказ, а король підписав його, — так що за кілька годин цей наказ був проголошений по цілому місті до найдальших його кутків; а ще трохи згодом і по всій державі.

Не помітив тільки одного добрий король, що Мудрість зараз же залишила його і кудись наче вийшла. Прийшла сама Добрість і почала порядкувати. Перш за все нашептала королеві, що він "надзвичайний", що він "єдиний", що він "незрівняний", — усі слова, які були колись казані в таких випадках вишукала Добрість і насипала королеві крізь вухо до голови. Король аж заснув. А що діялося навкруги. Ще над вечір того ж самого дня почався надзвичайний рух по державі Пустилиха. Всі багачі наладовували своє добро на здоровенні мажари і кудись виїздили. Бігали робітники, ляскали батоги, скрипіли колеса, кричали несамовито верблюди... Все збилося у купу і тільки великими шляхами, що йшли до чужої землі, гусаком тягнулися безперервні валки... На кожній мажарі — сидів багач зі своєю родиною... Кому було душно, то порозчиняли парасолі...

Кому просто весело — той співав пісні і рідко хто плакав, залишаючи рідний край. Плакали, тай то прості, челядь, що випроваджувала своїх панів у дорогу. Курява лежала хмарою понад всією країною. Небо втратило звичайно ласкавий колір "державності", а було каламутне, як вода з глиною.

Так продовжувалося цілих три дні.

Ранком четвертого дня прийшов до короля радник і стиха промовив:

— Всі виїхали, Ваша Ясність.

— Хто? — скрикнув король.

— Що мали віддати своє майно на бідних.

— Цього не може бути... Сьогодні ж у ночі зробити огляд всієї держави і відобрати все, що є... І що найшлося... За три дні не все повивозили. Я сам пороздаю, кому схочу... Як нічого не знайдете, то всіх засмажу в казанах, як печеню...

Радник пішов. Король спав цілісеньку ніч добре. А що робилося тої ночі! Військо короля Пустилиха нападало на кожного і одбірало все, що тільки траплялося під руку... Навіть коли у кого не міцно держалися зуби, то й зуби повитягали. Хто кричав — того били, а хто балакав — тому рота зав'язували... Словом, до ранку біля палацу лежали цілі гори майна, а всі люди по місті седіли голі й не могли навіть вирушити на вулицю, щоб кому пожалітися. Коли ж виходили часом у двір і там кого зустрічали, то зараз же заплющували очі і так балакали.

— Єсть! — тільки одне слово промовив радник, коли прийшов зі звісткою до короля.

Пустилихо вийшов на веранду, разом із своєю добрістю, і аж усміхнувся, коли побачив такі скарби:

— Зараз же пороздавати усе геть чисто на бідних! І, я думаю, що це не все, що можна було забрати?

— Ой, далеко-далеко не все, — зітхнув радник. — Там ще скарбу, там скарбу...

— Так от що... Завше в ночі забірайте, а в день роздавайте, поки я не скажу — годі! Розумієте?

— Розумію! — уклонився радник.

А королеві цю думку шепнула його Добрість.

Так навтішався король, що навіть тоді ж і вдень заснув. Не бачив знову, як ретельно працювали його прибічники. До вечора вони справді порозтикали, що кому трапило... Були знову сльози, непорозуміння, але й була радість, що король змилосердився і знову повертає так важко загорьоване добро. Правда, частина поглумилася, але ж і добра частина повер-

нулася. Може, Іванове трапило Семену, а Семенове Петрові... Так то ж нічого, можна потому розібрати... Збираючись спати — люде заспокоїлись, а багато так і дякували короля, що він вигнав багачів, та повернув їхнє власне добро. Ще були такі думки, що добре б, коли б і сам король поїв... та боялися якось до кінця додумати і не засинали.

Король же ж довго у вечері забавлявся, коли розглядав список річей, що видав народові.

Він заїдав смашні страви і часто сміявся... Ха-ха-ха! — двісті тисяч штанів! Вісімсот тисяч подушок з курячого пірья... Ха-ха-ха! От так ловко! Спи, мій народе! Втішайся добрістю короля!

Після вечері, коли Пустилихо положився спати, та знову прийшла Добрість, щоб повчати. Але король так замахав на неї руками, навіть дригнув з під ковдри ногою, що вона утікла... Ха-ха-ха! — сміявся король. — Теж вигадала! Немає тепер дурних. Спати — так спати. І заснув так добре, як ще ніколи не спав у ночі.

Людей же швидко побудили. Знову почалося те ж саме, що і вчора. Сльози, прокльони, забірання всього, що траплялось під руку, або й під ногу. Над ранком перед палацом була знову така ж сама гора з річей, як і вчора.

Знову вийшов, поглянув король на неї і аж зрадів: на сьогодні у двічі будуть багатші його бідаки.

— Роздати зараз же все... А на ніч знову в поход... І так доти, поки я не скажу — годі! — промовив радісно король.

Через кілька днів король, щоб перевірити свою добрість, вийшов над вечір на вулиці міста. А щоб його не пізнали, то він перевдягнувся простим підданцем.

"Що за диво?" — думає король, тихо ступаючи по дорозі. "Нарід наче ще більше збіднів від того часу, коли я почав його обдаровувати". Назустріч королеві часто йшли люде якось химерно одягнені: он іде чоловік у жіночій кохті, а он де жінка — ну зовсім у такому одягу, наче жива канапа. Там знову йдуть фіранки, квітчасті хустки, портьєри... Одним словом, люде наче змовилися заморочити свого короля. Місто наповнилося ходячими меблями ріжного стилю і ґатунку, що і смішило і лякало Пустилихо. "Певне це якась оригінальна гулянка, з радощів", — подумав Король. На цьому він і спинився. Потому повернув до дому, закликав кравця і висловив бажання, щоб той йому на завтра зладнав костюм з найкращого матерьялу, що оббивають парадні стільці.

Роздаючи що дня силу річей — король думав, що народ збагачується

все більше і більше... Радість панувала у серці Короля і з тої радощі забреніла раптом якась дивна мельодія... несподівано Король придумав пісеньку. (Це так буває з королями!) Таку просту, таку гарненьку (слова, які шепнула йому Добрість), що й пташку можна було навчити. Король ходив у новому костюмі "Парадного крісла" по кімнаті і весело підспівував:

У-руг-ви, у-руг-вай!
Сонце встало й ти вставай!
У-руг-ви, у-руг-вать!
Сонце сіло — треба спать!

Не видержав. Закликав радника і дав наказ:

— Слухай! Зараз кінець зими. Щоб у мить половили всіх птахів моєї країни і навчили їх співати мою пісеньку. Настане весна. Щасливі мої підданці будуть ходити в гаї, в ліси, в сади, в поля... Нехай вони почують всюди, про що співає король... Так просто і так мило..

Король зараз же переказав радникові зміст. Радник уклонився і вийшов зі співом:

У-руг-ви, у-руг-вай!
Сонце встало й ти вставай!

Король лишився і продовжував:

У-руг-ви, у-руг-вать!
Сонце сіло — треба спать!

Настала весна. Заспівали пташки, але що: всюди чути:

У-руг-ви, у-руг-вай!

Після цього терпець увірвався підданим короля. Вони мовчки почали помірати. Хто ж цього не міг зробити, то тікав світ за очі. Не минуло й тижня, як велика країна короля Пустилихо — зовсім збезлюділа. Останніми повтікали навіть волки.

А добрий король вийшов раненько до парку; послухав знайомого співу пташок і, ляскаючи пальцями, весело повертав до палат. На йому була одежа, по останньому бажанню самого ж короля, як бувають матраци —

у широкий і ріжнобарвний поясок. Зачіску він теж наказав зробити до гори, наче то була висмикнута мочалка. Він ішов і наспівував:

У-руг-ви, у-руг-вай!
Сонце встало й ти вставай!
У-руг-ви, у-руг-вать!
Сонце сіло — треба спать!

І від тої пори сама Добрість жила з королем... Він спав, коли схотів, і співав,

коли навіть того й не бажалося.
Мудрість же — от то як подала
першу думку, то більше не
поверталась до короля.

Черн. 30/V 1922

Д — д обрість
К — к ороль

Публикация Алены ЯВОРСКОЙ

Побѣда надъ страхомъ.

Азартных и любознательных одесситов в начале прошлого столетия, конечно же, интересовали и новости спортивной жизни.

В 1910-1911 гг. редактор-издатель и опытный журналист Ю. Эмброс (Ю. Герценштейн) выпускал насыщенно информационный журнал "Спортивная жизнь", в котором отражались вопросы авиации и воздухоплавания, автомобилизма и водного спорта, циклизма и конных состязаний. Здесь можно найти бесценные сведения и редкие иллюстрации.

И все же аэроплан очень быстро почти вытеснил другие темы и стал главным героем журнала – так, видимо, диктовало время.

Позже, в 1916 – начале 1917 гг., в Одессе выходил еще один любопытный журнал, "Заря авиации" (редактор И.М. Радецкий, издатель А.А. Анатра).

Благодаря всем этим энтузиастам мы можем окунуться во время, когда полеты считались каким-то чудом. Толпы народа устремлялись на поля, откуда совершались полеты авиаторов. На глазах зрителей человек рисковал жизнью, побеждал или погибал. Риск каждый час, незащищенность, и все равно неуемное стремление летать, покорять, ставить рекорды.

Например, взята высота 2.960 м (окт. 1910). На такой высоте авиатор страдал от холода и кровотечения. В том же году отмечалось 20-летие полета французского пионера авиации Клемана Адера, который после десятков лет работы достиг первого положительного результата. Аппарат "Эол" оторвался от земли, продержался несколько секунд в воздухе и упал на 50 м дальше.

"Авиация еще только пробуждается, встает утренняя заря авиации", – писал романтически настроенный редактор, с гордостью подписывающий свой журнал "И.М. Радецкий, почетный секретарь Школы авиации в Одессе".

Одна из главных тем в журналах – победа над страхом, ибо человек тогда еще постиг весьма незначительную часть законов в сфере воздушной стихии. И тем не менее, роль авиации в первой мировой войне уже была очень значительной.

Раздел "Раненые птицы" показывал, насколько тяжело давались авиаторам шаги вперед. Ю. Эмброс даже как-то не выдержал: "Не пора ли удержать порывы все выше и выше?!".

Но разве можно было остановить того же Сергея Уточкина, которого никогда не страшили травмы и неудачи? Он всегда надеялся на практике постичь секреты полетов птиц и успешно с ними состязаться. Одаренный литератор С. Уточкин оставил нам удивительно тонкие наблюдения о своих полетах. Интересна и публикация психологически тонкого очерка А.И. Куприна о его полете с Иваном Заикиным. Вероятно, для многих окажется познавательной статья "А.А. Анатра и авиация в Одессе".

Журналы "Спортивная жизнь" и "Заря авиации" сравнительно недолго выходили в Одессе, но они все равно выполнили свои информационные и просветительские задачи и стали частью духовного наследства журналистики нашего города.

Татьяна ЩУРОВА

Спортивная Жизнь
№ 21.
2 апрѣля 1911 г.
GRAND PRIX
„КОНТИНЕНТАЛЬ"

Спортивная Жизнь
№ 17.
5 марта 1911 г.
GRAND PRIX
„КОНТИНЕНТАЛЬ"

Заря Авіаціи
№ 2. Августъ 1916 г.
Содержаніе:

Треугольникъ
Т-во Треугольникъ
АЭРОПЛАНОВЪ
ДИРИЖАБЛЕЙ
АВТО
ШИНЫ
ОДЕССКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ Пушкинская, 31

А. А. Анатра и авіація въ Одессѣ.

Въ то время, какъ воздухоплаваніе, родившись въ древности, въ 19 вѣкѣ уже завоевало воздушную стихію и носило человѣка по поднебесному океану, – авіація лишь въ началѣ 20 вѣка стала распускать свои крылья и состязаться въ полетахъ съ птицами. Воздухъ оставался для человѣка владыкой могучимъ, непреклоннымъ. И вотъ въ настоящее время механическія птицы парятъ свободно въ различныхъ направленіяхъ и носятъ "царя земли" по его волѣ, куда онъ захочетъ...

Такое быстрое развитее авіаціи въ 20 вѣкѣ совершилось не только вслѣдствіи изобрѣтенія двигателей внутренняго сгоранія, техническихъ усовершенствованій и постиженія законовъ паренія птицъ, но также благодаря тому, что на встрѣчу смѣльчакамъ-авіаторамъ шли съ матеріальной поддержкой люди просвѣщенные, обладавшіе большими средствами, вѣрившіе въ торжество науки, торжество человѣческаго генія. Всякая идея требуетъ своего воплощенія въ жизнь, въ матерію, – и потому люди идеи всегда нуждаются въ матеріальной поддержкѣ, безъ которой, какъ извѣстно, много гибнетъ геніальныхъ начинаній, особенно у насъ въ Россіи, о чемъ свидѣтельствуетъ наша исторія изобрѣтеній и открытій.

И чѣмъ больше въ государствѣ людей, идущихъ на встрѣчу возникающей идеѣ, тѣмъ успешнѣе общество завоевываетъ себѣ прочное положеніе среди другихъ народовъ міра.

Въ Одессѣ и вообще на югѣ Россіи такимъ вдохновителемъ идеи и поборникомъ авіаціи въ Россіи оказался коренной одесситъ, Ар. Ан. Анатра.

Просвѣщенный, гуманный, чуткій ко всему прекрасному, отзывчивый на все доброе, Артуръ Антоновичъ первый оцѣнилъ усилія отдѣльныхъ "любителей" авіаціи и при возникновеніи въ Одессѣ Аэро-Клуба сталъ во главѣ этого интереснаго спортивнаго учрежденія...

Естественно у него явилось желаніе развить это дѣло, дать ему жизнь и движеніе.

И вотъ, по его иниціативѣ и на его средства, въ началѣ 1911 года въ Одессѣ, на стрѣльбищномъ полѣ была открыта "школа авіаціи".

Здѣсь былъ устроенъ небольшой ангаръ, въ началѣ парусиновый, а затѣмъ деревянный – и было приступлено къ дѣлу.

Инструкторомъ въ школу былъ приглашенъ В. Н. Хіони, окончившій школу авіаціи въ Парижѣ и два механика – нижніе чины мѣстнаго баталіона – П. Ѳ. Сучковъ и Г. Букасовъ.

Въ число учениковъ поступило нѣсколько лицъ статскихъ и три военныхъ офицера.

Въ началѣ занятій была одна "четверка", т. е. аэропланъ Фарманъ и три аппарата Антуанетъ. Затѣмъ школа стала разширяться, былъ пріобрѣтенъ аппаратъ "Блеріо".

Занятія происходили регулярно по утрамъ

и вечерамъ. Въ этихъ скромныхъ размѣрахъ дѣло продолжалось до 1913 г. Мастерская производила работы и вскорѣ былъ взять заказъ на четыре аэроплана. Съ конца 1913 г. и въ началѣ 1914 г. мастерскія стали разширяться еще больше, занятія въ школѣ процвѣтали, все шло благополучно и авіація въ Одессѣ завоевывала свои права на дальнѣйшее развитіе.

Въ 1913 году школу авіаціи посѣтилъ впервые Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михайловичъ, въ присутствіи котораго были совершены публичные полеты на аэропланахъ г. Хіони, штабсъ-капитаномъ Грековымъ, поруч. Ткачевымъ.

Въ 1915 году было приступлено къ постройкѣ новыхъ сооруженій школы авіаціи —помѣщенія для учениковъ, мастерскія, канцеляріи, ангары и проч. Къ началу 1916 г. въ школѣ авіаціи Имени Великаго Князя Александра Михайловича было уже около ста душъ учащихся и соотвѣтствующѣе число инструкторовъ-преподавателей.

Въ настоящее время, на ряду съ занятіями въ школѣ и мастерскихъ при ней, идетъ постройка грандіознаго зданія школы авіаціи, которое будетъ окончено въ концѣ года. Школа расчитана на двѣсти учениковъ. Обставлена школа всѣми необходимыми учебными пособіями и приспособленіями. Школа поставлена образцово и во всемъ оборудована на средства А. А. Анатра, который отказался отъ субсидій казны, принимая во вниманіе, что правительству нужны средства на веденіе войны съ врагами родины.

Зданіе школы расположено на участкѣ земли съ садомъ, впереди котораго открывается громадный аэродромъ, примыкающій къ еще болѣе обширному стрѣльбищному полю.

Рядомъ со школой авіаціи находится въ настоящее время громадный заводъ аэроплановъ А. А. Анатра, на которомъ работаетъ до 1000 чел. Такимъ образомъ, школа авіаціи въ Одессѣ, учрежденная А. А. Анатра, является въ настоящее время громаднымъ учрежденіемъ, которое должно принести большіе плоды въ дѣлѣ развитія отечественной авіаціи и воздухоплаванія и несомнѣнно займеть выдающееся мѣсто.

На любимое дѣло А. А. Анатра затрачиваетъ большой капиталъ — въ нѣсколько сотъ тысячъ и не останавливается ни предъ какими трудностями, чтобы поставить школу на должную высоту. И дѣло широко процвѣтаетъ.

Военный летчикъ штабсъ-капитанъ П. Н. Нестеровъ передъ полетомъ

Изъ скромнаго идейнаго начала оно развилось до громадныхъ размѣровъ и все только благодаря просвѣщенной отзывчивости и сердечной чуткости.

Вотъ что между прочимъ было сказано, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ особомъ адресѣ, поднесенномъ А. А. Анатра окончившими первую школу авіаціи офицерами: "Глубокоуважаемый Артуръ Антоновичъ! Годъ тому назадъ однимъ изъ благородныхъ порывовъ Вашего сердца явилось желаніе прійти на помощь родной арміи въ дѣлѣ обученія ея сыновъ владѣть новыми элементами боя въ грядущихъ войнахъ – летательными аппаратами".

Закончу эту краткую замѣтку объ Одесской школе авіаціи и ея учредителѣ сердечнымъ пожеланіемъ, чтобы дело воздухоплаванія и авіаціи въ Россіи развивалось безостановочно и школа А. А. Анатра дала Отечеству сотни и тысячи знающихъ образованыхъ, опытныхъ, храбрыхъ и отважныхъ летчиковъ для борьбы съ коварнымъ, упорнымъ врагомъ Россіи и Славянства. Когда же врагъ будетъ сраженъ и наступитъ миръ – Одесская школа авіаціи будетъ работать для прогресса науки и дальнѣйшей побѣды надъ воздушной стихіей. Въ природѣ еще много неизведанного, много таинственнаго, многое должно быть освѣщено при содѣйствіи науки и божественнымъ разумомъ человѣка.

На землѣ такъ много бѣдствій, зла, невзгоды. И мысль человѣка вѣчно стремится къ небесамъ. Да будетъ благо тому, кто возвышаетъ человѣка въ его собственномъ сознаніи и обогащаетъ его знаніями.

И. Р.

Спускъ на парашютѣ для авіаторовъ Гармента

Надъ крышами.

Городъ, милый городъ подо мною; заходящее солнце не въ силахъ разогнать холодный зимній туманъ, сковавшій бѣлоснѣжныя кости мраморныхъ памятниковъ, какими казались мнѣ нагробные мавзолѣи бывшихъ людей, ушедшихъ во мглу, чтобы вновь никогда не увидеть ни свѣта, ни тѣни.

Случилось нѣчто необыкновенное. Мой аэропланъ на высотѣ пары сотъ метровъ по перпендикуляру надъ кладбищенской церковушкой — остановился.

Необычайность факта до того поразила меня, что мнѣ даже въ голову не пришла острая угрожаемость его. Моторъ работаетъ обычно, слухъ не улавливаетъ перемѣны ритма, все цѣло, руль глубины также чутко послушенъ, — но машина какъ бы изъ уваженія къ царству смерти, надъ которымъ я находился — остановилась. Когда нѣчто непонятное овладѣваетъ человѣкомъ на землѣ, онъ чувствуетъ себя попросту дуракомъ. Это непріятно, но непріятность безопасна, она не угрожаетъ; воздухъ же не позволяетъ подобной роскоши, онъ болѣе гордъ нежели сѣрая земля...

Я былъ охваченъ весьма понятнымъ волненіемъ.

Наклонъ руля глубины и аппаратъ послушно склоняется къ землѣ, нечувствительно опускаясь.

Горизонтъ начинаетъ подниматься и вдругъ какъ по волшебству аэропланъ вновь получаетъ скорость, и мнѣ тогда стала понятной моя остановка.

Подымаясь выше и выше, я попалъ въ очень сильное теченіе воздуха и скорость аппарата равнялась скорости вѣтра, дувшаго мнѣ напротивъ; ясно, что аппаратъ, двигаясь въ воздухѣ, относительно земли стоялъ на мѣстѣ.

Новое положеніе угрожаетъ мнѣ: аэропланъ ужъ надъ городомъ и низко. Моторъ, полуостановленный при спускѣ, не взялъ всѣми цилиндрами и я къ ужасу своему слышу характерные дробные перебои.

Подо мною — Успенская церковь и я чувствую, что не только подняться, но даже удержать высоту 150 метровъ, на которой я находился, не возможно.

Нужно сѣсть — куда, гдѣ? Преображенская тонкой линейкой, прямая какъ стрѣла, бѣжитъ подо мною.

Соборъ, надъ которымъ я хотѣлъ пролетѣть, какъ бы сорвался на встрѣчу и ужъ здѣсь; усилія удерживаютъ высоту; рѣшаю дѣлать поворотъ надъ площадью, теряю еще метровъ десять и чрезъ мгновеніе, пролетѣвъ домъ Папудова, я вновь надъ Преображенской.

Улица, занятая массою людей, бѣлыми пятнами глазъ своихъ глядящихъ на меня, представляется мнѣ, по какой то дикой ассоціаціи... бутербродомъ съ икрой.

Да, простымъ бутербродомъ, мои милые одесситы и одесситки!

Мозгъ мой, освободившись отъ угрозъ, чувствуетъ легкость, мнѣ дѣлается яснымъ, что и неточная работа мотора меня все же донесетъ на мѣсто моего отправленія, бѣговой ипподромъ.

Кладбище вихремъ проносится подо мною; еще минута и я у гангара...

С. Уточкинъ.

Въ пространствѣ.

(Посмертная статья С. И. Уточкина).

Кажется, я всегда тосковалъ по ощущеніямъ составляющимъ теперь мою принадлежность, — принадлежность счастливца, проникшаго въ воздухъ.

Мнѣ часто случалось летать во снѣ, и сонъ былъ упоителенъ.

Дѣйствительность силой и яркостью переживаній превосходить фантастичность сновидѣнія, и нѣтъ въ мірѣ красокъ, способныхъ окрасить достаточно ярко могучую красоту моментовъ, могущихъ быть такими длительными.

Главная ихъ красота и прелесть, это — то, что всѣ привычныя мысли, чувства, желанія исчезаютъ, и живешь во всѣхъ отношеніяхъ такъ, какъ никогда еще не жилъ.

Доминируетъ одно властное желаніе безконечно длить этотъ моментъ.

Со стороны мнѣ говорятъ, — это опасно. Такъ что же?

Гордый рискъ претворить мгновеніе, прекрасное, опьяняющее, звучное и свободное во тьму мрачную, но и для васъ, осторожныхъ, все же, такую же неизбѣжную...

Развѣ вы не уйдете въ вѣчность? Будемте же жить, овладѣемъ природой всецѣло, перестанемъ бояться полнаго сліянія съ міромъ потому, что это можетъ случиться немного раньше.

Всѣхъ зову съ собою въ мое новое, прекрасное царство.

Три дня дулъ сильный, холодный северный вѣтеръ и только предразсвѣтной мглой владѣлъ нѣкоторый относительный покой, и я рѣшилъ воспользоваться раннимъ утромъ для совершенія своего перваго полета.

Два послѣдніе года мысль о возможности покинуть землю и воплощеніе ея въ дѣйствительность владѣли мною всецѣло, занимали все мое время и трудоспособность.

Наконецъ, въ одно утро, прекрасно обставленный, въ смыслѣ наличности фармановскаго аэроплана, понимающаго механика и нужныхъ людей вокругъ, я собирался совершить свой первый полетъ.

Это былъ трагическій моментъ.

Поле, на которомъ я готовился совершить полетъ во всѣхъ отношеніяхъ изобиловало опасными свойствами: короткіе, прямые, узкіе виражи, насыпи, бугры, столбы, канавы и зданія, и заборы со всѣхъ сторонъ.

Здѣсь нельзя было попробовать полетѣть — нужно было сразу начать летать, и летать искусно, умѣло и точно, да притомъ высоко, выше препятствій.

Однако я вѣрилъ въ себя.

Почему, — думаль я, — въ двадцати разновидностяхъ спорта я легко овладѣвалъ каждымъ и очень скоро постигалъ всѣ тонкости его.

Глазъ мой выработанъ, рука тверда, энергія и воля... я улыбнулся и садясь на свое мѣсто, по-

глядѣл на грустную кучу краснаго кирпича, нашу тюрьму, стѣны которой начали окрашиваться ласковыми лучами восходящаго солнца, и подумалъ – черезъ нѣсколько мгновеній я буду надъ нею.

Вокругъ меня несколько лицъ любопытныхъ и наблюдательныхъ пріятелей, нѣкоторыя изъ нихъ вытянуты, боятся за меня, другіе любопытными глазами слѣдятъ за каждымъ моимъ движеніемъ и пытаются разговаривать; но вотъ раздается команда моего механика Роде.

Мертвая машина ожила.

Наконецъ!!.

Дикое настроеніе охватываетъ меня. Безудержность упоенія, восторгъ новизной ощущенія...

Земля, мой врагъ, уже въ десяти саженяхъ подо мною.

И я въ властныхъ объятіяхъ новаго круга, – ничѣмъ онъ мнѣ не угрожаетъ, онъ пленительно заманчивъ, безконечно чистъ, молчаніемъ своимъ краснорѣчиво говоритъ:

"Приди".

И я несусь, подымаясь все выше и выше.

На вышинѣ движенія незаметно. Земля нечувствительно проплываетъ подо мною ниже, движеніе скорѣе, прекраснѣе, быстрѣе...

Покинувъ вышину ста метровъ, я лечу, втайнѣ боясь телеграфныхъ столбовъ, могущихъ проволокой своей перерѣзать пополамъ. Дѣлаю, два круга, пролетаю рощицу, въ которой стоитъ мой ангаръ, ласково оглядываю его крышу и, прервавъ токъ мотора, плавно спускаюсь на широкую площадку предъ нимъ.

Наверху все время мною владело сознаніе, что единственный врагъ мой, эта – земля, все, чѣмъ она тянется къ небу, грозить мнѣ опасностью при спускѣ и въ случаѣ несчастія прикосновеніе къ ней будетъ смертельно.

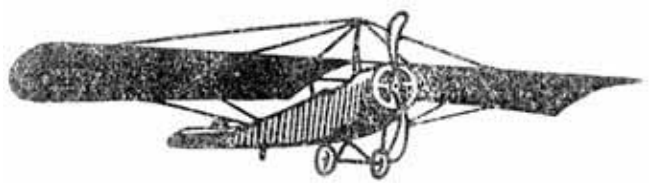

Кузнецовъ Н. Д.
Портретъ одного изъ первыхъ русскихъ летчиковъ С. И. Уточкина. 1902

Голубоватый эфиръ, любовно носившій меня въ своихъ бархатныхъ объятіяхъ, мнѣ родственнее земли, которая рано или поздно, но сделается моимъ палачомъ, какъ и всего живого.

Не въ безсознательности-ли этого ощущенія кроется тотъ огромный интересъ массъ, который возбуждаетъ авіація?

Сергѣй Уточкинъ.

Праздникъ авіаціи.

30 августа въ Одессѣ состоялся большой праздникъ по случаю годовщины школы авіаціи имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича, учр. Арт. Ант. Анатра.

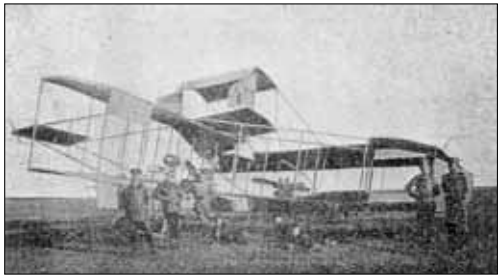
Въ 12 час. дня былъ отслуженъ молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія, на которомъ присутствовали учащіеся во главѣ съ начальникомъ и педагогическимъ персоналомъ школы, рабочіе и служащіе аэропланнаго завода Анатра.

Молебенъ въ Школѣ Авіаціи.

Къ 4 час. по полудни начался съѣздъ гостей. Авіаціонное поле представляло интересную живописную картину. По аэродрому двигались десятки людей, а въ воздухѣ парили аэропланы, оглашая пространство шумомъ моторовъ.

Наплывъ публики былъ громадный, желающихъ полетать оказалось очень много. Это было настоящее завоеваніе воздуха городскими обывателями...

"Четверка" готовая къ полету.

Летали молодые и старики...

Леталъ Одесскій Градоначальникъ г. Сосновскій и много дамъ. Всѣ летавшіе, спускаясь на поле, выражали восторгъ и благодарность пилотамъ.

Нѣкоторые просили повторить полетъ, но ожидавшіе очереди протестовали...

Пилоты работали до усталости.

Какъ же такъ: говорили страшно, а на самомъ дѣлѣ ничего страшнаго нѣтъ! летишь и хочется летать выше... говорили обитатели земли, пожимая руки пилотамъ, завидуя послѣднимъ, что они летаютъ ежедневно.

Нѣкоторыя дамы заявили о своемъ желаніи поступить въ школу авіаціи, чтобы получить дипломъ пилота...

Послѣ полетовъ гостямъ былъ предложенъ чай и закуски, а въ 7 час. вечера состоялся спектакль и концертъ, на которомъ пѣли артистки и артисты русской оперы городского театра.

Въ 10 час. гости были приглашены къ ужину, который прошелъ необычайно весело, въ чисто русскомъ духѣ...

Говорились рѣчи объ успѣхахъ воздухоплаванія и авіаціи и выражалась благодарность учредителю школы А. А. Анатра за его добрый починъ.

Все время игралъ военный оркестръ. Лилъ дождь, бокалы наполнялись шампанскимъ, – авіація торжествовала победу.

Р.

НА ЛЕТУ.

Короли и короли...

До сихъ поръ авіація насчитывала только королей воздуха.

За послѣднее время къ ней пришли и подлинные короли.

Принцъ Генрихъ Прусскій имѣетъ грамоту пилота; болгарскій царь леталъ нѣсколько разъ пассажиромъ, какъ и эргерцогъ австрійскій; Альфонсъ XIII давно уже мечтаетъ объ аэропланѣ.

Для полноты комплекта, остается Вильгельму II изобрѣсти систему автоматическаго равновѣсія (аэроплана, конечно).

Призъ за призъ...

Одинъ изъ читателей даетъ мнѣ совѣтъ, какъ вызвать къ жизни меценатовъ русской авіаціи: назначить призъ тому, кто первый назначитъ призъ. Пожалуй, только это и остается.

Гномъ

Французскій летчикъ М. Бонье.

Раненыя птицы.

Итал. авіаторъ, гр. Гаоньери, совершая полетъ въ Миланѣ на монопланѣ собственной конструкции упалъ съ высоты 30 метр. и получилъ очень тяжелые ушибы.

* * *

Не успѣло въ Италіи сгладиться впечатлѣніе отъ катастрофы съ Гаоньери въ Миланѣ, какъ въ Римѣ произошло новое несчастье, съ двумя жертвами: инженеръ Каммарота, совершая на полѣ Ченточелли полетъ на бипланѣ Фармана, съ солдатомъ инж. батальона Кастеллани, въ качествѣ пассажира, упалъ съ значительной высоты. Кастеллани былъ убитъ на мѣстѣ, а Каммарота скончался въ больницѣ.

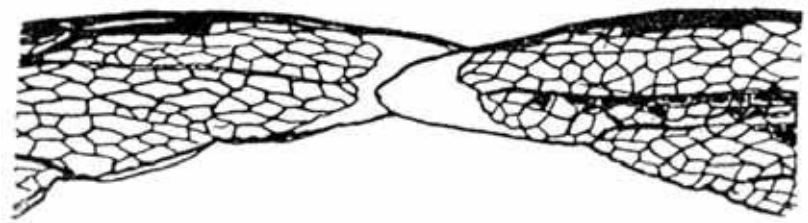
Причина катастрофы не извѣстна точно; предполагаютъ что сдѣланныя Каммарота некоторыя измѣненія нарушили устойчивость аэроплана.

* * *

Въ Солидѣ (Калифорнія) молодой авіаторъ Арчеръ, 17 лѣтъ, совершалъ полетъ на аэропланѣ собственной конструкціи. Во время полета цѣпь, соединявшая электр. моторъ съ винтомъ, лопнула и аэропланъ камнемъ упалъ со 150 метровъ. Арчеръ убился на мѣстѣ.

Французскій летчикъ другъ Россіи.

27 іюля, въ Одессъ упалъ и разбился на смерть французскій авіаторъ Маркъ Бонье. Родился онъ въ Парижѣ въ 1887 г. Окончилъ школу авіаціи въ Мурмелонѣ. Въ декабрѣ 1910 производилъ испытаніе на полученіе диплома на монопланѣ Антуанетъ. Перелетъ Парижъ – Каиръ въ декабрѣ 1913 г. съ механикомъ показалъ искусство Бонье. Въ началѣ войны неустрашимый летчикъ бомбардировалъ съ аэроплана Шарльсруэ Штутгардъ. Бомбандированіе было его спеціальностью. Въ апрѣлѣ 1916 г. былъ посланъ въ Россію и здѣсь поступилъ на заводъ А. А. Анатра.

ПРЕССА.

Мой полетъ.

А. И. Куприна.

(Синій Журналъ № 3).

Талантливый писатель дѣпится на столбцахъ Синяго Журнала впечатлѣніями своего полета съ Заикинымъ. Приводимъ часть, непосредственно относящуюся къ самому полету.

Было очень холодно и дулъ нордъ-вестъ. Для облегченія вѣса мнѣ пришлось снять пальто и замѣнить его газетной бумагой, вродѣ манишки. Молодой Навроцкій, только что отлетавшій, любезно предложилъ мнѣ свою мѣховую шапку съ наушниками. Кто-то пришпилилъ мнѣ англійскими булавками газетную манишку къ жилету, кто-то завязалъ мнѣ подъ подбородкомъ наушники шапки, и мы пошли къ аэроплану.

Садиться было довольно трудно. Нужно было не зацѣпить ногами за проволоки и не наступить на какія-то деревяшки. Механикъ указалъ мнѣ маленькій желѣзный упоръ, въ который я долженъ былъ упираться лѣвой ногой. Правая нога моя должна была быть свободной. Такимъ образомъ, Заикинъ, сидѣвшій впереди и немного ниже меня на такомъ же дѣтскомъ креслицѣ, какъ и я, былъ обнять мною ногами.

Правую ногу мою свела вдругъ судорога отъ неудобнаго положенія. Я пробовалъ объ этомъ сказать, но это уже было невозможнымъ, потому что пустили въ ходъ пропеллеръ. Тогда я изо всей силы прижалъ икру ноги къ какой-то вертикальной стойкѣ и болью заставилъ судорогу прекратиться. Всякіе разговоры и протесты были бы безполезны, потому что ни крикъ, ни выстрѣлъ изъ пистолета не были-бы услышаны моимъ авіаторомъ, которому я такъ легкомысленно ввѣрилъ мою жизнь.

Затемъ ощущеніе быстраго движенія по землѣ — и страхъ.

Я чувствую, какъ аппаратъ, точно живой, поднимается на нѣсколько метровъ надъ землей и опять падаетъ на землю и катится по ней и опять подымается. Эти секунды были самыя непріятныя въ моемъ случайномъ путешествіи по воздуху.

Наконецъ, Заикинъ, точно насилуя свою машину, заставляетъ ее подняться сразу вверхъ.

Встрѣчный воздухъ подымаетъ насъ, точно систему игрушечнаго змѣя. Мнѣ кажется, что мы не двигаемся, а подъ нами бегутъ назадъ трибуны, каменныя стѣны, Зеленѣющія поля, деревья, фабричныя трубы.

Гляжу внизъ — все кажется такимъ смешнымъ и маленькимъ, точно въ сказкѣ. Страхъ уже пропалъ. Сознательно говорю, что помню, какъ мы повернули налѣво и еще и еще налѣво. Но тутъ-то вотъ и случилась наша трагическая катастрофа. Встрѣчный вѣтеръ былъ раньше намъ другомъ

и помощникомъ, но когда мы повернулись къ нему спиной, то сказались наши, т. е. мои и пилота, 13 пудовъ вѣса, плюсъ пропеллеръ, плюсъ моторъ Гномъ въ 50 силъ, плюсъ вѣтер, гнавшій насъ въ спину.

Сначала я видѣлъ Заикина немножко ниже своей головы. Вдругъ я увидѣлъ его голову почти у своихъ колѣнъ. Ни у меня, ни у него, (какъ я потомъ узналъ), не было ни на одну секунду ощущенія страха – страхъ былъ раньше. Съ какимъ-то страннымъ равнодушнымъ любопытствомъ я видѣлъ, что насъ несетъ на еврейское кладбище, гдѣ было на тѣсномъ пространствѣ тысячъ до трехъ народа.

Только впослѣдствии я узналъ, что Заикинъ въ эту трагическую секунду сохранилъ полное хладнокровіе. Онъ успѣлъ разсчитать, что лучше пожертвовать аэропланомъ и двумя людьми, чѣмъ произвести панику и можетъ быть стать виновникомъ нѣсколькихъ человѣческихъ жизней. Онъ очень круто повернулъ налѣво... И затѣмъ я услышалъ только трескъ и увидѣлъ, какъ мой пилотъ упалъ на землю.

Я очень крѣпко держался за вертикальные деревянные столбы, но и меня быстро вышибло съ сидѣнья и я легъ рядомъ съ Заикинымъ.

Я скорее его поднялся на ноги и спросилъ:

– Что ты, старикъ? живъ?!.

Вѣроятно онъ былъ безъ сознанія секунды три – четыре, потому что не сразу отвѣтилъ на мой вопросъ, но первыя его слова были:

– Моторъ цѣлъ?...

Какъ это ни странно, но я утверждаю: что во время паденія не было ни у него, ни у меня ни одного момента страха. Все это происходило будто въ сказкѣ, было какое-то забвеніе времени, опасности, ценности собственной жизни, было какое-то странное равнодушіе.

Повторяю, что страхъ былъ только тогда, когда мы съ трудомъ отдирались отъ земли. Но тогда-то что его родило?

Извѣстный военный летчикъ В. Я. Ивановъ и его аппаратъ у ангара

Золотыя мысли и слова.

Образованный человѣкъ не считаетъ ничего человѣческаго чуждымъ себѣ: онъ сочувствуетъ всему окружающему. Образованный человѣкъ мыслить по свободному побужденію, по благородству человѣческой природы, и мысль его открыта, свободна.

* * *

Бенефисъ пассажировъ...

Уточкину, при многочисленности его друзей, приходится всегда выдерживать натискъ любителей полетать пассажиромъ.

Бѣда – имѣть много пріятелей: всѣхъ не перекатаешь, а не покатаешь кого – обида...

Съ присущимъ ему остроуміемъ, С. И. нашелъ удачный модусъ...

На дняхъ онъ устраиваетъ "бенефисъ" для всѣхъ желающихъ подышать свѣжимъ воздухомъ полета.

Будетъ взятъ въ пассажиры каждый, кто хочетъ, но приусловіи: сдѣлать пожертвованіе на усиленіе фонда авіаціонной школы О. А. К.

Очередь будетъ установлена по размѣру пожертвованій.

Кому номеръ первый?

* * *

Взоры вверхъ....

Въ пятницу около четырехъ часовъ дня Уточкинъ пролетѣлъ надъ центральной частью Одессы, никого заранѣе не предупредивъ, и его мало кто во время увидѣлъ.

Долго послѣ этого можно было наблюдать интересную картину, многочисленные прохожіе каждый разъ бросали взоры вверхъ, чтобы не пропустить аэроплана, если бы онъ снова появился.

Къ огорченію любителей безплатной авіаціи, аэропланъ больше не показывался.

* * *

Странное дѣло...

Недавно поженились авіаторы де Лессепсъ и Дюбонне; оба брака явились въ результатѣ романическихъ чувствъ, зародившихся на аэродромахъ, во время митинговъ.

Обѣ поклонницы поставили влюбленнымъ пилотамъ одно и то-же условіе: послѣ свадьбы больше не летать никогда.

Условіе было принято, и теперь двумя пилотами стало меньше.

Ходятъ слухи, что такая-же участь ждетъ и Латама.

Нужно, очевидно, наложить обѣтъ безбрачія на авіаторовъ – не то ихъ не станетъ въ скоромъ времени.

Гномъ.

Пилотъ и Кротъ.

БАСНЯ.

Про авіаторовъ прослышалъ какъ-то кротъ.
– Пустой народъ!
Кому нужны всѣ ихъ затѣи?
Сталъ развивать онъ вслухъ свои идеи.
– Летать? Чего имъ не хватало!
Какъ будто подъ землею мѣста мало!
Земли коснулся въ эту пору
Аэропланъ, у входа въ нору.
– Куда! Сходи! Назадъ! Постой!
Какъ смѣешь нарушать ты всѣхъ кротовъ покой!
Вцепившись въ колесо, кричалъ пилоту кротъ.
Но – тотъ
Чуть тронулъ руль – и скрылся въ небесахъ,
Не безпокоясь о кротахъ.

А что-жъ осталось отъ крота?
Немного: мокрота...

Гномъ.

Евгений НИКОЛАЕНКО

"Шанхай" на Таможенной

Осень еще не вступила в свои права. Солнце ласкало своими последними теплыми лучами начавшую готовиться к холодам землю. Пожухли травы, а в море по-прежнему резвилась ребятня да запоздалые курортники. Прогуливаясь по парку или во дворе, приходилось то и дело снимать с лица прозрачную паутину как признак прошедшего лета.

Позавтракав, я заранее выходил из дому, чтобы насладиться утренней свежестью. Улицы, по которым я пробирался в порт, были умыты ночным дождем, и воробьи купались в небольших лужах, стряхивая с себя прозрачные, как бриллианты, капли воды. Спустившись по знакомым улицам и небольшим переулкам к порту, на Таможенную площадь, я оказывался возле нагроможденной массы небольших лотков, киосков, где в те времена бойко торговали сигаретами, мороженым и из-под полы, для своих, спиртным. Увидев меня, продавцы выгоняли из киосков не успевших похмелиться со словами:

— Шухер, девки, управляющий идет.

Да я и сам, для того чтобы не смущать постояльцев и не попасть в нештатную ситуацию, почти никогда без нужды не подходил к "Шанхаю". Надо сказать, что вид этих небольших палаток действительно был затрапезный, и мне частенько доставалось от руководства, но они прилепились к самой стене одесского порта, где всегда толпилась масса моряков, докеров, алкашей, проституток и прочего люмпена. Не случайно это место называли "Шанхаем". Это нестандартное торговое формирование перевыполняло план товарооборота, и не считаться с этим единственным достоинством я не мог. По вечерам на лавочках возле памятника Вакуленчуку устраивались проститутки, поджидая своих клиентов. Здесь же курсировали такси, исполняя роль бардака на колесах, за что девушки щедро платили чаевые. Я говорю "девушки", — некоторым из них перевалило за пятьдесят, но ночью все кошки серые, а с пьяных глаз наши девицы уходили за первый сорт.

Первый удар по безнравственности нанес в те времена заместитель начальника порта Анатолий Григорьевич Фомин. Он срезал скамейки, за что был постоянно руган не руководством, а девушками древней профессии. Со временем и меня заставили снести "Шанхай" на горе лоточницам, проституткам, алкашам и крысам, нашедшим себе приют под деревянными полами киосков. Но как бы ни уничтожали мебель, — цитадель

растленности уничтожить не удалось до сегодняшнего дня, спустя тридцать лет. Хотя мы сегодня стали скромнее, и не утверждаем, что у нас в государстве отсутствуют такие профессии и явления.

Здесь, на Таможенной площади, находилась моя контора "Торгмортранс", а я был тогда еще совсем молодым управляющим. У подъезда в контору уже стояла служебная "Волга". Это теперь я на автомобиле езжу в туалет и за хлебом. Тогда удовольствием было прогуляться пешком. Встретить доброго знакомого, сослуживца, перебросится парой приятных слов. Как жаль, что подобная блажь посещает меня все реже.

Вот раздается певучий голос: "Дровишки, дровишки!". Скромный, застенчивый пьяница, получивший по профессии заслуженную погремуху "Коля Дровишки". Когда удавалось продать небольшую вязанку дров, он здесь же, не отходя от кассы, пропивал их со своей женой, старой цыганкой. Если не было покупателей, он устраивался на овощном ящике с балалайкой и целый день шпарил полублатные песенки, потешая местную публику и проходивших моряков. За что получал вознаграждение в виде ста граммов водки и бутерброда. Позднее в дома пришел газ, Коля перебрался в подземный переход на пересечении улиц Дерибасовской и Преображенской. Встречал меня улыбкой, потому что я ему как старому знакомому давал три рубля, которых почти хватало на бутылку водки. На этом пятачке могли побузить подвыпившие моряки, в скверике до хрипоты пикировались фаны, убеждая, что "Черноморец" — лучшая команда в мире. Да это при желании можно было доказать. Рядом, в конторке, директором "Буревестника" работал известный футболист одесского довоенного "Пищевика" Анатолий Левицкий. Я много лет служил Гермесу, но честнее и порядочнее, чем он, человека в торговле не встречал. У нас, в одесской конторе "Торгмортранс", инструктором по спорту работал замечательный футболист "Черноморца" Сергей Круликовский.

Наблюдал за порядком на площади и за "Шанхаем" милицейский старшина, тогда еще молодой прыщеватый парень. По некоторым соображениям не могу назвать его фамилию, так как он еще в хорошем состоянии тела и души, дослужился до чина полковника. А тогда собирал с проституток небольшую мзду, а нерадивых в порядке воспитательной работы отправлял в водный отдел милиции. Даже в такой ранний час он стоял на "боевом посту" и приветствовал меня, беря под козырек. Старшина так бы остался старшиной на хлебном месте, если бы ему в голову не пришла однажды шальная дума: стать милицейским офицером. Подобную мысль он высказал начальнику кондитерского цеха Петру Давыдови-

чу Ицковичу. И хотя Петр Давыдович имел к милиции не прямое, а скорее косвенное отношение, как деловар, высказал просьбу старшины генералу Булаенкову. Старшину произвели в младшие лейтенанты и отправили на новый участок работы. Прошло некоторое время, и старшина появился у Петра Давыдовича с новой просьбой, весьма странной, но убедительной. Нельзя ли походатайствовать, чтобы его снова понизили в звании и чине, но вернули на прежнее место работы, так как в результате повышения он совершенно потерял бакшиш.

— Вот этого я делать и не умею, — сказал Петр Давыдович. — Повысить — пожалуйста.

Необходимо отметить, что сегодня все реже встречаешь таких людей, как Петя Ицкович. Он был настоящий альтруист. Все, кто бы ни обращался к нему, находили соучастие и сочувствие. Независимо от звания или должности. Проходил юродивый попрошайка — он давал ему пару пирожных и рубль на хлеб. Проверяющим чинам — мзду по тайным нормам. Друзья, дружеская компания — и щедро накрытый стол. Он знал себе цену и никогда не заискивал перед начальством. Однажды я посетил цех, мы сидели с Ицковичем в небольшой конторке. Постучав, вошел начальник УВД Булаенков. Я поднялся, но Василий Тимофеевич смутился и сказал:

— Петр Давыдович, я заскочу к тебе как-нибудь в следующий раз.

— Василий Тимофеевич, заходи, здесь все свои, это наш управляющий.

— Да я вижу. Возможно, у вас неотложные дела.

— Срочных дел никаких нет.

Надо отдать должное Булаенкову, несмотря на свои генеральские погоны он был скромен и доступен. Сегодня это большая редкость среди людей этой категории. Мы перебросились несколькими словами, но наш разговор прервала вошедшая красивая молодая женщина в обычном поварском халате, который не мог скрыть пикантную попку и высокую грудь. Мы с Булаенковым так смутились, при виде красивой женщины растерялись и привстали, как будто не нас обслуживают, а мы. Женщина зашла с подносом, накрытым салфетками. Поставила на стол закуски. Я переглянулся с Булаенковым, ведь день был рабочий, и к тому же санитарная пятница. Многие мои современники помнят, что в этот день после промчавшейся по Одессе холеры ходило по всем предприятиям высокое начальство и за антисанитарию раздавало фитили.

Он махнул рукой:

— Садись, начальник, гулять так гулять, это же не землю копать, у нас с тобой есть еще одно смягчающее обстоятельство — обеденный перерыв.

Мы выпили по рюмке коньяка. Завязалась непринужденная беседа, и Булаченков спросил:

— Петя, вот скажи, говорят, чтобы пирожные были воздушными, в них кладут коньяк, а ты придерживаешься этой технологии?

— Как тебе не стыдно, Вася, разве я могу спаивать советских пионеров? Пейте лучше вы этот яд.

Все дружно рассмеялись.

Обеденный перерыв закончился, мы покинули гостеприимного хозяина. Но здесь нагрянул с проверкой грозный секретарь обкома Константин Масик. Это был "волкодав", достаточно было небольшой провинности, и у руководителя он забирал партбилет, должность, и тот попадал в опалу. Конечно же, эта процедура проходила в большинстве случаев негласно. Достаточно было телефонного звонка — и клиент по уши в дерьме. Клерки, чиновники, партийные функционеры поменьше рангом набрасывались на жертву с таким рвением, что, казалось, не выполни они указание, наступит конец света, и первыми жертвами ада станут они сами. Это было правило, но бывали и приятные исключения.

Шло заседание бюро горкома партии по неудовлетворительной работе с овощами. Многие помнят: копеечная продукция нашего сельского хозяйства во время массового созревания была на каждом углу. Заслушали доклад председателя комитета народного контроля Ермакова и приступили к "наградам". Ваш покорный слуга и автор этих строчек был упомянут в докладе четыре раза. Видать, проверяющие постарались на славу. Подняли первую жертву, директора Киевского райпищеторга. После непродолжительного объяснения жертвы следует небольшая защитительная речь секретаря райкома, скорее напоминающая панихидную. Секретарь горкома, мужичок с колючими глазками, напоминал хищника, который уже зажал в своих лапах жертву, и кто-то собирается ее вырвать. Следует оплеуха младшему партийцу: "Вы живете историей, а нам нужна современность, — и, не сбавляя тон, следует заключение: — Есть мнение горкома партии: от работы отстранить, из партии исключить". По залу прошелся первый тихий ропот. Жертва на вялых ногах, с трясущимися руками, достает небольшую красную книжицу, на которой теперь иронично значится: "Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи", подходит к "жертвеннику" и медленно опускается, держась за сердце. Диагноз профессиональный: инфаркт миокарда. "Скорая" увозит первого жертвенного барана, а заседание продолжается. Я в ожидании такого вензеля прячусь от глаз секретаря за спиной здоровенного мужика. Но вот время заседания под-

ходит к концу, а меня не вызывают к "жертвеннику". Такое положение меня уже начинает раздражать. Главное — выдержать первый удар, а потом начинаешь соображать, хуже смерти ничего не бывает. Заседание закончилось, жертвы и судьи начали расходиться, а я никак не мог понять, почему участь жертвы обошла меня. Я так и сидел в оцепенении и раздумье, пока ко мне не подошел и не тронул за плечо зав. отделом Николай Алексеевич Кудин: "Ну, что, Женя, передрефил?". Я не знал, что ему ответить, и только как провинившаяся собачонка смотрел на своего спасителя. Он готовил постановление для секретаря, и мою фамилию в протокол "наград" не внес. Это сегодня потеря красной книжицы кажется пустяком. А в те далекие времена за утерю ее приходилось в полном смысле рассчитываться кровью. В первую очередь, ты надолго оставался без работы. Становился персоной "нон грата" во всех организациях. Позднее мне пришлось пережить эту постыдную процедуру, кару, когда тебе собратья боялись подать руку.

Но вернемся к нашим "баранам". Товарищ Масик нашел небольшие недостатки возле цеха и вызвал Ицковича: "Вы знаете, кто я такой? — начал он с вопроса. И продолжил: — Я второй секретарь обкома Масик", — придавая, таким образом, угрожающий тон своей сентенции. Ицкович, с невозмутимым видом: "Очень приятно, а я еврей Ицкович". Это сегодня еврей — звучит гордо. А в те времена юдофобии и антисемитизма можно было заработать себе массу неприятностей. Не знаю, что давало право Петру Давыдовичу вести себя достойно, но Масик растерялся, предложил перенести в другое место в беспорядке лежащую тару.

К восьми часам я уже находился у себя в кабинете. Звонили телефоны, секретарь Тоня, высокая крепкая девица, едва успевала поднимать то одну, то другую трубку, назначая деловые встречи или же отказывая в них. Первая половина дня была настолько загружена, что я даже не успевал выйти по нужде. В приемной, как правило, толпилась масса народу. В основном это были директора кустов магазинов, столовых, директора комбинатов питания и постоянные просители деликатесов: икра, крабы, сервелат, заморское "пойло", американские сигареты и прочее. Продавалось это добро по низким ценам и, в основном, для чиновников высшего ранга. Конечно же, доставалось и просто моим друзьям. Вся "кухня" называлась "закрытое распределение". Закрытое от пролетария акционерное общество. В общей сложности в конторе работало около двух тысяч человек. Поставки в основном велись из Москвы, и основная масса товара продавалась за свободно конвертируемую валюту. С просьбами обращались все,

в том числе и авантюристы. Вспоминается мне, постоянно пробирался некий "липовый" полковник. Первое время он приходил по форме и в полковничьих погонах. Но потом ему кто-то запретил надевать погоны, права на ношение которых он никогда не имел. Он был фактурный мужик и выдавал себя за бывшего начальника тюрьмы. В разговоре со мной он очень сожалел, что уже не располагает этой должностью, а то бы он мог пристроить меня по блату в самую лучшую солнечную камеру. Я благодарил его за такую любезность, и хотя от тюрьмы не зарекаюсь, к большому сожалению, у меня нет времени сидеть в его тюрьме.

Я продолжу описание быта одесситов. Необходимо отметить, что в магазинах и кафе тех лет было предостаточное количество вин, которые текли рекой во множестве подвальчиков, палаток и кафе. Пока не пришла пора борьбы с пьянством. Лучшие виноградники выкорчевали, и на смену натуральному продукту сначала пришла водка из сомнительных спиртов, позднее химия. А ведь начиналось это новшество в Одессе с безобидного, на первый взгляд, разгрома ментами фирмы "Молдвино" в начале семидесятых годов прошлого столетия. Вот так, вмешиваясь бездумно в любую проблему, порождаем трагедию.

Студенты вообще не утруждали себя вопросом, где взять деньги на выпивку. Они покупали по десятку пирожков с бутером стоимостью по четыре копейки за штуку и шли на Привоз, в винные ряды. Продавцы наперебой предлагали натуральное вино — попробовать маленький стаканчик вместительностью в сто граммов.

Припоминается мне один гротескный случай, который произошел на этой площади. Гицель (человек, который отлавливает бродячих животных) хорошо загрузился спиртным и упал в лужу. Там и оставался лежать в объятиях Морфея. Под охраной небольшой, но преданной собачонки, похожей на лисичку. Двое милиционеров попытались забрать клиента в медвытрезвитель. Но увы, когда один из них протянул руку, чтобы выволочь из лужи алкаша, ему в руку отважно вцепилось лохматое, но не в пример хозяину трезвое существо, бесстрашно кинувшееся на блюстителя порядка. Собралась толпа. Менты даже оставили затею забирать гицеля. Он лежал лицом к земле, хрюкал, пуская грязные пузыри, и мог в любую минуту захлебнуться. Кое-как удалось его перевернуть на спину, и менты удалились под общий хохот зевак, восторгаясь преданной симпатичной шавкой, которая берегла покой своего хозяина до полного его отрезвления.

С тех пор многое изменилось, я не берусь утверждать, что к худшему. Просто людей моего поколения мучает ностальгия, ведь мы были более

чем на тридцать лет моложе, а в молодости свойственно быть беспечным и романтичным. Просто время меняет нас. По словам великого Конфуция, неизменными остаются высшая мудрость и низшая глупость.

Вот и недавно я побывал по делам на Таможенной. Многое изменилось с тех пор. Здание моей конторы реконструировано и поблескивает современными витражами. Появились две новые скульптуры, облагорожен въезд, бюро пропусков. На месте "Шанхая" разместился паркинг. Недалеко открылся ресторан "Амстердам". Меня пригласили однажды в него на торжественный вечер. Старая морская привычка — безошибочно определять девушек древней профессии. Я разглядываю подобный экземпляр. Ее лицо кажется мне очень знакомым. Я роюсь в уголках своей памяти. Конечно же, скорее всего, это дочь Машки канавской. Было бы странным, если б дочь проститутки стала музыкальным редактором с зарплатой триста гривень или филологом. Вспоминается мне случай: местные ночные бабочки поймали одну залетную девицу, нарушительницу конвенции, которая втихаря уводила клиентов. Я тогда засомневался в понятиях "слабый" и "прекрасный" пол. Разъяренные проститутки так отделали девицу, что ее, наверное, и мать родная не узнала. И, конечно же, никто не посмел вмешаться в драку проституток. Особенно выделялась среди дерущихся Машка, она, как кувалдой, наносила девице удары, при которых та теряла сознание. Избитую и окровавленную девицу вышвырнули за пределы Таможенной площади и дружно направились к "Шанхаю" отмечать победу.

Конечно же, судьбы не только люмпен-пролетария пролегли через Таможенную. Сотни лет ее топтали ноги известных моряков, докеров и, конечно же, писателей.

Но меня что-то не устраивает. Я сам себя начинаю ругать:

— Старый ты брюзжало, отстал от жизни. Ты злишься, что не сидишь в этом красивом здании, и твое время безвозвратно ушло.

Нет, мужики, в душе я кричу... Площадь-то осталась, но нет основного, того самого одесского плебса, или простонародья, который и создавал тот неповторимый одесский колорит. И объединяло их всех море. Только здесь можно было стать равным, услышать ту неповторимую, пересыпанную шутками и сленгом речь, выпить бокальчик обычного "жигулевского". Если у тебя нет денег — дадут в долг или угостит приятель. Чем же привлекал "Шанхай"? Да тем, что он не нуждался в имущественном цензе, он был для всех. А кто может воспользоваться блеском современного "Амстердама"? Единицы, и то в приличном прикиде. Никакие современ-

ные прибамбасы не смогут заменить место простого человеческого общения, пусть даже в антисанитарных условиях. Если говорить о сегодняшних дешевых "помойках", так есть большая вероятность, что ваша попойка может закончится летальным исходом. "Шанхай" мог немного недолить, немного обсчитать, но не напоить тебя гидролизом или еще каким-нибудь дерьмом. Дать почувствовать, что ты не одинок и находишься в родной Одессе.

Евгений СТЕПАНОВ

Кастрюля — кастрюлить

Рождение новых слов и значений происходит в языке по-разному. Во-первых, существуют причины социального, цивилизационного характера, по которым то или иное слово создается в языке: появление отношений нового типа, новых подходов, методов исследования, изобретение новых материалов, новой техники, новых способов передачи информации, усиление межкультурных, межконфессиональных, межъязыковых связей, развитие миграционных и урбанизационных процессов, проникновение узкоспециальных понятий в смежные корпоративные, профессиональные и в общедоступные сферы жизни людей и т. д. Во-вторых, появление слова, его облик и значение находятся в определенных хронологических, а часто и территориальных границах действия фонетических, лексико-семантических, словообразовательных, грамматических законов конкретного языка.

В современном русском литературном языке есть нарицательное существительное *кастрюля*, заимствованное, если верить словарям, из немецкого (нем. *Kasserolle*), вероятнее всего, в XVII в., когда кастрюли стали проникать в русский быт, заменяя в ряде ситуаций глиняную и чугунную посуду. Четырехтомный словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой (малый академический словарь) подает единственное общеизвестное значение этого слова, знакомое каждому ребенку: "*Металлическая посуда, обычно цилиндрической формы, для варки кушанья*" [1986 г., т. 2, с. 38]. Почему же в словаре не зафиксировано слово *кастрюля*, синонимичное разговорному *подработка*, просторечным *шабашка*, *халтура*, арготическому (у моряков) *школа* со значением "*действие, направленное на зарабатывание дополнительных средств, и сам дополнительный заработок*".

Дело в том, что слово *кастрюля* в таком необычном значении используется не очень давно и не везде. Родина такого значения — Одесса, улица Софиевская, 7, Одесский ювелирный завод. Ювелирное сырье и изделия из него на заводе взвешивают на каждом этапе обработки. Шлифовальные щетки и рабочую одежду с драгоценной пылью ювелиры сдают для спецобработки, себе можно оставить только пыль на руках. Поэтому все они моют руки после работы в кастрюлях, на дне которых оседает золотой песок. И есть среди них такие, которые очень часто смывают в кастрюлю золотой песок: они стремятся иметь чистые руки. Отсюда профес-

сиональные арготизмы *работать на кастрюлю*, *кастрюлить*. Когда обнаруживалось золотое дно, верхний слой воды сливали, а нижний — выпаривали, наваривая несколько граммов золота.

Сегодня арготизм *кастрюля* претендует на то, чтобы быть вполне самостоятельным словом-омонимом, образованным лексико-семантическим способом благодаря метонимическому переносу общеизвестного значения предмета на процесс в профессиональном арго одесских ювелиров, а затем, в 1960-е годы, в результате расширения семантической парадигмы — метафорическому переносу этой метонимии в одесском общегородском просторечии (койне). *Кастрюля* является мотивирующим для отсубстантивного глагола *кастрюлить*, от которого образуется ряд приставочных глаголов: *подкастрюлить*, *закастрюлить*, *покастрюлить*, *накастрюлить*.

У одесситов глагол *кастрюлить* в советское время имел значение "*работать на себя не на своем оборудовании*". Выйдя за пределы арго ювелиров, просторечное *кастрюля* и производные от него слова распространились во многих сферах хозяйственной жизни. Кастрюлить уже могли наемные работники, имевшие в своем распоряжении любое оборудование: шоферы, трактористы, машинистки, стоматологи, слесари и т. д. Однако просторечные слова подвержены частым семантическим сдвигам. *Кастрюлить* — не исключение. В 1990-е годы семантическое поле этого слова подверглось изменениям. Сегодня в Одессе слово кастрюлить обычно понимают так: "*совершать действия, направленные на получение дополнительного, неофициального заработка*", а сфера регулярного использования этого слова постепенно ограничивается шоферским арго. Кастрюлят сейчас, как правило, владельцы личного автотранспорта, получая не облагаемые налогом доходы от извоза.

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — двадцать пятый угол!

Вот такой, понимаешь, многоугольник получился. Уже более шести лет снимают у нас, на Дерибасовской и Ришельевской, угол Володя и Ира — парочка одесситов. Они были крутыми кавэенщиками, а сейчас — авторы искрометных миниатюр и монументальных блицев, которые в полную силу своего недюжинного таланта играют на самой большой сцене — телевизионной, а также на концертах еще один наш славный земляк — Юрий Стоянов (член редакционного совета альманаха) — и его многолетний согородошник Илья Олейников.

Редколлегия обязуется и впредь сдавать вышеобозначенный Угол вышеупомянутым гражданам без повышения арендной платы с обеих сторон.

Ф. К.

О братьях наших меньших

* * *

В кабинет директора входит подчиненный.

ПОДЧИНЕННЫЙ. Вызывали, Иван Петрович?

ДИРЕКТОР. Послушайте, Сидоров, я только что вернулся из командировки и сразу понял, что вы метите на мое место. (*Показывает на кресло.*) Не отпирайтесь — метите, метите!

ПОДЧИНЕННЫЙ. Что вы, Иван Петрович... (*Принюхивается.*) Это не я. Это коты...

* * *

В аптеку пришел выпивший посетитель.

ПОСЕТИТЕЛЬ (*заплетающимся голосом*)**.** Извините, это аптека или гастроном?

АПТЕКАРЬ. Аптека.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Тогда дайте мне бутылочку валерьянки. А водку я куплю в гастрономе.

АПТЕКАРЬ. Странное сочетание — водка и валерьянка.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Ничего странного — просто у моего кота сегодня день рождения. Я хочу выпить с другом!

* * *

На улице столик, на нем несколько маленьких плюшевых собачек. Рядом стоит разбитной продавец с мегафоном.

ПРОДАВЕЦ (*в мегафон*)**.** Граждане, это предложение не для всех, а только для тех, кто понимает! Уникальное предложение! Только для тех,

кто понимает! Прекрасный преданный плюшевый друг всего за 300 рублей. Нет лучше подарка для тех, кто понимает.

Подходит мужчина, берет в руки собачку.

МУЖЧИНА. Симпатичная. А почему так дорого?

ПРОДАВЕЦ. Так это же не простые собачки, а с родословной. По отцовской линии — все чемпионы России, по материнской — чемпионы Китая. Вот. (*Показывает бумагу.*) Здесь, правда, по-китайски...

МУЖЧИНА. Хм... Не понимаю, как это у плюшевой собачки может быть родословная?

ПРОДАВЕЦ. Не понимаете... Так, проходим, не мешаем работать. (*В мегафон.*) Только для тех, кто понимает! Уникальное предложение! Плюшевый друг с родословной всего за 300 рублей!

* * *

По коридору птицефабрики решительно топает чиновник с портфелем. Он открывает дверь кабинета с табличкой "Директор птицефабрики". В кабинете директор.

ДИРЕКТОР. Иван Петрович? Что случилось?

ЧИНОВНИК. Сигнал на тебя пришел, Степанов. По поводу птичьего гриппа. Ты что здесь вытворяешь?

ДИРЕКТОР. Все согласно вашим указаниям — сводим риск к минимуму. Птицу с малейшими подозрениями на возможность птичьего гриппа мы отбраковали. Отбраковали, и того... (*Вздыхает.*) Ликвидировали.

ЧИНОВНИК. Это ладно. А вот это что? Мне копию твоего приказа прислали: "В связи с опасностью птичьего гриппа уволить работников Курочкина, Петухова, Цыплакова, Гусева, Уткина, Воронина...". Ты что, с ума сошел? Что значит уволить?

ДИРЕКТОР. Ой... (*Берется за сердце, медленно оседает в кресло.*) Неужели их надо было не только уволить, но и тоже... того... Ликвидировать?

Смотри не перепутай!

* * *

Врач выпроваживает из дверей на улицу очень толстого выпившего мужика.

ВРАЧ. Убедительно прошу вас покинуть помещение!

МУЖИК. Но почему? Это же дискриминация какая-то!

ВРАЧ. Я сейчас милицию вызову!

МУЖИК. Но почему? Только здесь мне могут помочь.

ВРАЧ. Вы что, с ума сошли? Это же роддом! С чего вы вообще взяли, что вам нужно ложиться к нам?

МУЖИК (*вздыхает*)**.** Потому что вы единственное заведение, которое действительно избавляет от живота...

* * *

В дорогой квартире. Адвокат (хозяин) и клиент.

АДВОКАТ. Проходите, пожалуйста, присаживайтесь. Ну, приступим! Чем могу помочь? Кто меня вам рекомендовал?

КЛИЕНТ. Один знакомый. При таких проблемах, как у тебя, говорит, может помочь только очень хороший адвокат. Вот такой, как вы, например...

АДВОКАТ. Спасибо. А почему именно очень хороший? Говорите спокойно, здесь нас никто не слышит. Ваше дело такое сложное?

КЛИЕНТ. Какое дело? Просто у плохого адвоката в квартире нечего взять... (*Достает биту*.) Ну, приступим!

* * *

На посту стоит солдатик-интеллигент с радиоприемничком, в наушниках и, закрыв глаза, слушает музыку. Подходит прапорщик.

ПРАПОРЩИК. Сидоров?! (*Солдат не реагирует.*) Сидоров! (*Солдат не реагирует, прапорщик срывает с него наушники.*) Сидоров!!! Смирно!!! Ты что же, мерзавец, делаешь?! На посту слушаешь какую-то фигню!

СОЛДАТ. Никак нет, товарищ прапорщик! Я не слушаю на посту никакую фигню!

ПРАПОРЩИК (*тыча в радио*)**.** А это что, не фигня?!

СОЛДАТ. Что вы, товарищ прапорщик! Это Шопен! (*Надевает наушники и продолжает кайфовать.*)

Примите наши поздравления!

* * *

К астроному входят несколько коллег с цветами.

АСТРОНОМ. Что случилось, товарищи?

КОЛЛЕГА. Дорогой профессор! Мы пришли поздравить вас, выдающегося астронома, сразу с двумя счастливыми событиями. Во-первых, международный астросовет постановил переименовать в вашу честь созвездие Гончих Псов в созвездие Профессора Гиммельфарбшмеерзона!

АСТРОНОМ. Спасибо, тронут. А во-вторых?

КОЛЛЕГА. А во-вторых, именно благодаря вам только что удалось установить первый в истории контакт с внеземной цивилизацией! Как только сообщение о переименовании было передано эфир, пришел ответ (*читает*): "Спасибо большое. Но лучше уж мы останемся созвездием Гончих Псов".

* * *

Репортер в гостях у популярного эстрадного певца.

РЕПОРТЕР. Сегодня, дорогие телезрители, нам удивительно повезло. Мы в гостях не просто у обычной поп-звезды, а у замечательного, удивительного, уникального человека.

ПЕВЕЦ. Хэллоу!

РЕПОРТЕР. Поздравляю — по популярности вы сегодня впервые заняли первую строчку среди других наших поп-звезд!

ПЕВЕЦ. Йес! Я сделал это!

РЕПОРТЕР. Мой первый вопрос. Раньше вы просто пели, но в последнее время все только и говорят, что вы не только певец, но еще и садомазохист, человек нетрадиционной сексуальной ориентации, наркоман, алкоголик, эротоман, зороастриец, дзен-буддист и фен-шуист. Как все это можно объединить в одном человеке?! Это удивительно!

ПЕВЕЦ. Поначалу мне и самому это казалось невозможным. Но, ты понимаешь, сейчас поп-звезде чем-то одним из этого списка уже никого не удивить...

Кто вы, скульптор Издебский?

Сергей ЛУЩИК
Одесские "Салоны Издебского" и их создатель
Одесса, Студия "Негоциант", 2005

Признаюсь, вспомнил, задумавшись над названием, популярный лет сорок назад фильм "Кто вы, доктор Зорге?". И в одном, и в другом случае, вроде бы, имя на слуху — и никакой информации. Сразу же подчеркну: Сергей Зенонович Лущик проделал колоссальную исследовательскую работу, чтобы привычная для уха формула "Салоны Издебского" наполнилась смыслом, чтобы незаурядный человек ожил в подлинных документах, а не в мифах.

Пожалуй, до выхода этой книги не была ясна роль Владимира Алексеевича Издебского (1882-1965) в сближении нашего города с авангардным искусством Европы. Не был понятен его подвиг, риск, если хотите, в цитадель южнорусской школы (читай школы Коро) ввести как струю чистого воздуха (во всяком случае, горячего воздуха) творчество П. Боннара и Д. Бурлюка, И. Грабаря и М. Гершенфельда, А. Глеза и Ван Донгена, В. Кандинского и Г. Мюнтер, О. Родона и А. Руссо, П. Синьяка и В. Вламинка... И это в 1909-1910 годах! Задолго до выставок салона Независимых в Одессе.

Буря, разразившаяся в Одессе в связи с салонами Издебского, казалось, не утихает до сего дня. И постепенно забылось, что сам он был не только замечательным менеджером (пользуясь современными определениями), но и своеобразным скульптором, организатором нового театра, живописцем...

Сергей Лущик с присущей ему скрупулезностью заполнил эту лакуну, опубликовав труд, на который затратил буквально десятки лет.

Творить добро

Роман БРОДАВКО
Скрипичный мой город. Стихи.
Одесса, Optimum, 2006

Памятник скрипке (эскиз скульптуры Михаила Ревы) — это памятник его Одессе, городу, давшему миру великолепных скрипачей, городу, где со времен Пушкина и Воронцова властвовала над сердцами музыка.

Поэт в России больше чем поэт?

Музыкант в Одессе больше чем музыкант!

Но эта небольшая книга вобрала разные темы — и военное лихолетье, и стыд перед защитниками Отечества за неблагодарных потомков, и библейский цикл, и стихи о друзьях — художниках, литераторах, актерах. Вроде бы разные темы. Но книжка собрана (я бы сказал, "сыграна") на одном дыхании. На желании творить добро. Помогать человеку.

В этой книжке натянутая струна: музыка и любовь, любовь и музыка.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Волшебный поезд

Марианна ГОНЧАРОВА
Поезд в Черновцы
Одесса, "Зодиак", 2006
Редактор — Валерий ХАИТ

Я завидую читателю, который сядет в поезд и отправится в Черновцы, пройдется по улице Ольги Кобылянской, которая была пешеходной уже тогда, когда по Дерибасовской еще ходили первый и второй троллейбусы (мне жалко, что они теперь там не шелестят!), по аристократической улице Федьковича, застроенной особняками в стиле модерн, увидит хоральную синагогу, превращенную при советской власти в кинотеатр (хорошо, что не в пороховой склад!). Местные жители окрестили это здание в его новом статусе Кинагогой. Не знаю, что там теперь. Многое можно увидеть в Черновцах.

Но я не хочу отнимать хлеб у турагентств. Я завидую читателю, который побывает в Черновцах и вдохнет литературный воздух этого города, с которым связаны не только имена украинских классиков — и Ольги Кобылянской, и Юрия Адальбертовича (звучит!) Федьковича, и многих других, но и наших современников, в частности, поэта, прозаика, эссеиста, утонченного эстета Игоря Померанцева.

И все же, прежде всего, тихие Черновцы, которые так пренебрежительно называли "задворками Европы", были родиной всемирно известного поэта Пауля Целана, чей трагический талант и судьба позволяют сравнивать его с Францем Кафкой. Вот вам "европейское захолустье", не отмеченное высокомерием более крупных соседних городов, подарившее миру двух гениев: Черновцы — поэта, переводчика, полиглота Пауля Целана, и не менее скромный Дрогобыч — писателя и художника Бруно Шульца...

Музыкант в Одессе больше чем музыкант!

Но эта небольшая книга вобрала разные темы — и военное лихолетье, и стыд перед защитниками Отечества за неблагодарных потомков, и библейский цикл, и стихи о друзьях — художниках, литераторах, актерах. Вроде бы разные темы. Но книжка собрана (я бы сказал, "сыграна") на одном дыхании. На желании творить добро. Помогать человеку.

В этой книжке натянутая струна: музыка и любовь, любовь и музыка.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Волшебный поезд

Марианна ГОНЧАРОВА
Поезд в Черновцы
Одесса, "Зодиак", 2006
Редактор — Валерий ХАИТ

Я завидую читателю, который сядет в поезд и отправится в Черновцы, пройдется по улице Ольги Кобылянской, которая была пешеходной уже тогда, когда по Дерибасовской еще ходили первый и второй троллейбусы (мне жалко, что они теперь там не шелестят!), по аристократической улице Федьковича, застроенной особняками в стиле модерн, увидит хоральную синагогу, превращенную при советской власти в кинотеатр (хорошо, что не в пороховой склад!). Местные жители окрестили это здание в его новом статусе Кинагогой. Не знаю, что там теперь. Многое можно увидеть в Черновцах.

Но я не хочу отнимать хлеб у турагентств. Я завидую читателю, который побывает в Черновцах и вдохнет литературный воздух этого города, с которым связаны не только имена украинских классиков — и Ольги Кобылянской, и Юрия Адальбертовича (звучит!) Федьковича, и многих других, но и наших современников, в частности, поэта, прозаика, эссеиста, утонченного эстета Игоря Померанцева.

И все же, прежде всего, тихие Черновцы, которые так пренебрежительно называли "задворками Европы", были родиной всемирно известного поэта Пауля Целана, чей трагический талант и судьба позволяют сравнивать его с Францем Кафкой. Вот вам "европейское захолустье", не отмеченное высокомерием более крупных соседних городов, подарившее миру двух гениев: Черновцы — поэта, переводчика, полиглота Пауля Целана, и не менее скромный Дрогобыч — писателя и художника Бруно Шульца...

Все это вспомнилось, об этом подумалось при чтении книги Марианны Гончаровой "Поезд в Черновцы", волшебный поезд, уносящий нас в годы детства и юности не только самой писательницы, но и многих ее читателей.

В судьбе писательницы счастливо соединились два города — Одесса и Черновцы. Я только вскользь упомянула о литературном прошлом буковинского города. Что уж говорить об одесских культурных корнях Марианны Гончаровой! Переплетаясь, эти корни и дали такие сочные, такие свежие побеги — страницы книги Марианны Гончаровой.

Займите места в "Поезде, идущем в Черновцы"!

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

...В ИЗРАИЛЕ

Парад метафор

Татьяна ОЧЕРЕТЯН
"О те прекрасно–рыжие года"
Израиль, 2005

В предисловии к книге Тани Очеретян, отметим — уже шестой книге, Ефим Левит так характеризует ее творчество:

...Парад метафор
Игра парадоксов.
Грустный теплый юмор.
Едва уловимый танец теней ассоциаций.
Тонкий философский подтекст.
И минимум слов, без заглавных букв и точек, как бы вырванных из контекста жизни.

Точнее определения всему, что писала Т. Очеретян в Одессе, что публиковала в Одессе, что пишет сейчас в Израиле и публикует, не подберешь. И поэтому я лишь процитирую две ее новые миниатюры.

* * *

твой взгляд
настиг меня в пути
прикосновеньем жадным

я не отринула его

* * *

и в расставании с собою
есть величие потери

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Все это вспомнилось, об этом подумалось при чтении книги Марианны Гончаровой "Поезд в Черновцы", волшебный поезд, уносящий нас в годы детства и юности не только самой писательницы, но и многих ее читателей.

В судьбе писательницы счастливо соединились два города — Одесса и Черновцы. Я только вскользь упомянула о литературном прошлом буковинского города. Что уж говорить об одесских культурных корнях Марианны Гончаровой! Переплетаясь, эти корни и дали такие сочные, такие свежие побеги — страницы книги Марианны Гончаровой.

Займите места в "Поезде, идущем в Черновцы"!

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

...В ИЗРАИЛЕ

Парад метафор

Татьяна ОЧЕРЕТЯН
"О те прекрасно–рыжие года"
Израиль, 2005

В предисловии к книге Тани Очеретян, отметим — уже шестой книге, Ефим Левит так характеризует ее творчество:

...Парад метафор
Игра парадоксов.
Грустный теплый юмор.
Едва уловимый танец теней ассоциаций.
Тонкий философский подтекст.
И минимум слов, без заглавных букв и точек, как бы вырванных из контекста жизни.

Точнее определения всему, что писала Т. Очеретян в Одессе, что публиковала в Одессе, что пишет сейчас в Израиле и публикует, не подберешь. И поэтому я лишь процитирую две ее новые миниатюры.

* * *

твой взгляд
настиг меня в пути
прикосновеньем жадным

я не отринула его

* * *

и в расставании с собою
есть величие потери

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Горсть земли

Рассуждать о стихах — зряшное дело. Лучше читать их, оставаясь с глазу на глаз с автором, соглашаться, спорить, волноваться, надеяться, обольщаться, разочаровываться, страдать, радоваться вместе с ним. А вот о поэте иногда стоит поговорить и, наверное, чем раньше, тем лучше. Но если уж не случилось раньше, так хотя бы позже.

Многие в Одессе еще не забыли надежного в дружбе и незаменимого в дружеском застолье Макса Фарберовича, толкового инженера, который занимался очисткой воздуха, чтобы людям легче дышалось, и искреннего поэта, который писал стихи, дабы людям легче жилось в этом суетном, но прекрасном мире. Серым, полным тревожного ветра ноябрьским днем 1997 года он уезжал в Израиль на теплоходе "Дмитрий Шостакович", который остался у причала памяти многих земляков. Потаенная печаль, наигранная бодрость, вымученные улыбки и глоток ледяного шампанского из пластмассового стаканчика, коим даже чокнуться нельзя звонко и весело. Макс напишет потом, что "Быть может, — в горах Галилеи, / Израильским солнцем палим, / Собою остаться сумею, / А, может быть, стану иным". К его счастью и нашей радости удалось то и другое. Выступал в Литературной гостиной при Культурном центре Кармиэля, печатал стихи в тамошних газетах, входил в редколлегию альманаха "Кармиэльские встречи", выпустил сборник "Прощай, Одесса", в котором стихи разных лет, городов, весей и состояний души — озорные, исповедальные, грустные... Вспоминая отъезд из Одессы, написал:

Так тяжело в глаза детей
Смотреть, тоску тая,
Ведь за плечами сто смертей,
А впереди — моя.

Она неожиданно настигла Макса весенним воскресным утром, и пусть эти несколько строк обернутся горстью родной земли на его далекую могилу.

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

Макс ФАРБЕРОВИЧ

Подражание лорду Байрону

А. Розенбойму

Смутна осенняя пора,
Ноябрьский дождь идет.
Посадка началась с утра
На белый теплоход.
    Над морем в предрассветной мгле
    Сгущается гроза,
    А сверху смотрит Ришелье
    На парк и морвокзал.
Где колоннада, у дворца
Шары катают львы.
И разбиваются сердца,
И мертвые мертвы.
    Пусты печальные дворы,
    Безрадостен итог.
    Ведь к новым правилам игры
    Привыкнуть я не смог.
Так тяжело в глаза детей
Смотреть, тоску тая.
Ведь за плечами сто смертей,
А впереди — моя.
    Ну, что сказать, мой верный друг?
    Я постарел душой,
    Так выпьем же за "малый" круг,
    А после — за "большой"...
Я вспоминаю, как в бреду,
Слободку и Фонтан,
И льва со львицей в горсаду,
И летний ресторан.

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Александр ТРЕТЬЯК
Как Америка открывала Одессу 6

Олег ГУБАРЬ
Потемкинская лестница — разорительный долгострой? 14

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ
Еще не вечер… 23

Люба ЮРГЕНСОН
"Одесса-мама" Владимира Жаботинского 34

Михаил ПОЙЗНЕР
В честь норвежского исследователя? 40

Андрей КРАСНОЖОН
Сновидения профессора Добролюбского 69

Феликс КОХРИХТ
Дерибасовская угол Ришельевской… 80

ПРОЗА

Юрий ОВТИН
Алена и "Харлей" 84

Илья РУДЯК
Летучая мышь 100

Валерий ХАИТ
Музыка 109

Лена КУТИНОВА
Инверсионный след 112

Лиза КОВАЛЬ
Одесский триптих 114

ПОЭЗИЯ

Михаил ЯСНОВ
Обратная перспектива 119

Вера КАЛМЫКОВА
Мифология 124

Алена ЩЕРБАКОВА
Город 130

Николай ЩЕРБАНЬ
"Одиночество — это не грусть..." 137

Виктория ПЕТРЕНКО
Пиявкин интерес 140

ДРАМАТУРГИЯ

Александр МАРДАНЬ, Леонид МИНЬКОВСКИЙ
"Бартер" ("Зеркала") 143

ВИАГРА

Виктор МАТИЗЕН
Созвездие Близнецов 189

Олег ГУБАРЬ
Нечто о вершинах мирозданья 212

ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО – ЖИЗНЬ

Андрей БУЛАХ, Людмила КОРОТКИНА
Художница-импрессионистка В. Зозулина-Родэ 217

Марина ВЕРХОВЕЦКАЯ
Симпатии Евгения Лансере 222

Серафим Чаркин: "Дрожание души…" 233

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Ждешь чуда 233

Виталий АБРАМОВ
Без агрессии 234

Валентин МАКСИМЕНКО
Арнольд Азрикан и его семья 235

Роман БРОДАВКО
Художник в настоящем времени 242

Александр КНЯЗИК
Мысли о скульптуре 245

Татьяна САВИЛОВА
Студенческий венок Гоголю 248

ПУБЛИКАЦИИ

К 60-ЛЕТИЮ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Давид ПОЛТОРАК
Дело его жизни 252

Аркадий ПОЛТОРАК
Суд народов 253

Публикация Давида ПОЛТОРАКА

Фаина РАЙХЕЛЬГАУЗ
О том, что прошло 264

Алена ЯВОРСКАЯ
Сказка печального Жука 274
Михайло ЖУК
Про доброго короля Пустилихо 275
Публикация Алены ЯВОРСКОЙ

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
Победа над страхом 282

АХ, ОДЕССА

Евгений НИКОЛАЕНКО
"Шанхай" на Таможенной 296

Евгений СТЕПАНОВ
Кастрюля — кастрюлить 304

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — двадцать пятый угол! 306

ИЗДАНО В...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Кто вы, скульптор Издебский? 311
Творить добро 311

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ
Волшебный поезд 312

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Парад метафор 313

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ
Горсть земли 314

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 25

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 25

Издается с 2000 года

Технический редактор Андрей Вишненко
Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 23-13-60

Подписано в печать хх.хх.2006.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60х84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 500 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "ВМВ"
Свидетельство ДК № 225 от 25.12.2000.
65053 Одесса, прт. Добровольского, 82-а
Тел. 52-22-03